АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ ЯЗЫКОЗНАНИЯ

А. М. ЩЕРБАК

ОЧЕРКИ ПО СРАВНИТЕЛЬНОЙ МОРФОЛОГИИ ТЮРКСКИХ ЯЗЫКОВ

(ИМЯ)

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
Ленинградское отделение
Ленинград · 1977

Книга содержит сравнительный анализ грамматических форм имени и их семантико-функционального содержания в современных и древних тюркских языках, реконструкцию морфологической системы на уровне праязыка, а также описание эволюции материальной и содержательной стороны отдельных морфем вплоть до современного состояния.

Издание предназначено для широкого круга специалистов по тюркским языкам.

Ответственный редактор
С. Н. ИВАНОВ

Щ $\frac{70101\text{-}561}{042\,(02)\text{-}77}$ 397-77

© Издательство «Наука», 1977

ПРЕДИСЛОВИЕ

«Очерки по сравнительной морфологии» — вторая часть «Сравнительной грамматики тюркских языков».[1] Как и «Сравнительная фонетика», она написана в духе традиционной компаративистики с учетом тех новых положений, которые, по мнению автора, углубляют и обогащают ее.

В ходе работы над монографией принималось во внимание все, что было сделано отечественными и зарубежными тюркологами, занимавшимися сравнительным изучением морфологии тюркских языков в целом или в пределах ее специальных разделов. Использовались труды О. Бётлингка, В. В. Радлова, П. М. Мелиоранского, В. Банга, В. А. Богородицкого, К. Грёнбека, Т. Ковальского, Г. Рамстедта, С. Е. Малова, М. Рясянена, А. Габен, Ю. Немета, К. Г. Менгеса, Л. Лигети, Н. К. Дмитриева, Э. В. Севортяна, А. Н. Кононова, Д. Синора, О. Прицака, Б. А. Серебренникова и многих других тюркологов.

Обобщающих сравнительных работ по морфологии тюркских языков немного,[2] и не каждая из них является собственно сравнительной по характеру применяемого метода исследования. Тем не менее в совокупности они представляют собой значительный вклад в тюркскую компаративистику и создают основу для дальнейших разысканий.

Источниками и материалами для «Очерков по сравнительной морфологии» послужили тексты современных и древних тюркских языков, специальные исследования, описательные и аналитические грамматики. Особое значение придавалось диалектологическим работам, ценность которых, с точки зрения компаративиста, не только в регистрации и описании большого многообразия форм, новейших и архаических, но и в уточнении соотношения и взаимосвязи морфологических фактов разных диалектов. Иллюстративный материал взят преимущественно из текстов и диалектологических работ. Некоторые примеры заимствованы из грамматик Н. А. Баскакова, Н. К. Дмитриева, Н. П. Дыренковой, Ф. Г. Исхакова и А. А. Пальмбаха, А. Н. Кононова, К. М. Мусаева, Л. А. Покровской, Л. Н. Харитонова и других.

Выбор примеров обусловлен конкретными задачами исследования, и поэтому перечень языков в иллюстративной части не всегда полный. Естественно, что и материалы старописьменных памятников, в частности рунических надписей, привлекаются эпизодически.

---

[1] Первая часть — «Сравнительная фонетика». См.: Щ е р б а к А. М. Сравнительная фонетика тюркских языков. Л., 1970.

[2] См., например: К а т а н о в Н. Ф. Опыт исследования урянхайского языка, с указанием главнейших родственных отношений его к другим языкам тюркского корня. Казань, 1903; R ä s ä n e n M. Materialien zur Morphologie der türkischen Sprachen. — StO, 1957, XXI; M e n g e s K. H. The Turkic Languages and Peoples. An Introduction to Turkic Studies. — Ural-Altaische Bibliothek, Wiesbaden, 1968, XV, p. 107—163.

Аффиксы приведены в твердорядных вариантах, за исключением тех случаев, когда разграничение их по признаку велярности—палатальности вообще не имеет места.

Транскрипция построена на основе русского алфавита, с добавлением нескольких буквенных и диакритических знаков, и ничем не отличается от той, которая применялась в «Сравнительной фонетике».

Библиографические сведения даются в сносках. Разумеется, в них отражено далеко не все, относящееся к изучению морфологии тюркских языков, хотя почти каждая грамматическая работа, написанная до 1974 г., так или иначе была использована нами.

Автор приносит глубокую благодарность Э. В. Севортяну, Л. С. Левитской, С. Н. Иванову и В. Г. Гузеву, рецензировавшим книгу и способствовавшим устранению имевшихся в ней недостатков. Автор благодарит также своих многочисленных коллег в Москве, Баку и Ташкенте за ценные замечания и советы, полученные при обсуждении отдельных разделов книги, и Н. Н. Корнилович — за большую помощь, оказанную при подготовке рукописи к печати.

СОКРАЩЕНИЯ

ИЗДАНИЯ ТЕКСТОВ, ГРАММАТИК, СЛОВАРЕЙ

АФМ — Мелиоранский П. М. Араб филолог о монгольском языке. СПб., 1903.

АФТ — Мелиоранский П. М. Араб филолог о турецком языке. СПб., 1900.

БК — Малов С. Е. Памятники древнетюркской письменности Монголии и Киргизии. М.—Л., 1959 (Памятник в честь Бильге-кагана).

БН — Бабер-намэ, или Записки султана Бабера. Издал Н. И. Ильминский. Казань, 1857.

ЕП — Малов С. Е. Енисейская письменность тюрков. М.—Л., 1952.

КТ, Тон. — Малов С. Е. Памятники древнетюркской письменности. М.—Л., 1951 (1. Памятник в честь Кюль-тегина, м — малая надпись, б — большая надпись; 2. Памятник в честь Тоньюкука).

ЛОК — Щербак А. М. Огуз-наме. Мухаббат-наме. М., 1959.

Сл. Замахшари — Монгольский словарь Мукаддимат Ал-адаб, II. М.—Л., 1938.

Теф. — Боровков А. К. Очерки истории узбекского языка. II (Опыт грамматической характеристики языка среднеазиатского «тефсира» XIV—XV вв.). — СВ, VI, 1949, с. 24—51.

ШН — Мухаммед Салих. Шейбани-намэ (посмертное издание П. М. Мелиоранского, завершенное А. Н. Самойловичем). СПб., 1908.

'Āšyqpāšā — Brockelmann C. Altosmanische Studien, I. Die Sprache 'Āšyqpāšā's und Aḥmedī's. — ZDMG, 1919, 73, S. 1—29.

AQJB — Brockelmann C. 'Alī's Qiṣṣa'i Jūsuf. Berlin, 1917.

CD — Zajączkowski A. Studja nad językiem staroosmańskim. Calila i Dimna. Kraków, 1934.

Cod. Cum. — Codex Cumanicus. Cod. Marc. Lat. DXLIX in Faksimile herausgegeben mit einer Einleitung von K. Grønbech. Copenhagen, 1936.

Feraḥ-nāme — Németh J. Das Feraḥ-nāme des Ibn Ḥaṭīb. — Le monde oriental, 1919, XIII, 3, Uppsala, p. 145—184.

Fundamenta — Philologiae Turcicae Fundamenta, I. Wiesbaden, 1959.

KP — Pelliot P. La version ouigoure de l'histoire des princes Kalyāṇaṃkara et Pāpaṃkara. — TP, XV, Leide, 1914, p. 225—272.

Kuan. — Tekin Ş. Uygurca metinler, I. Kuanşi im Pusar. Erzurum, 1960.

Man. — Le Coq A. Türkische Manichaica aus Chotscho. — APAW, phil.-hist. Klasse, Berlin, 1911 (I), 1919 (II), 1922 (III).

MK — T. D. K. Divanü lûgat-it-türk tercümesi, çeviren Besim Atalay. Ankara, 1939 (I), 1940 (II), 1941 (III).

NT — «Mangḫol un Niuca Tobca'an», по изданию: Козин С. А. Сокровенное сказание, I. М.—Л., 1941.

QB — Kutadgu bilig tıpkıbasım. İstanbul, 1942 (I, Viyana nüshası — H), 1943 (II, Fergana nüshası — N), 1943 (III, Mısır nüshası — K); Kutadgu bilig, I. Metin. İstanbul, 1947; Kutadgu bilig, II. Tercüme. Ankara, 1959.

Suv. — Suvarṇaprabhāsa (Сутра Золотого блеска). Текст уйгурской редакции. Издали В. В. Радлов и С. Е. Малов. — Bibliotheca Buddhica, XVII, СПб., 1913 (I, II), 1914 (III, IV), 1915 (V, VI), 1917 (VII, VIII).

TT — Bang W. und von Gabain A. Türkische Turfan-Texte, I — SPAW, phil.-hist. Klasse, XV, Berlin, 1929; II — SPAW, XXII, 1929; III — SPAW, XII, 1930; IV — SPAW, XXIV, 1930; V — SPAW, XIV, 1931; Bang W., von Gabain A. und Rachmati G. R. Türkische Turfan-Texte, VI — SPAW, phil.-hist. Klasse, VIII—X, Berlin, 1934; Rachmati G. R. Türkische Turfan-Texte, VII — APAW, Nr. 12, Berlin, 1937.

Tiš. — Tišastvustik. Ein in türkischer Sprache bearbeitetes buddhistisches Sūtra. Transscription und Übersetzung von W. Radloff. — Bibliotheca Buddhica, XII, SPb., 1910.

Uig. — Müller F. W. K. Uigurica, I — APAW, phil.-hist. Classe, Abh. II, Berlin, 1908; II — APAW, Abh. III, 1910; III — APAW, Nr. 2, 1920; IV — SPAW, phil-hist. Klasse, XXIV, Berlin, 1931 (herausgegeben von A. von Gabain).

USp — Radloff W. Uigurische Sprachdenkmäler. Leningrad, 1928.

XX — Arat R. R. Edib Ahmed b. Mahmud Jükneki: Atebetü'l-hakayık. İstanbul, 1951 (A, B, C — разные списки).

ПЕРИОДИЧЕСКИЕ ИЗДАНИЯ И СБОРНИКИ

БД — Башкирская диалектология, Уфа, 1963.

БДС — Башкирский диалектологический сборник, Уфа, 1959.

ВДТЯ — Вопросы диалектологии тюркских языков, Баку—Казань.

ВНОТ — Вестник научного общества татароведения, Казань.

ВЯ — Вопросы языкознания, Москва.

ДАН-В — Доклады Академии наук, серия «В», Петроград—Ленинград.

ЖМНП — Журнал Министерства народного просвещения, Санкт-Петербург.

ЗВО РАО — Записки Восточного отделения Русского археологического общества, Санкт-Петербург.

ЗКВ — Записки Коллегии востоковедов, Ленинград.

ИСГТЯ — Сб. «Исследования по сравнительной грамматике тюркских языков», Москва, 1955 (I); 1956 (II).

МЧД — Сб. «Материалы по чувашской диалектологии», Чебоксары, 1960 (I); 1963 (II); 1969 (III); 1971 (IV).

СВ — Советское востоковедение, Москва—Ленинград.

СТ — Советская тюркология, Баку.

ЎТА (М) — Ўзбек тили ва адабиёти (масалалари), Тошкент.

AM — Asia Major, London.

AOH — Acta Orientalia Academiae Scientiarum Hungaricae, Budapest.

APAW — Abhandlungen der Preußischen Akademie der Wissenschaften, Berlin.

BSLP — Bulletin de la Société de Linguistique de Paris.

CAJ — Central Asiatic Journal, Wiesbaden.

CO — Collectanea Orientalia, Wilno.

DTCFD — Ankara Üniversitesi Dil ve Tarih-Coğrafya Fakültesi Dergisi.

FUF — Finnisch-ugrische Forschungen, Helsingfors—Helsinki—Leipzig.

HJAS — Harvard Journal of Asiatic Studies, Cambridge (Massachusetts).

JA — Journal Asiatic, Paris.

JRAS — Journal of the Royal Asiatic Society of Great Britain and Ireland, London.

JSFOu — Journal de la Société Finno-ougrienne, Helsingfors—Helsinki.

KCsA — Kőrösi Csoma-Archivum, Budapest.

KSz — Keleti-Szemle, Budapest.

MSFOu — Mémoires de la Société Finno-ougrienne, Helsingfors—Helsinki.

RO — Rocznik Orientalistyczny, Lwów—Kraków.

SPAW — Sitzungsberichte der Preußischen Akademie der Wissenschaften, Berlin.

StO — Studia Orientalia, Helsinki.

TCLP — Travaux du Cercle linguistique de Prague.

TDAY — Türk Dili Araştırmaları Yıllığı, Ankara.

TDED — İstanbul Üniversitesi Edebiyat Fakültesi Türk Dili ve Edebiyatı Dergisi.

TP — T'oung Pao, Leide.

UAJb — Ural-Altaische Jahrbücher, Wiesbaden.

UJb — Ungarische Jahrbücher, Berlin—Leipzig.

WZKM — Wiener Zeitschrift für die Kunde des Morgenlandes.

ZDMG — Zeitschrift der Deutschen Morgenländischen Gesellschaft, Leipzig—Wiesbaden.

НАЗВАНИЯ ЯЗЫКОВ, ДИАЛЕКТОВ, ГОВОРОВ

а. — арабский.

азерб. — азербайджанский.

алт. — алтайский.

балк. — балкарский.

башк. — башкирский.

бурят. — бурятский.

венг. — венгерский.

гаг. — гагаузский.

герм. — германские.

долган. — долганский.

др.-монг. — древнемонгольский.
др.-тюрк. — древнетюркский.
ж.-уйг. — язык желтых уйгуров.
з.-бурят. — западнобурятский.
з.-сиб.-тат. — западносибирско-татарский.
казах. — казахский.
калм. — калмыцкий.
кар. — караимский.
караг. — карагасский.
карач. — карачаевский.
карач.-балк. — карачаево-балкарский.
качинск. — качинский.
кирг. — киргизский.
кит. — китайский.
к.-калп. — каракалпакский.
койб. — койбальский.
крым.-тат. — крымско-татарский.
кум. — кумыкский.
кызыл. — кызыльский.
монг. — монгольский.
монг.-п. — монгольский письменный.
ног. — ногайский.
п. — персидский.
рус. — русский.
саг. — сагайский.
салар. — саларский.
ст.-азерб. — староазербайджанский.
ст.-кыпч. — старокыпчакский.
ст.-тур. — старотурецкий.
ст.-туркм. — старотуркменский.
ст.-узб. — староузбекский.
тат. — татарский.
тодж. — тоджинский.
томск. — томский.
тофал. — тофаларский.
тув. — тувинский.
тунг.-маньчж. — тунгусо-маньчжурские.
тур. — турецкий.
туркм. — туркменский.
тюмен. — тюменский.
тюрк. — тюркский.
фин. — финский.
хак. — хакасский.
узб. — узбекский.
уйг. — уйгурский.
чуваш. — чувашский.
чулым. — чулымский.
шемах. — шемахинский.
шор. — шорский.
эвен. — эвенский.
эвенк. — эвенкийский.
якут. — якутский.

НАИМЕНОВАНИЯ НАУЧНЫХ УЧРЕЖДЕНИЙ

АН — Академия наук.
АПН — Академия педагогических наук.
ВИИНЯ — Военный институт иностранных языков.
ГПИ — Государственный педагогический институт.
ИВ — Институт востоковедения.
ИИЯЛ — Институт истории, языка и литературы.
ИЛЯ — Институт литературы и языка.
ИНА — Институт народов Азии.
ИЯЛ — Институт языка и литературы.
ИЯЛИ — Институт языка, литературы и истории.
ИЯ — Институт языкознания.
НИИ — Научно-исследовательский институт.
НИИИЯЛ — Научно-исследовательский институт истории, языка и литературы.
НИИЭИЯЛ — Научно-исследовательский институт экономики, истории, языка и литературы.
НИИЯЛИ — Научно-исследовательский институт языка, литературы и истории.
ОЛЯ — Отделение литературы и языка.

АДД	— автореферат докторской диссертации.
АКД	— автореферат кандидатской диссертации.
афф.	— аффикс.
вин.	— винительный.
вр.	— время.
глаг.	— глагольное.
дат.	— дательный.
дв. ч.	— двойственное число.
деепр.	— деепричастие.
диал.	— диалектный.
ед. ч.	— единственное число.
Зап.	— Записки.
и. собств.	— имя собственное.
Изв.	— Известия.
исх.	— исходный.
л.	— лицо.
лит.	— литературный.
мн. ч.	— множественное число.
напр.	— направительный.
неопр.	— неопределенное.
отд. отт.	— отдельный оттиск.
над.	— падеж.
пор.	— порядковое.
прибл.	— приблизительное.
прил.	— прилагательное.
принадл.	— принадлежность.
притяж.	— притяжательное.
разд.	— разделительное.
род.	— родительный.
сб.	— сборник.
словообр.	— словообразование.
собир.	— собирательное.
совм.	— совместный.
сравн.	— сравнительный.
Тр.	— Труды.
уменьш.-ласк.	— уменьшительность-ласкательность.
упод.	— уподобительный.
Уч. зап.	— Ученые записки.
числ.	— числительное.

Abh.	— Abhandlungen.
Ergsbd.	— Ergänzungsband.
NF	— Neue Folge.
NS	— New Series.

ВВЕДЕНИЕ

О ТЮРКО-МОНГОЛО-ТУНГУССКИХ СВЯЗЯХ В МОРФОЛОГИИ

В «Сравнительной фонетике тюркских языков» уже затрагивался вопрос об алтайской гипотезе и были высказаны некоторые соображения о возможности использования материалов монгольских и тунгусо-маньчжурских языков при реконструкции тюркских праформ.[1] Мы снова останавливаемся на этом вопросе, так как сходства и совпадения в области морфологии для традиционной компаративистики имеют решающее значение и наличие их в больших размерах воспринимается как одно из важных свидетельств генетического родства языков.

I. Тюрко-монголо-тунгусские связи охватывают все разделы морфологии. Однако обнаружить морфологические показатели, общие для всех трех групп языков, пока не удается, если не считать аффикса *-р*, образующего в тюркских языках причастие настояще-будущего времени, в монгольских — так называемое абсолютное деепричастие, а в тунгусо-маньчжурских — причастие настоящего времени (?),[2] и аффикса (?) *-ра* ~ ~ *-ру* ~ *-рї*, обозначающего место и направление (главным образом в составе наречий).[3]

Одинаковые морфологические показатели часто встречаются в тюркских и монгольских языках или в монгольских и тунгусо-маньчжурских языках порознь, иначе говоря, располагаются изолированными друг от друга группами.

Ниже мы рассмотрим связи в морфологии главным образом тюркских и монгольских языков, привлекая для оценки их характера и размеров как случаи совпадений и сходств, так и факты различий.

Общими тюрко-монгольскими показателями принято считать аффиксы местного (*-да*) и дательного (*-а*) падежей, имени действия (*-ɣу*), имени деятеля (*-чї*), относительных прилагательных, обозначающих место (*-дакї*), аффиксы именного и глагольного словообразования (*-м*, *-ɣул*, *-ма*) и т. д.

Полностью совпадает способ образования одной из форм интенсива, ср. др.-тюрк. *ӱп-ӱрӱӈ* ‘совершенно белый’, *көп-көк* ‘совершенно голубой’, *сӱм-сӱчӱг* ‘совершенно сладкий’, *kап-kара* ‘совершенно черный’; монг.-п. *čab-čaγān* ‘совершенно белый’, *ub-ulaγan* ‘совершенно красный’, *nob-noγuγan* ‘совершенно зеленый’, *köb-köke* ‘совершенно голубой’; бурят. *sab-saγān* ‘совершенно белый’, *ub-ulān* ‘совершенно красный’, *xab-xara* ‘совершенно черный’.

---

[1] См.: Щ е р б а к А. М. Сравнительная фонетика тюркских языков. Л., 1970, с. 12.

[2] См.: Р а м с т е д т Г. И. Введение в алтайское языкознание. Морфология. Русск. пер. М., 1957, с. 84—86.

[3] См.: L e w i c k i M. Przyrostki przysłówkowe *-ra* ~ *-rä*, *-ru* ~ *-rü*, *-rï* ~ *-ri* w języ kach ałtajskich. — CO, 1938, № 15, S. 41. По мнению М. Левицкого, монг. *-ra*, *-ru* и маньчж. *-ri* — заимствования из тюркских языков. Подробнее об этих формах см. на с. 40 и сл.

И в тюркских, и в монгольских языках широко используются перифрастические глагольные образования грамматического типа, ср. ст.-узб. *алїп көрді* 'попробовал взять' (*ал-* 'брать', *көр-* 'видеть'), *өлїп кәтті* 'умер' (*өл-* 'умирать', *кәт-* 'уходить'); узб. *јэзіп бәрді* 'написал' (*јэз-* 'писать', *бәр-* 'давать'); др.-монг. *üküǰü ilebe* 'скончался, умер' (*ükü-* 'умирать', *ile-* 'посылать'), *aburaǰu ögbe* 'спас' (*abura-* 'спасать', *ög-* 'давать');[4] монг.-п. *abču üǰebe* 'попробовал взять' (*ab-* 'брать', *üǰe-* 'видеть'), в которых определенные глаголы подвергаются окказиональной грамматикализации.

Говоря о тюрко-монгольских связях в морфологии, необходимо подчеркнуть, что эти связи проявляются в разных тюркских и монгольских языках неодинаково. В западных монгольских языках количество морфологических элементов, общих с тюркскими языками, более значительно, чем у южных монголов. С другой стороны, в киргизском и казахском языках количество сходных с монгольскими форм значительно превышает их количество в узбекском и туркменском языках, в языках же Сибири и Алтая их несравненно больше, чем во всех других тюркских языках, а в тувинском и якутском настолько много, что они придают этим языкам совершенно своеобразный облик.

Для иллюстрации степени существующих между отдельными тюркскими и монгольскими языками сходств обратимся к материалам киргизского, тувинского и якутского языков. В киргизском имеются такие, общие с монгольскими языками морфологические элементы, как *-лҙа*, *-ōл*, *-л*, *-лоң*, *-мал*. Примеры: *кāлҙа* 'дверь', *токулҙа* 'сбруя для езды верхом', *ǰасалҙа* 'украшение', *табїлҙа* 'находка', *карōл* 'караул, стража', *ǰасōл* 'исполнитель поручений при должностном лице', *такōл* 'подкрепление, опора', *болǰол* 'назначенный срок', *ǰїрҙал* 'наслаждение, удовольствие', *дүрбөлөң* 'переполох', *козҙолоң* 'мятеж, смута', *тополоң* 'суматоха', *сāмал* 'молодой, еще не перебродивший кумыс'.[5] Приблизительно то же самое наблюдается в тувинском языке, ср. аффиксы *-л*, *-лҙа*, *-лда*, *-мал*, *-дуҙāр*: *суҙҙарїлҙа* 'полив', *чурулҙа* 'рисование', *чїлда* 'сбор', *казїмал* 'ископаемое', *кїлїмал* 'искусственный', *біжімәл* 'письменный', *бір дуҙāр* 'первый', *дөрт дуҙāр* 'четвертый', *он дуҙāр* 'десятый'. Еще более примечателен в указанном отношении якутский язык, в котором В. В. Радлов обнаружил несколько десятков общих с монгольскими языками аффиксов.[6] Сходство якутского языка с монгольскими не ограничивается материальной близостью аффиксов, оно проявляется также в общих и частных тенденциях грамматического развития, например в использовании числительного *іккі* в якутском языке и числительного *хоǰор* в монгольских языках в качестве соединительного союза: якут. *їт іккі куоска* 'собака и кошка', *сањїл іккі туруǰа* 'лисица и журавль', *ән мін іккі* 'ты и я';[7] монг.-п. *daǰïr boru xojar* 'бурый и серый', *ere ete xojar* 'муж и жена'; монг. *emgen övgön xoǰor* 'старик и старуха'.

При наличии больших сходств обнаруживаются и имеющие принципиальное значение различия: существование в монгольских языках возвратного склонения, отсутствующего в тюркских языках; одностороннее оформление в монгольских языках имени в сочетаниях притяжательного

[4] См.: H a e n i s c h E. Grammatische Besonderheiten in der Sprache des Mangḫol un Niuca Tobca'an. — StO, 1950, XIV$_3$, S. 23—24.

[5] См.: К у д а й б е р г е н о в С. Грамматические параллели монголо-тюркских языков (на материале киргизского языка). — В кн.: Вопросы тюркологии. Ташкент, 1965, с. 39—49; С ы д ы к о в С. Тюрко-монгольские параллели. — В кн.: Источники формирования тюркских языков Средней Азии и Южной Сибири. Фрунзе, 1966, с. 178—187.

[6] R a d l o f f W. Die jakutische Sprache in ihrem Verhältnisse zu den Türksprachen. — Зап. АН, VIII серия, 1908, VIII, № 7, с. 20; Б а р а ш к о в П. П. О монголо-бурятских и якутских языковых связях. — Тр. по филологии, Улан-Удэ, 1958, III, с. 182.

[7] См.: Х а р и т о н о в Л. Н. Современный якутский язык. Фонетика и морфология. Якутск, 1947, с. 146.

типа; случаи согласования в древнемонгольском языке качественных имен и причастий, выступающих в функции определения, с определяемым в числе, и реже, падеже (*üčüged kö'üd* 'маленькие сыновья', *γo'as sajid ökid* 'прекрасные благородные девочки', *qonoγsad čeri'üd* 'переночевавшие воины'); [8] различение в монгольских языках инклюзива и эксклюзива,[9] ср. монг.-п. *bida* 'мы (с тобой, с вами)', *ba* 'мы (без тебя, без вас)'. Важным моментом расхождения является, кроме того, необязательность личного оформления глагольных форм в монгольском письменном языке и некоторых других монгольских языках: *abubasu* 'если возьму, возьмешь, возьмет', *jabumui* 'иду, идешь, идет'. Совершенно различны способы выражения отрицания. Постановка отрицательных частиц перед глаголом, обязательная для монгольских языков, полностью исключена для тюркских, как современных, так и древних, и наоборот, тюркская инфиксация отрицания недопустима ни в одном монгольском языке, ср. др.-тюрк. *бар* 'иди' — *барма* 'не ходи', *бардї* 'он пошел' — *бармадї* 'он не пошел', *барҕај* 'пойдет' — *бармаҕај* 'не пойдет'; монг.-п. *ide* 'ешь' — *bitegei ide* 'не ешь', *idegdün* 'ешьте' — *bū idegdün* 'не ешьте',[10] *čidabai* 'он смог' — *ese čidabai* 'он не смог', *čidasu* 'если он сможет' — *ese čidasu* 'если он не сможет', *oluqu či* 'ты найдешь' — *ülü oluqu či* 'ты не найдешь'.[11] Особенно примечательно присутствие в монгольском письменном языке морфологических элементов, выражающих естественный пол, и следов выражения грамматического рода. Так, аффиксы *-γčin*, *-lun*, *-tani*, *-qan*, *-γui* и *-ǰin*[12] входят в состав женских имен собственных и слов, обозначающих живые существа женского пола. Прилагательные на *-tu* употребляются по отношению к мужскому полу, прилагательные на *-tai* — по отношению к женскому.[13] Аналогичное различие можно проследить между числительными *qojar* и *ǰirin* 'два',[14] между двумя формами вопросительного местоимения в «Сокровенном сказании»: *ǰa'un* (NT 15) и *jauǰin* (NT 38), между разными вариантами окончаний глагольных форм прошедшего неопределенного — *-ba* (NT 17) и *-bi* (NT 22) и т. д.[15]

Существенные расхождения наблюдаются также в морфологической структуре слова. В тюркских языках при слово- и формообразовании именная основа остается относительно неизменной, тогда как в монгольских языках она то сохраняет, то утрачивает конечный *n*. При образовании формы множественного числа может исчезать не только *n*, но и *r*, *l*, *i* и именной аффикс *-sun*. Примеры: монг.-п. *morin* 'лошадь' — *morid* 'лошади', *balγasun* 'город' — *balγad* 'города', *qubčasun* 'одежда' — *qubčad* 'одеяния', *nuγusun* 'утка' — *nuγud* 'утки'; бурят. (диал.) *nöxör* 'товарищ' — *nöxöd* 'товарищи', *tuγal* 'теленок' — *tuγad* 'телята', *noxoi* 'собака' — *noxod* 'собаки'.[16] Несколько различается порядок присоеди-

[8] См.: Doerfer G. Beiträge zur Syntax der Sprache der *Geheimen Geschichte der Mongolen*. — CAJ, 1955, I, 4, S. 226—229.

[9] В документах ильханов, отразивших влияние канцелярской переписки тюрок, *bida* и *ba* смешиваются. См.: Mostaert A. et Cleaves F. W. Trois documents mongols des archives secrètes vaticanes. — HJAS, 1952, XV, 3—4, p. 473.

[10] См.: Владимирцов Б. Я. О частицах отрицания при повелительном наклонении в монгольском языке. — Изв. АН, VI серия, 1916, № 5, с. 349—358; Ramstedt G. J. Die Verneinung in den altaischen Sprachen. — MSFOu, 1924, 52, S. 198—199.

[11] См.: Санжеев Г. Д. К вопросу об отрицании в монгольских языках. — ЛОН, 1962, XV, 1—3, с. 273—282.

[12] См.: Владимирцов Б. Я. Следы грамматического рода в монгольском языке. — ДАН-В, 1925, с. 31—34; Doerfer G. Beiträge zur Syntax. . ., S. 262.

[13] См.: Street J. Ch. The Language of the Secret History of the Mongols. — American Oriental Series, New Haven, 1957, 42, p. 22.

[14] См.: Hambis L. Grammaire de la langue mongole écrite (première partie). Paris, 1946, p. 2.

[15] См.: Doerfer G. Beiträge zur Syntax. . ., S. 248 ff.; Санжеев Г. Д. Следы грамматического рода в монгольских языках. — ВЯ, 1956, № 5, с. 74; Street J. Ch. The Language of the Secret History. . ., p. 40.

[16] См.: Матхеев Б. В. О морфологических особенностях эхирит-булагатского говора. — Тр. по филологии, Улан-Удэ, 1958, III, с. 143.

нения аффиксов к основе: в монгольских языках в отличие от тюркских аффиксы принадлежности занимают место после падежных аффиксов, ср. монг.-п. *gertürtani* 'в вашей юрте'; калм. *maldm* 'моему скоту', *gertčn* 'в твоей юрте' (*-tür*, *-d*, *-t* — падежные аффиксы, *-tani*, *-m*, *-čn* — аффиксы принадлежности).

Наконец, следует указать на своеобразное и типичное только для монгольских языков выделение подлежащего при помощи частицы *ber*, материально совпадающей с показателем орудного падежа, или частиц *anu*, *inu*: др.-монг. *kü'ün ber mörin ber čino suraqutur adali biju* 'человек и лошадь похожи на то, что ты спрашиваешь'; монг.-п. *či ber ene örmüge abubasu* 'если ты возьмешь этот камлот', *birman anu ügülerün. . .* 'брахман сказал. . .'.

II. Анализ конкретных морфологических параллелей, которых довольно много,[17] приводит к выводу о том, что они не могут служить надежной опорой для реконструкции тюрко-монголо-тунгусских праформ. Большинство их обязано своим возникновением длительному взаимодействию и смешению тюркских и монгольских, монгольских и тунгусо-маньчжурских языков, некоторые же установлены без достаточных оснований. Безусловно, пока не во всех случаях удается убедительно доказать, что образование параллелей происходило путем проникновения морфологических элементов из одной группы языков в другую, однако сам факт существования такого пути, неоднократно отмечавшийся и тюркологами, и монголистами, бесспорен.

III. По вопросу о взаимодействии и смешении языков высказано много мнений, в той или иной мере совпадающих либо имеющих существенные различия или даже исключающих друг друга.[18] В основном же можно выделить три точки зрения, вокруг которых группируются языковеды. Сторонники первой из них (А. Шлейхер,[19] М. Мюллер[20] и отчасти А. Мейе[21]) отрицают смешение языков, считая, что создание одной языковой системы из частей нескольких систем исключено. Между тем в рамках этой концепции иногда допускается возможность соединения неоднородных систем, например, грамматической системы одного языка и лексики другого, фонетической системы одного языка и морфологии другого и т. д.[22] Для сторонников второй точки зрения (Г. Шухардт,[23] В. Пизани,[24] Дж. Бонфанте[25] и другие) смешение языков — постоянный и всеобъемлющий процесс, не знающий никаких ограничений. Те, кто придерживается третьей точки зрения (И. А. Бодуэн-де-Куртенэ,[26] В. А. Богородицкий,[27]

---

[17] См.: Щ е р б а к А. М. О тюрко-монголо-тунгусских связях в морфологии. — НАА, 1968, № 1, с. 107—114.

[18] Подробное изложение в работе: S c h ö n f e l d e r K. H. Probleme der Völker- und Sprachmischung. Halle, 1956, S. 7—42.

[19] S c h l e i c h e r A. Sprachvergleichende Untersuchungen, II. Die Sprachen Europas in systematischer Übersicht. Bonn, 1850, S. 26.

[20] M ü l l e r M. Lectures on the Science of Language, I. London, 1862, p. 71, 77.

[21] M e i l l e t A. 1) Linguistique historique et linguistique générale. Paris, 1921, p. 84—85; 2) Сравнительный метод в историческом языкознании. Русск. пер. М., 1954, с. 72.

[22] См.: T e s n i è r e L. Phonologie et mélange de langues. — TCLP, 1939, VIII, p. 85.

[23] Ш у х а р д т Г. Избранные статьи по языкознанию. Русск. пер. М., 1950, с. 74, 77, 177.

[24] P i s a n i V. Parenté linguistique. — Lingua, Haarlem-Holland, 1952, III, 1, p. 10—12.

[25] Б о н ф а н т е Дж. Позиция неолингвистики. — В кн.: Хрестоматия по истории языкознания XIX—XX веков. М., 1956, с. 308.

[26] Б о д у э н - д е - К у р т е н э И. А. О смешанном характере всех языков. — ЖМНП, 1901, CCCXXXVII, сентябрь, с. 12—24.

[27] Б о г о р о д и ц к и й В. А. К вопросу о «смешанных» языках. — Изв. Об-ва археологии, истории и этнографии при Казанском унив., 1894, с. 1, 3.

Л. В. Щерба,[28] Б. Я. Владимирцов,[29] А. Росетти[30]), на наш взгляд, наиболее обоснованной, рассматривают смешение языков как реальный исторический факт, вытекающий из наличия географического соседства, культурных и торговых связей, а также «столкновений племен и народов», но вместе с тем указывают на устойчивость языка, его непрерывность (ср. у А. Мейе): *каково бы ни было смешение, всегда можно выделить* язык, образующий основу смешанного языка.

Понятно, что когда речь идет о смешении языков, то имеется в виду одностороннее или взаимное влияние не только в пределах лексики, но и в области фонетики, морфологии и синтаксиса. Лексические заимствования осуществляются разными путями, без необходимости наложения одной языковой системы на другую. Иначе обстоит дело с морфологическими заимствованиями. Заимствование целых словообразовательных рядов с выделением морфологических показателей и последующей активизацией их в заимствующем языке происходит довольно редко. Более обычный путь взаимопроникновения разных морфологий — через двуязычие, открывающее широкие возможности для полной или частичной субституции аффиксальных морфем. Реализация этих возможностей находится в зависимости от размеров функционально-семантической насыщенности отдельных морфем и степени их формальной автономности в составе слова: чем меньше функциональная нагрузка морфемы, тем легче и вероятнее ее заимствование.[31]

Причины возникновения двуязычия в разные исторические периоды неодинаковы. В древние и в средние века оно являлось чаще всего следствием распространения языка на новые территории. Таким путем возникло двуязычие, оставившее глубокий след в лексике, фонетике и морфологии узбекского, таджикского, якутского, солонского, дагурского и многих других языков.

Особенно любопытны результаты узбекско-таджикского двуязычия, подробно описанные А. К. Боровковым[32] и В. С. Расторгуевой[33] и использованные Г. Дёрфером.[34] Для характеристики его последствий в таджикских говорах достаточно воспроизвести некоторые места из работы В. С. Расторгуевой: [35] «Так, например, буквально во всех таджикских говорах употребителен узбекский суффикс *-či*, образующий имена деятеля... В *большем количестве проникли узбекские словообразующие аффиксы* в некоторые крайние северные смешанные таджикские говоры, например в чустский», в котором используются: наречный суффикс *-ča*; суффикс, образующий абстрактные существительные, *-lik*; ограничительный суффикс *-gina*; суффикс собирательных числительных *-la*. «Чустский и верхне-

---

[28] Š č e r b a L. Sur la notion de mélange des langues. — Яфетический сб., 1925, IV, Л., 1926, с. 3, 4, 18.

[29] В л а д и м и р ц о в Б. Я. 1) Турецкий народец хотоны. — ЗВО РАО, 1916, XXIII, 3—4, с. 272; 2) О двух смешанных языках Западной Монголии. — Яфетический сб., Пг., 1923, II, с. 32—52.

[30] R o s e t t i A. Langue mixte et mélange de langues. — Acta linguistica, Copenhague, 1945—1949, V, 2, p. 73—79.

[31] См.: W e i n r e i c h U. Languages in Contact. Findings and Problems. New York, 1953, p. 35.

[32] Б о р о в к о в А. К. Таджикско-узбекское двуязычие и вопрос о взаимовлиянии таджикского и узбекского языков. — Уч. зап. ИВ АН СССР, 1952, IV, с. 176—180, 190, 191, 198.

[33] Р а с т о р г у е в а В. С. Опыт сравнительного изучения таджикских говоров. М., 1964, с. 129—142.

[34] D o e r f e r G. Zur Verwandtschaft der altaischen Sprachen. — Indogermanische Forschungen, Berlin, 1966, 71, 1/2, S. 92—99.

[35] Р а с т о р г у е в а В. С. Опыт сравнительного изучения..., с. 140—141. См. также: Д ж а л а л о в О. Отношение чустского диалекта к таджикскому литературному языку. — Тр. ИИЯЛ Таджикского филиала АН СССР, 1949, XXV, с. 19 и сл.; Д ж а л а л о в А. Д. Категория множественности в современном таджикском языке. АДД. М., 1952, с. 20 и сл.; Ю н у с о в М. А. Тюркские (узбекские) слова в таджикском литературном языке. АКД. Баку, 1971, с. 34—37.

их своеобразие тесно связано с агглютинацией — особым приемом конструирования словоформ и выражения грамматических значений.

Единое, четкое и общепризнанное определение агглютинации[37] отсутствует, но, несмотря на это, существует довольно широкая основа для сближения по данному вопросу почти всех языковедов. Эту основу создает признание полного или относительного соответствия в агглютинативных языках количества морфологических показателей количеству грамматических значений, имеющего своим следствием то, что усложнение формы в названных языках происходит посредством наращения аффиксов, а не путем внутренних преобразований или так называемой внешней флексии.

Соответствие, о котором идет речь здесь, каким бы оно ни было в смысле регулярности, придает словоформе видимость синтаксического сочетания, с четко разграниченными местом, функцией и значением каждого члена.

Различие флективных и агглютинативных форм в структурном отношении, а отдельных морфем — в семантико-функциональном отношении послужило основанием для утверждения, что способы выражения грамматических значений во флективных и агглютинативных языках принципиально различны.[38] Более того, раздельность агглютинативных морфем и кажущаяся близость агглютинативных словоформ к синтаксическим сочетаниям были восприняты и истолкованы некоторыми исследователями как признаки выражения грамматических значений самостоятельными словами или даже как отсутствие грамматической формы вообще (Г. Штейнталь). Еще О. Бётлингк на довольно большом количестве примеров показал несостоятельность этой точки зрения.[39]

Действительно, морфемы агглютинативных языков в большей мере, чем флективных, обнаруживают следы происхождения от самостоятельных слов, и, очевидно, прототипами словоформ в агглютинативных языках были синтаксические сочетания, в которых господствующий член стал в конце концов корневой морфемой, а подчиненные, зависимые члены преобразовались в аффиксальные морфемы. Однако связь агглютинативных морфем с самостоятельными словами может быть допущена лишь в этимологическом плане: в ходе изменения семантики синтаксических сочетаний происходили значительные формальные преобразования составлявших их компонентов, завершившиеся приобретением ими совершенно нового качества.

I, 2. Иногда наряду с агглютинативным, или аффиксальным, способом выражения грамматических значений в тюркских языках выделяется способ, именуемый «флексией основ», или «внутренней флексией».[40] Примеры: башк. *kajnï* 'свекор, тесть' // *käjnä* 'теща', *bïs-* 'пилить', 'рубить' // *bïs-* 'кроить, резать';[41] тат. *ata* 'отец' // *äti* 'папа', *ana* 'мать' // *äni* 'мама'.

---

[37] См.: Бётлингк О. О языке якутов. Опыт исследования отдельного языка в связи с современным состоянием всеобщего языкознания. — Уч. зап. АН по Первому и Третьему отделениям, 1853, I, 4, с. 377—411; Radloff W. Einleitende Gedanken zur Darstellung der Morphologie der Türksprachen. — Зап. АН, VIII серия, 1906, VII, № 7, с. 1 и сл.; Боровков А. К. Агглютинация и флексия в тюркских языках. — В кн.: Памяти академика Л. В. Щербы (1880—1944). Л., 1951, с. 117—125; Холодович А. А. 1) Из истории японской лингвистики. Агглютинативная теория и проблема родственных связей японского языка. — Изв. АН СССР, ОЛЯ, 1941, № 1, с. 94—98; 2) Очерки по строю японского языка. АДД. Л., 1949, с. 2—4.

[38] См.: Schlegel Fr. Über die Sprache und Weisheit der Indier. Heidelberg, 1808 S. 41—42.

[39] Бётлингк О. О языке якутов, с. 409—410.

[40] Впервые изменения гласных в основе были отмечены В. Шоттом и И. Грунцелем. См.: Schott W. Über das altaische oder finnisch-tatarische Sprachengeschlecht. Berlin, 1849, S. 45—46; Grunzel J. Entwurf einer vergleichenden Grammatik der altaischen Sprachen. Leipzig, 1895, S. 21—22.

[41] См.: Киекбаев Д. Г. Вариантные слова, или сингармонические параллелизмы, в башкирском языке. — Уч. зап. Башкирского ГПИ, V, серия филологическая, 1955, № 1, с. 145—146.

их своеобразие тесно связано с агглютинацией — особым приемом конструирования словоформ и выражения грамматических значений.

Единое, четкое и общепризнанное определение агглютинации[37] отсутствует, но, несмотря на это, существует довольно широкая основа для сближения по данному вопросу почти всех языковедов. Эту основу создает признание полного или относительного соответствия в агглютинативных языках количества морфологических показателей количеству грамматических значений, имеющего своим следствием то, что усложнение формы в названных языках происходит посредством наращения аффиксов, а не путем внутренних преобразований или так называемой внешней флексии.

Соответствие, о котором идет речь здесь, каким бы оно ни было в смысле регулярности, придает словоформе видимость синтаксического сочетания, с четко разграниченными местом, функцией и значением каждого члена.

Различие флективных и агглютинативных форм в структурном отношении, а отдельных морфем — в семантико-функциональном отношении послужило основанием для утверждения, что способы выражения грамматических значений во флективных и агглютинативных языках принципиально различны.[38] Более того, раздельность агглютинативных морфем и кажущаяся близость агглютинативных словоформ к синтаксическим сочетаниям были восприняты и истолкованы некоторыми исследователями как признаки выражения грамматических значений самостоятельными словами или даже как отсутствие грамматической формы вообще (Г. Штейнталь). Еще О. Бётлингк на довольно большом количестве примеров показал несостоятельность этой точки зрения.[39]

Действительно, морфемы агглютинативных языков в большей мере, чем флективных, обнаруживают следы происхождения от самостоятельных слов, и, очевидно, прототипами словоформ в агглютинативных языках были синтаксические сочетания, в которых господствующий член стал в конце концов корневой морфемой, а подчиненные, зависимые члены преобразовались в аффиксальные морфемы. Однако связь агглютинативных морфем с самостоятельными словами может быть допущена лишь в этимологическом плане: в ходе изменения семантики синтаксических сочетаний происходили значительные формальные преобразования составлявших их компонентов, завершившиеся приобретением ими совершенно нового качества.

I, 2. Иногда наряду с агглютинативным, или аффиксальным, способом выражения грамматических значений в тюркских языках выделяется способ, именуемый «флексией основ», или «внутренней флексией».[40] Примеры: башк. *kajnï* 'свекор, тесть' // *käjnä* 'теща', *bïs-* 'пилить', 'рубить' // *bïs-* 'кроить, резать';[41] тат. *ata* 'отец' // *äti* 'папа', *ana* 'мать' // *äni* 'мама'.

---

[37] См.: Бётлингк О. О языке якутов. Опыт исследования отдельного языка в связи с современным состоянием всеобщего языкознания. — Уч. зап. АН по Первому и Третьему отделениям, 1853, I, 4, с. 377—411; Radloff W. Einleitende Gedanken zur Darstellung der Morphologie der Türksprachen. — Зап. АН, VIII серия, 1906, VII, № 7, с. 1 и сл.; Боровков А. К. Агглютинация и флексия в тюркских языках. — В кн.: Памяти академика Л. В. Щербы (1880—1944). Л., 1951, с. 117—125; Холодович А. А. 1) Из истории японской лингвистики. Агглютинативная теория и проблема родственных связей японского языка. — Изв. АН СССР, ОЛЯ, 1941, № 1, с. 94—98; 2) Очерки по строю японского языка. АДД. Л., 1949, с. 2—4.

[38] См.: Schlegel Fr. Über die Sprache und Weisheit der Indier. Heidelberg, 1808 S. 41—42.

[39] Бётлингк О. О языке якутов, с. 409—410.

[40] Впервые изменения гласных в основе были отмечены В. Шоттом и И. Грунцелем. См.: Schott W. Über das altaische oder finnisch-tatarische Sprachengeschlecht. Berlin, 1849, S. 45—46; Grunzel J. Entwurf einer vergleichenden Grammatik der altaischen Sprachen. Leipzig, 1895, S. 21—22.

[41] См.: Киекбаев Д. Г. Вариантные слова, или сингармонические параллелизмы, в башкирском языке. — Уч. зап. Башкирского ГПИ, V, серия филологическая, 1955, № 1, с. 145—146.

То обстоятельство, что различение приведенных пар слов по тому или иному значению связано с противопоставлением разных гармонических типов, вызвало повышенный интерес к гармонии гласных и способствовало распространению среди некоторых тюркологов и монголистов представления, что будто бы наличие в тюркских и монгольских языках сингармонических параллелизмов является пережитком эпохи, когда гармония гласных выступала как «лексико-фонологическая система», или «своеобразная и специфическая внутренняя флексия основ».[42] Так, считая сингармонизм наиболее ранним и примитивным способом выражения грамматических значений, Г. Д. Санжеев противопоставляет его агглютинации как способу наиболее позднему и совершенному.[43] Свою точку зрения он подкрепляет ссылкой на высказывание Б. Я. Владимирцова о том, что в монгольском языке «такие параллели, как *аххă* 'старший, старший брат' // *ехкĕ* 'старшая, мать', сохранились от праязыкового состояния, когда при помощи сингармонизма монгольский язык производил различие по родам».[44] Г. Д. Санжеев ссылается также на Т. А. Бертагаева, который говорит об «изменении фонем в зависимости от значимости слов».[45]

Важным условием образования семантически различающихся сингармонических параллелизмов является вариантность звучания. Наличие гармонии гласных делает естественным появление сингармонических вариантов слова, передающих одно и то же значение. Сингармонические варианты встречаются как внутри одного языка и его диалектов, так и внутри разных языков, или же имеют разную диахроническую соотнесенность: один вариант более ранний, другой — более поздний.

Вариантность звукового состава в слове — черта, присущая в той или иной мере почти всем современным тюркским языкам. В древности она была также характерна для большого количества слов. Некоторые слова, различающиеся в современных тюркских языках наличием твердорядных или мягкорядных, значительно реже — нелабиализованных или лабиализованных гласных, обязаны своим существованием, с чисто формальной стороны, именно этой вариантности.

Вариантность, или непостоянство качества гласных в отношении твердости / мягкости, мы рассматриваем как следствие перехода слов из одного ряда в другой, чаще из твердого в мягкий.[46] Последнее обстоятельство, очевидно, объясняется общей направленностью эволюции звуков, а именно их развитием главным образом в сторону опереднения.

Появление «мягкого» варианта не обязательно ведет к исчезновению «твердого». «Твердый» вариант может существовать наравне с «мягким». Наличие двух фонетических вариантов одного и того же слова с одним и тем же значением создает почву для изыскания дополнительных возможностей выражения новых значений. Если, например, в башкирском языке *асĭ* и *äсĭ* не различаются по значению ('горький'), то в татарском языке такое различение имеет место: *ачĭ* 'горький', *әчĭ* 'кислый'.[47] Таким образом, гармония гласных, будучи чисто фонетическим явлением (при возникновении вариантных слов противопоставление «твердости» и «мягкости» не имело фонологического значения), впоследствии приобретает

---

[42] Санжеев Г. Д. Сравнительная грамматика монгольских языков, I. М., 1953, с. 116.

[43] Там же, с. 118.

[44] Владимирцов Б. Я. Сравнительная грамматика монгольского письменного языка и халхаского наречия. Введение и фонетика. Л., 1929, с. 133.

[45] Бертагаев Т. А. Флексия основ в агглютинативных языках. — Тр. по филологии, Улан-Удэ, 1948, I, с. 99.

[46] Подробно об этом см. в кн.: Щербак А. М. Сравнительная фонетика тюркских языков, с. 37—38.

[47] См.: Киекбаев Д. Г. Вариантные слова, или сингармонические параллелизмы, в башкирском языке, с. 145; Залял Л. З. Основы татарской орфоэпии. — Изв. АПН РСФСР, 1952, 40, с. 95.

видимость «лексико-фонологической системы» или «своеобразной и специфической внутренней флексии основ». Одним из доказательств того, что различение значений в плане гармонии гласных не связано с использованием ее как «лексико-фонологической системы», является характер тех значений, которые обычно выражает вариантная форма. Как правило, это оттенки лексических значений. Мы не знаем ни одного примера регулярного выражения таким способом какого-либо грамматического значения.

Подводя итог всему изложенному, можно прийти к выводу, что так называемая флексия основ в тюркских языках — следствие определенных фонетических закономерностей, не имеющих непосредственного отношения к образованию морфологического типа. Она носит характер эпизодических столкновений и противопоставлений вариантных слов, происходящих в условиях тесных диалектных взаимоотношений и взаимовлияний родственных языков.

I, 3. Помимо агглютинативного, или аффиксального, способа выражения грамматических значений, тюркским языкам известен ряд других способов, сфера использования которых значительно у́же. Один из таких способов — изменение места ударения, ср. казах. *а́лма* 'не бери' / *алма́* 'взятие', *ба́рма* 'не ходи' / *барма́* 'хождение', *са́лма* 'не клади' / *салма́* 'укладывание'; азерб. *ахшам́* 'вечер' / *а́хшам* 'вечером', *бура́* 'вот это место' / *бу́ра* 'сюда', *hара́* 'какое место' / *hа́ра* 'куда', *сабаh́* 'утро' / *са́баh* 'завтра', *кӱнорта́* 'полдень' / *кӱ́норта* 'в полдень'; тур. *аркадашы́м* 'мой товарищ' / *арка́да́шым* 'я товарищ'.

I, 4. Другой способ выражения грамматических значений — повторение основ, полное или неполное.

Полное повторение наблюдается часто в пределах любой части речи. Примеры: башк. *hары́-hары́* 'совершенно желтый', *кы́зы́л-кы́зы́л* 'совершенно красный', *јәшы́л-јәшы́л* 'совершенно зеленый'; тур. *о бана дӱшман дӱшман бакїјорду* 'он враждебно смотрел на меня', *онлар бол бол конуштулар* 'они вволю наговорились', *гәлдім гәлмәдім* 'едва я пришел'; узб. *тоғ-тоғ әлтін* 'горы золота', *арава-арава гап* букв. 'телеги слов', *тәр тӱка-тӱка* 'обильно проливая пот'.

Неполное повторение, с усечением одного из компонентов и присоединением к нему согласного *п* (*б*) или *м*, характерно главным образом для прилагательных. Этим способом образуется форма интенсива, выражающая высшую степень насыщенности признака: др.-тюрк. *ап-ак* 'совершенно белый', *кап-кара* 'совершенно черный'; башк. *hап-hары́* 'совершенно желтый', *кы́п-кы́зы́л* 'совершенно красный', *јәм-јәшы́л* 'совершенно зеленый'. Использование приема неполного повторения основ для существительных — чрезвычайно редкое явление. В примерах типа *кап-каранғуда* 'в полном мраке' (Uig III 61_1) мы имеем дело не с существительными, а с субстантивированными прилагательными (*кап-каранғу* 'совершенно темный').[48]

Особой разновидностью редупликативных комплексов являются слова-дублеты («mots-échos») — сочетания, в которых второе слово воспроизводит с незначительными фонетическими изменениями первое слово. Примеры: др.-тюрк. *ахсак бухсак* 'хромые и прочие', *арслан бурслан* 'львы и прочие звери'; азерб. *ӓт-мӓт* 'всякое мясо', *аӂы́л-маӂы́л* 'умишко', *пул-мул* 'деньги', *дӓмір-дӱмӱр* 'всякое железо', 'железный лом'; башк. *hірәк-мірәк* 'редкий';[49] карач.-балк. *ахча-махча* 'деньги и тому подобное', *мӱјӱз-чӱјӱз*

[48] Несколько примеров неполной редупликации существительных приводит Дени. См.: D e n y J. Structure de la langue turque. — Conférences de l'Institut de linguistique de l'Université de Paris (1949), 1950, IX, p. 19.

[49] См.: Ю л д а ш е в А. А. К характеристике тюркских сложных слов. — ВЯ, 1963, № 5, с. 74.

'рога и прочее';[50] кум. *кїз-мїз* 'всякие девицы', *кашїк-машїк* 'всякие ложки'; тур. *табак мабак* 'домашняя утварь'. Различие первого и второго компонентов может ограничиваться составом гласных: др.-тюрк. *јаш-јуш* 'всякая зелень', *јак јук* 'всякая грязь'.

Далее, следует указать на формы, образующиеся способом повторения по моделям свободных синтаксических сочетаний, ср. ст.-узб. *көпдін көп* 'очень много', *аздін аз* 'очень мало', *јамандїн јаман* 'очень плохой'; алт. *д'акшїдан д'акшї*, хак. *чахсїнің чахсїзї* 'наилучший'; тат. *јавїздан јавїз* 'зловреднейший'; тур. *көтүлэрін көтүсү* 'наихудший'.

I, 5. Спорным является вопрос об аналитических формах, которые представляют собой особый род взаимосвязи двух или даже трех элементарных морфологических единиц, выступающих в составе различных словоформ. О. Бётлингк[51] и вслед за ним многие современные тюркологи признают наличие аналитических форм как перифрастических образований, выражающих самостоятельные грамматические значения, но скептически относятся к возможности рассмотрения этих форм в одном ряду с аффиксальными, синтетическими формами и к выделению аналитических формантов в качестве регулярных морфем. По мнению А. А. Юлдашева, считающего взгляды О. Бётлингка ошибочными, аналитические формы ничем не отличаются от синтетических и должны включаться в число действующих регулярных форм.[52]

Действительно, грамматикализованные перифрастические образования во многих отношениях близки к обычным словоформам, характеризуются определенной системностью, и их квалификация как своего рода форм не вызывает сомнений. Все же в грамматическом описании языка они должны занять особое место. Основания для этого следующие.

а) Грамматикализованные перифрастические образования в тюркских языках в большинстве случаев выражают слабо абстрагированные значения, придают действию конкретные дополнительные оттенки.[53] Об этом свидетельствует наличие в каждом из тюркских языков от 30 до 60 подобных образований.[54]

б) В значительном количестве грамматикализованных перифрастических образований грамматическая «идиоматичность» тесно переплетается с лексической: в процесс семантического взаимодействия может включаться, с одной стороны, содержание основы, с другой, — лексические значения окказионально формализованных глаголов.[55] Часто именно поэтому, а не в силу каких-либо субъективных обстоятельств одни и те же перифрастические образования определяются одними тюркологами как аналитические формы, другими — как фразеологические сочетания, третьими — как сложные глаголы.

в) Грамматикализованные перифрастические образования в тюркских языках могут состоять из двух, трех и большего количества слов, ср. кирг. *мэн көпүрөдөн өтүп бара јатып ўўлїп кэтэ јаздап калдїм* 'я, переходя через мост, чуть не упал', где в сочетаниях *өтүп бара јат-* 'переходить'

---

[50] См.: Бозиев А. Ю. Словообразование имен существительных, прилагательных и наречий в карачаево-балкарском языке. Нальчик, 1965, с. 73.

[51] Böhtlingk O. Kritische Bemerkungen zur zweiten Ausgabe von Kasembek's türkisch-tatarischer Grammatik, zum Original und zur deutschen Übersetzung von Dr. J. Th. Zenker. SPb., 1848, S. 59 (Extrait du Bull. de la classe hist.-philol. de l'Académie des sciences de St.-Pétersbourg, V, № 19—23).

[52] Юлдашев А. А. Аналитические формы глагола в тюркских языках. М., 1965, с. 15.

[53] См.: Серебренников Б. А. К вопросу о «морфологизме». — В кн.: Аналитические конструкции в языках различных типов. М.—Л., 1965, с. 102.

[54] См.: Щербак А. М. Рец.: Юлдашев А. А. Аналитические формы глагола в тюркских языках. М., 1965. — ВЯ, 1967, № 1, с. 157—162.

[55] См.: Севортян Э. В. Грамматические и семантические признаки аналитических конструкций в отличие от свободных словосочетаний в тюркских языках. — В кн.: Аналитические конструкции в языках различных типов, с. 233.

и *ӷӧӆӧлӧп кэтэ ӷаздап кал-* 'чуть не упасть' носителем собственно лексического значения является только основа первого деепричастия: *өт-* 'переходить', *ӷӧӆӧл-* 'падать'.[56]

г) Глаголы, входящие в грамматикализованные перифрастические образования в качестве вспомогательных компонентов, утрачивают свои лексические значения только в пределах этих образований, иными словами, вспомогательными оказываются полнозначные глаголы, формализация которых имеет контекстуальную обусловленность.

д) Грамматическая форма, как правило, универсальна. Приведенные же А. А. Юлдашевым сочетания, например аналитические формы вида, согласно его собственному заключению, образуются далеко не от всех глагольных основ. Возьмем, например, башкирский язык. Образование формы на *-п ят-* возможно в нем для ограниченной группы глаголов.[57] Сочетание *-п отур-* «как грамматический показатель процессуальности регулярно употребляется лишь в глаголах движения горизонтального плана. . .».[58] Форма на *-п тур-* образуется от глаголов состояния,[59] форма на *-п jӱр-* — главным образом от «имперфективных» глаголов, которые выражают «определенное занятие, предполагающее длительный и многократный процесс».[60] Формы на *-п бар-* и *-п кӓл-* «ведут себя как формы лишь в глаголах со значением перехода из одного состояния в другое и в отдельных глаголах активного действия. . .».[61] Далее, «. . .в форме на *-а бӓр-* по преимуществу употребляются глаголы активного действия. . .».[62] Приблизительно в таком же плане говорится и о других формах: на *-а тӱш-*, *-п чӥк-*, *-п ал-*, *-п jibӓр-*, *-п ташла-* и *-п кӓт-*.

Итак, грамматикализованные перифрастические образования, будучи соотносимыми по содержанию с отдельными словоформами, а по форме — со словосочетаниями, являются устойчивыми лексико-грамматическими сочетаниями и обособление их от обычных парадигматических форм не содержит в себе ничего ошибочного. Такое обособление позволяет исследовать указанные образования и в целом, как специфическое явление, и порознь, для определения уровня их грамматикализации. Дело в том, что грамматикализованные перифрастические образования далеко не однородны. Одни из них — так называемые видовые и модальные формы, в состав которых входят глаголы *кал-*, *сал-*, *бар-*, *кӓл-*, *бӓр-*, *тӱш-*, *чӥк-*, *jibӓр-*, *ташла-*, *кӓт-*, *јаз-*, *koj-*, грамматикализованы не полностью и недостаточно регулярны; другие, например сочетания с глаголом *ӓ(р)-*, с глаголами *тур-*, *отур-*, *jӱр-*, *јат-*, близки к полной грамматикализации и при наличии почти абсолютной регулярности постепенно превращаются в обычные словоформы.

Процесс образования синтетических форм глагола на базе перифрастических образований происходит очень интенсивно; существуют десятки примеров, иллюстрирующих различные ступени этого процесса, ср. таг. *алдӥјдӥм* 'я взял' («давнопрошедшее очевидное время») < *алдӥ ӓдім*, *алэрӥм* 'беру' («настоящее время») < *алӥјэрӥм* < *алӥ јорӥрӥм* (ср. тур. *алијорум*); кирг. *кӓлӓт* 'придет' («будущее время») ≥ *кӓлӓ турур*, *кӓлатам* 'прихожу' («настоящее время») < *кӓлӓ ӷатам*; туркм. (диал.) *гӓлӓдӯрӥн* ~ *гӓлдӯрӥн* 'иду' («настоящее конкретное») < *гӓлӓ дурур мӓн*; узб. *кӓлјапті* 'приходит' («настоящее конкретное время») < *кӓлајапті* < *кӓла јэтіпті* < *кӓла јэтіп турур*, *кӓларді* 'он приходил' («прошедшее незаконченное», «неопределенный имперфект») < *кӓлар ӓді* и т. д.

[56] Пример из работы: Ю н у с а л и е в Б. М. Вспомогательные глаголы в киргизском языке. АКД. Фрунзе, 1949, с. 7.

[57] См.: Ю л д а ш е в А. А. Аналитические формы глагола в тюркских языках, с. 55.

[58] Там же, с. 64.

[59] Там же, с. 67.

[60] Там же, с. 72.

[61] Там же, с. 76.

[62] Там же, с. 80.

Наибольшей грамматикализации подверглись аналитические формы, образованные с участием вспомогательного глагола *ӟ(р)-* 'быть' (*-р ӟди, -јор ӟди, -а ӟди, -а турҕан ӟди, -мақта ӟди, -ҕан ӟди, -мїш ӟди, -п ӟди, -ҕај ӟди, -са ӟди*), которые ничем не отличаются от синтетических форм и аналитизм которых часто выступает лишь на уровне орфографии.

КОМПЛЕКСНЫЕ МОРФОЛОГИЧЕСКИЕ ЕДИНИЦЫ, ИХ СТРУКТУРА И РАСПРЕДЕЛЕНИЕ

Комплексные морфологические единицы — словоформы, состоящие из нескольких морфем и воплощающие в себе единство языковой материи, формы и значения. Языковая материя — звуки, форма — особая структурная организация звуков, связанная с выражением определенных значений. Различия в составе звуков в связи с выражением разных значений лежат в основе разграничения словоформ и группировки их в морфологические классы.

I. Структура слова в тюркских языках прозрачна. Слова, имеющие подвижную морфологическую структуру, состоят из двух элементов: корня (основы) и аффикса или совокупности аффиксов. Такое определение не является новым. Оно существует давно, и среди советских тюркологов наиболее последовательно придерживался его Н. К. Дмитриев.[63] Большинство же зарубежных тюркологов, по крайней мере на протяжении последних трех десятилетий, признает наличие в тюркском слове тех же структурных элементов, что и в слове флективных языков. Так, например, А. Дж. Эмре выделяет temel — thème (основа) и belgi — désinence (окончание) и подразделяет temel на kök (корень) и türem (аффиксы словообразования).[64] То же самое делает Г. И. Рамстедт (Stamm+Endung).[65] Ж. Дени и Л. Базен, считающие главнейшей особенностью тюркских языков их «почти исключительную суффиксальность», различают деривативные суффиксы и суффиксы окончания (suffixes de dérivation et suffixes de désinence), а также простую основу и производную, из которых первую соотносят с именным или глагольным корнем, а вторую рассматривают как сочетание именного или глагольного корня с деривативными суффиксами.[66]

На первый взгляд определение морфологической структуры слова, данное А. Дж. Эмре, Ж. Дени, Г. И. Рамстедтом и Л. Базеном, заметно отличается от предложенного Н. К. Дмитриевым; однако по существу они совпадают. И в том и в другом случае практически выделяются прежде всего корневые морфемы и противопоставляются им не окончания, а аффиксы или суффиксы. Выделение же производных основ (base dérivée) и деривативных суффиксов, с одной стороны, и суффиксов окончания, с другой, — особый этап анализа морфологической структуры слова,

---

[63] Дмитриев Н. К. Грамматика башкирского языка. М.—Л., 1948, с. 43. Ср.: Баскаков Н. А. Морфологическая структура слова и части речи в тюркских языках. — СВ, 1957, № 1, с. 72 и сл.; Гарипов Т. М. Башкирское именное словообразование. Уфа, 1959, с. 59; Усманов С. У. Морфологические особенности слова в современном узбекском языке. АДД. Ташкент, 1964; Искаков А. И. Морфологическая структура слова и именные части речи в современном казахском языке. АДД. Алма-Ата, 1964.

[64] Emre A. C. Türkçede isim temelleri. İstanbul, 1943, s. 13.

[65] Ramstedt G. J. Über die Stämme und Endungen in den altaischen Sprachen. — JSFOu, 1951, 55_2, S. 98—105.

[66] Deny J. 1) Structure de la langue turque, p. 37—38; 2) Principes de grammaire turque («turk» de Turquie). Paris, 1955, p. 6, 13, 14; Bazin L. Structures et tendances communes des langues turques. (Sprachbau). — Fundamenta, I, p. 14—15. См. также: Grönbech K. Der türkische Sprachbau, I. Kopenhagen, 1936, S. 18; Хасенова А. К. К вопросу об основе слова в тюркских языках. — В кн.: Исследования по тюркологии. Алма-Ата, 1969, с. 34—47. Ср.: Раҳматуллаев Ш. Отларда негизлар. — ЎТА, 1971, № 1, б. 22—30; № 2, б. 35—42; Ҳожиев А. Сўзнинг морфологик ва сўз ясалиш структураси. — ЎТА, 1976, № 3, б. 29—33.

не исключающий упомянутого выше, а лишь дополняющий его. Так, в узбекской словоформе *тэшчаларімҕа* 'моим камешкам' наличествует корень (*тэш* 'камень') и четыре аффикса (*-ча-лар-ім-ҕа*), но наряду с этим может быть выделена основа (*тэшча* 'камешек') и окончание (*-лар-ім-ҕа*), которое, как нетрудно заметить, имеет мало общего с окончанием флективных языков.

В любом тюркском слове наблюдается строгое бинарное распределение входящих в него структурных элементов: слева — корневая морфема (префиксы отсутствуют,[67] небольшое количество их встречается лишь в заимствованных словах), справа — аффиксальные, или суффиксальные, морфемы. Фузионные процессы на границе корневых и аффиксальных морфем развиты слабо, хотя в отдельных диалектах отмечаются значительные сдвиги в этом отношении.[68]

Корневая морфема (простая основа) — универсальна (одно склонение и одно спряжение). Она сама по себе соотнесена с тем или иным грамматическим классом и выражает определенные грамматические значения: именительного падежа или повелительного наклонения 2-го лица единственного числа. Примеры: др.-тюрк. *таҕ* 'гора', *таш* 'камень', *кол* 'рука', *тап* 'найди', *ал* 'возьми', *кіл* 'делай'. Иногда одни и те же корневые морфемы соотносятся с разными классами, ср. кирг. *ǰан* 'бок' и 'подходи сбоку, касайся', *көч* 'кочевка' и 'кочуй, переселяйся'; азерб. *дад* 'вкус' и 'пробуй, «вкушай»'; алт. *кат* 'ряд' и 'складывай'; якут. *бāj* (*баj*) 'богатый' и 'богатей, обогащайся'.

Аффикс моносемантичен, т. е. передает одно значение, вследствие чего количество грамматических показателей соответствует количеству грамматических значений. Чтобы проиллюстрировать эту особенность, воспользуемся искусственно составленным Л. Базеном,[69] но вполне допустимым примером из турецкого языка: *түрк — лä — ш — тір — ä — мä — дік — лär — іміз — дän — мі — сініз?* 'не из тех ли вы, кого мы не могли отуречить?' В приведенном примере *-лä* — аффикс отыменного словообразования глагола, *-ш* — аффикс совместного залога, *-тір* — аффикс побудительного залога, *-а* — аффикс, выражающий в сочетании с отрицанием невозможность совершения действия, *-мä* — аффикс отрицания, *-дік* — аффикс глагольного имени, *-лär* — аффикс множественного числа, *-іміз* — аффикс принадлежности 1-го лица мн. числа, *-дän* — аффикс исходного падежа, *-мі* — аффикс, выражающий вопрос, *-сініз* — аффикс 2-го лица мн. числа. Ср. кирг. *копсуздандїрілбаҕандїктарїҥїздардан* 'оттого, что вы не обезопасили себя'.[70]

Аффиксальные морфемы строго контекстуальны, они располагаются в определенной последовательности и характеризуются наличием определенных окружений. Возьмем древнетюркскую словоформу *таҕ-лар-їм-ҕа* 'моим горам'. Морфема *-лар*, выступающая в этой словоформе и выражающая значение множественного числа, не может быть поставлена ни после морфемы *-ҕа* (дат. падеж), ни перед морфемой *таҕ* (корневая морфема), а возможность присоединения к морфеме *таҕ* морфемы *-дї* (прошедшее категорическое) или *-са* (условное наклонение) вообще исключена. Точно так же недопустима постановка морфемы *-їм* (принадлежность, 1-е лицо ед. числа) ни перед морфемой *-лар*, ни после морфемы *-ҕа*.

Указанные правила сохраняют свою силу для всех современных и древних тюркских языков. Нарушения правил немногочисленны и выражаются

---

[67] См.: Deny J. Existe-t-il des préfixes en turc? — BSLP, 1940, 39, 1, p. 51—65; Дмитриев Н. К. Грамматика башкирского языка, с. 44; Гулямов А. Г. К некоторым вопросам аффиксации в узбекском языке. — В кн.: Академику В. А. Гордлевскому к его семидесятипятилетию. М., 1953, с. 101.

[68] См.: Mollova M. Traits de fusion dans le dialecte turc du Rhodope de l'Est. — Балканско езикознание, Sofia, 1970, XIV, 2, p. 57—81.

[69] Bazin L. Structures et tendances communes des langues turques, p. 16.

[70] См.: Орусбаев А.-К. Из материалов экспериментального исследования киргизского ударения. — СТ, 1972, № 4, с. 118.

преимущественно в постановке аффиксов принадлежности перед аффиксом множественного числа *-лар*. Примеры: др.-тюрк. *täŋrimläriм* (*täŋri-m-läp-im*) 'мои повелители', 'мои боги' (Suv 8_{18}); крым.-тат. *бабамларҗа*, тур. *бабамгіллэрэ* 'к семье моего отца'; тофал. (карагас.) *ahaзїлар* 'их брат', *атїлар* 'их лошадь', *атїлардан* 'от их лошадей' (вместо: *ahaларї*, *аттарї*, *аттарїндан*);[71] чуваш. *куз'ăмсăм* 'мои глаза'.

II. Распределение словоформ по группам многообразно как по процедуре, так и по характеру используемых признаков. В данной работе применяется ступенчатая классификация, дихотомическая на первой ступени и квалификационная — на второй.

Все слова в любом языке, исключая языки относительно чистого изолирующего типа, различаются по признаку наличия или отсутствия подвижной морфологической структуры, так что о каждом слове можно сказать, что оно является морфологически членимым, реально или потенциально (имеются в виду такие слова, как русск. *кенгуру*, *пальто* и т. п.), или выступает как нечто единое, нераздельное. Дихотомическая классификация позволяет распределить все слова по двум большим группам, или частям речи первой ступени: изменяемые и неизменяемые слова.

Слова с подвижной морфологической структурой по составу морфем и последовательности их сочетания образуют морфологические классы, или части речи второй ступени. Каждый морфологический класс по более частным морфологическим признакам делится на подклассы, разряды, подразряды и т. д. Неизменяемые слова образуют несколько групп, которые различаются только по сочетаемости с другими словами, и поэтому разряды неизменяемых слов несопоставимы с классами и разрядами слов, имеющих подвижную морфологическую структуру.

Понятно, что при такой классификации количество и состав частей речи будут варьировать от языка к языку, и это вполне закономерно, ибо, как справедливо отмечал Ф. Ф. Фортунатов, «между языками, различающимися в формах слов, должны существовать различия и в грамматических классах слов, и мы не должны думать поэтому, что даже наиболее общие грамматические классы, какие мы находим, например, в русском языке, должны существовать и во всех других языках, имеющих формы отдельных слов».[72]

Поскольку слова как материальные образования тесно связаны с идеями и немыслимы без передачи содержания, естественно, может возникнуть вопрос, нельзя ли построить классификацию слов, исходя из передаваемого ими содержания.

Понятийное, или понятийно-аффективное, содержание, выражаемое языковыми средствами, принципиально едино, и для установления определенных типов содержательных единиц нет необходимости прибегать к материалам конкретных языков. Для содержательной, или семантической, классификации достаточно использовать те наиболее важные логические категории, которые были выделены еще Аристотелем, например сущность, количество, качество и отношение.[73]

Следует также подчеркнуть, что понятийно-аффективное содержание является монолитным, нерасчленимым. Несомненно прав был А. М. Пешковский, когда писал, что звуковая сторона слова, «несмотря на весь химизм сцепления отдельных звуков между собой», поддается дроблению на звуки, слоги и грамматические части, тогда как расщепление значения слова на части представить себе трудно. И никак нельзя согласиться

---

[71] См.: Дыренкова Н. П. Тофаларский язык. — В кн.: Тюркологические исследования. М.—Л., 1963, с. 13—14. Материалы Н. П. Дыренковой требуют проверки, так как были изданы, не будучи подготовленными к печати самим автором, умершим в 1942 г.

[72] Фортунатов Ф. Ф. Избранные труды, I. М., 1956, с. 158.

[73] См.: Magnusson R. Studies in the Theory of the Parts of Speech. — Lund Studies in English, Lund—Copenhagen, 1954, XXIV, p. 6.

с ним, когда он утверждает, что расщепление содержания слова на отдельные части, соответствующие звуковым отрезкам, все же возможно и что эти «части» реально существуют в нашей мысли.[74] Расчленить содержательный аспект можно только условно, и такое расчленение всегда будет регулироваться морфологическим составом словоформы.

Иногда при классификации частей речи опираются не на понятийно-аффективное, а на «собственно языковое» содержание: обобщенные лексико-грамматические категории (предметность, действие, предметный признак, признак признака) [75] или общеграмматические «категориальные» значения (грамматическая предметность, грамматическая процессуальность, грамматическая атрибутивность и т. д.).[76] Однако такая замена носит чисто терминологический характер, так как существование собственно языкового содержания, выделяемого наряду с содержанием мышления и приписываемого языку в виде эманации понятий, является иллюзорным. Дело в том, что разнообразие языковых средств, используемых для передачи содержания, отнюдь не доказательство наличия в содержании нескольких уровней. Попытки же рассматривать обобщенные лексико-грамматические категории как совокупность определенных частных категорий практически означают использование в качестве классификационного признака грамматической формы: частные значения не существуют в расчлененном виде, их выделение предопределено анализом морфологического состава слова и его так называемой синтаксической морфологии, т. е. сочетаемости с другими словами. Итак, классификация слов, исходя из передаваемого ими содержания, вообще говоря, возможна, однако собственно содержательная классификация может быть только логической.

II, 1. В тюркских языках мы выделяем два класса изменяемых словоформ: именной и глагольный.

Наиболее общая модель именных словоформ — A_1—4—3—2—1, например, тур. *әвǰікләрімә* ‘моим домикам’ (*әв-ǰік-ләр-ім-ә*), где A_1 — корневая
A_1 4 3 2 1
морфема или, иначе, простая именная основа, а 4—3—2—1 — аффиксальные морфемы: падежа (1), принадлежности (2), числа (3) и морфема, передающая качественные оттенки или особые значения корневой морфемы.[77] На месте корневой именной морфемы может находиться сочетание корневой глагольной морфемы с конвертирующим аффиксом, например узб. *ǰәзмасі* ‘его запись’ (*ǰәз-* ‘писать’, *ǰәзма* ‘запись’). Поскольку же преобразуемая глагольная основа включает в себя ряд типичных глагольных аффиксов, то часть, предшествующая конвертирующей морфеме, бывает весьма протяженной, ср. А (B_1—V—IV—III—у) — 4—3—2—1, где B_1 — корневая глагольная морфема, V—IV—III — аффиксальные морфемы: залога, вида или модальности и отрицания, у — конвертирующая морфема. Приведенный выше (на с. 21) пример из турецкого языка представляет более сложный случай — включение в состав именной основы глагольной, образованной в свою очередь от простой именной основы, т. е. А [В (A_1—х—V—IV—III)—у)] —3—2—1 (х — конвертирующая морфема, преобразующая простую именную основу в глагольную).

Порядок расположения аффиксальных морфем в словоформах именного класса последовательно фиксированный: каждая предыдущая мор-

---

[74] См.: Пешковский А. М. В чем же, наконец, сущность формальной грамматики? — Избранные труды. М., 1959, с. 76.

[75] См.: Шапиро А. Б. К вопросу о частях речи в современном русском языке. Тезисы докладов на открытом расширенном заседании [ученого совета Института языкознания АН СССР], посвященном дискуссии о проблеме частей речи в языках разных типов, 28—30 июня 1954 г. М., 1954, с. 9.

[76] См.: Суник О. П. Общая теория частей речи. М.—Л., 1966, с. 29.

[77] Впервые порядки следования аффиксов в связи с классификацией словоформ были описаны в раб.: Алпаров Г. Об агглютинативной особенности татарского языка. — ВНОТ, 1927, 7, с. 123 и сл. См. также: Азымов П. Түркмен дилинде аффикслериң өзара тиркешип гелиш дүзгүнлери. Ашгабат, 1944.

фема при полном исключении последующей может занимать конечное положение.

Аффиксальные морфемы первого, второго и третьего рядов присоединяются к любой простой или производной основе, способной стать компонентом словоформы данного грамматического класса. Иначе обстоит дело с морфемами четвертого ряда. Последние обладают минимальной сочетаемостью, т. е. количество простых и производных основ, выступающих с той или иной морфемой четвертого ряда, является ограниченным. Так, в узбекском языке аффиксы *-(i)нчі*,[78] *-та* сочетаются с одной небольшой группой простых основ, аффикс *-рэк* — с другой, *-(i)мтір* и *-(i)ш* — с третьей. Следовательно, морфемы первых трех рядов — постоянные, морфема четвертого ряда — варьирующая.

Наиболее общая модель глагольных словоформ[79] — B_1—V—IV—III—II—I, например тур. *јаздїрамадїм* 'я не мог заставлять писать'

(*јаз — дїр—а—ма—дї—м*),
B_1 — V — IV — III — II — I

где B_1 — простая глагольная основа, а V—IV—III—II—I — аффиксальные морфемы: лица и числа (I), наклонения (II), отрицания (III), модальности (IV) и залога (V; последний порядок — условное объединение форм: аффиксы залогов сочетаются в одной словоформе и фактически образуют несколько порядков). На месте глагольной основы нередко оказывается сочетание корневой именной морфемы с конвертирующим аффиксом, например кирг. *ојладї* 'он думал, мыслил' (*ој* 'мысль', *ојла-* 'думать, мыслить').

В словоформах глагольного класса без нарушения их грамматической целостности в непоследовательном порядке могут быть изъяты аффиксальные морфемы первого, третьего и четвертого ряда, при этом каждая морфема, начиная с морфемы второго ряда, при опущении предыдущей морфемы может занять ее место, ср.

јаз — дїр — а — ма — дї
јаз — дїр — (а)[80] *— дї*
јаз — дїр — дї
јаз — дї
јаз — дїр — а — ма
јаз — дїр — ма
јаз — ма
јаз — дїр — (а)
јаз — (а)
јаз — дїр
јаз

Взаимная перестановка морфем не допускается.

В составе глагольных словоформ все аффиксальные морфемы выступают в сочетании с любой простой и производной основой, т. е. являются постоянными.

Приведенная выше модель отражает структуру полных, или законченных, глагольных форм. В тюркских языках имеются также глагольные

[78] Когда аффиксальные морфемы присоединяются к основе, оканчивающейся на гласный, начальный *і* отсутствует.

[79] О порядке расположения аффиксальных морфем в глагольных словоформах тюркских языков см.: Voegelin C. F., Ellinghausen M. E. Turkish Structure. — Journal of the American Oriental Society, Baltimore, 1943, 63, 1; Bidwell Ch. E. A Structural Analysis of Uzbek. — American Council of Learned Societies. Program in Oriental Languages. Publications Series B — Aids, 3. Washington, 1955; Глисон Г. Введение в дескриптивную лингвистику. Русск. пер. М., 1959, с. 164—169; Ревзин И. И., Юлдашева Г. Д. Грамматика порядков и ее использования. — ВЯ, 1969, № 1, с. 42—55.

[80] Аффикс *-а* в указанном значении встречается только в отрицательных формах.

формы неполной вербальности (resp. деепричастия). Они отличаются от полных отсутствием аффиксальных морфем первого и второго ряда и наличием вместо них особых морфологических показателей — аффиксов *-а*, *-п* (*б*), *-ҕалї*, *-ҕунча* и т. д. Глагольные формы неполной вербальности употребляются и самостоятельно, в функции зависимого сказуемого, и как компоненты аналитических образований лексического и грамматического типа, ср. узб. *эліп чіктї* 'он вынес', *јэза элмаді* 'он не мог написать', *јіқіла јэзді* 'он чуть не упал', *бэра бэрді* 'он пошел'.

Морфологические классы имени и глагола делятся на подклассы, различающиеся типом корневой морфемы и, отчасти, составом аффиксальных морфем. Первый подкласс имени — собственно имена, второй — имена действия. Далее, в подклассе собственно имен выделяются несколько лексико-грамматических разрядов, отличающихся друг от друга морфемами четвертого ряда: существительное, прилагательное, числительное, местоимение. Следовательно, глаголу как грамматическому классу противостоит только имя; существительное же, прилагательное — разряды одного из подклассов имени. Подклассы глагола — формы полной и неполной вербальности.

Принципиальное значение имеет вопрос о возможности совмещения в одном парадигматическом ряду двух или трех падежных аффиксов. М. С. Воронкин, отмечая присоединение аффиксов винительного, дательного, исходного и орудного падежей к аффиксу совместного падежа в говорах якутского языка, высказывает предположение, что эта особенность обусловлена влиянием монгольского языка,[81] в котором «основой для двойного склонения выступают лишь падежи родительный и совместный».[82] Вместе с тем распространено мнение, что двойное (и даже тройное) склонение характерно для самих тюркских языков. В качестве примеров двойного и тройного склонения приводят словоформы типа тат. *акъллыдаҕыдан* 'от того, что есть у умного человека'[83] и др.-тюрк. *сэніңдä* 'в тебе' 'у тебя'. Однако форма *акъллыдаҕы*, к которой присоединен аффикс исходного падежа, не является падежной. Не являются падежными в полном смысле слова и формы на *-нїң*, к которым могут присоединяться аффиксы локативных падежей, не говоря о том, что в подобных случаях аффикс *-нїң* утрачивает собственное значение, ср. др.-тюрк. *сэнің атїң* 'твоя лошадь' и *сэніңдä* 'в тебе', 'у тебя'. По поводу сочетаний других падежных аффиксов, например, в чувашском языке: *малданба* (*мал-дан-ба*) 'с самого начала', *аҫаранба* (*аҫа-ран-ба*) 'с детства', *ĕнĕрдĕнбĕлĕ* (*ĕнĕр-дĕн-бĕлĕ*) 'со вчерашнего дня', *кĕргуннĕрĕн* (*кĕргун-нĕ-рĕн*) 'с осени', *кĕргуннĕбĕ* (*кĕргун-нĕ-бĕ*) 'осенью', любопытное замечание сделал Н. И. Ашмарин. «Иногда косвенный падеж существительного, — пишет он, — может склоняться; это бывает, когда подобный падеж представляет закоснелую форму, употребляемую как отдельное существительное».[84] Ср. кар. *ĕртĕнбїладан* 'с утра', *танбїлада* 'на рассвете'; тув. *соңҕартан* 'с севера'. Такие же морфемы, как *-ҕача*, образовались не из сочетания двух падежных аффиксов (дательного и сравнительно-ограничительного падежей), а из сочетания падежного аффикса с послелогом, управлявшим дательным падежом (*-ҕача* < *-ҕа чак* или *-ҕа чаклї*).

В заключение остановимся на так называемых плеоназмах — сочетаниях в пределах одного ряда одинаковых или однозначных морфологических элементов: падежных аффиксов, аффиксов принадлежности и множественного числа.

---

[81] Воронкин М. С. Грамматические особенности говора ессейских якутов. — Тр. ИЯЛИ, Якутск, 1963, 4 (9), с. 127—128.

[82] См.: Тодаева Б. Х. Грамматика современного монгольского языка. Фонетика и морфология. М., 1951, с. 73.

[83] См.: Закиев М. К вопросу о категории падежа в тюркских языках. — В кн.: Проблемы тюркологии и истории востоковедения. Казань, 1964, с. 219.

[84] Ашмарин Н. И. Материалы для исследования чувашского языка, II. Морфология. Казань, 1898, с. 129—130. См. также: Benzing J. Tschuwaschische Forschungen (IV). — ZDMG, 1942, 96, 3, S. 454—458.

Было бы излишней смелостью говорить о том, что плеоназмов вообще не бывает. С другой стороны, нельзя согласиться с попыткой рассматривать плеоназмы как нечто обычное и даже непременное в агглютинативных языках. Многие «плеоназмы» представляют собой сочетания аффиксов, совпадающих лишь внешне, или, иначе говоря, являющихся омонимами. Так, аффикс *-тун ~ -тін* в составе прилагательных *күнтүн* 'южный', *таҕтін* 'северный' (*күнтүн таҕтін балїк улуш* 'южные и северные города и селения', ТТ I_7) если и связан с аффиксом исходного падежа, то только этимологически,[85] ср. в тексте Тоньюкука: *оҕуздантан көрүг кәлті* 'от огузов пришел лазутчик' (Тон$_8$). В уйгурском варианте «Сказания об Огузе» встречается словоформа *тоҕушїданда* (*күн тоҕушїданда күн батушїҕача* 'от востока до запада', ЛОК 36_3), в которой *-да*, скорее всего, не аффикс местно-исходного падежа, дублирующий предшествующий ему аффикс *-дан*, а усилительно-выделительная частица. Вполне вероятно, что и в местоименных формах *мунтада*, *сәнтәдә*, *антада* из древнеуйгурских текстов присутствует эта же частица, ср. гаг. *сәндә дә вар бәндә дә вар* 'и у тебя есть, и у меня есть'; [86] алт. *отко до сӱҕа да* 'и в огонь и в воду'.[87] Подобные комбинации допустимы и с другими усилительно-выделительными частицами, ср. *бән-ӧк*, *сән-ӧк*, *ол-ок*, *шул-ок*.

Наличие в одном ряду одинаковых или однозначных морфологических показателей чаще всего обусловлено тем, что один из них не осознается как таковой в пределах данного синхронного среза или в пределах данной словоформы.[88] П р и м е р ы: др.-тюрк. *тәгітләр* 'принцы'; азерб. (диал.) *чохданнан* 'издавна', *гәждәннән* 'пораньше'; [89] якут. *тојоттор* 'господа'.

Сочетание двух одинаковых аффиксов множественного числа *-лармар*, отмечаемое Ф. Г. Исхаковым у местоимений «в разговорном языке тувинцев» [90] и встречающееся в говорах узбекского языка, на первый взгляд не поддается объяснению. Учитывая некоторые особенности тюркских языков, можно высказать предположение, что прием интенсификации признака или подчеркивания количества посредством повтора применяется и в морфологии, ср. *көп көп* и *-ларлар*.

II, 2. Неизменяемые слова, как и изменяемые, распределяются по двум классам: самостоятельные неизменяемые слова (наречия, образные слова, междометия) и зависимые, или служебные, неизменяемые слова (послелоги, частицы). Последние функционально близки к аффиксам, в то же время некоторые из них, главным образом послелоги, обнаруживают признаки самостоятельных слов.

СРАВНИТЕЛЬНАЯ МОРФОЛОГИЯ И ЭТИМОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ АФФИКСАЛЬНЫХ МОРФЕМ

Важнейшие задачи сравнительной морфологии: 1) описание морфемного состава родственных языков с целью выявления общих элементов; 2) реконструкция праформ; 3) прослеживание эволюции аффиксов и вы-

[85] Различие между этими аффиксами и их фонетическими вариантами проявляется, в частности, в дистрибуции. «*-Дан* как падежный аффикс находится после аффиксов множественного числа и принадлежности, как словообразовательный элемент — перед ними». См.: G a b a i n A. Über Ortsbezeichnungen im Alttürkischen. — StO, 1950, XIV_5, S. 13.

[86] См.: П о к р о в с к а я Л. А. Грамматика гагаузского языка. Фонетика и морфология. М., 1964, с. 279.

[87] См.: Т о щ а к о в а Т. М. Послелоги в алтайском языке. — Уч. зап. Горно-Алтайского НИИИЯЛ, 1956, 1, с. 19.

[88] См.: K o r k m a z Z. Türkçede ek yığılması olaylarının meydana gelişi üzerine. — TDAY. Belleten, 1960, s. 173 v. dd.

[89] Из выступления В. И. Асланова на III региональном совещании по вопросам диалектологии тюркских языков, состоявшемся 24—28 ноября 1960 г. — ВДТЯ, III, Баку, 1963, с. 209.

[90] И с х а к о в Ф. Г., П а л ь м б а х А. А. Грамматика тувинского языка. Фонетика и морфология. М., 1961, с. 216. Ср. в алтайском языке: Ч у н ж е к о в а Е. Н. Местоимение. — Зап. Горно-Алтайского НИИИЯЛ, 1964, 6, с. 104.

ражаемых ими значений. Таким образом, этимологизация аффиксальных морфем не входит в число основных задач сравнительного исследования.

Осторожность, проявляемая нами в отношении этимологического анализа, вызвана отнюдь не сомнениями в правильности высказанной еще В. В. Радловым мысли о развитии «формальной материи» (Formstoff) агглютинативных языков из содержательной (Inhaltsstoff).[91] Дело в том, что процесс лексической десемантизации слова при превращении его в морфологический элемент и развитие самого морфологического элемента связаны со значительной деформацией выразительной стороны, делающей почти невозможным установление ее первоначального облика, ср. узб. *-jan* — показатель формы настоящего конкретного времени < *-a+jamin* (*kälјanmi* 'он приходит в данный момент' < *kälа jaminmi*); узб. (диал.) *-vzä* — показатель 1-го лица мн. числа прошедшего времени < *-муз+-лар* (*kўрдувзä* 'мы видели' < *kўрдумузлар*); [92] *-ä* — показатель мн. числа < *-лар* (*bizä* ~ *bizlä* 'мы' < *bizlar*, *sizä* ~ *sizlä* 'вы' < *sizlar*).[93] Специфику развития аффиксальных морфем хорошо передал П. И. Кузнецов. «. . . если показатель *-nız*, — пишет он, — без видимых фонетических причин, в силу одной лишь тенденции к „стяжению", легко превращается в *-z*, то, быть может, то же самое явление нужно видеть в „сокращении" (в свое время) показателя *-men* (*-ben*) до *-ım*, *-m*, аффикса *-sın* (*-sen*) — до *-n* и *-sınız* — до *-nız* (и ныне — до *-z*)».[94] Из цепи формальных преобразований, обычно не носящих характера закономерного и последовательного фонетического изменения, выпадают целые звенья, о существовании которых можно лишь догадываться. В самом деле, разве есть определенные, строго сформулированные правила «узнавания» того, что *-(ä)m* в киргизском и чувашском и *-ча* в шорском языках в форме 3-го лица ед. числа настоящего времени (кирг. *kälät*, чуваш. *kilät*, шор. *kälча* 'идет сюда', 'приходит') являются «осколками» причастий *турур* и *чадїр* (*чатїр*). Только благодаря сохранению в других тюркских языках и диалектах промежуточных форм тюркологи не задумываются над происхождением аффиксов *-(ä)m* и *-ча*, ср. чуваш. *kilät*, узб. *kälади*, уйг. *kälіду*, ст.-узб. *kälädur* ~ *kälädurur*, карач.-балк. *kälä турадї*; шор. *kälча*, казах. *kälїп жатїр*, *kälатїр* (< *kälä жатїр*), уйг. (диал.) *kіліvатаду* (< *kälіп jata дурур*). При отсутствии же промежуточных форм редко удается проникнуть в истоки развития той или иной грамматической формы даже специалистам, хорошо владеющим методикой сравнительного исследования и эрудированным в области исторической фонетики и морфологии. Примечательны в этом отношении попытки этимологизировать аффикс множественного числа *-лар*, предпринимавшиеся многими крупными тюркологами и алтаистами: О. Бётлингком, В. В. Радловым, В. Бангом, Г. Рамстедтом, Т. Ковальским, К. Грёнбеком, Ж. Дени, Н. Поппе, К. Менгесом, Д. Синором, А. Дж. Эмре и другими. Тот факт, что было предложено более десяти разных этимологий аффикса *-лар* и что ни одна из них не является убедительной или хотя бы обнадеживающей, свидетельствует о больших объективных трудностях этимологизации аффиксальных морфем.

Господствующая тенденция формального преобразования морфологических элементов заключается в их упрощении, в стяжении до одного слога или одного звука. Ограниченность фонемного состава аффиксальных морфем, с одной стороны, и их весьма значительное количество,

---

[91] Radloff W. Einleitende Gedanken zur Darstellung der Morphologie der Türksprachen. — Зап. АН, VIII серия, 1906, VII, № 7, с. 29 и сл. См. также: Дмитриев Н. К. Грамматика кумыкского языка. М.—Л., 1940, с. 50—54.

[92] См.: Гулямов Я. Г. Грамматика ташкентского говора, I. Морфология. Ташкент, 1968, с. 112.

[93] См.: Гафурова Н. С. Ниязбашинский говор узбекского языка. АКД. Ташкент, 1962, с. 13.

[94] Кузнецов П. И. Личные аффиксы в турецком языке. — Тр. ВИИНЯ, 1954, 5, с. 71.

с другой, делают естественным и неизбежным широкое распространение аффиксальной омонимии, внутриязыковой и межъязыковой. Так, в карачаево-балкарском, кумыкском языках и в диалектах узбекского языка полностью совпадают аффиксы винительного и родительного падежей: карач.-балк., кум. *колну* 'руку' и 'руки', узб. (диал.) *этні* 'лошадь' и 'лошади'; в чувашском языке — аффиксы винительного и дательного: *хулана* 'в город' и 'к городу', а также варианты аффиксов исходного падежа и так называемой предельно-достигательной формы, не относимой к числу падежных.[95] Аффикс родительного падежа в азербайджанском языке (*-їн*) омонимичен аффиксу творительного (орудного) падежа в древнетюркском языке, варианты аффикса местного падежа в салырском диалекте туркменского языка (*-за*, *-на*) внешне не отличаются от аффикса направительного падежа в хакасском языке (*-за*) и аффикса винительного и дательного падежей в чувашском (*-на*). Аффикс родительного падежа в киргизском языке (*-тїн* ~ *-дїн*) совпадает с аффиксом исходного падежа в староузбекском языке и в диалектах других тюркских языков, а один из вариантов аффикса исходного падежа в узбекском языке (*-нан*) — с одним из вариантов аффикса творительного (орудного) падежа в якутском. Имеются и другие аналогичные примеры. Значительно больше примеров неполного совпадения аффиксальных морфем и еще больше — примеров отдаленного сходства двух, трех и даже четырех аффиксов.

Из сказанного следует, что достоверность морфемных этимологий часто недоказуема и что сплошное этимологическое исследование аффиксов, наподобие исследования лексического состава, нецелесообразно. Вместе с тем ясно, что аффиксальные морфемы находятся на разных уровнях формального преобразования, что в диалектах и в родственных языках сохраняются промежуточные формы и что поэтому нельзя исключать достижения положительных результатов в отдельных случаях. В рамках сравнительной морфологии этимологизация аффиксов может быть оправдана лишь постольку, поскольку она подчинена задачам сравнительно-исторического изучения родственных языков: к этимологическим разысканиям приходится обращаться как к вспомогательному приему получения информации о древнем состоянии форм, когда применение сравнительного метода оказывается почему-либо малоэффективным. И хотя восстановление архетипов посредством этимологизации значительно уменьшает степень достоверности получаемых результатов, едва ли следует пренебрегать им.

---

[95] См.: Иванов А. И. Склонение и его роль в чувашском языке. — Уч. зап. [Чувашского] НИИ, 1967, XXXIV, с. 74—75.

Глава I

ФОРМЫ СЛОВОИЗМЕНЕНИЯ ИМЕНИ

Описание форм словоизменения имени в тюркских языках производится в несколько этапов. Первый из них — анализ элементарных морфологических единиц на уровне выражения и реконструкция праформ, второй — исследование содержательной стороны и третий — установление основных линий преобразования и развития функционально-семантического содержания форм в связи с их внешними изменениями. Понятно, что при отсутствии принципиальных различий в содержании праформ и форм, функционирующих в современных языках, третий этап описания становится излишним.

Раздел 1

Формы падежа

I. В современных тюркских языках состав падежных форм приблизительно одинаковый.[1] По крайней мере формы именительного (основного), родительного (притяжательного), дательного, винительного, местного (местно-временно́го) и исходного падежей в абсолютном большинстве языков совпадают.

I, 1. Именительный падеж (иначе: главный, основной, начальный, абсолютный, неопределенный, безаффиксный, неоформленный, Indefinitus, Nominativus) лишен специального аффикса, и следы его присутствия в прошлом не обнаруживаются ни в диалектах, ни в древних памятниках письменности.

I, 2. Аффикс, образующий форму родительного падежа (ср.: притяжательный, родительно-притяжательный, относительный, Genitivus), имеет большое количество вариантов, которые подразделяются на несколько групп: I. *-нйң* (*-нің*) ~ *-нӣң*; II. *-нӧң* ~ *-нӧ̄ң* ~ *-нуң* ~ *-нөң* ~ *-дӧң* ~ *-дӧ̄ң* (*-дӧ̈ң*) ~ *-дуң* ~ *-дөң* (*-дӧ̈ң*) ~ *-тӧң* ~ *-тӧ̄ң* ~ *-туң* ~ *-тоң*; III. *-нӥн* ~ *-нун* ~ *-дӥн* ~ *-дун* ~ *-тӥн* ~ *-тун*; IV. *-нӧн* ~ *-нун*; V. *-ӧң* ~ *-уң* ~ *-нӧң* ~ *-нуң*; VI. *-(j)ӧн* ~ *-(j)ун* ~ *-нӧн* ~ *-нун*; VII. *-нӧ* ~ *-ну*; VIII. *-ні* ~ *-ді* ~ *-ті* ~ *-мі* ~ *-зі* ~ *-сі* ~ *-ші* ~ *-рі* ~ *-јі* ~ *-хі* ~ *-чі* ~ *-лі* ~ *-пі* ~ *-ві* ~ *-ӷі*; IX. *-н* ~ *-ӓн* ~ *-нӓн* (*-јӓн*). Примеры: азерб. *кітабӥн* 'книги', *арабанӥн* 'телеги', *онун* 'его', *онларӥн* 'их'; алт. *тоннӥң* 'шубы', *кајанӥң* 'скалы', *малдӥң* 'скота,' *сӱдӥң* 'воды', *кастӥң* 'гуся', *мӛнің* 'мой', *онӥң* 'его', *бістің* 'наш', *олордӥң* 'их'; башк. *јулдӧ̄ң* 'дороги', *баштӧ̄ң* 'головы', *бӧ̈дӧ̈ң* 'льда', *даланӧ̄ң* 'степи', *мінӧ̄ң* 'мой', *бӧ̄дӧ̄ң* 'наш'; кар. *атанӥн* 'отца', *атнӥн* 'лошади', *мӛнін* 'мой', *біз(н)ін* 'наш'; кирг. *баланӥн* 'ребенка', *тӧнун* 'горы', *тондун* 'шубы', *октун* 'пули',

[1] См.: Севортян Э. В. Категория падежа. — ИСГТЯ, II, с. 45 и сл.; Дмитриев Н. К. Категория падежа. — В кн.: Строй тюркских языков. М., 1962, с. 153.

мәнін 'мой', *біздін* 'наш'; кум. *башнӣ* 'головы', *јолну* 'дороги', *мәні* 'мой', *ону* 'его', *бізін* 'наш'; казах. *кімнің* 'чей', *аjдың* 'луны', *тастың* 'камня', *мәнің* 'мой', *оның* 'его', *біздің* 'наш'; тат. *башның* 'головы'; туркм. *аɣаjың* 'дерева', *окувчының* 'ученика', *мәнің* 'мой', *бідің* 'наш', *онуң* 'его'; узб. *отанің* 'отца', *мәнің* 'мой', *бізнің* 'наш'; чуваш. *пуллăн* 'рыбы', *тирĕн* 'кожи', *лажан* (~ *лажанăн*) 'лошади', *манăн* 'мой', *пирĕн* 'наш'. Кроме приведенных выше, существует особый стяженный вариант аффикса родительного падежа в салырском диалекте туркменского языка (*гәчінің* ~ *гәчің* 'козы'),[2] в шорском, тувинском языках, в диалектах хакасского и других языков: шор. *тајɣанің* ~ *тајɣаң* 'тайги', *кіжінің* ~ *кіжің* 'человека', *мӛң* 'мой', *сӛң* 'твой', *аң* 'его'; тув. *мӛң*, *сӛң*, *ӧң*; туркм. (диал.) *мӛң*, *дӛң*, *оң*; тур. (диал.) *бӑм*, *сӑн*,[3] а также особые варианты у личных местоимений 1-го лица единственного числа в татарском языке или единственного и множественного числа — в ряде огузских языков: азерб. *мәнім*; гаг., тур. *бӛнім*, *бізім*; тат. *минем*. Редкая разновидность аффикса родительного падежа (*-ӣɣ*) обнаружена в одном из говоров азербайджанского языка.[4]

Первая группа вариантов аффикса родительного падежа в полном или почти полном составе встречается в крымско-татарском, татарском, узбекском и уйгурском языках, вторая — в алтайском, башкирском, тувинском, хакасском, шорском, третья — в киргизском языке,[5] четвертая — в караимском, пятая — в туркменском, шестая — в азербайджанском, гагаузском и турецком, седьмая — в карачаево-балкарском и кумыкском, восьмая — в говорах узбекского языка,[6] девятая — в чувашском языке.[7]

Появление на месте начального *н* согласных *д*, *т*, *м*, *з*, *с* и других обусловлено ассимилятивным воздействием конечного согласного основы. Так, например, в алтайском языке после основ на *л*, *j*, *р*, *ӯ* аффикс родительного падежа начинается с *д*, после основ на глухой согласный — с *т*, после основ на все гласные и согласные *ң*, *н*, *м* — с *н*.

Переход *ң* в *н* В. А. Богородицкий объясняет влиянием исходного падежа.[8]

Варианты седьмой и восьмой групп появились вследствие утраты конечного *(н)* или вследствие контаминации формы родительного падежа с формой винительного, происходившей в довольно ранний период, ср. в мани-

---

[2] См.: Атаджанов М. Салырский диалект туркменского языка. АКД. Ашхабад, 1959, с. 10.

[3] См.: Бердыев Р. Диалектные данные туркменского языка — один из источников при разработке сравнительной грамматики тюркских языков. — ВДТЯ, III, Баку, 1963, с. 21; Hazai G. Les dialectes turcs du Rhodope. — AOH, 1959, IX, 2, p. 222.

[4] См.: Садыхов Б. П. Об одном древнем аффиксе родительного падежа в айрумском говоре азербайджанского языка. — СТ, 1974, № 4, с. 94—96. Ср.: др.-тюрк. *-ӣɣ* (< *-ің*), тур. (диал.) *-ij* в *сӛнij* 'твой'. См.: Korkmaz Z. Bartın ve yöresi ağizları. — Türkoloji Dergisi, Ankara, 1964, I, s. 121.

[5] Варианты третьей группы наблюдаются в говорах и других тюркских языков. См.: Махмутова Л. Т. Описание грамматических особенностей касимовского говора татарского языка. — Изв. Казанского филиала АН СССР, серия гуманитарных наук, 1955, I, с. 78; Ишбулатов Н. Х. Кизильский говор. — БД, с. 37; Максютова Н. Х. Бурзянский говор. — Там же, с. 94.

[6] См.: Решетов В. В. Об одном узбекском падеже. — В кн.: Тюркологический сб., I. М.—Л., 1951, с. 176 и сл.; Ғафурова Н. Ниёзбоши шевасида эгалик ва келишик қўшимчалари. — ЎТАМ, 1961, № 1, б. 62—63; Носиров Ш. Қўқон шевасида келишик категорияси. — ЎТА, 1963, № 2, б. 41—42; Шаабдурахманов Ш. Узбекский литературный язык и узбекские народные говоры. АДД. Ташкент, 1963, с. 45 и сл.; Туляков С. Морфологические особенности наманганского говора узбекского языка. АКД. Ташкент, 1965, с. 11; Турғунов Т. Ғарбий Фарғона шеваларининг муҳим хусусиятлари. — ЎТА, 1968, № 4, б. 63.

[7] Иванов А. И. Склонение и его роль в чувашском языке. — Уч. зап. [Чувашского] НИИ, филология, 1969, XXXIX, с. 113. См. также: Benzing J. Tschuwaschische Forschungen (IV). Die Kasus. — ZDMG, 1942, 96, 3, S. 431—434.

[8] Богородицкий В. А. Эволюция окончаний родительного падежа в тюркских диалектах. — ВНОТ, 1925, 3, с. 14.

хейских текстах: *анї*[9] *ўчўн* 'из-за этого', 'поэтому', *сізні ўчўн* 'ради вас', *бізні ўчўн* 'для нас', и в текстах староузбекского языка: *бір кўрґавулнї ўскўнäсіні* 'ногу одного фазана', *Лутфіні нійаті* 'намерение Лутфи', *анї ґашїдїн* 'от него'.

Особое место занимает группа вариантов без начального *(н,)* вопрос о соотношении которой с другими вариантами аффикса родительного падежа остается открытым и в настоящее время, хотя изучением его занимались тюркологи нескольких поколений.

О. Бётлингк, считавший вариант без начального *н* более древним, объяснил появление *н* тем, что в древнетюркском языке именные основы оканчивались на *н* чаще, чем в современных языках, и что этот *н* в результате переразложения был отнесен к аффиксу.[10] Основной довод О. Бётлингка вызвал возражения со стороны В. В. Радлова,[11] отметившего, что в древнетюркском языке именных основ на *н* было не больше, чем в современных языках. Тем не менее В. В. Радлов поддержал тезис о появлении начального *н* в аффиксе родительного падежа вследствие переразложения («durch falsche Trennung»), сопроводив его своим объяснением. Переразложение, по мнению В. В. Радлова, имело место до того, как аффикс родительного падежа стал вообще присоединяться к именным основам. Вначале он употреблялся только с личными и указательными местоимениями и как раз в местоименных формах в восточных и западных диалектах происходило «falsche Trennung»: *а-нїң*, *бу-нїң* (поэтому в основном (именительном) падеже мн. числа — *о-лар*, *а-лар*, *бу-лар*), тогда как в средних диалектах морфологические границы воспринимались в соответствии с действительным положением вещей: *ан-їң*, *бун-їң* (поэтому в основном падеже мн. числа — *ан-лар*, *бун-лар*). Затем сфера функционирования обеих разновидностей расширилась и охватила именные основы. Приблизительно к тому же выводу пришли позднее В. Банг[12] и В. А. Богородицкий,[13] причем первый из них изложил свои взгляды на происхождение разновидности с начальным *н* в виде гипотезы о существовании в тюркском праязыке двух типов склонения, местоименного и именного, и о влиянии одного из них на другой. Бóльшую древность варианта без *н* первоначально признавал также Ж. Дени, который относил *н* к числу

---

[9] К. Грёнбек в подобных случаях говорит об аффиксе винительного падежа. См.: Grönbech K. Der türkische Sprachbau, I. Kopenhagen, 1936, S. 36.

[10] Böhtlingk O. 1) Über die Sprache der Jakuten. Grammatik, Text und Wörterbuch. SPb., 1851, S. 160; 2) Kritische Bemerkungen zur zweiten Ausgabe von Kasem-bek's türkisch-tatarischer Grammatik, zum Original und zur deutschen Übersetzung von Dr. J. Th. Zenker. SPb., 1848, S. 14—15 (Extrait du Bull. de la Classe hist.-philol. de l'Académie des sciences de St.-Pétersbourg, V, № 19—23). О происхождении аффикса родительного падежа см.: Laufer B. Zur Entstehung des Genitivs der altaischen Sprachen. — KSz, 1901, II, S. 133—138; Munkácsi B. Рец.: Bang W. Vom Köktürkischen zum Osmanischen, 1. — KSz, 1918/1919, XVIII, S. 138; Menges K. H. Morphologische Probleme. I. Zum Genitiv und Accusativ. — Ural-Altaische Bibliothek, Wiesbaden, 1960, IX, S. 16—19; Абдуллаев Ф. Келишик аффикслариниng генезисига доир. — ЎТАМ, 1961, № 5, б. 31; 1962, № 4, б. 52 и сл.; Сюнчев Х. И. Карачаево-балкарские и монгольские лексические параллели. АКД. Баку, 1969, с. 17 и сл.

[11] Radloff W. 1) Die alttürkischen Inschriften der Mongolei. NF. SPb, 1897, S. 61; 2) Einleitende Gedanken zur Darstellung der Morphologie der Türksprachen. — Зап. АН, VIII серия, 1906, VII, № 7, с. 31—32. В поддержку довода О. Бётлингка, против возражений В. В. Радлова, выступил В. Котвич, который, однако, не привел убедительных примеров, свидетельствующих о широком использовании так называемого номинального *н* в древнетюркском языке. См.: Kotwicz W. Contributions aux études altaïques, V. *N* nominal. — RO, 1936, XII, p. 138. Ср.: Bang W. Zum auslautenden *n* im Altaischen. — TP, 1895, VI, S. 216—221.

[12] Bang W. Vom Köktürkischen zum Osmanischen. Vorarbeiten zu einer vergleichenden Grammatik des Türkischen, 1. Mitteilung: Über das türkische Interrogativpronomen. Berlin, 1917, S. 5, 6, 12 ff.

[13] Богородицкий В. А. Введение в татарское языкознание в связи с другими тюркскими языками. Казань, 1953, с. 152.

вставочных согласных.[14] Противоположная точка зрения — относительно изначальности полного варианта[15] и последующего выпадения *н* — была высказана К. Грёнбеком, предложившим оригинальную этимологию аффикса родительного падежа (< *нäң* 'вещь', 'нечто'),[16] впоследствии дополненную Н. А. Баскаковым (< *нэңэ* // *дэңэ* // *тэңэ* // *нэмэ* // *нэ* 'что' < 'вещь' < 'владение' < 'сущность' < 'тело').[17]

Наличие или отсутствие начального *н* является также разграничительным признаком вариантов аффикса винительного падежа: азерб. *атї* (*ат-ї*), кар. *атнї* (*ат-нї*), узб. *этні* (*эт-ні*) 'лошадь'.

И в этом случае мнение большинства тюркологов таково, что вариант с *н* относительно поздний и что в появлении его важную роль сыграли именные основы на *н*[18] или местоименные формы.

Так, согласно предположению В. В. Радлова, личные местоимения 1-го и 2-го лица единственного числа в древнетюркском языке имели две разновидности: *мä* (*бä*), *сä* и *мäні*, *сäні*. Последняя, как полагал он, очень рано стала функционировать в качестве формы винительного падежа, благодаря чему выделился аффикс *-ні* с соответствующим значением и образовались по аналогии формы *бунї*, *анї*. В дальнейшем в значении основного (именительного) падежа (у В. В. Радлова: «Casus indefinitus») выступают *мän*, *сän*, за формами же с конечным гласным закрепляется функция винительного падежа. Выделение варианта *-і* и присоединение его к именам происходило в южных диалектах, тогда как в восточных и западных сохранилось первоначальное (?) восприятие, т. е. *мä-ні*, *сä-ні*, *а-нї*, *бу-нї*, и к именам присоединялся аффикс *-нї* ~ *-ні*.[19] П. М. Мелиоранский, В. Банг и другие тюркологи[20] определяли участие личных местоимений в образовании варианта аффикса винительного падежа с начальным *н* несколько иначе: *мäні*, *сäні* — древнейшие формы винительного падежа на *-і*, в которых в результате переразложения *н* был отнесен к аффиксу. Р. Шоу, в отличие от упомянутых тюркологов, возводил аффикс *-нї* к слову *нä* 'вещь' и, таким образом, считал вариант с *н* первичным.[21]

Сопоставление различных точек зрения и анализ фактов, привлекавшихся для их обоснования, не оставляют сомнений в том, что начальный

---

[14] Deny J. Grammaire de la langue turque. Paris, 1921, p. 171, 175. В связи с этим В. А. Богородицкий заметил, что для вставки нет необходимых фонетических условий. См.: Богородицкий В. А. Эволюция окончаний родительного падежа в тюркских диалектах, с. 13, прим. 2.

[15] Ср.: Bang W. Zur vergleichenden Grammatik der altaischen Sprachen, I. Zum Genitiv-Affix. — WZKM, 1895, IX, S. 271.

[16] Grönbech K. Der türkische Sprachbau, I, S. 106—107. Позднее к этой точке зрения присоединился Ж. Дени. См.: Deny J. Structure de la langue turque. — Conférences de l'Institut de Linguistique de l'Université de Paris (1949), 1950, IX, p. 31. Напомним, что В. Шотт сопоставлял аффикс *-нїң* с маньчжурской частицей (относительным местоимением?) *ніnggə*. См.: Schott W. Versuch über die tatarischen Sprachen. Berlin, 1836, S. 53. По мнению Дж. Г. Киекбаева, аффикс *-нїң* включает в себя аффикс винительного падежа *-нї* и дополнительный морфологический элемент (?) *ң* или *н*. См.: Киекбаев Дж. Г. О происхождении некоторых падежных форм в урало-алтайских языках в свете теории определенности—неопределенности. — В кн.: Вопросы методологии и методики лингвистических исследований. Уфа, 1966, с. 185.

[17] Баскаков Н. А. О соотношении значений личных и указательных местоимений в тюркских языках. — Доклады и сообщения ИЯ АН СССР, 1952, I, с. 135.

[18] См.: Böhtlingk O. Über die Sprache der Jakuten, S. 160.

[19] Radloff W. Die alttürkischen Inschriften der Mongolei. NF, S. 78. В более поздней работе В. В. Радлов говорит о причине появления *н* в *-нї* ~ *-ні* то же самое, что и относительно *н* в аффиксе родительного падежа. См.: Radloff W. Einleitende Gedanken zur Darstellung der Morphologie der Türksprachen, S. 32.

[20] См.: Мелиоранский П. М. Памятник в честь Кюль Тегина. — ЗВО РАО, 1899, XII, 2—3, с. 28; Bang W. Vom Köktürkischen zum Osmanischen, 1, S. 14; Grönbech K. Der türkische Sprachbau, I, S. 32; Богородицкий В. А. Введение в татарское языкознание в связи с другими тюркскими языками, с. 155—156.

[21] Shaw R. B. A Sketch of the Túrkí Language as Spoken in Eastern Túrkistán, I. Lahore, 1875, p. 12.

в аффиксах родительного и винительного падежей вторичен. Что же касается изложенных выше гипотез о его происхождении, то они, на наш взгляд, недостаточно обоснованы. Нет доказательств того, что в древнетюркском языке было большое количество имен, оканчивавшихся на *н*, и что впоследствии оно заметно сократилось. Ничто не свидетельствует также о ведущей роли склонения местоимений в процессе формирования падежной парадигмы, причем возможность переразложения местоименных форм *мäні* (*мä-ні*, вместо *мäн-і*) маловероятна: эти формы соотносились не с *мä*, а с *мäн*, так как нельзя было отождествить *мä* с каким-либо значимым элементом. Если все же допустить возможность подобного переразложения и выделения аффиксов *-нің*, *-ні*, с последующей унификацией на этой основе падежных форм всех имен, то придется столкнуться с другим препятствием, заключающимся в ничем не мотивированной избирательности действия аналогии. Например, в азербайджанском языке в притяжательном склонении аффиксы родительного и винительного падежей начинаются с *н*, в простом склонении основ с конечным согласным *н* отсутствует, ср.

	азерб.	кар.
род.	*атïнïн* 'его лошади'	*атïнïн*
вин.	*атïнï* 'его лошадь'	*атïн(ï)*
род.	*атïн* 'лошади'	*атнïн*
вин.	*атï* 'лошадь'	*атнï*

Чтобы найти путь к раскрытию истинной причины появления начального *н* в аффиксах родительного и винительного падежей, необходимо тщательно обследовать обе падежные парадигмы, простую и притяжательную. Первое, что бросается в глаза в ходе предварительных разысканий, — присутствие *н* в формах локативных падежей притяжательного склонения, т. е. в тех падежных формах, которые не обнаруживают его в простом склонении, ср. ст.-узб. *ташïнда* 'его камню', *ташïндa* 'на его камне', *ташïндïн* 'от его камня'.

Какой же вывод следует из этого?

В. А. Богородицкий, первым обративший внимание на указанный выше параллелизм, дал ему довольно убедительное объяснение: «. . .корневое *н* личных местоимений, сохраняющееся перед окончанием в местном и исходном падежах, распространилось путем аналогии на членное притяжательное склонение 3-го лица, получившее также *н* перед окончаниями названных падежей».[22]

Мы предлагаем иное толкование, отправным пунктом которого является предположение об исконной связи (*н*) с притяжательной парадигмой, точнее с формой принадлежности 3-го лица,[23] и о существовании в истории тюркских языков такой ситуации, когда притяжательное склонение играло более важную роль, чем простое, когда склонение многих слов, например терминов родства, названий частей тела, названий любых предметов, относящихся к другим предметам как часть к целому и т. д., было исключительно притяжательным. Особое положение притяжательной парадигмы способствовало «проникновению» *н* в падежные формы простого (непритяжательного) склонения: по аналогии начальный *н* стал употребляться в аффиксах родительного и винительного падежей, сначала после основ на гласный (ср. *ташïнïң* 'его камня', *баланïң* 'ребенка'), а позднее — после любых основ, во всех тюркских языках, кроме огузских и чувашского.

Назовем некоторые факты, свидетельствующие в пользу предложенного толкования. Прежде всего следует отметить употребление формы основного

[22] Богородицкий В. А. Введение в татарское языкознание в связи с другими тюркскими языками, с. 153.

[23] На возможность такого толкования указывал В. Котвич. См.: Kotwicz W. Contributions aux études altaïques, V. *N* nominal, p. 141.

падежа с аффиксом принадлежности 3-го лица в значении простой (непритяжательной) формы: таг. *бурну* 'нос', *бойну* 'шея';[24] долган. *мунну* 'нос';[25] туркм. *бəјні* 'мозг'; хак. *ахсї* 'рот', *іңнї* 'плечо', *ібї* 'юрта', *чілнї* 'грива', *көксї* 'грудь', *ӧдї* 'желчь', *хїбї* 'подкладка';[26] шор. *ӛрді* 'губа'. В чувашском языке известны случаи, когда локативные формы притяжательного склонения выражают значения простых (непритяжательных) локативных форм: *пĕт* 'лицо', *пĕдӳнӳ̆ӗ* 'на лице', *пĕдӳнӳ̆ӗн* 'от лица', *лажана* 'лошади', *ĕнĕнĕ* 'корове'.[27] В якутском языке простая форма исходного падежа от основ на гласный является по происхождению притяжательной, ср. *ойӯртан* 'из лесу', *бӧрӧттӧн* 'от волка', *кiэhэттэн* 'с вечера' (*н* подвергся ассимиляции).[28]

Объясняя появление *н* в непритяжательных формах родительного и винительного падежей влиянием притяжательного склонения, мы, естественно, должны ответить на вопрос о том, что представлял собой *н* в притяжательном склонении. Как указывалось выше, *н* является составной частью аффикса принадлежности 3-го лица, восходящего к лично-указательному местоимению **їн ~ *ін*.

В якутском языке нет специального аффикса родительного падежа и, следовательно, отсутствует соответствующий падеж. Это отсутствие было истолковано О. Бётлингком как свидетельство образования формы родительного падежа в тюркских языках в период после распадения праязыка.[29] В. А. Богородицкий, в общем поддержавший точку зрения О. Бётлингка, счел, однако, необходимым заметить, что в период после распадения тюркского праязыка «проходились лишь позднейшие фазы в эволюции окончаний этого падежа».[30] В. В. Радлов, возражая О. Бётлингку, объяснял отсутствие формы родительного падежа в якутском языке отсутствием потребности в ней: первоначально якутский язык не был тюркским и в ходе его тюркизации некоторые специфически тюркские формы не были восприняты им.[31] С критикой изложенных выше взглядов, и прежде всего точки зрения О. Бётлингка, выступил С. В. Ястремский, который убедительно показал недостаточность аргументации своих предшественников и отнес утрату родительного падежа к довольно позднему времени, поставив ее в один ряд с такими особенностями якутского языка, не имеющими аналогий ни в одном другом тюркском языке, как использование аффикса *-та* в качестве показателя винительного неопределенного, или частного, падежа, «единообразное выражение отношений направления и покоя» и т. д.[32] В самом деле, своеобразные черты якутского языка по сравнению с другими тюркскими языками являются скорее новообразованиями, чем архаизмами. Бесспорное и довольно глубокое

[24] См.: Покровская Л. А. Гагаузский язык. — В кн.: Языки народов СССР, II. М., 1966, с. 117.

[25] См.: Убрятова Е. И. Служебное слово *киэнэ* в якутском языке. — В кн.: Академику В. А. Гордлевскому к его семидесятипятилетию. М., 1953, с. 291.

[26] См.: Дмитриев Н. К., Исхаков Ф. Г. Вопросы изучения хакасского языка и его диалектов. Абакан, 1954, с. 99; Доможаков Н. Г. О некоторых особенностях сагайского и хаасского (качинского) диалектов. — Зап. Хакасского НИИЯЛИ, 1956, IV, с. 68; Исхаков Ф. Г. Некоторые предположения о происхождении конечных *т* и *д* в словах *аст*, *ӱст*, *алд*, *арт* и т. п. — В кн.: Академику В. А. Гордлевскому к его семидесятипятилетию, с. 125—126.

[27] См.: Benzing J. 1) Tschuwaschische Forschungen (I). Das Possessivsuffix der dritten Person. — ZDMG, 1940, 94, 2, S. 255; 2) Tschuwaschische Forschungen (IV). Die Kasus, S. 462.

[28] Харитонов Л. Н. Современный якутский язык. Фонетика и морфология. Якутск, 1947, с. 110. Ср.: Radloff W. Die jakutische Sprache in ihrem Verhältnisse zu den Türksprachen. — Зап. АН, VIII серия, 1908, VIII, № 7, с. 31; Ястремский С. В. Грамматика якутского языка. Иркутск, 1900, с. 52.

[29] Böhtlingk O. Über die Sprache der Jakuten, S. III, IV, 163.

[30] Богородицкий В. А. Эволюция окончаний родительного падежа в тюркских диалектах, с. 15.

[31] Radloff W. Die jakutische Sprache in ihrem Verhältnisse zu den Türksprachen, S. 30.

[32] Ястремский С. В. Падежные суффиксы в якутском языке. Иркутск, 1898, с. 22.

воздействие на морфологию якутского языка монгольского и тунгусского субстратов сделало якутский язык более «новым» и вместе с тем несколько экзотическим и направило семантическую специализацию отдельных падежных форм по пути, неизвестному другим тюркским языкам. Примером может служить совмещение в одной падежной форме значений местного и дательного падежей, типичное для монгольских языков. Правда, и в других тюркских языках наблюдаются подобные совмещения, но все они представляют собой лишь частные случаи многозначности той или иной формы, выражающей, тем не менее, вполне определенный круг значений. Попытка С. В. Ястремского выделить аффикс родительного падежа в изафетных конструкциях типа *аҕатїн өтөгө* 'усадьба его отца' [33] явно неудачна: К. Шрифль [34] справедливо указывает на невозможность отражения в якутском языке общетюркского *ң* в *н*.[35]

Родительный падеж в тюркских языках находится в особом положении, заметно отличаясь от других падежей тем, что образующий его аффикс функционирует не сам по себе, а как один из элементов двустороннего выражения связи имен, ср. др.-тюрк. *уйғурнїң каҕанї* 'каган уйгуров', *оларнїң јўзї* 'их лик'. Именно поэтому нередко допускается присоединение к аффиксу родительного падежа аффиксов местного, дательного; исходного и сравнительно-ограничительного падежей,[36] ср. др.-тюрк. *бізіңä* 'нам', *сізіңä* 'вам', *мәніңдін* 'от меня', *сәніңдін* 'от тебя', *анїңдїн* 'от него'; башк. *мінĭңчä* 'по-моему', *нінĭңчä* 'по-твоему', *бĭббĭңчä* 'по-нашему'; чуваш. *пірдӗ* ~ *пірĕндӗ* 'у нас', *пірдӗн* ~ *пірĕндӗн* 'от нас', *пірбӗ* ~ *пірĕнбӗ* '(с) нами'. Случаи, когда форму родительного падежа можно квалифицировать как собственно падежную, наблюдаются у личных местоимений, в одних языках — 1-го и 2-го лица ед. и мн. числа (алт., башк., кирг., тур., туркм., узб. диал., чуваш., шор.), в других — 1-го и 2-го лица мн. числа (азерб.), в третьих — 1-го лица ед. и мн. числа (гаг.) или только 1-го лица мн. числа (уйг.). Примеры: др.-тюрк. *бізің өв* 'наш дом' (МК III 370), *мәнің өлтä* 'в моей стране' (КР 16_4); ст.-узб. *бізнің әл* 'наш народ' (БН 53), *бізің хан* 'наш хан' (ШН 91); азерб. *бізім кўчä* 'наша улица', *сізін кўчä* 'ваша улица'; алт. *мәнің бала* 'мой ребенок', *сәнің бала* 'твой ребенок', *бістің бала* 'наш ребенок', *слэрдің бала* 'ваш ребенок'; гаг. *бәнім әв* 'мой дом', *бізім әв* 'наш дом'; уйг. *бізнің өј* 'наш дом'. Поскольку подобное ограничение имело место и в древнетюркском языке и размеры его в настоящее время по существу не изменились, трудно усмотреть в нем проявление какой-либо тенденции формального развития притяжательно-определительных конструкций.

I, 3. Основные группы вариантов аффикса дательного падежа (ср. направительный, направительно-дательный, Dativus): I. *-ҕа* (*-ҥа*, *-ја*) ~ *-ка* ~ *-ха* ~ *-ҕо* ~ *-ко* ~ *-хо*; II. *-ҕä* ~ *-кä* ~ *-хä*; III. *-а* ~ *-ја*; IV. *-а* ~ *-на* (*-ја*). Пятую группу образуют варианты, характеризуемые удлинением конечного гласного основы или преобразованием основы в целом (у личных местоимений). Примеры: азерб. *адама* 'человеку', *ҕапїја* '(к) двери', 'в дверь', *мänä* 'мне', *она* 'ему'; азерб. (диал.) *мā*, *мǟ* 'мне', *сā*, *сǟ* 'тебе';[37] алт. *аjїлҕа* 'дому', *јапашка* 'шалашу', *тојҕо* 'свадьбе', *тошко* 'льду', *мӭ* ~ *мӭгӭ* 'мне'; алт. (диал.) *мā* ~ *маҕа* 'мне', *ō* ~ *оҕа* 'ему';[38] гаг. *кїра* 'в поле',

---

[33] Ястремский С. В. Грамматика якутского языка, с. 87. См. также: Убрятова Е. И. Исследования по синтаксису якутского языка. М.—Л., 1950, с. 42.

[34] Schriefl K. Der «Genitiv» im Jakutischen und Verwandtes. — KSz, 1912/1913, XIII, S. 313.

[35] Подробнее об этом на с. 78.

[36] См.: Богородицкий В. А. Введение в татарское языкознание в связи с другими тюркскими языками, с. 168.

[37] См.: Бехбудов С. М. Зангеланский говор азербайджанского языка. АКД. Баку, 1966, с. 16—17.

[38] См.: Бабушкин Г. Ф. О некоторых фонетических и морфологических особенностях теленгитского диалекта алтайского языка. — ВДТЯ, IV, Баку, 1966,

'к полю', *масаја* 'столу', *сокā* 'на улицу' (*сокак* 'улица'), *бана* 'мне'; кар. *атаŋа* 'отцу', *атка* 'лошади', *мā ~ маја* 'мне', *бізгā* 'нам'; кирг. *малŋа* 'скоту', *тоңо* 'шубе', *атка* 'лошади', *көлгö* 'озеру', *маŋа* 'мне'; крым.-тат. *ташка* '(к) камню', *маңа* 'мне'; тув. *холŋа* 'руке', *хöлгэ* 'озеру', *а'тка* 'лошади', *чазā* 'в степь', *бöрэ̄* 'волку', *мэ̄ ~ мäңэ* 'мне', *бiскэ* 'нам'; туркм. *јармā* 'крупе', *гэчā* 'козе', *дурнā* 'журавлю'; туркм. (диал.) *гэчiјä* 'козе';[39] хак. *хасха* 'гусю', *санā* 'лыжам', *таŋа* 'горе', *маŋа* 'мне'; хак. (сагайск.) *столŋā* 'столу', *атхā* 'лошади';[40] чуваш. *хирĕ* 'в поле', *хулана* 'в город', *мана* 'мне'; шор. *мā ~ маŋа* 'мне', *сā ~ саŋа* 'тебе', *ā ~ аŋа* 'ему'; якут. *далŋа* 'в загон', *кi̇̄ска* 'девочке', *кiүöлгэ* 'в озеро', 'к озеру', *їнахха* 'корове', *кунаңңа* 'бычку', *мiäхэ* 'мне', *бiһiäхэ* 'нам'. В кызыльском диалекте хакасского языка и в диалектах якутского языка отмечено удвоение аффикса дательного падежа: хак. (диал.) *палāŋа* 'ребенку', *кi̇̄зэ̄гэ* 'человеку'; якут. (диал.) *мiäхäгэ* 'мне', *эјiäхäгэ* 'тебе', *бiһiäхäгэ* 'нам'.[41] Особого внимания заслуживает форма дательного падежа, встречающаяся у личных местоимений в казахском и каракалпакском языках: *маŋан* 'мне', *саŋан* 'тебе', *оŋан* 'ему', *буŋан* 'этому', *соŋан* 'тому'; ср. узб. (диал.) *мэгäн ~ маŋан*, *сэгäн ~ саŋан*, *оŋан ~ уŋан*.[42] В говорах башкирского языка форма дательного падежа у личных и указательных местоимений образуется не непосредственно от основы, а от формы родительного падежа; ср. в кубалякском говоре — *һiңi̇̆ңä* 'тебе', *аңi̇̆ңа* 'ему', *мi̇̆ңi̇̆ңа* 'этому'; в кизильском — *һiңi̇̆гä* 'тебе', *аңi̇̆ŋа* 'ему';[43] в асинском — *мiңi̇̆ңä* 'мне', *һiңi̇̆ңä* 'тебе', *аңi̇̆ңа* 'ему'.[44] Показателем дательного падежа для форм принадлежности в большинстве тюркских языков является аффикс *-а*, который в 3-м лице выступает с так называемым вставочным *н*: алт. *ӧнӧзiнӧ* 'его матери'; гаг. *кардашiна* 'его брату'; к.-калп. *атасi̇̆на* 'его отцу'; крым.-тат. *бабасiна* 'его отцу'; туркм. *öбадi̇̆на* 'в его аул'. В тувинском, узбекском и уйгурском языках и в этом случае употребляется аффикс *-ŋа ~ -ка*.

Первая группа вариантов аффикса дательного падежа характерна почти для всех тюркских языков Сибири и Алтая, а также для языков кыпчакской и карлукско-уйгурской групп, вторая — для диалектов хакасского языка, третья — главным образом для языков огузской группы, отчасти для алтайского, хакасского, шорского и некоторых других, четвертая — для чувашского, пятая — для алтайского, тувинского, хакасского, шорского и туркменского языков.

Варианты с удлинением конечного гласного основы и вариант *-а* в языках Сибири и Алтая восходят к одному из вариантов первой группы: шор. *тэрэ̄* 'к шкуре' (< *тэрэгэ*); тув. *бöрэ̄* 'волку' (< *бöрүгэ*), *мэ̄* 'мне' (< *мäңэ*), *сэ̄* 'тебе' (< *сäңэ*), *ō* 'ему' (< *оŋо*); алт. (диал.) *таңа* 'заре' (< *таңŋа*). К нему же восходит якутский вариант *-ңа*. Не совсем ясно, в каком отношении к вариантам первой группы находится вариант *-а* в огузских языках. Д. Синор считал его самостоятельным «аффиксом места» (*ас-р-а*, *кiс-р-ä*, *їз-ä*), выполнявшим функции дательного падежа и вошедшим в состав аффиксов дательного и местного падежей *-ŋа*, *-да*.[45] Придержи-

с. 175. Ср.: Кучигашева Н. А. Имя существительное. — Зап. Горно-Алтайского НИИИЯЛ, 1962, 5, с. 21 и сл.

[39] См.: Мухиев Х. Нохурский диалект туркменского языка. АКД. Ашхабад, 1959, с. 10.

[40] См.: Патачакова Д. Ф. Категория падежа в качинском диалекте хакасского языка. — ВДТЯ, IV, Баку, 1966, с. 158.

[41] См.: Убрятова Е. И. Якутский язык. — В кн.: Языки народов СССР, II. М., 1966, с. 412.

[42] См.: Эгамов В. 1) Галля-аральский говор Самаркандской области. АКД. Самарканд, 1954, с. 17; 2) Самарқанд областининг Ғаллаорол шеваси. Самарқанд, 1970, б. 65.

[43] См.: Миржанова С. Ф. Кубалякский говор башкирского языка. АКД. Уфа, 1967, с. 12—13.

[44] См.: Юсупов Х. Г. Асинский говор башкирского языка. АКД. М., 1955, с. 10.

[45] Sinor D. À propos de la biographie ouigoure de Hiuan-tsang. — JA, 1939, CCXXXI, p. 556—560.

ющиеся аналогичной точки зрения Б. А. Серебренников и К. Г. Менгес рассматривают *-а* как древнейший показатель дательного (дательно-направительного) падежа,[46] который в сочетании с *-k*, также являвшимся, по их мнению, аффиксом дательного падежа,[47] образовал аффикс *-ka*.

Существование в тюркских языках падежного аффикса *-k* не подтверждается какими-либо фактами, если не считать попытки Б. А. Серебренникова обнаружить его в составе аффикса *-мак*, образующего имя действия, и в составе аффикса *-ачак* ~ *-аҗак*, являющегося показателем будущего времени в огузских языках. Таким образом, и наличие в *-ка* «древнейшего показателя дательного падежа» *-а* остается недоказанным. Очевидно, аффикс *-а* в огузских языках восходит к *-ға*, о чем писал еще О. Бётлингк.[48] Как можно предположить, преобразование *-ға* в *-а* происходило вначале только в пределах личных местоимений, ср. гаг. *бана* 'мне', *сана* 'тебе', *она* 'ему'; кирг. *маға*, *саға*, *аға*, позднее распространилось на существительные с конечным звонким согласным, а затем, по аналогии, в ряде тюркских языков стало всеобщим.

Что касается формы дательного падежа типа *маған* 'мне', то В. В. Радлов объяснял ее как дальнейшее развитие формы на *-ғар* и связывал этот процесс с фонетическим преобразованием одного из компонентов — аффикса *-ру* (> *р* > *н*).[49] В интерпретации В. Банга *н* — аффикс, некогда образовывавший форму аллатива, или специальный морфологический элемент, создававший эффект «усиленного дательно-направительного падежа».[50] В. Котвич допускал возможность образования *маған* из *маңға* путем метатезы.[51]

В якутском *-ігэ* последний компонент рассматривается как отражение общетюркского *-ға* ~ *-ка*, первый — как сочетание *і* с архаическим аффиксом дательного падежа *-э*(?).

I, 4. К числу основных вариантов винительного падежа (Accusativus, Accusativus definitus) мы относим следующие: I. *-нӥ* ~ *-нӥ̆* ~ *-ну* ~ *-нӧ* ~ *-дӥ*(*-дӥ̆*) ~ *-дӥ̆* ~ *-ду* ~ *-дӧ* (*-дӧ*) ~ *-тӥ* ~ *-тӥ̆* ~ *-ту* ~ *-тӧ*; II. *-нӥ* ~ *-ну*; III. *-ді* ~ *-дӧі* ~ *-ті* ~ *-ні* ~ *-мі* ~ *-пі* ~ *-зі* ~ *-ші* ~ *-ві* ~ *-лі* ~ *-сі* ~ *-рі* ~ *-хі* ~ *-чі*; IV. *-(j)ӥ* ~ *-(j)у* ~ *-нӥ* ~ *-ну*; V. *-ӥ* ~ *-у* ~ *-јӥ* ~ *-ју*; VI. *-а* ~ *-на*. Условно сюда же может быть отнесен и аффикс *-ӥҙ*. Примеры: азерб. *ананӥ* 'мать', *адамӥ* 'человека', азерб. (диал.) *буҙдују* 'пшеницу', *көрпүјү* 'мост';[52]

---

[46] Серебренников Б. А. К вопросу о происхождении элемента *k* (*g*, *q*, *γ*) в окончаний дательно-направительного падежа в тюркских языках. — Краткие сообщения Ин-та народов Азии, 83, монголоведение и тюркология, М., 1964, с. 69—71; Menges K. H. The Turkic Languages and Peoples. An Introduction to Turkic Studies. — Ural-Altaische Bibliothek, Wiesbaden, 1968, XV, p. 110.

Дж. Г. Киекбаев возводит аффикс дательного падежа *-ка* ~ *-ға* к сочетанию аффикса датива *-а* с аффиксом винительного падежа *-ӥҙ*. См.: Киекбаев Дж. Г. О происхождении некоторых падежных форм в урало-алтайских языках в свете теории определенности—неопределенности, с. 177.

[47] Первая попытка разложить аффикс *-ка* на значимые морфологические элементы была предпринята В. Бангом, который сопоставил *k* с начальным согласным в аффиксе *-ki*, ср. *taшkі* 'внешний' (предположительно, «падеж положения, покоя») и конечным согласным в словах *jak*, *cak*, *сарк* 'сторона'. Сам В. Банг, однако, признавал проблематичность подобных сопоставлений. См.: Bang W. Vom Köktürkischen zum Osmanischen, 1, S. 52.

[48] Böhtlingk O. Über die Sprache der Jakuten, S. 160.

[49] Radloff W. 1) Die jakutische Sprache in ihrem Verhältnisse zu den Türksprachen, S. 38; 2) Die alttürkischen Inschriften der Mongolei. NF, S. 79.

[50] Bang W. Vom Köktürkischen zum Osmanischen, 1, S. 38—39. Ср.: Ишаев А. *Маған, саған, оған* ҳақида. — ЎТА, 1972, № 5, б. 49. Ср. также: Сертян Э. В. Категория падежа, с. 50.

[51] Kotwicz W. Contributions aux études altaïques, V. *N* nominal, p. 134. См. также: Исхаков Ф. Г. Местоимения. — ИСГТЯ, II, с. 223; Эгамов В. Самарқанд областининг Ғаллаорол шеваси, б. 65; Шоиноятова М. Ш. Ўзбек шеваларида келишиклар. Канд. дисс. (Рукопись). Тошкент, 1971, б. 64.

[52] См.: Чәфәров Һ. Тавус шивәләринин бә'зи морфоложи хүсусиййәтләри һаггында. — Уч. зап. Кировабадского ГПИ, 1956, 4, с. 140.

алт. *каптї* 'мешок', *їгїні* 'филина', *карді* 'снег', *мәні* 'меня', *сәні* 'тебя'; башк. *їулді* 'дорогу', *кŏштŏ* 'птицу', *даланї* 'степь', *hŏлдŏ* 'овес'; узб. (диал.) *кöппі* 'много', *эшші* 'плов', *ішті* 'работу', *сізді* 'вас';[53] др.-тюрк. *атїƃ* 'лошадь', *бодунуƃ* 'народ', *каƃанїƃ* 'кагана', *кішіг* 'человека'. В караимском, кумыкском, татарском, тувинском, хакасском и других языках у имен в форме принадлежности 3-го лица единственного числа, а в якутском языке у имен в форме принадлежности всех трех лиц единственного и множественного числа употребляется стяженная разновидность аффикса винительного падежа — *-їн*, которую рассматривают либо как окончание именительного падежа притяжательного склонения, либо как особую морфему,[54] ср. алт., хак., шор. *адїн*, башк., кум. *атїн*, гаг. *атїнї*, узб. *этіні* 'его коня'; якут. *атїбїн* 'моего коня', *атїƃїн* 'твоего коня', *атїтїн* 'его коня', *атїбїтїн* 'нашего коня', *атїƃїтїн* 'вашего коня', *атларїн* 'их коня', *мі(j)ігін* 'меня', *ƶjігін* 'тебя'.[55] В карачаевском и кумыкском языках вследствие ассимиляции начального согласного аффикса конечным согласным основы и последующего упрощения группы согласных, аффиксы родительного и винительного падежей после аффикса принадлежности 1-го лица ед. числа приняли форму *-і ~ -у*: карач. *атамі* 'моего отца', *колуму* 'моей руки', 'мою руку'; кум. *анамї* 'моей матери', 'мою мать'.

Варианты, входящие в первую группу, имеются почти во всех тюркских языках, кроме огузских и некоторых других, варианты второй группы — в караимском, карачаево-балкарском и кумыкском языках, варианты третьей группы — в говорах узбекского и других тюркских языков, четвертой — в азербайджанском, туркменском и якутском, пятой — в гагаузском и турецком языках, а также в говорах азербайджанского языка,[56] шестой — в чувашском. Вариант *-їƃ* встречается только в памятниках древнетюркской письменности.

Причины появления вариантов, различающихся качеством начального согласного, чисто фонетические и, в общем, такие же, как и те, которые обусловили многообразие вариантов аффикса родительного падежа.

Вопрос о соотношении вариантов с начальным *н* и без *н* подробно обсуждался выше (см. с. 31).

При почти полном единодушии тюркологов относительно сближения вариантов *-ї* и *-нї* обнаруживается резкое расхождение мнений по вопросу о возможности объединения с ними варианта *-їƃ*. В. В. Радлов категорически отрицал такую возможность и считал *-їƃ*, предположительно, аффиксом, который функционально соответствовал определенному артиклю (<? *-ƃї*) и был вытеснен у имен местоименным аффиксом винительного падежа *-ї*.[57] П. М. Мелиоранский, напротив, склонен был видеть в *-їƃ* «древнюю побочную форму окончания *-ї* в наречиях османском, азербайджанском и якутском».[58] Точка зрения В. Банга, в основном совпадающая с точкой зрения П. М. Мелиоранского, содержит ряд оригинальных моментов, в частности, указание на то, что аффикс *-ї* в языках огузской группы развился из *-їƃ* в результате выпадения конечного *ƃ*.[59]

---

[53] См.: Афзалов Ш. А. Паркентский говор узбекского языка. АКД. Ташкент, 1953, с. 14; Фафурова Н. Ниёзбоши шевасида эгалик ва келишик қўшимчалари, б. 62—63; Турғунов Т. Ғарбий Фарғона шеваларининг муҳим хусусиятлари, б. 63.

[54] Radloff W. Die alttürkischen Inschriften der Mongolei. NF, S. 82.

[55] В формах *міjігі*, *ƶjігі* С. В. Ястремский выделял аффикс родительного падежа *-jі* и *-кі*. См.: Ястремский С. В. Падежные суффиксы в якутском языке, с. 32. У Э. В. Севортяна *-jі* — аффикс винительного падежа. См.: Севортян Э. В. К истории падежной системы в тюркских языках. — Уч. зап. ВИИНЯ, 1948, № 6, с. 92.

[56] Рустамов Р. А. Роль диалектных данных азербайджанского языка при разработке сравнительной грамматики тюркских языков. — ВДТЯ, III, Баку, 1963, с. 14.

[57] Radloff W. Die alttürkischen Inschriften der Mongolei. NF, S. 77, 85.

[58] Мелиоранский П. М. Памятник в честь Кюль Тегина, с. 28.

[59] Bang W. Vom Köktürkischen zum Osmanischen, 1, S. 14.

Есть все основания думать, что аффикс *-ïŋ* — древнейшая разновидность показателя винительного падежа и что он использовался одинаково для всех имен. Мы не можем, например, игнорировать то обстоятельство, что в памятниках рунической письменности, при наличии четко выраженных языковых особенностей южного типа, отсутствует форма винительного падежа на *-ï*. С другой стороны, объяснение *-ï* из *-ïŋ* не представляет каких-либо трудностей с точки зрения фонетики тюркских языков. Нетрудно сблизить с *-ïŋ* и вариант *-нї*, развившийся в результате наложения парадигмы притяжательного склонения на простую парадигму (см. выше, с. 33).

Совпадение вариантов аффикса винительного и аффикса родительного падежей является следствием поздних преобразований и не имеет отношения к их генезису.

I, 5. Варианты аффикса местного падежа (ср. местно-временной, локативный, Locativus): *-да ~ -до ~ -та ~ -то ~ -ла ~ -ло ~ -за ~ -зо ~ -δа ~ -са ~ -со ~ -на ~ -но*. Примеры: алт. *туда* 'на горе', *ӧмдӧ* 'в лекарстве', *ойдо* 'на овце', *тошто* 'на льду', *каста* 'на гусе', 'у гуся', *бістӧ* 'у нас', *олордо* 'у них'; башк. *юлда* 'на дороге', *башта* 'на голове', *кадда* 'на гусе', 'у гуся', *далала* 'в степи', *калала* 'в городе', *міндә* 'у меня', *бĭддә* 'у нас', *уларда* 'у них'; чуваш. *лажара* 'на лошади', *хулара* 'в городе', *вăрманда* 'в лесу', *кілдӗ* 'в доме', *шурда* 'в болоте', *тірзӗнĭӗ* 'на кожах', *улăхра* 'на лугу', *манра* 'у меня', *пірдӗ* 'у нас', *унра ~ унда* 'у него'.

Варианты *-δа, -ла* прослеживаются в башкирском языке, варианты *-ра, -чӗ* — в чувашском, *-за, -на* — в диалектах туркменского языка.[60]

В якутском языке с аффиксом *-да ~ -та* надежно сближается показатель частного или партитивного падежа (см. ниже, с. 57). Кроме того, общетюркский аффикс *-да ~ -та* является частью сложного аффикса *-дāŋї ~ -тāŋї*, образующего относительные прилагательные со значением места или времени. По-видимому, он вошел также в состав некоторых наречий и стал одним из компонентов аффикса сравнительного падежа *-тāŋар*.[61] В собственном значении аффикс *-да* (>*-на*) в якутском языке обнаружен у местоимений, ср. *манна* 'здесь', *суманна* 'вот здесь', *ітіннӕ* 'вот там', *онно* 'там', *сонно* 'именно там',[62] однако О. Бётлингк возражал против сопоставления якутского *-на* с общетюркским *-да*, ссылаясь на то, что *-на* является, кроме того, аффиксом частного падежа притяжательного склонения, где, по его мнению, не было условий для ассимилятивного изменения *д* в *н*.[63] В связи с этим К. Шрифль высказал предположение, что *д* в аффиксе частного падежа притяжательного склонения выпал и поэтому начальный согласный аффикса восходит не к *д*, а к так называемому вставочному *н*.[64] Не исключен и иной путь появления *н* в указанном аффиксе: вначале *д* подвергся ассимиляции, а затем слился с «вставочным» *н*. Ср. якут. *ісінăгі* 'находящийся внутри' (< *ічіннăгі* < *ічіндăгі*).

Говоря о фонетических условиях образования вариантов аффикса *-да* в чувашском языке, отметим прежде всего переход *т* в *ч* в положении после аффикса множественного числа *сӗн*, вызванный мягкостью конечного *н*.[65] После гласных и всех согласных, кроме *л*, *р*, *н*, в чувашском языке используется вариант *-ра* (в порядке исключения данный вариант возможен и после *л*, ср. *хӗвӗлрӗ* 'на солнце').[66] Примечательно, что в па-

[60] См.: Атаҗанов М. Түркмен дилиниң салыр диалектинде исимлериң морфологик айратынлыклары. — Тр. ИЯЛ АН Туркменской ССР, 1959, III, с. 83.

[61] См.: Schriefl K. Der Lokativ im Jakutischen. — KSz, 1909, X, S. 214.

[62] См.: Ястремский С. В. Падежные суффиксы в якутском языке, с. 18—19; Radloff W. Die jakutische Sprache in ihrem Verhältnisse zu den Türksprachen, S. 33—35.

[63] Böhtlingk O. Über die Sprache der Jakuten, S. 175.

[64] Schriefl K. Der Lokativ im Jakutischen, S. 212.

[65] См.: Ашмарин Н. И. Материалы для исследования чувашского языка, II. Морфология. Казань, 1898, с. 124.

[66] Там же, с. 120. См. также: Benzing J. Tschuwaschische Forschungen (IV). Die Kasus, S. 437.

мятниках рунической письменности аффикс местного падежа после *л*, *р*, *н* преимущественно — *-та*, тогда как во всех других случаях — *-да*. Следовательно, вариант *-ра* должен был развиться из варианта *-да*, в котором начальный согласный, попадая в условия, способствовавшие его спирантизации, переходил в *р*.

Вариант *-ла* в башкирском языке встречается после основ на гласный, что, на первый взгляд, свидетельствует о фонетической обусловленности начального *л*. Более конкретная причина появления этого варианта пока не ясна. Б. А. Серебренников считает, что появление *-ла* в окончании местного падежа — результат сложных морфологических ассоциаций, отправной точкой для которых послужили формы типа *калалар* 'города' и *урамдар* 'улицы'. Наличие последних создавало у говорящих представление о том, что аффикс *-лар* развился из аффикса *-дар* и что *д* в положении между гласными переходит в *л*. Под влиянием этой ассоциации *д* в форме *калада* изменился в *л*.[67] Другое решение было предложено Дж. Г. Киекбаевым, указавшим на генетическую связь башкирского *-ла* с аффиксом местного падежа «*-ла* ~ *-лэ* в тунгусо-маньчжурских языках, в частности, в эвенкийском и эвенском».[68]

І, 6. М. Левицкий был, пожалуй, первым, кто недвусмысленно и с большой убежденностью заявил о том, что в древнетюркском языке существовали формы местно-дательного падежа с аффиксами *-ра, -ру, -рї*, восходящие к единой праформе.[69] О существовании в древнетюркском языке форм на *-ра*, *-ру*, *-рї* писал также В. Котвич, сопоставивший их с монгольскими наречиями типа *dotora* 'внутрь', *γadara* 'наружу', *inaru* 'до', *činaru* 'после' и вопросительным и указательным местоимениями *xāru* 'куда', *tere* 'тот'.[70] Наличие падежной формы на *-ру* признавали К. Брокельман [71] и Г. Рамстедт, причем последний сопоставил ее, как и В. Котвич, с соответствующей формой в монгольских языках [72] и высказал предположение о развитии аффикса *-ру* из китайского **lu* 'путь, дорога'.[73]

Компетентные высказывания М. Левицкого, В. Котвича, К. Брокельмана и Г. Рамстедта вызвали большой интерес у тюркологов и способствовали тому, что формы на *-ра, -ру, -рї* стали объектом специальных историко-грамматических исследований. Основное внимание уделялось уточнению места, занимаемого перечисленными формами в падежной парадигме. Вместе с тем не прекращались попытки обосновать реконструкцию праформ, выразившиеся в конечном итоге в указании на наличие в древнетюркском и современных тюркских языках: 1) наречий и послелогов *аспа* 'внизу', *ічрä* 'внутри', *кэрї* 'сзади', 'после, затем', *öңрä* 'впереди', 'вперед', *соңра* 'затем, после', *üзрä* 'над',[74] *кэңрү* 'широко', *јаңару* 'в сто-

---

[67] Серебренников Б. А. О двух случаях загадочного изменения звуков башкирского языка и его диалектов. — БДС, с. 139.

[68] Киекбаев Дж. Г. Программа курса «Историческая грамматика башкирского и татарского языков» (для филологического факультета Башкирского государственного университета). Уфа, 1967, с. 14.

[69] Lewicki M. Przyrostki przysłówkowe *-ra* ~ *-rä*, *-ru* ~ *-rü*, *-rï* ~ *-ri* w językach ałtajskich. — CO, 1938, № 15, s. 41.

[70] Kotwicz W. 1) Les pronoms dans les langues altaïques. Kraków, 1936, p. 65—67; 2) Studia nad językami ałtajskimi. — RO (1950), 1953, XVI, s. 288—289. Ср.: Radloff W. Die alttürkischen Inschriften der Mongolei. NF, S. 84—85; Poppe N. Grammar of Written Mongolian. Wiesbaden, 1954, p. 59.

[71] Brockelmann C. Osttürkische Grammatik der islamischen Literatursprachen Mittelasiens, 1—7. Leiden, 1951—1954, S. 157 ff.

[72] Рамстедт Г. И. Введение в алтайское языкознание, с. 45.

[73] Там же, с. 53.

[74] См.: Räsänen M. Materialien zur Morphologie der türkischen Sprachen. — StO, 1957, XXI, S. 63—64; Menges K. H. The Turkic Languages and Peoples. An Introduction to Turkic Studies, p. 115.

..., *аңару* 'туда';[75] 2) живых падежных форм *jўрäкрä* 'в сердце' (*jа-ң jўрäкрä урдї* 'он попал в сердце слона'),[76] *шадра* 'к шаду' (*тар-шадра удї jаӡдїмїз* 'мы рассеяли врагов, следуя в направлении тар-кого шада'),[77] *башра* 'по голове, в голову' (*олар іккі башра какїштї* ..оба били друг друга по голове'), *көзрä* 'по глазам, в глаза', *тўбрä* ..рень, за корень' (*матїӈ көзрä тіканіг тўбрä* 'татов [бей] по глазам, ..чку [хватай] за корень',[78] *ӡбімрў* ~ *ӡбімäрў* 'к моему становищу' (*бас-jаӈїдїп ӡбімäрў бардї* 'став врагами [мне], басмылы отправились ..му становищу');[79] 3) формы направительного падежа на *-ӈару*, обра-шейся, по мнению некоторых тюркологов, путем сложения аффикса ..льного падежа *-ӈа* с аффиксом местно-направительного падежа *-ру -ра*.[80]

Хотя выделение форм на *-ра*, *-ру*, *-рї* получило признание широкого ..га специалистов, сомнения относительно существования в тюркском ..зыке подобных падежных форм полностью не рассеялись. Эти сом-ня своеобразно выразил Н. К. Дмитриев, поставивший тур. *ўзрэ* ..ласно', *сонра* 'после' и *ташра* 'провинция' в один ряд с *бура*, *ора*, ..л в наречиях *бурада* 'здесь', *орада* 'там', *шурада* 'там' и присоеди-..нился к предположению В. В. Радлова [81] относительно того, что *-ра* ..ра, *ора*, *шура* восходит к слову *ара* 'середина, промежуток'.[82] А. Н. Са-..нович в виде предположения указал на наличие в составе аффикса *-ра* ..причастной приставки» *-а*,[83] К. Грёнбек отметил многочисленные ..аи образования наречий и послелогов от глагольных основ,[84] а А. Зай-..ковский изобразил тот путь, по которому происходило превращение ..из окончания деепричастия в аффикс именных форм: «. . .весьма ве-..но, что направительный суффикс *-ра*, *-ру* появился благодаря ..разложению деепричастий, ... данных от каузативных глаголов *-р*. И поскольку такие деепри... часто обозначают направление, ..начание *-ра* было воспринято как направительный суффикс, так что ..мощью его стали образовывать формы от имен».[85] А. Габен вообще ..ргла возможность интерпретации *-ра* как падежного аффикса.[86] Все ..обязывает нас отнестись с осторожностью к восстановлению обще-

[75] См.: Mansuroğlu M. 1) Das Karakhanidische. — Fundamenta, I, S. 101; ..as Altosmanische. — Там же, S. 170. К. Каримов относит сюда же др.-тюрк. *jару* ..?), *орў*, *нару*, *тапару*, *јандру*. См.: Каримов Қ. «Қутадғу билик» тилида ..шик аффикслари ва уларнинг шакланишидаги фонетик қонуниятлар. — ЎТАМ, .. № 2, б. 64.

[76] См.: Müller F. W. K. Uigurica III. Uigurische Avadāna-Bruchstücke (I— .. Berlin, 1922, S. 58_4.

[77] См.: Tekin T. A Grammar of Orkhon Turkic. — Uralic and Altaic Series, Bloomington, 1968, p. 135.

[78] См.: Brockelmann C. Osttürkische Grammatik der islamischen Literatur-..hen Mittelasiens, S. 158.

[79] См.: Tekin T. A Grammar of Orkhon Turkic, p. 135.

[80] См.: Radloff W. Die alttürkischen Inschriften der Mongolei. NF, S. 31, 65; ..ортян Э. В. Категория падежа, с. 60; Menges K. H. The Turkic Langua-..nd Peoples, p. 111.

[81] Radloff W. Die alttürkischen Inschriften der Mongolei. NF, S. 85.

[82] Дмитриев Н. К. 1) Наречия места в турецком языке. — В кн.: Памяти ..ника Л. В. Щербы. Л., 1951, с. 157; 2) Служебные имена в турецком языке. — ..: Строй тюркских языков. М., 1962, с. 130—131. См. также: Ашнин Ф. Д. ..имологии азербайджанских, гагаузских, крымско-татарских и турецких имен ..ига [*бура*] 'это место'. — В кн.: Тюркологические исследования. М.—Л., 1963, ..—105. В. Банг считал *бура*, *ора*, *шура*, как и *ташра*, *ичрä*, архаическими па-..ми образованиями на *-ра*. См.: Bang W. Vom Köktürkischen zum Osmani-.. 1, S. 10.

[83] Самойлович А. Краткая учебная грамматика современного османско-..кого языка. Л., 1925, с. 91.

[84] Grönbech K. Der türkische Sprachbau, I, S. 40 ff.

[85] Zajączkowski A. Sufiksy imienne i czasownikowe w języku zachodnio-..mskim. — Prace Komisji Orjentalistycznej, Kraków, 1932, № 15, s. 166.

[86] Gabain A. Über Ortsbezeichnungen im Alttürkischen. — StO, 1950, XIV_5,

тюркских падежных форм на *-ра*, *-ру*, *-рї* и тщательно разобраться в тех фактах, которые были приведены выше.

Поскольку в специальной литературе *-ра*, *-ру*, *-рї* иногда фигурируют как разные по происхождению аффиксы, целесообразно рассматривать каждый из них в отдельности.

А) Количество наречий и послелогов на *-ра*, встречающихся в древних и современных тюркских языках, невелико (20—25), но это, разумеется, не играет решающей роли при определении степени обоснованности реконструкций. Гораздо важнее учет функциональных и семантических особенностей каждой формы. Примечательно, например, что слова *бурада* (*бура*) 'здесь', *орада* (*ора*) 'там', *нәрә* 'что за местность?' в турецком языке, *hара* 'куда?' в азербайджанском и *kajpa* 'куда?' в караимском в выражении места или направления сохранили следы предметного лексического значения, и поэтому сопоставление входящих в них компонентов *-ра*, *-рә* со словом *ара* 'среда', 'место', 'промежуток' и со словом *jәр* 'земля' в форме дательного падежа не требует особых доказательств.[87] Ср. аналогичные образования, включающие слова *jәр* 'земля', *jak* и *jэн* 'сторона' в узбекском языке: *kajәрга*, *kajэkka*, *kajэн* 'куда?'; ср. также: узб. (диал.) *бәра* (< *бу jәрга*) 'сюда', *шәра* (< *шу jәрга*) 'сюда', *ўра* (< *у jәрга*) 'туда';[88] уйг. *мәшәдә* (< *мана шу jәрдә*) 'здесь', *машакка* (< *мана шу jakka*) 'сюда'.[89] В семантике же таких наречий и послелогов, как др.-тюрк. *тәгрә* 'вокруг'; алт. *ажїра* 'больше, сверх', *кәчірә* 'через', *өткўрә* 'через, сквозь', *kajpa* 'назад, обратно', *удура* 'навстречу, напротив';[90] туркм. *ҕajpa* 'назад'; хак. *ібїрә* 'вокруг', *індїрә* 'вниз', *нандїра* 'назад', *тәрә* 'до', *тўңдәрә* 'вниз лицом', 'вверх дном', *чітїрә* 'до',[91] заметно присутствие процессуальных моментов, что может быть истолковано как следствие их глагольного происхождения.

В тюркских языках большое количество наречий и послелогов появилось в результате обособления и грамматикализации деепричастий, ср. др.-тюрк. *кәсә* 'кратко, ясно' (*кәс-* 'резать'), *оза* 'прежде, раньше' (*оз-* 'опережать'); алт. *ала* 'с, от' (*ал-* 'брать'); тур. *гөрә* 'согласно, судя по' (*гөр-* 'видеть'); узб. *баса* 'затем' (*бас-* 'наступать'), *jана* 'еще' (*jан-* 'возвращаться'), *kajта* 'снова' (*kajт-* 'возвращаться'), и это дает нам право поддержать мысль о том, что некоторые формы на *-ра* являлись исторически деепричастиями, образованными от производных глагольных основ на *-р* или от форм побудительного залога: др.-тюрк. **тәгір-* 'окружать'; алт. *кәчір-* 'перевозить, переносить', *ажір-* 'переправить, переводить'; хак. *ібїр-* 'окружать', *індїр-* 'спускать вниз', *нанбїр-* 'возвращать', *тәр-* 'задевать', 'дотрагиваться', *тўңдәр-* 'опрокидывать, переворачивать', *чітїр-* 'доводить, доставлять'. А. Габен допускает связь с деепричастием и др.-тюрк. *ташра* 'вне, снаружи',[92] и надо сказать, что такая связь подтверждается рядом фактов, ср. тур. *ташра* 'провинция', *ташїр-* 'пить через край'; якут. *таһāра* ~ *таһарā* 'вне, наружу', *тāһар-* 'выводить наружу', 'выносить'.[93] Не исключено, что и остальные шесть наречий и послелогов, морфологи-

---

[87] Убедительные доводы и многочисленные факты, свидетельствующие в пользу подобного сопоставления, приведены в работе Ж. Дени. См.: Deny J. Grammaire de la langue turque, p. 604. См. также упомянутую выше статью Ф. Д. Ашнина.

[88] См.: Мамедов С. А., Киличев Э. Р., Нигматов Х. Г. Рец.: Мирзаев М. М. Ўзбек тилининг Бухоро группа шевалари. Тошкент, 1969. — СТ, 1972, № 4, с. 137.

[89] См.: Джамалдинов О. Наречие в современном уйгурском языке. АКД. Алма-Ата, 1965, с. 9.

[90] См.: Тощакова Т. М. Послелоги в алтайском языке. — Уч. зап. Горно-Алтайского НИИЯЛ, 1956, 1, с. 44—50; Кучигашева Н. А. 1) Значение и употребление пространственных падежей (дательного, местного и исходного) в современном алтайском языке. АКД. М., 1955, с. 14; 2) Наречие в алтайском языке. — В кн.: Материалы по общей тюркологии и дунгановедению. Фрунзе, 1964, с. 57.

[91] См.: Grönbech K. Der türkische Sprachbau, I, S. 39, 45.

[92] Gabain A. Alttürkische Grammatik. Leipzig, 1950, S. 90.

[93] См.: Пекарский Э. К. Словарь якутского языка. Л., 1927, с. 2594. См. также: Böhtlingk O. Über die Sprache der Jakuten, S. 214.

ческий состав которых до сих пор окончательно не установлен, восходят к деепричастиям, образованным, однако, не от первичных, а от вторичных (отыменных) глагольных основ, ср. алт. *öң* 'перед', *öңör-* 'посадить в седло впереди себя'; тат. *сүң* 'последний', *сүңгар-* 'опаздывать'. В современных языках такие основы почти не сохранились, что объясняется временно́й и ареальной ограниченностью данного типа. Чтобы не оставалось неясностей в этом отношении, напомним, что из семи «трудных» наречий и послелогов на *-ра* наибольшее количество встречается в орхоно-енисейских текстах (*асра*, *ічрä*, *кəсрä*, *öңрä*, *ташра*), турецком (*ічрə*, *соңра*, *ташра*, *üзрə*), азербайджанском (*ічрä*, *соңра*, *üзрä*), туркменском (*ічрə*, *ѳоңра*, *üѳрə*) и узбекском (*ічра*, *сүңра*, *үзра*) языках, наименьшее — в балкарском (*сора*, ср. *соңура*),[94] казахском (*соңғра*), караимском (*сондра* в *сондрада*), татарском (*сүңра*) и якутском (*таһāра* ~ *таһарā*). Итак, мы имеем дело с архаическим образованием, сфера употребления которого с течением времени суживается: старые наречия и послелоги на *-ра* от вторичных (отыменных) глагольных основ постепенно исчезают, а появление новых практически не имеет места, так как аффиксы *-а*, *-(а)р*, при помощи которых образовывались глагольные основы от имен, давно и полностью утратили продуктивность.[95]

Из привлекаемых тюркологами примеров живых падежных форм два, *jүрäкрä* 'в сердце' и *шадра* 'к шаду', спорные: первый — из-за сходства, а нередко и совпадения букв уйгурского алфавита, передающих *к(г)* и *р*, второй — из-за неясности текста (допустимо, как полагал В. В. Радлов, чтение *шад ара*: «[следуя] в составе [войска тардушского] шада», ср. в Онгинской надписи: *оɣуз ара* 'среди огузов'; ср. также: ст.-узб. *көз ара* 'между глаз', *jүз мің тікан ара* 'между ста тысячами шипов'). Остальные примеры, взятые из словаря Махмуда Кашгари, *башра*, *көзрä*, *түбрä*, а также примеры из старотурецкого языка *jолїра*, *дəпəрə*, *башра* (*башра башра камчї ілə урмактїр*),[96] на первый взгляд, убедительны. Однако при более глубоком подходе к ним возникают сомнения и недоуменные вопросы. В этих примерах *-ра* используется в качестве живого морфологического элемента, с чем трудно совместить его предельно ограниченное употребление. Если аффикс *-ра* был живым морфологическим элементом в древнетюркском языке, то кажется странным отсутствие его как такового в памятниках руни́ческой письменности, в древнеуйгурских текстах. Наконец, примеры из словаря Махмуда Кашгари и из памятников старотурецкого языка настораживают еще и потому, что передаваемые ими значения не обнаруживают ничего специфического по сравнению с содержанием формы дательного падежа. Хотя вопрос о морфологическом составе словоформ *башра*, *көзрä*, *түбрä*, *jолїра*, *дəпəрə* остается открытым, совершенно очевидно, что восстановление общетюркской формы направительного падежа на *-ра* на основе этих последних примеров было бы неоправданным риском. Может быть не случайно аффикс *-ра* выступает только у Махмуда Кашгари и в старотурецких текстах, часть которых — переводы с персидского. Как известно, в иранских языках широко употребителен послелог *ра*, выражающий наряду с другими значениями направительное.[97]

---

[94] См.: Аппаев А. М. Диалекты балкарского языка в их отношении к балкарскому литературному языку. Нальчик, 1960, с. 31.

[95] См.: Севортян Э. В. Аффиксы глаголообразования в азербайджанском языке. Опыт сравнительного исследования. М., 1962, с. 203 и сл.

[96] См.: Duran S. Türkçede cihet ve mekân gösteren ek ve sözler. — TDAY. Belleten, 1956, s. 19; Korkmaz Z. Türkçede eklerin kullanılış şekilleri ve ek kalıplaşması olayları. — Ankara üniversitesi dil ve tarih-coğrafya fakültesi yayınları, № 124, türk dili ve edebiyatı serisi, 1962, № 19, s. 8—9.

[97] См.: Овчинникова И. К. Использование послелога *ра* (ڑ) в произведениях таджикских и персидских классических авторов (XI—XV вв.). — Тр. ИЯ АН СССР, 1956, VI, с. 396 и сл.

Б) Наречия и послелоги на *-ру* выступают не реже, чем наречия и послелоги на *-ра*, но главным образом в старописьменных текстах. Помимо примеров, приведенных М. Мансуроглу — *кэңрӱ* 'широко' и *јаңару* 'в сторону' — известны следующие: *акуру ~ акру* 'медленно, тихо', *аркуру* 'поперек', *бэкрӱ* 'крепко', *бӱтӱрӱ ~ бӱтрӱ* 'полностью, целиком', *јаӈуру ~ јаӈру* 'близко', *јандуру ~ јантуру ~ јандру* 'снова'. *јэтірӱ ~ јэтрӱ* 'до', *көрӱ* 'по сравнению', *кіӈру* 'косо', *кутуру* 'полностью', *өрӱ* 'вверх, вверху', *өткӱрӱ* 'через', *өтӱрӱ ~ өтрӱ* 'потом, затем', *ташру* 'вне', *утру* 'напротив'. Нет необходимости доказывать, что все они являются по происхождению деепричастиями. В связи с этим снимается вопрос о соотношении *-ра* и *-ру*, так как параллельные формы, например *ташра* и *ташру*, *көрӓ* и *көрӱ*, *утура* и *утру*, отражают вариативность древних деепричастий, ср. *бара ~ бару ~ барї*.

Единственная живая падежная форма на *-ру(-ару)* — *ӟбімӓрӱ*, отмеченная в тексте Моюн-чура. Принимая во внимание обычное для этого и других орхоно-енисейских текстов выпадение *ӈ(г)* после *м* (ср. *ӟбімӓ* 'в мое становище', *оӈлума* 'моим сыновьям'), нетрудно согласиться с тем, что *ӟбімӓрӱ* — дальнейшее развитие формы направительного падежа на *-ӈару* (*ӟбімгӓрӱ*). Именно в таком виде аффикс *-ӈару* известен языкам южной группы, ср. тур. *ілӟрі* 'вперед, впереди', *ічӟрі* 'внутрь, внутри', *дїшарї* 'вне, снаружи'.

Предположение о наличии аффикса *-ру* в составе аффикса направительного падежа *-ӈару* не может быть использовано в качестве аргумента, так как нет никаких фактов, прямо или косвенно указывающих на допустимость членения *-ӈару* на *-ӈа* и *-ру*.[98] Попутно заметим, что формы направительного падежа в современных тюркских языках — относительно поздние образования, развившиеся из служебных слов, ср. хак. *көлзӟр* 'к озеру', *аӈассӓ* 'к дереву'; тув. *даӈдїва* 'к горе', *оптува* 'к огню'. Ср. также: алт. *тура д'ӓр*, *тура дӧн* 'к дому'.[99]

В) На основании изложенного становится очевидным, что и форма на *-рї*, располагающаяся в одном ряду с наречиями и послелогами на *-ра*, *-ру*, должна рассматриваться как деепричастное образование. Правда, возможны исключения, например алт. *ӱзӟрі* 'сверх', 'на, к', по-видимому, — форма древнего направительного падежа на *-ӈарї*.

Таким образом, реконструкция в тюркском праязыке падежных форм на *-ра*, *-ру*. *-рї* не имеет достаточных оснований.

I, 7. У аффикса исходного падежа (ср. отложительный, Ablativus) насчитывается больше двадцати вариантов, объединяемых в следующие группы: I. *-дан ~ -дон ~ -дан ~ -тан ~ -тон ~ -тэн ~ -нан ~ -нон ~ -нэн ~ -лан ~ -лон ~ -зан ~ -зон ~ -сан ~ -сон*; II. *-даң ~ -доң ~ -таң ~ -тоң ~ -наң ~ -ноң*; III. *-дїн (-дін) ~ -дун ~ -тїн (-тін) ~ -тун*; IV. *-тан ~ -ттан ~ -тон ~ -ттон*; V. *-тан ~ -ран*; VI. *-даj ~ -таj ~ -наj*. Примеры: азерб. *даӷдан* 'с горы', *мӓндӓн* 'от меня', *біздӓн* 'от нас'; алт. *аттаң* 'с коня', *сӧстӧң* 'от слова', *малдаң* 'от скота', *көлдӧң* 'из озера', *таңнаң* 'от зари', *оноң ~ анаң* 'от него', *мїнаң ~ мунаң* 'от этого', *мӟнӟң* 'от меня', *сӟнӟң* 'от тебя'; башк. *баштан* 'с головы', 'от головы', *каддан* 'от гуся', *даланан* 'из степи', *мінән* 'от меня', *бїддән* 'от нас'; чуваш. *лажаран* 'от лошади', *хуларан* 'из города', *вӑрмандан* 'из леса', *урамран* 'с улицы', *шурдан* 'из болота', *манран* 'от меня', *пірдӟн* 'от нас', *јундан ~ јунран* 'из крови';[100] шор. *мӟнӟң* 'от меня', *сӟнӟң* 'от тебя', *анаң* 'от него'; якут. *тастан* 'из камня', *ојӯртан* 'из лесу', *табаттан* 'от оленя', *бӧрӧттӧн* 'от волка'.

[98] См. ниже, с. 48.

[99] См.: Тощакова Т. М. Послелоги в алтайском языке, с. 21.

[100] См.: Ашмарин Н. И. Материалы для исследования чувашского языка, II, с. 121; Корнилов Г. Е. Некоторые материалы для характеристики говора села Бердяш Зилаирского района Башкирской АССР. — МЧД, II, с. 151; Сергеев Л. П. Из наблюдений над ибряйкинским говором чувашского языка. — МЧД, II, с. 171.

Варианты первой группы употребляются в кыпчакских и огузских языках,[101] в тувинском и узбекском, варианты второй группы — в алтайском, хакасском и шорском, третьей — в древнеуйгурском, староузбекском и современном уйгурском языках, в говорах кумыкского и других тюркских языков,[102] варианты четвертой группы — в якутском, пятой — в чувашском, шестой — в говорах узбекского языка.[103]

Разнообразие согласных в начале аффикса исходного падежа вызвано, в основном, ассимилятивными процессами и не требует специального объяснения.[104]

Не совсем ясна причина изменения в алтайском, хакасском и шорском языках конечного *н* в *ң*. По мнению В. А. Богородицкого, это изменение происходило под влиянием родительного падежа, «с которым исходный имеет некоторые точки семасиологического соприкосновения».[105]

Наличие вариантов с широким и узким нелабиализованными гласными — *-тан* ~ *-дан* и *-тїн* ~ *-дїн* — отражение очень древних диалектных расхождений в огласовке данного аффикса.

Варианты якутского языка с дополнительным *т* после основ на гласный, ср. *ојӯртан* 'из лесу', *бӧрӧттӧн* 'от волка', *кіэһэттэн* 'с вечера', первоначально, как полагал В. В. Радлов, появились в пределах падежной парадигмы местоимений вследствие ассимиляции конечного *н* местоименных основ начальным *т* аффикса исходного падежа.[106] С. В. Ястремский, сравнивая варианты с дополнительным *т* с древнеуйгурскими падежными формами типа *мәніңдін* 'от меня', пришел к заключению, что они образовались от формы родительного падежа (*-н* > *-т*+*-тан*).[107] Наиболее обоснованное решение предложено теми тюркологами, которые устанавливают связь формы на *-ттан* с притяжательным склонением: «дополнительный» или «вставочный» *н* ассимилировался и вошел в состав падежного аффикса, затем форма притяжательного склонения получила статут простой (непритяжательной) формы.[108]

Отсутствие формы исходного падежа в памятниках рунической письменности почти единодушно объясняется очень поздним образованием ее из аффикса местного падежа и дополнительного морфологического элемента *-н*[109] (у Д. Синора и К. Г. Менгеса — древнего урало-алтайского аффикса латива),[110] из аффиксов местного и орудно-творительного па-

---

[101] См.: Байрамдурдыев Б. Ахалский говор текинского диалекта туркменского языка. АКД. Ашхабад, 1965, с. 14.

[102] См.: Баева Н. Х. Говор башкир долины реки Ай. — БДС, с. 29; Юсупов Х. Г. Из наблюдений над морфологической системой инзерского говора башкирского языка. — Там же, с. 152; Максютова Н. Х. Говор айских башкир. АКД. М., 1964, с. 15; Зуфаров С. Сайрамский говор узбекского языка. АКД. Ташкент, 1966, с. 9; Баскаков Н. А. Алтайский язык. М., 1958, с. 71. Ср.: Курышжанов А. Формы и значения падежей в языке Codex Cumanicus. АКД. Алма-Ата, 1956, с. 10.

[103] См.: Носиров Ш. Қўқон шевасида келишик категорияси, б. 44.

[104] Необычные изменения, например *д* > *н* в положении после гласного в башкирском языке, могли быть обусловлены сложными морфологическими ассоциациями. См.: Серебренников Б. А. О двух случаях загадочного изменения звуков башкирского языка и его диалектов, с. 138.

[105] Богородицкий В. А. Введение в татарское языкознание в связи с другими тюркскими языками, с. 159.

[106] Radloff W. Die jakutische Sprache in ihrem Verhältnisse zu den Türksprachen, S. 31.

[107] Ястремский С. В. Грамматика якутского языка, с. 52.

[108] См.: Харитонов Л. Н. Современный якутский язык, с. 110.

[109] См.: Benzing J. Tschuwaschische Forschungen (IV). Die Kasus, S. 463. Ср.: Schott W. Versuch über die tatarischen Sprachen, S. 57; Ашмарин Н. И. Материалы для исследования чувашского языка, II, с. 124.

[110] Sinor D. 1) D'un morphème particulièrement répandu dans les langues ouralo-altaïques. — TP, 1943, XXXVII, p. 147; 2) Un suffixe de lieu ouralo-altaïque. — AOH, 1961, XII, 1—3, p. 177; Menges K. H. 1) Morphologische Probleme. I. Zum Genitiv und Accusativ, S. 19; 2) The Turkic Languages and Peoples, p. 110.

дежей,[111] или из аффикса местного падежа и слова *јан* 'сторона', [112] или же из послелога *адїн* 'другой, кроме'.[113] Существует и другая точка зрения, сторонники которой признают самостоятельность аффикса *-дан* и отрицают связь между ним и аффиксом местного падежа. В обосновании этой точки зрения важную роль играет то, что начальный дентальный в аффиксе исходного падежа, например в телеутском диалекте, ассимилируется конечным согласным основы, в то время как в аффиксе местного падежа ассимиляция не наблюдается, ср. *міннäң* 'от меня', *күннäң* 'от дня', *міндä* 'у меня', *күндä* 'в день'.[114] О большой древности формы исходного падежа свидетельствует ее наличие во всех современных тюркских языках. Очевидно, отсутствие этой формы в текстах руни́ческой письменности не следует воспринимать как изначальное явление.[115]

Еще В. В. Радлов, выразивший сомнения в существовании генетической связи между аффиксами исходного и местного падежей, обратил внимание на то, что в древнеуйгурском языке встречается разновидность аффикса исходного падежа с узким гласным (*-дїн ~ -тїн*); [116] ср. ст.-кыпч. *јоҕартїн* 'сверху' (Cod. Cum. $60v_{30}$), *таштїн* 'снаружи' (Cod. Cum. $30r_{16}$). В настоящее время, когда глубоко исследованы многие языки и диалекты, стало очевидным, что границы распространения указанной разновидности значительно шире, чем это представлял себе В. В. Радлов. Разновидность с узким гласным выступает в современном уйгурском языке, в говорах алтайского, башкирского, узбекского и других языков. Кроме того, она прослеживается в большой группе наречий, ср. башк. *аҙтҙртҙн* 'исподтишка'; башк. (диал.) *јäшҙртҙн* 'тайком', *äкҙртҙн* 'потихоньку'; [117] кум. (диал.) *алашатїн* 'снизу'; [118] хак. *їрахтїн* 'издалека', *озарїхтїн* 'с той стороны (реки)', *чоҕартїн* 'сверху'; хак. (качинск.) *андартїн* 'оттуда', *чаҕїндїн* 'с близкого расстояния'; [119] шор. *мїнартїн ~ мїнāртїн* 'отсюда', *төбәртін* 'снизу', *каjдартїн* 'откуда?', *үстүртін* 'сверху'. Сразу же заметим, что оснований для рассмотрения этой разновидности как следствия происходившего в ряде тюркских языков перехода *а* в *ї* нет: уйгурский язык не относится к таким языкам и, тем не менее, как раз в нем разновидность с узким гласным является господствующей. Следовательно, при оценке высказываний тюркологов относительно образования формы исходного падежа в послеорхонский период и о связи ее с формой местного падежа необходимо иметь в виду, что среди вариантов аффикса исходного падежа равноправное положение занимает разновидность с узким гласным. При этом, конечно, не следует забывать, что и в орхоно-енисейских надписях встречаются варианты *-дан ~ -тан*, *-дїн ~ -тїн*,[120] ср. *ташдїнтан* 'снаружи', *оҕуздунтан* 'от огузов'.[121]

[111] См.: Poppe N. Türkisch-tschuwassische vergleichende Studien. — Islamica, Leipzig, 1925, I, 4, S. 421.

[112] См.: Ramstedt G. J. Über die Struktur der altaischen Sprachen. — JSFOu, 1951, 55_2, S. 96; Каримов К. Категория падежа в языке «Кутадгу билиг». АКД. Ташкент, 1962, с. 15.

[113] См.: Bang W. Vorläufiges über der Herkunft des türk. Ablativus. — UJb, 1925, V, 4, S. 392—410. А. Габен высказывает мысль о наличии в основе всех локативных падежей тюркских языков особых именных образований на *-т*, *-к*, *-н*, выражавших локативные значения, ср. *ал*, *алт*, *алїн*, *алтїн ~ алдїн* 'перед'; *аст* 'низ'; *арт* 'зад'; *орун* 'место', *орта* 'середина', *орту ~ орду* 'лагерь, становище'; *үст* 'верх'; *јан*, *јак* 'сторона' и т. д. См.: Gabain A. Über Ortsbezeichnungen im Alttürkischen, S. 1—14; Menges K. H. The Turkic Languages and Peoples, p. 110.

[114] Radloff W. Die alttürkischen Inschriften der Mongolei. NF, S. 64.

[115] См.: Щербак А. М. Методы и задачи этимологического исследования аффиксальных морфем в тюркских языках. — СТ, 1974, № 1, с. 36—38.

[116] Radloff W. Die alttürkischen Inschriften der Mongolei. NF, S. 64.

[117] См.: Дмитриев Н. К. Грамматика башкирского языка, с. 116.

[118] См.: Дмитриев Н. К. Грамматика кумыкского языка, с. 57.

[119] См.: Патачакова Д. Ф. Категория падежа в качинском диалекте хакасского языка, с. 156.

[120] Варианты *-дун ~ -тун* образовались под влиянием лабиальной гармонии гласных.

[121] См.: Tekin T. A Grammar of Orkhon Turkic, p. 133—134.

Учитывая наличие разновидности с узким гласным и то обстоятельство, что форма исходного падежа с конечным *н* является общетюркской, а форма без *н* — по преимуществу региональной, мы считаем, что в языке старописьменных памятников и в современных языках отразилось очень древнее диалектное совпадение формы исходного падежа с формой местного, происшедшее вследствие утраты конечного *н*.

Вопрос о том, как три варианта аффикса исходного падежа — *-дан ~ -тан*, *-дїн ~ -тїн* и *-да ~ -та* — развились из одного прототипа, пока не ясен. Современная тюркология не располагает фактами, указывающими хотя бы на дальние подступы к его решению. Есть уверенность лишь в одном: поиски должны проводиться на уровне ранних этапов развития данной формы, так как многообразие вариантов обусловлено скорее всего особенностями ее происхождения. Все, что доступно тюркологам в настоящее время, не выходит за границы предположений и догадок. Можно, например, допустить, что прототипом различных вариантов аффикса исходного падежа было деепричастие **тājїн ~ *тājан* 'сторонясь', 'оставляя в стороне' и что преобразование его происходило как в направлении стяжения (**тājїн > -тīн > -тїн*, **тājан > -тān > -тан*), так и по линии утраты последнего слога (**тājїн ~ *тājан > -тā > -та*).

I, 8. Аффикс направительного падежа (направительно-дательный, директивный, Directivus) *-ɣару ~ -кару ~ -ɣāру ~ -кāру ~ -ɣарї ~ -карї ~ -ɣāрї ~ -кāрї ~ -ɣар ~ -кар*.

В собственном значении направительного падежа форма на *-ɣару ~ -кару* наблюдается, как правило, лишь у существительных и только в древнетюркском языке. Примеры: *ол jәргәрӱ барсар* 'если пойдешь в ту страну' (КТм$_8$), *jазїңа оɣузɣару сӱ ташїкдїмїз* 'к весне мы вышли с войском на огузов' (КТб$_{48}$), *кїтаɟɣару Тоңра Әсіміг їдмїш* 'он послал к киданям Тонгра Эсима' (Тон$_9$), *Өтӱкән јїшɣару удузтум* 'я повел [войско] к Отюкенской черни' (Тон$_{15}$), *каɣан баңару анча аjїдмїш* 'так велел мне сказать каган' (Тон$_{34}$), *уjɣурɣару* 'к уйгурам' (Man III 40$_3$), *біргәрӱ бап* 'связав воедино' (КР 80$_2$).

В древнетюркском языке аффикс *-ɣару ~ -кару* выступает также в составе наречий: *ілгәрӱ* 'вперед' (~ 'на восток'), *бәргәрӱ* 'сюда, в эту сторону' (~ 'на юг'), *курїɣару* 'назад' (~ 'на запад'), *jїрɣару*[122] 'туда, в ту сторону' (~ 'на север'), *кӱн ортусїңару* 'в полуденном направлении' (~ 'на юг'), *тӱн ортусїңару* 'в полуночном направлении' (~ 'на север'), *jӱгәру* 'вверх'. Ср. в современных языках: алт. *тїшкарї* 'наружу', *әңіргәрі* 'вечером', 'к вечеру', *д'аскарї* 'весной', 'к весне', *ічкәрі* 'внутрь', *учкарї* 'в конец', *күскәрі* 'осенью', 'к осени', *тәскәрі* 'наоборот, наизнанку';[123] башк. (диал.) *кїшкарї* 'зимой', *һуңкарї* 'позднее', *кіскәрї* 'вечером', *төшкәрї* 'в обед';[124] гаг., тур. *іләрі* 'вперед', *ічәрі* 'внутрь', *дїшарї* 'наружу', 'снаружи'; казах. *әкінші́рі* 'во второй раз', *әңдї́гәрї* 'вперед, отныне', 'в дальнейшем'; кар. *артхарї* 'назад'; карач.-балк. *ічкәрі* 'внутрь', *тїшхарї* 'наружу', *оɣарї* 'наверх'; тофал. *оңɣарї* 'направо', *бурунɣарї* 'вперед', *соңɣарї* 'назад', *ішкәрі* 'внутрь'; шор. *мінарї ~ мінāрі* 'сюда', *анарї ~ анāрі* 'туда', *ташкарї ~ ташкāрі* 'наружу'.

В отличие от аффикса *-ɣару ~ -кару* аффикс *-ɣар ~ -кар*, присоединяемый обычно к местоимениям, часто встречается не только в наречиях, но и в падежной парадигме, ср. др.-тюрк. *аңар көрӱ білің* 'взирайте на нее' (КТм$_{11}$), *муңар тәгір улуɣлук* 'этого [человека] коснется величие' (МК I 352); алт. *мінāр* 'сюда', *анāр* 'туда'; башк. (диал.) *мӧңа ~ мӧңарɣа* 'этому',

---

[122] *jїрɣару* < *jїрї ~ арї* 'туда'+*-ɣару*, ср. *jїрїja* 'туда' (КТм$_1$), *бәргәрӱ* < *бәрі* 'сюда'+*-гәрӱ*, ср. *бәріjä* 'сюда' (КТм$_6$).

[123] Кучигашева Н. А. 1) Значение и употребление пространственных падежей (дательного, местного и исходного) в современном алтайском языке, с. 6; 2) Наречие в алтайском языке, с. 54.

[124] См.: Максютова Н. Х. Бурзянский говор, с. 108.

аңа ~ аңарҙа ‘ему’, *тҙгҙңә ~ тҙгҙңәргә* ‘тому’;[125] кар. *анар* ‘ему’; кум. *буҙар* ‘этому’, *шуҙар* ‘тому’, *оҙар* ‘тому’; ног. (караног.) *маҙар* ‘мне’, *саҙар* ‘тебе’, *буҙар* ‘этому’, *соҙар* ‘этому’, *оҙар* ‘тому’; тат. *мңңар* ‘этому’, *аңар* ‘ему’, *шуңар* ‘поэтому’; тат. (диал.) *улҙмарҙа* ‘моему сыну’, *үзҙмәргә* ‘мне самому’;[126] тув. *кајнāр* ‘куда?’, *соңҙāр* ‘назад’; хак. (качинск.) *чоҙар* ‘наверх’, ‘вверх’, *тасхар* ‘наружу’, *часхар* ‘к весне’, *чајҙар* ‘к лету’, *күскәр* ‘к осени’;[127] шор. *мінартін ~ мінәртін* ‘отсюда’, *анартін ~ анәртін* ‘оттуда’. В якутском языке форма на *-ҙар* входит в парадигму притяжательного склонения имени: *аҙабітіҙар* ‘нашему отцу’, *аҙаҙітіҙар* ‘вашему отцу’, *аҙаларіҙар* ‘их отцу’.

Происхождение аффикса *-ҙару ~ -кару ~ -ҙарї ~ -карї* интересовало многих тюркологов, и по этому поводу было высказано несколько мнений. В. В. Радлову казалось почти бесспорным, что данный аффикс — составной (*-ҙа ~ -ка* — аффикс дательного падежа, *-ру* — наречный аффикс) и что в таком виде он вначале использовался для образования наречий, а затем, будучи выделенным как нечто единое, приобрел функции показателя направительного падежа.[128] По мнению Э. В. Севортяна, аффикс *-ҙару ~ -кару* образовался путем простого сочетания аффикса дательного падежа *-ҙа ~ -ка* с другим падежным аффиксом *-ра ~ -ру*.[129] Для С. Дурана и Р. Р. Арата аффикс *-ҙару ~ -кару* — результат переразложения глагольных образований, точнее деепричастий (ср. *таш-їк-ар-у > ташкару*, *іч-ік-әр-ү > ічкәрү*),[130] для К. Каримова — деепричастие от глагола *кара-* ‘смотреть’.[131] А. Боржаков, не сомневающийся в том, что первым компонентом рассматриваемого морфологического показателя является аффикс дательного падежа *-ҙа ~ -ка*, второй из них (*-ру*) возводит к слову *ара*.[132] Н. П. Дыренкова и А. З. Абдуллаев связывают *-ҙару ~ -кару* с аналогичным по своему фонетическому облику самостоятельным словом «рука».[133]

Интерпретация аффикса *-ҙару ~ -кару* как двухсоставного неубедительна из-за отсутствия серьезных доказательств существования в тюркских языках «наречного» или падежного аффикса *-ра ~ -ру*. Трудно также согласиться с тем, что данный аффикс появился вследствие переразложения или преобразования деепричастий. Более приемлема гипотеза Н. П. Дыренковой и А. З. Абдуллаева о развитии аффикса *-ҙару ~ -кару* из самостоятельного слова. В пользу нее свидетельствует относи-

---

[125] См.: Юлдашев А. А. К изучению говора башкир Туймазинского района БАССР. — БДС, с. 144.

[126] См.: Бурганова Н. Б. Особенности говора татар нагорной стороны ТАССР. — В кн.: Материалы по диалектологии. Казань, 1955, с. 38.

[127] См.: Патачакова Д. Ф. Категория падежа в качинском диалекте хакасского языка, с. 156.

[128] Radloff W. Die alttürkischen Inschriften der Mongolei. NF, S. 31, 32, 65.

[129] Севортян Э. В. Категория падежа, с. 60. См. также: Захарова О. В. Дательно-направительный падеж в языке «Кутадгу билиг». — Уч. зап. филологического факультета Киргизского гос. унив., 1957, 3, с. 73; Исенгалиева В. А. Функции дательно-направительного падежа в казахском языке. — Тр. ИЯЛ АН Казахской ССР, 1959, I, с. 96; Благова Г. Ф. 1) Тюркский аффиксальный плеоназм в сравнительно-историческом и ареально-лингвистическом освещении. — ВЯ, 1968, № 6, с. 87; 2) Тенденции к усложнению тюркского падежного склонения (опыт сравнительно-типологического изучения). — ВЯ, 1970, № 1, с. 68; Menges K. H. The Turkic Languages and Peoples, p. 11.

[130] Duran S. Türkçede cihet ve mekân gösteren ek ve sözler, s. 4—5; Arat R. R. Türkçede cihet mefhumu ve bunun ile ilgili tabirler. — Türkiyat mecmuası, İstanbul, 1965, XIV (ayrı basım), s. 1. Ср.: Inscriptions de l'Orkhon déchiffrées par V. Thomsen. — MSFOu, 1896, 5, p. 179.

[131] Каримов К. Категория падежа в языке «Кутадгу билиг», с. 8.

[132] Боржаков А. Түркмен дилинде ат чалышмасы. — Изв. АН Туркменской ССР, серия общественных наук, 1962, № 3, с. 66.

[133] Дыренкова Н. П. Тофаларский язык. — В кн.: Тюркологические исследования. М.—Л., 1963, с. 12; Абдуллајев Ә. З. Түрк дилләриндә јөнлүк һал шәкилчисинин мәншәји һаггында. — Уч. зап. Азербайджанского гос. унив., серия языка и литературы, 1969, № 3—4, с. 116.

тельно широкая распространенность семантических переходов типа «рука > сторона» (ср. ст.-азерб. *анун саҕ колїна вардум* 'я пошел на его правую сторону'; в диалектах азербайджанского языка такое же значение может иметь слово *ӓл*,[134] ср. аффикс направительного падежа *-алла* в чувашском языке), а также то, что все известные аффиксы направительного падежа в тюркских языках образовались довольно поздно и восходят к самостоятельным словам.

Аффикс *-ҕар ~ -кар* — дальнейшее развитие аффикса *-ҕару ~ -кару*.[135] В. Банг, будучи уверенным в существовании автономной формы направительного падежа с аффиксом *-р*, сохранившейся у причастий типа *табар, алїр, білїр* и *танкїр, алвїр*, разлагал *-ҕар* на *-ҕа* и *-р*.[136]

Большую и важную проблему представляет вопрос об отношении к аффиксу *-ҕару ~ -кару* аффикса дательного падежа *-ҕа ~ -ка*. По существу, он был поставлен еще в конце прошлого столетия, и ответом на него явилась попытка объяснить *-ҕару ~ -кару* как сочетание двух односложных аффиксов, *-ҕа ~ -ка* и *-ру*. Безусловно, есть основания думать, что аффикс *-ҕа ~ -ка* связан с аффиксом направительного падежа: он обнаруживает не только внешнее сходство с последним, но и близость семантических функций, чем, кстати сказать, объясняется постепенное «вытеснение» им аффикса *-ҕару ~ -кару* из числа продуктивных морфологических показателей. Однако, на наш взгляд, аффикс *-ҕа ~ -ка* должен рассматриваться не как компонент аффикса *-ҕару ~ -кару*, а как формально преобразованная разновидность его, хронологически более поздняя, чем все другие разновидности, кроме *-а* (*-ҕару > -ҕар > -ҕа > -а*). Характерно, что аналогичным изменениям подверглась форма направительного падежа в хакасском языке и его диалектах (ср. *аҕассарї > аҕассар > аҕассā > аҕасса* 'к дереву'; *-са < сарї* 'сторона').[137] Уместно заметить также, что преобразование двухсложных морфологических показателей в односложные является общеязыковой тенденцией, своего рода универсалией.

I, 9. Аффиксы направительного падежа *-дїва ~ -тїва ~ -дува ~ -тува* и *-ҕїдї ~ -кїдї ~ -ҕуду ~ -куду* используются только в тувинском языке, в котором они образовались, из послелогов *тїба ~ таба*[138] и *кїдї* (? у З. Б. Чадамба: *куду* 'вниз'[139]). Примеры: тув. *даҕдїва* 'к горе', *оттува* 'к огню', *хајадїва* 'к скале'; тув. (тодж.) *таҕҕїдї* 'к горе', *дӟргіді* 'на небо'.

I, 10. Ограниченное распространение имеет и аффикс направительного падежа *-сар ~ -зар ~ -сā ~ -зā ~ -са ~ -за* (*< сарї* 'в направлении, в сторону' *< сарї* 'сторона', ср. ст.-узб. *баҕ сарї* 'к саду', *Хорасан сарї* 'в направлении Хорасана', *Лӓҥӓр сарїҕа* 'в сторону Лангара'; шор. *тајҕā сāра* 'по направлению к тайге'). Примеры: хак. *Абаканзар* 'в Абакан', *атсар* 'к коню', *хозанзар* 'к зайцу', *таҕзар* 'в горы', *ібзӟр* 'в дом'; хак. (качинск.) *туразā(р)* 'к дому', 'к юрте', *аҕассā(р)* 'к дереву', *көлзӟр* 'к озеру'; хак. (сагайск.) *туразарї* 'к дому', *аҕассарї* 'к дереву'; хак. (кызыл.) *хапса* 'в мешок', *ӧтсӟ* 'к мясу'.[140]

I, 11. Следующий аффикс направительного падежа — *алла* — встречается в чувашском языке. Примеры: *вӑрманалла* 'по направлению к лесу', *кілӗллӗ* 'к дому', *отаралла* 'к пасеке'.

---

[134] См.: Садыгов А. Ш. Об одном неизученном памятнике азербайджанского языка XVI века. — СТ, 1972, № 4, с. 129.

[135] См.: Radloff W. Die alttürkischen Inschriften der Mongolei. NF, S. 79.

[136] Bang W. Vom Köktürkischen zum Osmanischen, 1, S. 48 ff.

[137] См.: Патачакова Д. Ф. Категория падежа в качинском диалекте хакасского языка, с. 153, 157.

[138] Исхаков Ф. Г., Пальмбах А. А. Грамматика тувинского языка, с. 140.

[139] См.: Чадамба З. Б. Тоджинский диалект тувинского языка. АКД. Новосибирск, 1970, с. 6, 16.

[140] Доможаков Н. Г. Описание кызыльского диалекта хакасского языка. АКД. Абакан, 1949, с. 9; Патачакова Д. Ф. Категория падежа в качинском диалекте хакасского языка, с. 153, 157.

Г. И. Рамстедт возводит аффикс *-алла* к слову *алй* 'рука' в форме дательного падежа.[141] И. Бенцинг видит в *-алла* сочетание аффиксов дательного и «наречного» падежей (*а*+*-лла* < *-ла*).[142]

I, 12. Некоторое время тому назад сначала Н. К. Дмитриев, затем Б. А. Серебренников и позднее К. Г. Менгес высказали предположение, что в древнетюркском языке или в тюркском праязыке существовала форма дательно-направительного падежа на *-k*[143] из которой путем присоединения другого аналогичного по значению аффикса (*-а*) образовалась форма дательного падежа, используемая в большинстве современных тюркских языков. В связи с этим положение о том, что встречающийся в древнетюркском и в ряде современных тюркских языков аффикс дательного падежа *-а* развился из *-ŋа* (<*-ka*),[144] естественно, подверглось пересмотру.[145]

Следы падежного аффикса *-k*, по мнению Б. А. Серебренникова, сохранились в форме глагольного имени на *-mak* и в форме будущего времени типа *олаҗak*, типичной для огузских языков. В пользу гипотезы Н. К. Дмитриева, Б. А. Серебренникова и К. Г. Менгеса свидетельствует также наличие в туркменском языке формы на *-k*,[146] относимой туркменскими лингвистами в литературном языке к наречиям, а в диалектах — к числу активных форм дательного падежа.[147]

Попытка выделить падежный аффикс *-k* в формах на *-mak* и *-аҗak* представляет определенный интерес: наряду с глагольными именами на *-mak* имеются глагольные имена на *-ма* и у глагольных имен на *-mak* иногда ощущается присутствие целевого значения, характерного для форм дательного падежа. Все же, не будучи достаточно аргументированной, эта попытка сама по себе не может служить основанием для внесения коррективов в традиционную реконструкцию падежной парадигмы тюркского праязыка.

Что касается последнего факта, а именно наличия в диалектах туркменского языка формы «дательного падежа» на *-k*, то он заслуживает особого внимания и как будто является убедительным доказательством упомянутой выше гипотезы. Рассмотрим его более подробно.

Форма «дательного падежа» на *-k* выступает главным образом в западных говорах ёмудского диалекта (на территории Казанджикского и Кизил-Атрекского районов). Примеры: *дӱйӓk* 'верблюду', *ӧӱрӓk* 'стаду', *Чэкі-шлэрīk* 'в [аул] Чекишлер'.[148] В литературном туркменском языке и в других диалектах она встречается лишь в словах, обозначающих направление: *ілэрīk* 'вперед', 'на юг', *ічэрīk* 'внутрь', *дашарīk* 'вне, наружу', *jokarīk* 'вверх', 'на восток', *ŋajрāk* 'назад', 'на север', *ашāk* 'вниз', 'на запад',

---

[141] Рамстедт Г. И. Введение в алтайское языкознание. Морфология. Русск. пер. М., 1957, с. 56. Ср. примечания к этому изданию Н. А. Баскакова (с. 230).

[142] Benzing J. Tschuwaschische Forschungen (IV). Die Kasus, S. 454.

[143] Дмитриев Н. К. 1) Строй тюркских языков. М., 1962, с. 116; 2) Туркменские народные сказки. М.—Л., 1954, с. 51; Серебренников Б. А. К вопросу о происхождении элемента *k* (*g*, *q*, *γ*). . ., с. 69—71; Menges K. H. The Turkic Languages and Peoples, p. 110. См. также: Гаджиева Н. З. О роли некоторых внутренних и внешних факторов в изменениях структуры тюркских языков. — СТ, 1972, № 3, с. 6; Киекбаев Дж. Г. Введение в урало-алтайское языкознание. Уфа, 1972, с. 116 и сл.

[144] См.: Radloff W. Die alttürkischen Inschriften der Mongolei. NF, S. 62, 81.

[145] О том, что *-ŋа* и *-а* в тюркских языках разные падежные аффиксы, см. также: Poppe N. Türkisch-tschuwassische vergleichende Studien, S. 418.

[146] См.: Поцелуевский А. П. Некоторые рудиментарные падежные формы в туркменском языке. — Изв. Туркменского филиала АН СССР, 1945, № 5—6, с. 14—15.

[147] См.: Грамматика туркменского языка, I, с. 108.

[148] См.: Амансарыев Дж. Северные говоры ёмудского диалекта туркменского языка. АКД. Ашхабад, 1954, с. 5; Шамурадов К. Западные говоры ёмудского диалекта туркменского языка. АКД. Ашхабад, 1960, с. 18—19; Грамматика туркменского языка, I, с. 108.

аңрӣк 'туда', *бӑрӣк* 'сюда', *бӛ̈јлӑк* 'туда, в ту сторону', *шӛ̈јлӑк* 'вот туда, в ту сторону', *нірӑк* 'куда?'.[149]

По вопросу о происхождении туркменской формы на *-k*, отсутствующей в других тюркских языках, высказано два мнения: *-k* — показатель архаической формы аллатива;[150] *-k* — усеченная разновидность аффикса направительного падежа *-кару ~ -карӱ*.[151]

Первые результаты анализа имеющихся в нашем распоряжении материалов не подтверждают ни заключения о функционировании *-k* в качестве реликтового морфологического показателя архаической формы аллатива, ни предположения о его связи с аффиксом направительного падежа *-кару ~ -карӱ*.

Как отмечают составители «Грамматики туркменского языка», *-k* присоединяется только к основам, оканчивающимся на гласные. Такого рода избирательность необычна при образовании падежных форм в тюркских языках. Очевидно, в данном случае мы имеем не то, что принято называть основами, а определенные грамматические формы, структурное постоянство которых вполне естественно. И в самом деле, одни из них — омертвевшие формы направительного падежа на *-кару ~ -карӱ*: *ілӛ̈рі* 'вперед', 'на юг', *ічӛ̈рі* 'внутрь', *дашарӱ* 'наружу', *јокарӱ* 'вверх'; другие — деепричастно-наречные образования, выражающие направленность действия: *ӷајра* 'назад', *аңрӱ* 'туда', *бӑрі* 'сюда'; третьи — продуктивные формы дательного падежа на *-а: ӧвӑ гітдім* 'я пошел в аул', *јӛ̈ңдӑ гітді* 'он отправился на север', *нӑмӑ гӛ̈рӛ̈к* 'зачем нужно', ср. в западных говорах ёмудского диалекта: *ӧвӑк гітдім, јӛ̈ңдӑк гітді, нӑмӑк гӛ̈рӛ̈к*.[152]

Обзор приведенных примеров убеждает в том, что все формы на *-k* передают те же значения и без него. В некоторых диалектах, например в салырском, а также «в туркменской разговорной речи» допускается параллельное употребление и той и другой формы, ср. *ілӛ̈рі гітді ~ ілӛ̈рӣк гітді* 'он пошел вперед', *бӑрі гӛ̈л ~ бӑрӣк гӛ̈л* 'иди сюда', *дашарӱ чӱкдӱ ~ дашарӣк чӱкдӱ* 'он вышел наружу'.[153]

Далее необходимо отметить, что если в *ілӛ̈рі, ічӛ̈рі, дашарӱ* последний гласный краткий, то в формах *ілӛ̈рӣк, ічӛ̈рӣк, дашарӣк* он непременно долгий. Следовательно, *-k* присоединяется не один, а с гласным, составляющим вместе с ним единое целое. Был ли этот гласный первоначально лабиализованным или нелабиализованным, широким или узким, неясно, так как общим правилом стало уподобление его конечному гласному исходных форм, ср. *бӑрӣк* 'сюда' (*бӑрі*), но *бӛ̈јлӑк* 'туда', 'в ту сторону' (*бӛ̈јлӛ̈*), *дӱјдӑк* 'к верблюду' (*дӱјдӑ*).[154]

Перечисленные особенности форм на *-k* в туркменском языке и его диалектах и учет специфики образования форм дательного и направительного падежей в тюркских языках вообще приводят к выводу, что использование *-k* с неизвестным гласным в начале как морфологического или квазиморфологического элемента — относительно поздняя региональная инновация.

---

[149] См.: Боржаков А. Местоимения в современном туркменском языке. АКД. Ашхабад, 1964, с. 17; Грамматика туркменского языка, I, с. 101, 108, 389; Амансарыев Ҷ. Түркмен диалектологиясы. Ашгабат, 1970, с. 308—309. Аналогичные примеры приведены в одной из работ В. Котвича с пометой «Китайский Туркестан» (*нӛ̈рӑк, бӛ̈рӑк*). См.: Kotwicz W. Les pronoms dans les langues altaïques, p. 52.

[150] См.: Грамматика туркменского языка, I, с. 108, 389.

[151] См.: Шамурадов К. Западные говоры ёмудского диалекта туркменского языка, с. 19; Боржаков А. Вопросительные местоимения в туркменском языке. — Изв. АН Туркменской ССР, серия общественных наук, 1962, № 6, с. 60.

[152] См.: Бердиев Р., Күренов С., Шамырадов К., Аразкулыев С. Түркмен дилиниң диалектлериниң очерки. Ашгабат, 1970, с. 256.

[153] См.: Амансарыев Ҷ. Түркмен диалектологиясы, с. 309; Грамматика туркменского языка, I, с. 389.

[154] См. ниже, с. 55.

Элемент *-ïk ~ -ak. . .*, по всей видимости, восходит к самостоятельному слову, которое выполняло служебные функции послелога, управлявшего дательным падежом, или же к частице.

Примечательно, что в човдурском диалекте туркменского языка к словам, обозначающим направление, присоединяется ограничительно-выделительная частица *гінэ: jокарїгінэ* 'на восток', *ашакгінэ* 'на запад', *ілэрігінэ* 'на юг', *ҕајрагінэ* 'на север', *аңрїгінэ* 'туда', *бäрігінэ* 'сюда'.[155] Учитывая это и другие упомянутые выше факты, мы считаем наиболее вероятным прототипом элемента *-ïk ~ -ak...* усилительно-выделительную частицу *ок ~ ök*, которая близка по своей семантике к частице *гінэ*[156] и присоединение которой к именам, глаголам и наречиям прослеживается как в древних, так и в современных тюркских языках. Примеры: др.-тюрк. *сэңä-ок* 'тебе именно',[157] *ол-ок* 'тот же', *барҕїл-ок* 'иди же', *ämді-ok* 'теперь вот', *мунта-ok* 'здесь же', *анта-kїja-ok* 'там же', *анчулаҕу-ok* 'так же',[158] *бэн-ök* 'я же', *ол ärні-ök* 'вот того мужчину',[159] *андаҕ-ok* 'такой же', *буруннанак* (< *буруннан-ok*) 'издавна', *анта-ok* 'тогда же';[160] ст.-узб. *Самаркандні-ok* 'именно Самарканд', *Мэшһэдда-ok* 'в Мешхеде же', *тїңлä-ok* 'ночью же'; алт. *ол-ok* 'то же', *бу-ok* 'это же', *анда-ok* 'там же', *ондїj-ok* 'также';[161] хак. *сінök* 'ты же', *суҕ хазїнзарох (хазїн-зар-ох)* 'к берегу же реки', *парїбохча (парїб-ох-ча)* 'он также пошел';[162] туркм. *бајак* (< *баја-ok*, ср. др.-тюрк. *баја-ok кэлдім* 'я только что пришел')[163] 'раньше, прежде'; узб. *сізданэк* 'от вас же', *һэзірэк* 'только что', *һэзірданэк* 'уже сейчас', 'сейчас же', *ўтган jілijэк* 'еще в прошлом году', *бірінчі jілдајэк* 'уже в первый год', *ärтагајэк* 'завтра же', *у кэлді дэгунчајэк* 'как только он пришел'; узб. (диал.) *багінак* (< *бар-гін-ok*) 'иди-ка';[164] шор. *їларбок* (*їлар-ба-ok*) 'с ними же', *їрактаңок* 'издалека же', *анарок* 'туда же', *пазок* (< *пас-ok*) 'опять', *чакшок* (< *чакшї-ok*) 'хорошо же', *мэнök кэлэрімök* 'я тоже приду', *тајҕадок* (< *тајҕада-ok*) 'в тайге же', *андок* (< *анда-ok*) 'там же';[165] шор. (диал.) *аҕок* (< *аҕа-ok*) 'там же'.[166]

Все изложенное выше имеет непосредственное отношение и к наречиям *бїлāk ~ булāk, бїтāk ~ бутāk* 'сюда', *олāk, отāk* 'туда', встречающимся в говорах ёмудского диалекта. Дж. Амансарыев полагает, что они состоят из указательных местоимений и «существительного в падеже».[167] Действительно, в них нетрудно выделить указательные местоимения *бу(л)* и *о(л)*. Почти наверняка могут быть выделены также существительные: в *булāk* и *олāk* — *арā* 'место' (*бул-арā-k*), в *бутāk* и *отāk* — *тāj* 'сторона'

---

[155] См.: Машаков Х. А. Човдурский диалект туркменского языка. АКД. Ашхабад, 1949, с. 6, 17.

[156] В говорах узбекского языка частица *ок* иногда выполняет функции ограничительно-выделительной частицы, ср. в паркентском говоре: *даптардан уштäjэк* (лит. *учтагіна*) *кэлді* 'остались только три тетради', *маҗліс сэат бäштäjэк* (лит. *бäштагіна*) *бэшланган äді* 'собрание началось только в пять часов'. См.: Афзалов Ш. Ўзбек тилининг Паркент шеваси. — В кн.: Ўзбек диалектологиясидан материаллар, I. Тошкент, 1957, б. 150.

[157] См.: Древнетюркский словарь. Л., 1969, с. 3.

[158] Там же, с. 369.

[159] Там же, с. 382.

[160] См.: Korkmaz Z. Türkçede *ok/ök* kuvvetlendirme (intensivum) edatı üzerine. — TDAY. Belleten (1961), 1962, s. 13—29.

[161] См.: Дыренкова Н. П. Грамматика ойротского языка, с. 221.

[162] См.: Дыренкова Н. П. Грамматика хакасского языка, с. 120.

[163] См.: T. D. K. Divanü lûgat-it-türk tercümesi, I. Çeviren Besim Atalay. Ankara, 1939, s. 37.

[164] См.: Мамедов С. А., Киличев Э. Р., Нигматов Х. Г. Рец.: Мирзаев М. М. Ўзбек тилининг Бухоро группа шевалари. Тошкент, 1969. — СТ, 1972, № 4, с. 137.

[165] Дыренкова Н. П. Грамматика шорского языка. М.—Л., 1941, с. 82, 90, 247, 248.

[166] Там же, с. 89.

[167] См.: Амансарыев Дж. Северные говоры ёмудского диалекта туркменского языка, с. 12.

(*бу-тāj-ак*).[168] Последний же компонент в рассматриваемых формах является не падежным аффиксом, а, как можно предположить, стяженной частицей *ок*.

Таким образом, и материалы туркменского языка не дают убедительных доказательств существования в тюркском праязыке формы дательно-направительного падежа на *-к*. При этом традиционный взгляд на развитие аффикса дательного падежа *-а* из аффикса *-ға ~ -ка* путем выпадения согласного остается непоколебленным, тем более, что в распоряжении тюркологов имеются факты параллельного употребления того и другого аффикса в особых фонетических условиях, ср. др.-тюрк. *ӓлімкӓ ~ ӓлімгӓ ~ ӓлімӓ* 'моему племенному объединению'; шор. *кojїмға ~ кojїма* 'моей овце'; кум. *атїма* (*~атїмға*) 'моему коню'.

I, 13. С. Е. Малов отнес к формам направительного падежа др.-тюрк. *бӓріjӓ* 'на юг', *jїрїjа* 'на север', *курїjа* 'на запад'.[169] Последние, очевидно, не являются особыми падежными образованиями, на что указывали В. В. Радлов, В. Банг, А. Габен и Л. Базен. Правда, толкование их В. В. Радловым как сложных слов (ср. *бӓрі+jак* 'сторона')[170] или как огузских форм дательного падежа на *-а*, предложенное В. Бангом,[171] и объяснение Л. Базена, сопоставившего конечную часть в *бӓріjӓ* и *курїjа* с послелогом *ijä*,[172] встречают значительные трудности.

I, 14. Нет необходимости в подробном разборе наречий *öңдүрі ~ öңдүртi* 'впереди' (~'на востоке'), *кӓдірті* 'сзади', *үстүрті* 'сверху', *таштїртї* 'наружу, вне', также иногда относимых к формам направительного падежа. Аргументы, приведенные В. Бангом и А. Габен в пользу интерпретации последних как деепричастных образований, достаточно убедительны.[173]

I, 15. Аффикс сравнительно-ограничительного падежа (сравнительно-предельный, Aequativus, Quantitativus, le cas relatif) *-ча ~ -jа*. Примеры: др.-тюрк. *субча* 'как вода', *тағча* 'как гора', 'с гору', *өгїзчӓ* 'как река', 'с реку'.

Аффикс *-ча ~ -jа* присоединяется к разным именам и выражает широкий круг значений. Так, форма, образованная при помощи указанного аффикса, передает в тувинском языке направительное значение: *хӓмчӟ* 'к реке', *ӓжікчӟ* 'к двери'; в староазербайджанском, староузбекском и алтайском языках — сравнительно-ограничительное: ст.-азерб. *дӓвӓjӓ* '[величиной] с верблюда', *хїранjа* '[длиной] с копье';[174] ст.-узб. *кїлча* 'с волосок', *Кабул карїча* 'как снег в Кабуле', *білӓкчӓ* 'с кисть руки', *сӓнчӓ* 'как ты'; в шорском — сравнительно-ограничительное (*-чӟ*) и продольно-направительное (*-ча ~ -чӟ*): *кӧрачӟ* '[величиной] с хариуса', *суғча сал ӧнча* 'по реке спускается плот'. Ср. хак. *адајја* '[величиной] с собаку', *чолја* 'по дороге', *харја* 'по снегу'. С количественными числительными и с существительными, выступающими в сочетании с ними, *-ча* выражает приближенность, например: др.-тюрк. *jүзчӓ* 'около ста'; ст.-узб. *мiңчӓ* 'около тысячи', *бір ajча* 'с месяц'; тур. *бінлӟрӱ jїл* '(около) тысячи лет'; хак. *чібӣргӣчӟ* 'около двадцати'; якут. *уонча* 'около десяти', *сӱрбӟччӟ* 'около двадцати', *сӱсчӟ* 'около ста'. Присоединяясь к глагольным именам, аффикс *-ча* образует

[168] См.: Ашнин Ф. Д. Об этимологии азербайджанских, гагаузских, крымско-татарских и турецких имен типа *bura* [*бура*] 'это место', с. 101.

[169] Малов С. Е. Памятники древнетюркской письменности. М.—Л., 1951, с. 45.

[170] Radloff W. Die alttürkischen Inschriften der Mongolei. NF, S. 85.

[171] Bang W. Turkologische Briefe aus dem Berliner Ungarischen Institut. Siebter Brief: Neue Ansichten—neue Einsichten? — UJb, 1934, XIV, 3, S. 203.

[172] Bazin L. L'inscription d'Uyuğ-Tarlïq (Iénisséï). — Acta Orientalia, Havniæ, 1955, XXII, 1—2, p. 3.

[173] Bang W. und Gabain A. Türkische Turfan-Texte, I. — SPAW, phil.-hist. Klasse, Berlin, 1929, XV, S. 261. Ср. у В. Котвича: *күндүрі* 'в течение целого дня' *из күн+-ду+-р+-і*, где *-ду* — афф. дат.-местн. пад., *-р* — особый аффикс, *-і* — афф. принадлежности. См.: Kotwicz W. Studia nad językami ałtajskimi, s. 294—295.

[174] См.: Шукюров А. Дж. Наречие в азербайджанском языке. АКД. Баку, 1966, с. 9.

формы, относимые в большинстве своем к одной из групп деепричастий: др.-тюрк. *takï kalmï balïk (balak?) suv içintä jüzärčä* 'подобно тому как рыба плавает в воде' (Man I 17_{13}), *kïčï jätmišinčä* 'насколько хватало его сил' (USp 43_5), *ulu̯ boldu̯u̯nča* 'до того, как вырастешь' (XX_{355}); ст.-тур. *vardïu̯ïnča* 'пока он не пошел' ('Āšyqpāšā 18); ст.-узб. *ölgüčä* 'пока не умрет', *tan̡ atkunča* 'до рассвета', *büškarmau̯ïnča* 'до созревания', *tïnmau̯urča* 'пока не утихнет', *kötärmägінčä* 'пока не поднимет'; казах. *ajtpajïnša* 'не сказав'; шор. *kälgänčä* 'до того, как приеду'; якут. *barbïtča* 'поскольку ушел', *körbütčä* 'поскольку увидел'. Ряд форм с аффиксом *-ча* постепенно обособляется и претерпевает существенные изменения в семантическом плане, ср. ст.-узб. *mo̯ulča* 'монгольский', *türkčä* 'тюркский', *özgačä* 'другой'; башк. *tatarsa* 'татарский', *bašqortsa* 'башкирский'; кирг. *orusča* 'русский', *kïru̯ïzča* 'киргизский' (*orusčadan kïru̯ïzča u̯a kotoru̯ula* 'переведите с русского на киргизский'); тур. *uzunǰa* 'длинноватый', *kïzïlǰa* 'красноватый', *hunlarǰa* 'гуннский' (*avrupanïn hunlarǰa istilâsï* 'гуннское завоевание Европы'); туркм. *u̯arakalpakča* 'каракалпакский'.

Во всех тюркских языках имеются наречия, включающие в себя аффикс *-ча*: др.-тюрк. *munča* 'этак, так'; алт. *anča* 'столько', 'с того, с то', *mïnča* 'столько', 'с этого, с это', *ärtänčä* 'назавтра, завтра', *aldïnča* 'спереди', *artïu̯ïnča* 'больше', *tabïnča* 'постепенно', *čïnïnča* 'по правде'; карач.-балк. *bïznïčä* 'по-нашему'; гаг. *bunǰa* 'этак', *ajakča* 'стоя', *jalnïzča* 'одиноко'; казах. *küsša* 'по-птичьи', *adamša* 'по-человечески', *baskaša* 'по-другому', *bïzšä* 'по-нашему', *bügінgіšä* 'по-сегодняшнему', *sonša* 'столько', *kanša* 'сколько?'; якут. *bačča* (*bu*), *itіččä* (*iti*), *oččo* (*ol*) 'столько'.

Форма на *-ча* не закрепилась в тюркских языках в падежной парадигме: далеко не все имена присоединяют к себе аффикс *-ча*, и нередко его присутствие обусловлено наличием особого морфологического «контекста» (ср. *-лар-ча*, *-ча-сї-на* и т. д.). Имеются и другие особенности, отличающие *-ча* от прочих падежных аффиксов. «Единственный пункт, в котором элемент *-са* ~ *-сэ* еще не дошел до стадии обычного башкирского аффикса, — отмечает, например, Н. К. Дмитриев, — это ударение... все падежные аффиксы современного башкирского склонения принимают ударение, тогда как аффикс *-са* ~ *-сэ* — безударный».[175] В таких тюркских языках, как тувинский, хакасский и шорский, аффикс *-ча* не подчиняется закону гармонии гласных, ср. шор. *tajau̯ada pir ajčä polu̯am* 'я пробыл в тайге с месяц'. Последнее обстоятельство побудило Н. П. Дыренкову относить *-ча* к служебным словам: послелогам или послелогам-аффиксам.[176] Однако неподчинение аффикса *-ча* закону гармонии гласных объясняется скорее поздним процессом частичного разрушения гармонии гласных, чем сохранением относительной самостоятельности. Аффикс *-ча* действительно развился из послелога **čāk*, **čāu̯a* или **čāklï*, как считает большинство тюркологов.[177] Более того, такой послелог сохранился в тюркских языках, ср. башк. *šäktï*, тат. *čaklï* 'до, вплоть до', 'размером с'; казах. *šaktï*, кирг. *čaktï*, тув. *šā*, узб. *čau̯lï*, чуваш. *čuxlĕ*, якут. *sau̯a* 'приблизительно, около', 'размером с'.[178] Из этого, тем не менее, не следует, что *-ча*, подобно *čaklï* ~ *čaktï*, функционирует как послелог. Кстати, при отсутствии гармонических разновидностей

[175] Дмитриев Н. К. Грамматика башкирского языка, с. 114.
[176] Дыренкова Н. П. Грамматика шорского языка, с. 64.
[177] См.: Böhtlingk O. Über die Sprache der Jakuten, S. 173; Radloff W. Die alttürkischen Inschriften der Mongolei. NF, S. 65; Deny J. Grammaire de la langue turque (dialecte osmanli), p. 634; Дмитриев Н. К. Грамматика башкирского языка, с. 114; Исхаков Ф. Г., Пальмбах А. А. Грамматика тувинского языка, с. 140; Севортян Э. В. Аффиксы именного словообразования в азербайджанском языке. Опыт сравнительного исследования. М., 1966, с. 98 и сл.
[178] См.: Коркина Е. И. О некоторых особенностях говора якутов Момского района. — В кн.: Сборник диалектологических материалов якутского языка. Якутск, 1961, с. 31.

данного аффикса в хакасском языке употребляется мягкорядный вариант (*-чӟ ~ -ҷӟ*), тогда как постулируемый прототип его является твердорядным.

Прослеживание аффикса *-ча* в падежных и квазипадежных образованиях, а также в древнейших наречиях типа *бунча*, *анча*, *їнча*, *анчаӈ*, *анчаӈїнча* дает основание отнести его к общетюркским морфологическим элементам, появившимся на уровне праязыка.

I, 16. Морфологический показатель, образующий форму предельного падежа (Terminalis) — *-ӈача*. Примеры: ст.-узб. *тӱнгӓчӓ* 'до ночи', *ахшамӈача* 'до вечера', *кӣшкача* 'до зимы', *Ҷӛмӛн һудудӣӈача* 'до границ Йемена'; узб. *бу кунгача* 'до этого дня', *тӛӈӈача* 'до горы', *јакӣнӈача* 'до недавнего времени'; кирг. (диал.) *отузунчу ҷӯлӈача* 'до тридцатого года'.[179]

Данная форма, образовавшаяся путем слияния формы дательного падежа с послелогом *чаклї* 'до', большинством тюркологов зачисляется в разряд наречий, что в общем соответствует действительному положению вещей. Хотя аффикс *-ӈача* распределен так же, как другие падежные аффиксы, налицо признаки его особого положения, характеризуемого ограничением в сочетаемости с причастиями и местоимениями и факультативностью употребления.

I, 17. Аффикс творительного падежа (ср. творительно-инструментальный, совместно-орудный, орудный, орудийный, инструментальный, Instrumentalis) — *-їн*. Примеры: др.-тюрк. *јашїл көк бӛзӛдің тӱмӛн јулдузїн* 'ты украсил голубое небо тысячами звезд', *өз әлігін бітіјӱ тәгіртім* 'я написал своей рукой', *күнүн јатмадї көр түнүн јатмадї* 'ни днем ни ночью не лежал', *білігін укушун ішін ішләр әр* 'муж делает дела знанием и разумением'. В современных тюркских языках аффикс *-їн* выделяет группу непродуктивных наречных образований: алт. *д'азїн* 'весной', 'всю весну', *д'аїїн* 'летом', 'все лето', *күзүн* 'осенью', 'всю осень', *кїжїн* 'зимой', 'всю зиму', *түнүн* 'ночью', 'всю ночь', *түжүн* 'днем', 'весь день', *канчазїн* 'в который раз'; башк. (диал.) *кӣшӣн* 'зимой', *јаҙӣн* 'весной', *ҙәјӣн* 'летом', *көҙөн* 'осенью';[180] казах. *жәсӣрӣн* 'тайком', *астӣртӣн* 'исподтишка', *жазїн* 'летом', *кӣсӣн* 'зимой'; тофал. *чазїн* 'весной', *кїһїн* 'зимой', *чӓн* 'летом'; хак. (качинск.) *чаҙӯзїн* 'летом', *часхїзїн* 'весной'; якут. *кӣһїн* 'зима', 'зимой', *сајїн* 'лето', 'летом', *күһүн* 'осень', 'осенью'.

Использование аффикса *-їн* как показателя творительного падежа в древности и присутствие его в составе наречий во всех современных тюркских языках — достаточно убедительные основания для введения формы творительного падежа на *-їн* в падежную парадигму тюркского праязыка. Вместе с тем настораживает особое положение формы на *-їн* среди других форм, выразившееся в самом факте ее повсеместного исчезновения как падежной формы. Отдельные, очень редкие случаи употребления формы на *-їн* в собственном значении, насколько нам известно, обнаружены только в чувашском языке, ср. *аллӑн пар та уран ут* 'руками отдавай, ногами ходи' (пословица), *куз'ӑн кур-* 'видеть собственными глазами'.[181]

I, 18. Второй аффикс, или аффикс-послелог, творительного падежа имеет следующие разновидности: I. *-ла ~ -ло*; II. *-бӛн* (*-бӛнӛн*) *~ -пӛн* (*-пӛнӛн*) *~ -мӛн*(*-мӛнӛн*) *~ -ман*; III. *-ба ~ -па ~ -ма*; IV. *-бїла ~ -пїла- ~ -мїла*; V. *-пала ~ -палаӈ*; VI. *-бїнаӈ ~ -пїнаӈ ~ -мїнаӈ*; VII. *-баӈ ~ -маӈ ~ -наӈ*; VIII. *-даӈ ~ -таӈ ~ -наӈ*; IX. *-лан ~ -нан*. Примеры: азерб. (диал.) *-билән*

[179] См.: Бакинова Г. Киргизский говор Октябрьского района. АКД. Фрунзе, 1953, с. 10.

[180] См.: Максютова Н. Х. Бурзянский говор, с. 108 (примеры из айского говора).

[181] См.: Андреев Н. А. Имя существительное. — В кн.: Материалы по грамматике современного чувашского языка, I. Чебоксары, 1957, с. 27.

ŋардашӣмнан ‘с моим братом’, *балтәјнан* ‘топором’;[182] алт. *малтала* ‘(с) топором’, *атла* ‘(с) конем’, *којло* ‘(с) овцой’, *ӱнлә* ‘(с) голосом’; таг. *авшамнан* ‘вечером’; казах. *таспән* ‘(с) камнем’, *тастармән* ‘(с) камнями’, *казбән* ‘(с) гусем’; кар. *атба* ‘(с) конем’, *ітбә* ‘(с) собакой’; хак. *атнаŋ* ‘(с) конем’, *холнаŋ* ‘(с) рукой’, *азахнаŋ* ‘(с) ногой’; хак. (кызыл.) *шӣлŋӧла ~ шӣлŋӧбӧла ~ шӣлŋӧманŋ* ‘(с) конем’, *аŋачла ~ аŋачпӧла ~ аŋачманŋ* ‘(с) деревом’;[183] хак. (качинск.) *атпӧнаŋ ~ аттаŋ* ‘(с) конем’;[184] чуваш. *лажаба ~ лажабала* ‘(с) лошадью’, *пулӑба* ‘(с) рыбой’, *манба* ‘(со) мной’, *санба* ‘(с) тобой’;[185] шор. *пӧчакпа ~ пӧчакпӧла* ‘(с) ножом’, *малтаба ~ малтабӧла* ‘(с) топором’, *салŋӧнма ~ салŋӧнмӧла* ‘(с) ветром’, *кӛммӛ* ‘с кем?’.

Варианты первой группы прослеживаются в алтайском и турецком языках, в кызыльском и бельтирском диалектах хакасского языка, варианты второй группы — в казахском языке и кураминских говорах узбекского языка, третьей — в караимском, чувашском и шорском языках, четвертой — в шорском языке, в кызыльском, бельтирском и сагайском диалектах хакасского языка, пятой — в чувашском, шестой и восьмой — в качинском диалекте хакасского языка, седьмой — в кызыльском, бельтирском и сагайском диалектах хакасского языка, девятой — в языках огузской группы.

Все приведенные выше варианты связаны между собой и по традиции, идущей от конца прошлого столетия, возводятся к послелогу *бірлән ~ бірлӓ ~ білән*.[186] Правда, в последнее время были предприняты попытки пересмотреть традиционное решение, по крайней мере для чувашского языка, и включить в число прототипов аффикса творительного падежа союз *ва*[187] или же считать соответствующую форму отражением некогда существовавшего в тюркских языках комитатива на *-п ~ -б*.[188]

К послелогу *білән* восходит и аффикс орудного падежа *-нан ~ -нон* в якутском языке. В. В. Радлов возводил его к одному из компонентов послелога *білән* (*лән*),[189] что означает то же самое, так как процесс преобразования указанного послелога в аффикс заключался не только в ассимилятивных изменениях согласных, но и в выпадении отдельных звуков и слогов. Особую позицию занял С. В. Ястремский, сопоставивший *-нан* с аффиксом совместного падежа *-лан* «у местоимений; собственных и притяжательных имен» и объяснивший изменение *л* в *н* присоединением аффикса *-лан* к основам с конечным *н*.[190] В связи с этим Л. Н. Ха-

---

[182] См.: Ширалиев М. Ш. Новые диалектные данные для истории тюркских языков (по материалам азербайджанских диалектов). — СТ, 1970, № 5, с. 23; Джангидзе В. Т. Дманисский говор казахского диалекта азербайджанского языка. Баку, 1965, с. 85.

[183] См.: Доможаков Н. Описание кызыльского диалекта хакасского языка, с. 10.

[184] Патачакова Д. Ф. Категория падежа в качинском диалекте хакасского языка, с. 154, 157, 160.

[185] См.: Сергеев Л. П. Из наблюдений над ибряйкинским говором чувашского языка, с. 170.

[186] См.: Донидзе Г. Формы и значения творительного падежа в хакасском литературном языке. — В кн.: Вопросы хакасского языка и литературы. Материалы и сообщения. Абакан, 1955, с. 145 и сл.

[187] См.: Павлов И. П. К вопросу о происхождении аффиксов комитатива в чувашском языке. — В кн.: Симпозиум по сравнительно-исторической грамматике тюркских языков, 13—15 июня 1967 г. Тезисы сообщений. М., 1967, с. 29. Позднее им было высказано предположение, что аффиксы *-пала* и *-палан* соединяли в прошлом близкие по значению (синонимичные) аффиксы *-па*, *-ла* и *-н*. См.: Павлов И. П. К вопросу о генезисе формантов комитатива в чувашском языке. — В кн.: Чувашский язык, литература и фольклор, 2. Чебоксары, 1973, с. 329.

[188] См.: Serebrennikov B. A. Über tschuwaschische Themen. II. Über den Ursprung der Instrumentalisendung im Tschuwaschischen. — AOH, 1964, XVII, 2, S. 134.

[189] Radloff W. Die jakutische Sprache in ihrem Verhältnisse zu den Türksprachen, S. 31.

[190] Ястремский С. В. 1) Падежные суффиксы в якутском языке, с. 15; 2) Грамматика якутского языка, с. 52.

ритонов заметил, что «в якутском языке аффикс совместного падежа всегда произносится с долгим гласным и притом обычно узким».[191]

Очевидно, и алтайские наречия типа *түнілэ* 'ночью', *јајїла* 'летом' отражают один из этапов преобразования указанного выше послелога. Ср. также: чуваш. *с'ĕрлӳ* 'ночью', *с'улла* ~ *с'уллаба* 'летом'.

Связь с послелогом *білән* аффикса творительного падежа *-їн*[192] сомнительна.

I, 19. Аффикс совместного падежа (Comitativus) — *-лӣн* ~ *-дӣн* ~ *-тӣн* ~ *-нӣн* ~ *-лӯн* ~ *-нӯн*. Примеры: якут. *туруја сањїлӣн* 'журавль с лисицей', *сірэјэ кулаҕахтӣн* 'лицо его с ушами', *убајїм оҕотунӯн* 'мой старший брат со своим ребенком'.

Форма совместного падежа образовалась, согласно предположению В. В. Радлова, из сочетания аффикса творительного падежа с аффиксом относительных прилагательных *-лӣҕ*: *аҕалӣн* 'с отцом' (< *аҕа-лӣҕ-їн*).[193] О. Бётлингк отождествлял первый компонент аффикса *-лӣн* с аффиксом отыменного образования глаголов *-лā*.[194] По мнению Е. И. Убрятовой, форма на *-лӣн* — заимствование из эвенкийского языка.[195]

I, 20. Аффикс винительного неопределенного (частный, партитивный, Accusativus indefinitus, Partitivus) — *-да* ~ *-до* ~ *-та* ~ *-то* ~ *-ла* ~ *-ло* ~ *-на* ~ *-но*. Примеры: якут. *атта тут* 'поймай коня', *маста кэрт* 'наруби дров', *ӯта бас* 'начерпай воды'.

Аффикс *-та* в якутском языке В. В. Радлов сопоставлял с усилительно-выделительной частицей *-та* ~ *-тā*,[196] С. В. Ястремский — с общетюркским аффиксом местного падежа, следы которого в якутском языке сохраняются также в форме относительных прилагательных, обозначающих место, ср. *тїатāҕї* 'находящийся в лесу'.[197] Правильнее, пожалуй, было бы считать прототипом *-та* аффикс исходного падежа, совпавший в языке памятников рунической письменности с аффиксом местного.[198] Сам факт появления частного падежа в якутском языке Е. И. Убрятова объясняет влиянием эвенкийского языка, точнее, контаминацией общетюркского местного падежа с эвенкийским винительно-назначительным.[199]

I, 21. Второй аффикс совместного падежа — *-лігӣ* — упоминает Т. Текин.[200] О подробной характеристике этого аффикса не может быть и речи, так как в нашем распоряжении лишь два примера его использования (БК$_{33, 41}$).

I, 22. Аффикс сравнительного падежа (уподобительный, Comparativus) — *-тāҕар* ~ *-тӧҕор* ~ *-дāҕар* ~ *-дӧҕор* ~ *-лāҕар* ~ *-лӧҕор*, якут. (диал.) *-тӭгэ̄ј*,[201] в притяжательном склонении и у личных местоимений — *-нāҕар*. Примеры: якут. *хатӣң тӣттӭгэр бӧгӧ* 'береза прочнее лиственницы' (resp. 'по сравнению с лиственницей'), *хахај ӭһэтӭгэр кӱстэх* 'лев сильнее медведя',[202] *маннатāҕар* 'чем это'.[203]

---

[191] Харитонов Л. Н. Современный якутский язык, с. 111.

[192] См.: Ғулом А. Ўзбек тилида келишиклар. Ўзбек тилининг илмий грамматикаси учун материаллар. — Тр. Узбекского филиала АН СССР, II серия, филология, Ташкент, 1941, 2, с. 66, 78.

[193] Radloff W. Die jakutische Sprache in ihrem Verhältnisse zu den Türksprachen, S. 32.

[194] См.: Böhtlingk O. Über die Sprache der Jakuten, S. 163.

[195] Убрятова Е. И. О языке долган. — В кн.: Языки и фольклор народов сибирского Севера. М.—Л., 1966, с. 49.

[196] Radloff W. Die jakutische Sprache in ihrem Verhältnisse zu den Türksprachen, S. 30.

[197] Ястремский С. В. 1) Грамматика якутского языка, с. 59; 2) Падежные суффиксы в якутском языке, с. 20.

[198] См.: Харитонов Л. Н. Современный якутский язык, с. 107—108.

[199] Убрятова Е. И. О языке долган, с. 51—52.

[200] Tekin T. A Grammar of Orkhon Turkic, p. 138.

[201] См.: Воронкин М. С. Грамматические особенности говора эссейских якутов. — Тр. ИЯЛИ Якутского филиала АН СССР, 1963, 4 (9), с. 128.

[202] См.: Харитонов Л. Н. Современный якутский язык, с. 113.

[203] См.: Афанасьев П. С. Говор верхоянских якутов. Якутск, 1965, с. 140.

Первая попытка дать этимологическое объяснение аффикса *-тāŋар* была предпринята О. Бётлингком, отметившим в своей грамматике, что аффикс сравнительного падежа включает в себя аффикс исходного падежа *-тā* и что конечная часть его совпадает с окончанием дательного падежа у поссессивных форм.[204] Несколько позднее В. В. Радлов предложил рассматривать его как сочетание аффикса исходного падежа *-та(н)* со словом *арї* или с аффиксом направительного падежа *-ŋару ~ -кару*.[205] С. В. Ястремский связывал аффикс *-тāŋар* с койбальским *тōŋор* 'поперечный', 'поперек',[206] Ф. Г. Исхаков — с хакасским аффиксом исходно-начинательного падежа *-таŋар ~ -даŋар ~ -наŋар*.[207] Г. И. Рамстедт, как и многие другие тюркологи и алтаисты, отождествлял первый компонент аффикса *-тāŋар* с аффиксом исходного падежа (*-тā*), что же касается второго компонента, то он видел в нем послелог *кöрä* 'согласно, соответственно'.[208] Трудности идентификации аффикса *-тāŋар* в целом или его компонентов с какими-либо тюркскими аффиксами или служебными словами вынудили Л. Н. Харитонова заявить о вероятности его образования не на якутской почве.[209]

Едва ли можно сомневаться в том, что одним из компонентов аффикса *-тāŋар* был аффикс исходного падежа *-тā ~ -та*. Труднее определить характер и первоначальный облик второго компонента. Поскольку значение сравнительного падежа заключается в указании на некоторое превосходство по качественным признакам одного предмета, явления или живого существа над другим, можно предположить, что второй компонент аффикса *-тāŋар* восходит к причастию на *-ар* от глагола *аŋ-* 'подниматься', 'переваливать', 'переходить какой-либо предел'. Ср. якут. *аŋас* 'превосходящий других в каком-либо отношении' (*түргänінäн аŋас* 'по скорости (в косьбе) он лучше').[210]

I, 23. Второй аффикс сравнительного падежа представлен двумя группами вариантов: I. *-тїŋ ~ -дїŋ*; II. *-тїj ~ -туj ~ -дїj ~ -дуj*. Примеры: алт. *куштїj* 'с птицу', *кандїj* 'как кровь', *түндїj* 'как ночь', *андїj ~ ондїj* 'такой', *мундїj ~ мїндїj* 'этакий'; шор. *чажїндїŋ* 'как молния', *мїндіг ~ мїндіŋ* 'этакий', *їндіг ~ андїŋ* 'такой'.

Н. П. Дыренкова обратила внимание на сходство аффикса сравнительного падежа в алтайском и шорском языках с послелогом-аффиксом *-дäг ~ -дäк*.[211] Последний, находясь на периферии падежной парадигмы или скорее даже за ее пределами, нередко используется как словообразовательный элемент, ср. др.-тюрк. *сәнітäгläріг* 'подобных тебе' (вин. пад.; QBN 438_9); ст.-кыпч. *күндәj* 'как солнце' (Cod. Cum. $69v_9$); казах. *аjнадаj* 'как зеркало';[212] кум. *аjдаj* 'как луна'; узб. *біздак* 'подобный нам', *сіздак* 'подобный вам'.

I, 24. Попытка ввести в падежную парадигму уподобительную форму на *-лаjїн ~ -лаjу ~ -лаj* не получила поддержки тюркологов из-за своеобразия ее значения и ограниченности использования. Все же в некоторых тюркских языках, включая древние, аффикс *-лаjїн ~ -лаjу ~ -лаj* употребляется довольно регулярно и серьезных препятствий для отнесения образуемой им формы к падежным, по существу, нет. Примеры: др.-тюрк. *адїŋлаjу* 'словно медведь', *бöрläjї* 'подобно волкам', *кälŋізläjї* 'подобно

---

[204] Böhtlingk O. Über die Sprache der Jakuten, S. 163.

[205] Radloff W. Die jakutische Sprache in ihrem Verhältnisse zu den Türksprachen, S. 32. Ср.: Räsänen M. Materialien zur Morphologie der türkischen Sprachen, S. 62. В отличие от В. В. Радлова М. Рясянен имеет в виду разновидность аффикса исходного падежа *-та*.

[206] Ястремский С. В. Грамматика якутского языка, с. 62.

[207] Исхаков Ф. Г. Имя существительное. — ИСГТЯ, II, с. 129—130.

[208] Рамстедт Г. И. Введение в алтайское языкознание, с. 43.

[209] Харитонов Л. Н. Современный якутский язык, с. 122.

[210] См.: Пекарский Э. К. Словарь якутского языка. СПб., 1907, с. 18.

[211] Дыренкова Н. П. Грамматика шорского языка, с. 67.

[212] Мұсабаев Ғ. Ғ. Қосымша *дай/дей, тай/тей* туралы. — Изв. АН Казахской ССР, серия филологии и искусствоведения, 1955, 3—4, с. 47 и сл.

бурным ручьям'; ст.-кыпч. *оҕрїлаїїн* 'как вор' (Cod. Cum. $30v_{19}$), *бузовлӕј* 'как теленок', *јавлӕјіін* 'как масло' (Cod. Cum. $70r_{14}$, v_5), *кӱгӱрчінлӕј* 'как голубь', *сӧзлӕј* 'как слово, подобно слову' (Cod. Cum. $71v_{5,15}$), *кӱмӱшлӕј* 'как серебро', *јамҕурлӕјіін* 'как дождь', *ӧтмӧклӕј* 'как хлеб' (Cod. Cum. $72r_{4,15}$, v_5); ст.-узб. *сізлӕјін* 'подобная тебе', *Вамїклаїїн* 'как Вамык', 'подобно Вамык'; башк. *балалај* 'по-детски', *кїддај* 'по-девичьи', *кӑштај* 'по-птичьи'; башк. (диал.) *тӧјмӓлӓјїн* 'с пуговицу'; карач.-балк. *сӓнлӕј* 'как ты'; кум. *алмалаїїн* 'как яблоко', 'с яблоко', *бурчаклаїїн* 'как горох', 'с горошину'. По происхождению форма на *-лаїїн* ~ *-лају* ~ *-лај* — деепричастная.

I, 25. Редкой является и другая уподобительная форма — на *-сїҕ* (*-сї* — аффикс отыменного образования глаголов, *-ҕ* — аффикс отглагольного образования имен), ср. др.-тюрк. *оҕлансїҕ* 'как ребенок', *бӕгсіг* 'как бек' (*бу ӕр ол бӕгсіг* 'этот мужчина, как тот бек'), *кулсїҕ* 'как раб', 'подобный рабу'.

I, 26. Аффикс исходно-начинательного падежа («обозначает пункт, от которого начинается действие») *-таӈӑр* ~ *-даӈӑр* ~ *-наӈӑр*, используемый в качинском диалекте хакасского языка, образовался из сочетания аффикса исходного падежа *-таӈ* ~ *-даӈ* ~ *-наӈ* с послелогом-аффиксом *-ӑр* (< *ан-дар*),[213] ср. хак. (качинск.) *постаӈӑр* 'дальше от себя', *кїзїдӕӈӕ̄р* 'от человека', *паламнаӈ андар* 'о моем ребенке'; шор. *мӥнаӈ ӑра* 'отсюда (и дальше)'.

I, 27. Аффикс *-шӑн*, образующий форму причинно-целевого падежа (Causalis) в чувашском языке, восходит к послелогу *ӳчӳн*.[214] Преобразование послелога *ӳчӳн* в аффикс происходит также в кумыкском языке.[215]

I, 28. Аффикс предельно-достигательного падежа (Terminalis) в чувашском языке *-чӕн* ~ *-ччӕн* И. Бенцинг сравнивает с послелогами *чӕн* (азерб.) и *чӕнлі* (туркм.) 'до'.[216] Ср. также: кирг. *чӕјін* 'до' — *отузунчу ӱїлҕа чӕјін* 'до тридцатого года'; шор. *шӕн* 'пора', 'время', 'мера'.

I, 29. Аффикс лишительного падежа (Abessiv) *-сӑр*, выделение которого в чувашском языке до недавнего времени являлось предметом споров,[217] стоит в одном ряду с общетюркским аффиксом именной привативности *-сїз*. Примеры: карач.-балк. *мӕнсіз* 'без меня', *бізсіз* 'без нас'; кум. *онсуз* 'без него', *оларсїз* 'без них'; туркм. *ϑӕнϑіз* 'без тебя', *баҕбанϑіз* 'без садовника'. Большинство абессивных форм, как отметил А. П. Поцелуевский, «подверглось переосмыслению и несет в настоящее время чаще атрибутивную функцию».[218]

I, 30. В тюркских языках есть также формы обращения, которые иногда квалифицируются как падежные.

В древнетюркском и староузбекском языках обращение выражается при помощи аффикса *-а (-ја)*. Примеры: др.-тюрк. *ај моҕочлара* 'о маги!' (Uig I 7_{10}), *ај јӕкләрӓ* 'о демоны!', *ӕлігләр ӕлігіјӓ* 'о предводитель предводителей!' (Uig IV A_{103}); ст.-узб. *сакїја тут бадӓ* 'виночерпий, держи вино', *ділбӓра кӕл кӕл* 'о возлюбленная, иди, иди', *Бабїра һӓргӕз кулак шӕʿріиҕа ол гӱл салмадї* 'о Бабур, никогда та роза не прислушивалась

---

[213] См.: Дыренкова Н. П. Грамматика хакасского языка, с. 119; Патачакова Д. Ф. Категория падежа в качинском диалекте хакасского языка, с. 155. Несколько иначе объясняет происхождение аффикса исходно-начинательного падежа Ф. Г. Исхаков, сопоставляющий последний компонент с аффиксом направительного падежа *-ҕарї* ~ *-ҕар*. См.: Исхаков Ф. Г. Имя существительное, с. 130.

[214] См.: Benzing J. Tschuwaschische Forschungen (IV). Die Kasus, S. 469.

[215] Долинина Ю. П. Падежи в современном кумыкском языке. АКД. М., 1954, с. 11.

[216] Benzing J. Tschuwaschische Forschungen (IV). Die Kasus, S. 468. Чувашские языковеды не считают форму на *-чӕн* ~ *-ччӕн* падежной. См.: Иванов А. И. Склонение и его роль в чувашском языке, с. 74—75.

[217] См.: Уч. зап. [Чувашского] НИИЯЛИ, 1955, XII, с. 6—9.

[218] Поцелуевский А. П. Некоторые рудиментарные падежные формы в туркменском языке, с. 14.

к твоим стихам'. Следует, однако, отметить, что для староузбекского языка данная форма не типична: она встречается лишь в поэтических текстах, где ее использование представляет дополнительную возможность для образования соответствующего размера. Аффикс *-а (-ја)* развился из вокативной частицы.

В ряде современных языков, преимущественно в терминах родства, показателем вокатива является аффикс *-j*, ср. башк. (диал.) *атйj* 'отец!' (лит. *атаj*), *әсйj* 'мать!' (лит. *әсәj*), *аҙйj* 'старший брат!' (лит. *аҙаj*), *апйj* 'старшая сестра!' (лит. *апаj*), *бәвйj* 'дядя!' (лит. *бабаj*);[219] тув. (диал.) *увај* 'старшая сестра!', *дуңмај* 'младший брат (сестра)!', *чәңгәj* 'жена старшего брата!';[220] чуваш. (диал.) *адәj* ~ *адәj* 'отец!', *абај* 'мать!', *пиҫәj* ~ *пиҫај* 'брат!'[221] Хотя появление *-j* относится к эпохе существования общетюркского языка, нет никаких оснований утверждать, что уже в праязыке он имел функции показателя звательного падежа. Как и другие морфологические элементы подобного рода, *-j*, очевидно, образовывал форму субъективной оценки. Ср. в тувинском языке: *аваj* 'мама!', *ачај* 'папа!'.[222]

Аффикс *-ок*, употребляемый в чувашском языке, заимствован из русского языка, ср. русск. *Василек*, *Васек*, *Игорек*. Заимствованными являются также аффиксы *о*, *у*, *ӳ*, *і*, образующие форму вокатива в диалектах гагаузского языка.[223]

Неясна природа аффикса *-(а)в* ~ *-(ӳ)в* в говорах чувашского языка и в кумыкском языке. Примеры: чуваш. (диал.) *аттӳв* 'отец!', *аннӳв* 'мать!';[224] кум. *інів* 'младший брат!', *ӳчів* 'тетя!', *аҕав* 'дядя!'.[225] Ср. узб. *Ҳаліма-ју* 'Халима!', *Алім-эв* 'Алим!', *Таліп-у* 'Талип!'.[226] То, что в кумыкском языке он присоединяется к именам собственным, независимо от их употребления в значении вокатива, дает право отнести и его к числу аффиксов уменьшительности-ласкательности.

В разных тюркских языках в качестве вокатива, помимо форм уменьшительности-ласкательности, используются формы принадлежности, например в хакасском языке — форма принадлежности 2-го лица, в татарском — 3-го лица: хак. *аҕаң* 'дедушка!', *аҷаң* 'дядя!', *чаҷаң* 'старшая сестра!', *таjїң* 'дядя (по матери)!'; тат. *әтисе* (при обращении жены к мужу), *әнисе* (при обращении мужа к жене).[227]

Подводя итог обзору и анализу падежных форм, мы должны заметить, что многообразие их — следствие поздних процессов, о чем свидетельствует региональность употребления и относительная прозрачность этимологии.

Общетюркская парадигма на основе данных сравнительного исследования реконструируется нами в следующем виде:

---

[219] См.: Ишбулатов Н. Х. Морфологические особенности казмашевского говора. — БДС, с. 90; Юсупов Х. Г. Из наблюдений над морфологической системой инзерского говора башкирского языка. — Там же, с. 151; Ишбулатов Н. Х. Кизильский говор. — БД, с. 37; Юсупов Х. Г. Асинский говор башкирского языка, с. 8.

[220] См.: Чадамба З. Б. Тоджинский диалект тувинского языка, с. 16.

[221] См.: Котлеев В. И. Морфологические особенности красночетайского говора. — МЧД, III, с. 41.

[222] См.: Сат Ш. Ч. Материалы по тандинскому говору. — Тр. Кызыльского ГПИ, 1963, 3, с. 63.

[223] См.: Drimba V. Sur le vocatif en gagaouze. — AOH, 1961, XIII, 3, p. 253—260.

[224] См.: Котлеев В. И. Морфологические особенности красночетайского говора, с. 42.

[225] См.: Юлдашев А. А. Звательные слова в тюркских языках. — ИСГТЯ, II, с. 329.

[226] См.: Ғулом А. Ўзбек тилида келишиклар, б. 6, 12; Гулямов Я. Г. О падежных формах в ташкентском говоре. — Тр. Среднеазиатского гос. унив., новая серия, LXIX, филологические науки, языкознание, 1955, 8, с. 52—53.

[227] См.: Юлдашев А. А. Звательные слова в тюркских языках, с. 331.

1) Именительный (основной)	—
2) Родительный	*-ī̆ŋ
3) Дательный	*-kā (< *-kāpy)
4) Винительный	*-ïʁ
5) Местный	*-mā
6) Исходный	*-mā ~ *-mān ~ *-mī̆n (? < *-mājan ~ *-mājïn)
7) Творительный	*-ī̆n
8) Сравнительно-ограничительный	*-čā

Последняя форма, сохраняющая признаки послеложного сочетания, находится на периферии падежной парадигмы; форма же творительного падежа зафиксирована лишь в памятниках.

II, 1. Характеристике содержания падежных форм посвящено много работ. Наиболее значительные из них написаны А. В. де Гроотом,[228] Р. Якобсоном[229] и Е. Куриловичем.[230] Взгляды каждого из них хорошо известны и неоднократно подвергались критическому разбору,[231] что избавляет нас от необходимости начинать очерк подробным специальным обзором. Мы остановимся, тем не менее, на основных положениях концепции Е. Куриловича, так как именно эта концепция образует методологическую основу нашего исследования.

Касаясь попытки Р. Якобсона дать структурно-семантическое описание падежей путем выделения общих и частных значений, Е. Курилович отмечает, что подобное описание было бы вполне возможным и эффективным, если бы объектом его были чисто семантические значимости. Там, где семантическое тесно переплетается с синтаксическим, необходим иной подход, предполагающий выделение сначала синтаксических различий, а затем семантических, так как семантика падежных форм устанавливается исходя из их синтаксических функций. Синтаксическая функция, таким образом, первичная функция падежной формы. Она может быть и ее содержанием, когда употребление падежной формы не связано с выражением какой-либо семантики, ср., например, форму винительного падежа, которая употребляется после переходных глаголов и указывает на подчинение имени глаголу, т. е. является формальным знаком синтаксической связи. Вместе с тем падежные формы могут быть выразителями тех или иных семантических значимостей, ср. винительный падеж цели при глаголах движения. Выражение семантической значимости — вторичная функция падежной формы.

Выделение двух функций, первичной и вторичной, Е. Курилович кладет в основу разграничения двух типов падежа: грамматического (cas grammatical) и конкретного (cas concret). У грамматического падежа первичная функция — синтаксическая, вторичная — семантическая (адвербиальная); у конкретного падежа первичная функция — семантическая (адвербиальная), вторичная — синтаксическая.

Различие между грамматическим падежом и падежом конкретным проявляется, в частности, в синтаксической позиции в отношении управ-

---

[228] De Groot A. W. 1) Les oppositions dans les systèmes de la syntaxe et des cas. — Mélanges de linguistique offerts à Ch. Bally. Genève, 1939, p. 107—127; 2) Classification of Cases and Uses of Cases. — In: For Roman Jakobson. The Hague, 1956, p. 187—194.

[229] Jakobson R. 1) Beitrag zur allgemeinen Kasuslehre. — TCLP, 1936, 6, S. 240—287; 2) Морфологические наблюдения над славянским склонением. 's-Gravenhage, 1958.

[230] Kuryłowicz J. Le problème du classement des cas. — Biuletyn Polskiego Towarzystwa Językoznawczego, Kraków, 1949, IX, p. 20—43.

[231] См.: Чешко Е. В. К вопросу о падежных корреляциях. — ВЯ, 1960, № 2, с. 50—56; Степанов Ю. С. Проблема классификации падежей. (Совмещение классификаций и его следствия). — ВЯ, 1968, № 6, с. 36 и сл.; Fillmore Ch. J. The Case for Case. — In: Universals in Linguistic Theory. New York, 1968, p. 7 ff.

ляющего глагола. Грамматический падеж занимает доминирующее положение в группе глагола (центральная позиция), конкретный — находится на ее периферии (периферийная или маргинальная позиция). Это различие, применительно к тюркским языкам, очень просто и вместе с тем точно выразил Х. Карасаев. «. . .опущение косвенного дополнения, — пишет он, — не нарушает минимального смысла предложения. . . Опущение же прямого дополнения вносит неясность в значение предложения».[232]

Грамматические падежи в индоевропейских языках — винительный «прямого управления», именительный и приименной родительный; конкретные — инструментальный, дательный, отложительный, местный. Первые из них образуют каркас падежной системы, вторые — ее обрамление. Сущность конкретных падежей характеризуется помещением их между грамматическими падежами и наречием. Иными словами, конкретные падежи входят в падежную парадигму только в аспекте вторичной функции, первичная же их функция такова, что они должны быть отнесены к семантической системе адвербиальных дериватов. Следовательно, грамматические падежи — синтаксическая система, в основе которой — управление имени или глагола; конкретные падежи образуют семантическую систему, в которой они объединяются своим адвербиальным значением. Противопоставление именительного и винительного падежей — синтаксическая оппозиция, противопоставление грамматических и конкретных падежей — семантико-синтаксическая оппозиция, противопоставление же местного падежа исходному — семантическая оппозиция.

Переходя непосредственно к материалам тюркских языков, мы не ставим перед собой задачу подробно описать все значения падежей в каждом из них. Наша цель — раскрыть структуру содержания тюркских падежных форм и определить основные моменты соотношения в нем значений функционального и семантического порядка.

В тюркских языках грамматические, или, точнее, общие грамматические, падежи — именительный, винительный, родительный; конкретные — местный, дательный, исходный.[233]

Различие тюркских, как и индоевропейских, падежей в синтаксическом плане является выражением конструктивных особенностей предложения. Так, именительный падеж — падеж подлежащего, родительный падеж — падеж приименного определения, винительный падеж выступает как форма прямого дополнения, а местный, дательный и исходный падежи — как формы косвенного дополнения (обстоятельства). Все падежные формы, кроме формы винительного падежа, употребляются в функции сказуемого. Форма винительного падежа практически лишена этой функции, а форма родительного падежа выполняет ее реже других падежных форм: ст.-узб. *хум анїң бадä анїң* ‘кувшин — его, вино — его’;[234] гаг. *о адам она ўувап ётміш ані бу мäралар дїл бір чорбаўїнїн ама інсанїн*

---

[232] Карасаев Х. Семантика падежей в киргизском языке. — Тр. ИЯЛИ Киргизского филиала АН СССР (1944), 1945, I, с. 32.

[233] Ср. ставшее почти традиционным в тюркологии деление падежей на грамматические и пространственные. См.: Дмитриев Н. К. Грамматика башкирского языка, с. 61; Севортян Э. В. Категория падежа, с. 45. Критическое отношение к подобному делению с указанием на необоснованность трактовки ряда падежей как неграмматических выражено в работах: Закиев М. К вопросу о категории падежа в тюркских языках. — В кн.: Проблемы тюркологии и истории востоковедения. Казань, 1964, с. 218; Зарипов Р. Ф. Категория падежа в башкирском языке. АКД. Уфа, 1971, с. 7. Это критическое отношение возникло, по всей видимости, вследствие некоторой терминологической неясности. Конечно, все падежи — грамматические, но в функционально-семантическом плане они распадаются на две группы, из которых одна, если так можно выразиться, более грамматична, чем другая. Речь идет о тех падежах, первичная функция которых синтаксическая.

[234] См.: Турабова М. Я. Морфологические особенности языка «Шейбанинамэ» Мухаммеда Салиха. АКД. Ташкент, 1966, с. 6.

хэпсінін 'тот человек ему ответил, что эта земля не одного хозяина, а всех людей'.[235]

Из сказанного выше следует, что именительный, родительный и винительный падежи имеют различные общесинтаксические функции, тогда как местный, дательный и исходный — одну и ту же (преимущественно выражение косвенного дополнения-обстоятельства). Последние различаются в синтаксическом плане частными функциями, реализуемыми главным образом в правилах сочетаемости. Так, например, одни глаголы, причастия и послелоги требуют дательного падежа, другие — исходного.[236]

Семантические различия в отличие от синтаксических вытекают прежде всего из своеобразия значений самих падежных форм, и они четко выражены у тех падежей, которые не различаются в общесинтаксическом плане: у местного, дательного и исходного. Поскольку первичная функция этих падежей семантическая, их содержание можно описать путем выделения общих и частных значений в соответствии с концепцией Р. Якобсона.

Общие значения — результат абстрагирования от всех конкретных случаев семантического употребления падежных форм. Общее значение местного падежа заключается в указании на положение лица или предмета в пространстве и времени; дательный падеж обозначает лицо или предмет, к которым направлено действие или в отношении которых что-либо констатируется; исходный падеж указывает на исходный пункт во времени, пространстве, развитии, движении, сравнении и т. д.

Что касается частных семантических значений, которые есть и у общих грамматических падежей, то они наиболее полно и глубоко выявляются в оппозициях однотипных синтаксических единиц, ср. узб. *кардэшлар jэрдамі / кардэшларнің jэрдамі*. Признак, лежащий в основе этого противопоставления, чисто семантический: сочетание с именительным падежом [237] выражает преимущественно качественные отношения (*кардэшлар jэрдамі* 'дружеская помощь'), сочетание же с родительным падежом — принадлежность, понимаемую очень широко (*кардэшларнің jэрдамі* 'помощь друзей'). Другая оппозиция — алт. *он акчā алдїм / он акчадаң алдїм*, в которую входят формы дательного и исходного падежей. Дательный падеж обозначает цену, стоимость, обменный эквивалент (*он акчā алдїм* 'я купил за десять копеек'), исходный — разделительность (*он акчадаң алдїм* 'я купил по десять копеек [за штуку]'). Членами третьей оппозиции, ср. узб. *бэш сўм элді / бэш сўмні элді*, являются именительный и винительный падежи. Прямое дополнение имеет форму именительного падежа, если объект действия неопределенный (*бэш сўм элді* 'он взял [в долгу] пять рублей'), и форму винительного падежа, если объект действия определенный или непосредственный (*бэш сўмні элді* 'он взял пять руб-

---

[235] См.: Покровская Л. А. Грамматика гагаузского языка, с. 115.

[236] См.: Карасаев Х. Семантика падежей в киргизском языке. Приложение, с. 45—53; Хыдыров М. Н. Послелоглар ве оларың уланылышлары. Ашгабат, 1947; Коклянова А. А. Способы синтаксической связи слов в современном узбекском литературном языке. АКД. М., 1953, с. 8—15. Имеются также послелоги, управляющие родительным падежом. См.: Tietze A. 1) Der freistehende Genitiv im Türkei-Türkischen. — UAJb, 1958, XXX, 3—4, S. 183—194; 2) Ein Typus des freistehenden Genitivs im Aserbajdschanischen. — UAJb, 1960, XXXII, 3—4, S. 220—229.

[237] В последние годы наметилась тенденция рассматривать нулевую форму (resp. форму именительного падежа) определительного члена конструкции тюркского изафета как особый притяжательный падеж. «В башкирском и в других тюркских языках, — пишет Р. Ф. Зарипов, — самостоятельно существуют два притяжательных падежа — определенный и неопределенный. В предложении оба эти падежа играют одинаковую синтаксическую роль, но по семантике они сильно дифференцированы». См.: Зарипов Р. Ф. О притяжательных падежах в башкирском языке. — В кн.: Вопросы методологии и методики лингвистических исследований. Уфа, 1966, с. 210. Не считая необходимым останавливаться здесь на разборе критериев выделения падежей, заметим, что использование в определительной конструкции притяжательного (resp. родительного) или именительного (у Р. Ф. Зарипова — второго притяжательного) падежей лишь косвенно связано с выражением семантической оппозиции определенность/неопределенность.

лей [которые имелись в виду]'). Значение определенности заключено в самом имени (имя собственное, местоимение, прилагательное, числительное) или создается своеобразием контекста, наличием определений, а также присоединением к имени аффиксов принадлежности. Определенность объекта делает употребление винительного падежа необходимым, но не абсолютно обязательным.[238] Так, в разговорном казахском языке прямое дополнение, выраженное именем с аффиксами принадлежности 1-го и 2-го лица, иногда стоит в именительном падеже.[239] Нарушение правил нередко допускается в поэтических текстах в целях сохранения размера, ср. др.-тюрк. *сәңä бәрді бу пänд өзүм* 'я сам дал тебе этот совет', *сізläргä бәрämän jуртум* 'вам я отдаю свои владения', *калі кіjсäң атлас унутма бөзүң* 'если наденешь атлас, не забывай свою бязь'. Следующую оппозицию образуют именительный и исходный падежи, ср. ст.-узб. *ол арак ічті / ол аракдїн ічті*. О значении формы именительного падежа при выполнении ею функций прямого дополнения говорилось выше (*ол арак ічті* 'он пил водку'). Форма исходного падежа с глаголами *ал-*, *іч-*, *jэ-* и некоторыми другими выражает партитивность (*ол аракдїн ічті* 'он выпил водки'). Разумеется, число оппозиций и выявляемых при их помощи частных семантических значений не ограничивается этими примерами.

Одним из факторов, способствующих возникновению семантических различий падежных форм, является семантика имен. Так, в староузбекском языке и ряде диалектов узбекского, башкирского, ногайского, туркменского языков употребление косвенного дополнения в именительном падеже при глаголах движения имеет место чаще всего тогда, когда имена являются географическими наименованиями или обозначениями единиц политико-административного деления.[240] Употребление именительного падежа в обстоятельственной или адвербиальной функции прослеживается у имен со значением времени года или времени вообще. Примеры: ст.-узб. *чаўїр ічмäс күнläрі наштнї кәзäр әді* 'в дни, когда не пил вина, пользовался наркотическими средствами'; башк. *бабар кӧнӧ кілғәд* 'приходите в воскресенье'; гаг. *о вакїтлар бäн т^ракторҷї ішләдім* 'в то время я работал трактористом'; кирг. *кїш арабаңдї камда ҷаз чанаңдї камда* 'зимой готовь телегу, летом готовь сани'; шор. *ол күн кәлгән* 'он приехал в тот день'. Глагольные имена в дательном падеже выражают, как правило, значение цели. Эта же падежная форма у числительных или имен, обозначающих время, передает значение предела. Когда форма исходного падежа образована от количественных числительных, а также от счетных слов и существительных, выступающих в сочетании с количественными и разделительными числительными, то при глаголах *ал-*, *бәр-* и некоторых других она имеет преимущественно разделительное значение, например: узб. *мән буні бәш сӯмнан әлдім* 'я взял это по пять рублей [за штуку]'; будучи же образованной от имен, обозначающих лиц, эта форма указывает на исходный пункт отложительного действия: узб. *мән буні бәш кішідан әлдім* 'я взял это у пяти человек'; форма ис-

---

[238] Относительно оформленности и неоформленности прямого дополнения см.: Камилова Х. 1) О винительном падеже в узбекском языке. — Уч. зап. Ташкентского ГПИ, 1947, 1, с. 51—58; 2) Ўзбек тилидаги тўлдирувчилар ҳақида. — Тр. ИЯЛ, Ташкент, 1949, 1, с. 144—157; Балақаев М. Б. 1) Қазақ тіліндегі тура толықтауыштар. — Вестник АН Казахской ССР, 1948, № 10 (43), с. 58—71; 2) Қазақ тіліндегі тура толықтауыштардың жалғаулы, жалғаусыз жұмсалуы. — Вестник АН Казахской ССР, 1948, № 12 (45), с. 19—28; Дыренкова Н. П. Грамматика хакасского языка, с. 23; Иванов А. И. Прямой объект и формы его выражения в чувашском языке. — Уч. зап. [Чувашского] НИИ, «Филологический сборник», 1965, XXVIII, с. 89 и сл.; Чунжекова Е. Н. О прямом дополнении в алтайском языке. — Уч. зап. Горно-Алтайского НИИИЯЛ, 1971, 10, с. 121—129.

[239] См.: Курышжанов А. Значение аккузатива в языке Codex Cumanicus. — Изв. АН Казахской ССР, серия филологии и искусствоведения, 1957, 1 (6), с. 46—47.

[240] См.: Зарипов Р. Ф. Категория падежа в башкирском языке, с. 9.

ходного падежа от предметных существительных при упомянутых выше глаголах выражает значение партитивности: алт. *аракїдаң аштаң ічіп д'іді* 'он попил водки, поел пищи'; кирг. *чајдан ічтік* 'мы выпили чаю'; узб. *сувдан эліп кәлің* 'принесите воды'.

Важную роль в образовании семантических различий падежей играет семантика управляющих глаголов. Как указывалось выше, при глаголах движения именительный падеж может быть формой косвенного дополнения. Примеры: ст.-узб. *Бухара барді* 'он отправился в Бухару', *Хорасан јәтті* 'он дошел до Хорасана'; башк. (диал.) *рајон саптҙмҙң* 'в район ты съездил?', *ул кіттҙ бөгөн Дәвләкән* 'он уехал сегодня в Давлеканово';[241] ног. *мән ат мҙндҙм* 'я сел на лошадь'; кирг. *базар бар* 'иди на базар'; туркм. *Јөлөтән гіттім* 'я поехал в Йолотань';[242] узб. *ўқиўіл мактап кәліп* 'придя в школу, учись', *этам Тәшкәнт бәрганларіда* 'когда мой отец отправился в Ташкент'.

Ниже приведены дополнительные сведения о синтаксических функциях и семантических значениях отдельных падежей. Часть фразовых примеров взята из грамматических работ указанных выше авторов.

А) Грамматические падежи

Именительный падеж в тюркских языках является особым грамматическим падежом: синтаксические функции его значительно шире функций именительного падежа в индоевропейских языках, что послужило причиной неодинакового наименования его в специальной литературе (основной, главный, неопределенный и т. д.). В форме именительного падежа выступают имена, выполняющие функции подлежащего, прямого и косвенного дополнений, определения, обстоятельства, именной части сказуемого.

Подлежащее в именительном падеже употребляется со всеми глаголами в форме любого залога.

Использование формы именительного падежа в функции косвенного дополнения возможно в устойчивых сочетаниях типа ст.-узб. *аjакдїн баш* 'с ног до головы', при прямом дополнении в винительном падеже («сделать что-нибудь чем-нибудь»): ст.-узб. *мунї пајтахт кїліп әді* 'он сделал этот [город] столицей', *ўанїмнї кїлібдур су* 'душу мою она растворила (букв. сделала водой)'.

Особые случаи употребления прямого и косвенного дополнений в именительном падеже — при сочетании личных и указательных местоимений с существительными или прилагательными в качестве аппозитивных членов, ср. ст.-узб. *мән за'іфі* 'меня слабого', *мән бәчарані* 'меня бедного', *мән аварані* 'меня скитальца', и при перечислении, когда в ряду сопоставляющихся имен падежное оформление получает только последнее имя, ср. ст.-узб. *Ташкänд ва Шаһрухїја ва Сајрамнї алїп әді* 'он захватил Ташкент, Шахрухию и Сайрам', *ічмäк ва јәмäк ва уjкуға хурсанд* 'они рады питью, еде и сну'; кирг. *мән коj уj ўілкї төгө туз бәрдім* 'я дал соли овцам, коровам, лошадям и верблюдам'.

Определение имеет форму именительного падежа в конструкциях тюркского изафета 1-го и 2-го типов: гаг. *кїш авшамї* 'зимний вечер', *кардаш јардїмї* 'братская помощь'; кирг. *алтїн балїк* 'золотая рыбка', *әркәк бала* 'мальчик', *күн ўак* 'солнечная сторона'.

Винительный падеж — падеж прямого дополнения при переходных глаголах, однако в староузбекском и современном узбекском языке прямое

---

[241] См.: Максютова Н. Х. Говор айских башкир, с. 14; Максютова Н. Х., Яруллина У. М. Из наблюдений над башкирскими говорами. Уфа, 1963, с. 15. См. также: Ишбулатов Н. Х. Кизильский говор, с. 37.

[242] См.: Менглиева Г. Некоторые фонетические, морфологические и лексические особенности сакарского диалекта туркменского языка. — ВДТЯ, IV, Баку, 1966, с. 123.

дополнение в винительном падеже встречается с глагольными формами страдательного залога: *эшні јӫјілді* 'ели плов', *чэјні ічілді* 'пили чай'.[243]

Б) Конкретные падежи

Глагольные имена в местном (местно-временно́м) падеже уточняют время совершения основного действия: кирг. *мӫн кӫлгӫндӫ ал ǰаздї* 'когда я пришел, он писал'; узб. *унің hақіда гапірганімізда бір кіші шікэјат кіліп кӫлді* 'когда мы говорили о нем, пришел человек с жалобой'; шор. *кӱскӱ кӫлгӫндӫ шаналарїн таӈрап азїк алїп таjӈā аӈнап парӈаннар* 'когда наступила осень, они починили лыжи, взяли провиант и отправились охотиться в тайгу'.

Глагольное имя на *-mak* в форме местного падежа в турецком, узбекском и других, главным образом огузских и карлукско-уйгурских, языках функционирует как verbum finitum, передавая непрерывное, обычно совершающееся действие: тур. *бу мӫсӫлӫ ӱзӫріндӫ дурулмасїна лӱзум гӧрмӫмӫктӫјім* 'не вижу необходимости останавливаться на этой проблеме', *онлар базї дӫліллӫрлӫ бу фікрӫ каршї гӫлмӫктӫ іділӫр* 'они, [приводя] некоторые аргументы, выступали против этой точки зрения'; туркм. (диал.) *ішлӫмӫкдӫміӈ* 'мы работаем';[244] узб. *сувчіларіміз кунлік суӈэріш нормасіні эшіріп баǰармэкталар* 'наши поливальщики перевыполняют дневную норму полива'; уйг. *суӈіріш ішліріні кізӈін ǰӱргӱзмäктä* 'горячо проводят поливные работы'.

В староузбекском языке и диалектах современного узбекского языка форма местного падежа, преимущественно у названий городов, областей, стран, выражает направление действия или его предел: ст.-узб. *Кундузда кӫліп* 'придя в Кундуз', *Самаркандда барӈанда* 'когда отправились в Самарканд'; узб. (диал.) *ман Ӈіждувэнда бэраман* 'я отправляюсь в Гиждуван', *мунда кӫлің* 'идите сюда',[245] *ојдä јӱрің* 'пойдемте домой', *кінэдä бэддік* 'мы ходили в кино'.[246]

В памятниках древнетюркской письменности с формой местного падежа совпала форма исходного, ср. *каӈанта бӧлӧн кӫлті* 'от [тибетского] кагана пришел бёлён', *Кара кӧлтä сӱӈӱшдӱмӱз* 'мы сразились при Кара-кёле', *тӱргäш каӈанта кӧрӱг кӫлті* 'от тюргешского кагана пришел лазутчик'. Следы подобного совпадения обнаруживаются также в некоторых современных тюркских языках, в частности в диалектах азербайджанского и хакасского языков.[247]

Дательный падеж обозначает:

а) лицо или предмет, к которым направлено действие: казах. *шакїрмаӈан жӫргӫ барма* 'не ходи туда, куда не зовут'; кирг. *ал орунӈа отурду* 'он сел на место'; туркм. *ӈоӈшулара гітті* 'она ушла к соседям'; якут. *кӱӧлгӫ кустар тӱстӱлӫр* 'на озеро опустились утки';

б) лицо или предмет, в отношении которых совершается действие или констатируется какое-либо состояние: ст.-узб. *јахшїрак сӫн мӫӈä ӧз оӈлумдїн* 'ты для меня лучше родного сына'; башк. *уӈа ні булӈаӈ* 'что с ним случилось?'; шор. *піскӫ кам кӫрӫк чок* 'нам шаман не нужен', *їлар сōkka тїӈ корукчалар* 'они очень боятся холода';

в) предел во времени и пространстве, до которого происходило или будет происходить действие: ст.-узб. *таӈдїн акшамӈа* 'от зари до сумерек';

---

[243] См.: Мелиоранский П. М. Памятник в честь Кюль Тегина, с. 102; Ғулом А. Ўзбек тилида келишиклар, б. 9.

[244] См.: Аразкулиев С. Говоры туркмен Турткульского района Каракалпакской АССР. АКД. Ашхабад, 1962, с. 13.

[245] См.: Мирзаев М. М. Ўзбек тилининг Бухоро группа шевалари, б. 47.

[246] См.: Джураев Б. Шахрисябзский говор узбекского языка. АКД. М., 1959, с. 16.

[247] См.: Патачакова Д. Ф. Категория падежа в качинском диалекте хакасского языка, с. 158; Ибрагимов Б. М. Заметки о морфологических особенностях говоров Лачинского района.— ВДТЯ, IV, Баку, 1966, с. 84.

башк. *сәғәт бішка кайта* 'он вернется к пяти часам'; кирг. *отузға чіктім* 'мне исполнилось тридцать лет'; хак. (качинск.) *піс часха кілзәр* 'приходите к пяти часам'; шор. *ілар үш күнгә шіғара тоіладілар* 'они пировали в течение трех дней'; якут. *кәләргә күн үдһә турар әтә* 'к [нашему] приходу солнце стояло высоко';

г) цель, предназначение: ст.-узб. *курған бәркәтмәкліккә баш кәрәк* 'чтобы укрепить крепость, нужна голова'; алт. *сӱға барар* 'он пойдет за водой', *аттї тударға барді* 'он пошел ловить коня'; казах. *мән нан алуға кәттім* 'я отправился за хлебом'; кар. *бір тас тасламакка* 'камень для того, чтобы бросать'; ног. *карт тәзәккә кәттї* 'старик уехал за кизяком'; тат. *балалар урманға җіләккә кіттілär* 'дети ушли в лес за ягодами'; туркм. *окамаға гәлді* 'он приехал учиться'; уйг. *Касім окушка кәтті* 'Касим уехал учиться'; хак. *ол ағасха парған* 'он уехал за лесом', *ол үгрәнәргә парған* 'он уехал учиться'; шор. *мән атка парғам* 'я пошел за лошадью';

д) цену, стоимость, обменный эквивалент: кирг. *ал ўўз сомго коj сатїп алді* 'он купил баранов за (~ на) сто рублей'; туркм. *бу атї јўд манада алді* 'он купил эту лошадь за сто рублей'; узб. *мән буні бәш сўмға олдім* 'я купил это за пять рублей', *у бу товукні чәјға алмаштірді* 'он выменял эту курицу на чай'; шор. *мән чўс салковајға албїға саттїм* 'я продал соболя за сто рублей'; якут. *харчїға їллїм* 'я взял за деньги';

е) причину (что более характерно для исходного падежа): алт. *коркїғанїна ол оруj бәрді* 'он от испуга заболел', *шўрғанға тїшкарї чїғїп болбос* 'из-за вьюги нельзя выйти во двор'.

В самаркандско-бухарской группе говоров узбекского языка дательный падеж может выступать в значении местного, что принято связывать с влиянием таджикского языка.[248] В. В. Решетов, не исключающий возможность таджикского влияния, все же предпочел объяснить этот случай существованием в староузбекском языке особой падежной формы, совмещавшей функции дательного и местного падежей.[249] Примеры: *акам калхозга ішлајді* 'мой старший брат работает в колхозе', *мән бәшінчі сінфга дарс бәраман* 'я даю уроки в пятом классе', *біз јәтәкка тураміз* 'мы живем в общежитии', *кітәбларім ујга кәлган* 'мои книги остались дома'.[250] Сходное явление отмечено в тувинском языке, в котором форма дательного падежа употребляется в значении местного лишь при глаголах в будущем и прошедшем времени, в настоящем же времени такое употребление ее исключено, ср. *мән Кїзілға чурттап турған мән* 'я жил в Кызыле', *мән Кїзілға чурттăр мән* 'я буду жить в Кызыле', *мән Кїзїлда чурттап тур мән* 'я живу в Кызыле [в данный момент]'.[251] В якутском языке указание на место — одно из обычных значений формы дательного падежа при глаголах статического плана:[252] *ат далға турар* 'лошадь стоит в загоне', *ат далға кїрәр* 'лошадь входит в загон'. В памятниках древнетюркского языка дательный падеж обозначает время: *тоқуз јәгірмі јашїмға өгсўз болуп* 'оставшись к девятнадцати годам без матери' (ЕП 45_2), *јунд јїл алтїнч ај он јаңіка* 'в год лошади, шестой месяц, десятый [день]

---

[248] См.: Мирзаев М. Об употреблении дательного и местного падежей в бухарском говоре узбекского языка. — Уч. зап. Бухарского ГПИ, Ташкент, 1957, с. 69—72. Ср.: Йўлдошев А., Рўзиев Г. Ўзбек тилидаги жўналиш ва ўринпайт келишикларига доир. — В кн.: Ўзбек филологияси масалалари. Тошкент, 1970, б. 18 и сл.

[249] Решетов В. В. Узбекский язык, I. Введение. Фонетика. Ташкент, 1959, с. 25. См. также: Маъруфов А. Ўзбек адабий тилидаги икки келишик формаси ҳақида. — ЎТАМ, 1958, № 1, б. 45; Ғуломов Ё. Ғ. Ўзбек тилида қаратқич ва тушум келишиклари ҳақида. — Там же, б. 47.

[250] См.: Мирзаев М. М. Ўзбек тилининг Бухоро группа шевалари, б. 47; Зияева И. Дательный падеж в узбекском языке. АКД. Самарканд, 1966, с. 8.

[251] См.: Исхаков Ф. Г., Пальмбах А. А. Грамматика тувинского языка. с. 128, 134.

[252] См.: Харитонов Л. Н. Современный якутский язык, с. 109.

новой [луны]' (USp 3_1), *төртүнч ај тоқуз отузға* 'четвертого месяца, двадцать девятого [дня]' (МБ I_1).[253]

Синтаксическая функция дательного падежа проявляется в сочетании с каузативами, когда он обозначает лицо или предмет, побуждаемые или допускаемые к совершению действия: кирг. *кішігä соjдурған коj* 'баран, зарезанный человеком'; тув. *хоj бöрүгэ чiдiрткэн* 'овца съедена волком'; шор. *апшакка манаттiрдiм* 'меня выслеживал медведь'.

Основное значение исходного падежа — исходное, в смысле указания:

а) на исходный материал или среду, на исходный пункт во времени, пространстве, развитии: азерб. *сəл дағдан ахïрдï* 'поток побежал с гор', *сəhəрдəн соjуғ əл əсiр* 'с утра дует холодный ветер'; алт. *бöрү малдаң бiр баjталдï туттï* 'волк схватил из табуна одну кобылицу', *кара түлкүдəң тон əтті* 'он сделал шубу из чернобурой лисицы';[254] казах. *бiз тавданбiз* 'мы с гор'; кар. *ол jараттï топрахтан балчïхтан* 'он создал [его] из земли, из глины'; кирг. *сöз сöздöн түjт* 'слово рождается от слова'; тув. *бу столду шiвiдэн кiлған* 'этот стол сделали из ели', *мэн акiмдан чағā алдiм* 'я получил от брата письмо'; шор. *кэбэдэң азiк ал* 'возьми провизию из лодки', *шорлар арбадаң талкан iштэпчалар* 'шорцы делают из ячменя толокно';

б) на то, с чем что-либо сравнивается: азерб. *Ғара дəниз Хəзəрдəн дəрiндiр* 'Черное море глубже Каспийского'; алт. *слəрдiң сöс күмүштəң бāлу* 'ваше слово дороже серебра'; кар. *jокт дзомартлïрак коj соjувцудан* 'нет более щедрого, чем тот, кто режет овец', *кiцiрäк маciдэн* 'меньше кошки'; кирг. *кiтэп дэптэрдэн чоң* 'книга больше тетради'; уйг. *аттiн əгiз iшттiн пäс* 'выше лошади, ниже собаки'; хак. *пӱр хозаннаң кӱстiг* 'волк сильнее зайца'; чуваш. *пĕлдан да тутлă* 'слаще меда', *ăдăмрăн вăjлi* 'сильнее человека'; шор. *казiңнаң кадiғ* 'тверже березы';

в) на причинно-следственные взаимосвязи: азерб. *о бу сöзү аҹïғындан дəдi* 'он сказал это со злости (~ от злости)'; алт. *сōkko тоңғонiмнаң колдорiм кабïшпаj бардï* 'из-за того, что замерз, мои руки не стали сгибаться'; карач.-балк. *уjалғандан конакнï бəті кïзарған əдi* 'от стыда лицо гостя покрылось краской'; башк. *алтăн тапкандан шатлана* 'он радуется тому, что нашел золото'; кар. *башладï улус чïдама сувсаптан да ачлïхтан* 'народ начал страдать из-за жажды и голода'; кирг. *тiл бiлбəгəндiктэн мэн ҙакшï iштəj албадïм* 'из-за того, что я не знал языка, я не мог хорошо работать'; тув. *сōктан доңар* 'от холода мерзнут'; тур. *боғаздан jаттï* 'она слегла из-за [болезни] горла'; узб. *каттiк сэвуктан hамма арiклар музлап кэлді* 'из-за сильных холодов замерзли все арыки'; чуваш. *с'ĕн пурдан кĕмĕрĕм* 'я не вошел потому, что там был человек';[255] якут. *тĭмнĭттан сiр хаjĭта барбĭта* 'от мороза земля потрескалась';

г) на то, что является средством, орудием совершаемого действия, или на того, кто выступает в роли посредника: ст.-узб. *Хоҙа Каландiн jармак jïбарïлдï* 'деньги были посланы через Ходжу Калана'; алт. *öбögön көзнöктöң көрдi* 'старик видел из окна (~ через окно)'; чуваш. *аз'у сана укс'а кӳржĕрĕн парза jană* 'отец послал тебе деньги через соседа'; шор. *əлчiдəң пiлiп алдïм* 'я узнал через посла (~ от посла)';

д) на место, где происходит действие (resp. движение): тат. *баскĭчлардан мĭнĭп* 'поднявшись по ступенькам'; тур. *чамурлу jолдан гiдijорлар* 'они идут по грязной дороге';

е) на то, что действие переходит на объект путем приложения его к определенной части: башк. *кулĭмдан тŏттĭ* 'он схватил меня за руку', *бŏғадĭнан алдĭ* 'он схватил его за горло'; ног. *ол тартпаға мojĭннаң*

---

[253] См.: B a n g W. Zu den türkischen Zeitbestimmungen. — Túrán, Budapest, 1918, 1—2, S. 91.

[254] См.: К у ч и г а ш е в а Н. А. Значение и употребление пространственных падежей (дательного, местного, исходного) в современном алтайском языке, с. 14.

[255] О значениях падежных форм в чувашском языке см.: И в а н о в А. И. Склонение и его роль в чувашском языке, с. 93—99.

асӣлҕан ‘он повесился на перекладине (букв. за шею)’; тат. *баланӣ башӣнан сӣпадӣ* ‘он погладил ребенка по голове’; тур. *колумдан чӛкілдіјіні һісӛттім* ‘я почувствовал, что меня тянут за руку’, *јанакларӣмдан ӧптӱ* ‘он поцеловал меня в щеки’; туркм. *Ораз онуң бојнундан ҕуӈакладӣ* ‘Ораз обнял его за шею’; узб. *кізні бэшідан сіладі* ‘он погладил девушку по голове’; хак. *палазїн холїнаң тудїп* ‘держа своего ребенка за руку’; шор. *чаҕадаң тудар* ‘он хватает за ворот’;

ж) на то, что действие распространяется не на объект в целом, а лишь на его часть (значение партитивности): ст.-узб. *бу таʿамдїн јӛңіз* ‘поешьте этой пищи’; кар. *кім татса ӛді ол сувсундан* ‘если кто-нибудь попробовал бы этого напитка’; кирг. *нандан сапїп алдїм* ‘я кушил хлеба’; тув. *шајдан хајїндїр* ‘вскипяти чаю’; шор. *палїктаң пїжїртїп салдїм* ‘я велел сварить рыбы’, *кузуктаң алїп алдїм* ‘я взял орехов’. Когда часть названа, исходный падеж по существу дублирует родительный, выражающий отношение части к целому. Примеры: гаг. *алдїм бір тӛнӛ кара ӱзӱмдӛн* ‘я взял одну ягоду черного винограда’; уйг. *коҕундін бір тілім јӛді* ‘он съел кусок дыни’, *чајдін бір ӈутум ічті* ‘он выпил глоток чаю’.

Форма исходного падежа от количественных, порядковых и «штучных» числительных, а также от существительных, выступающих в сочетании с числительными, имеет, как правило, разделительное значение: алт. *бір кіжі дʹаӈїс кӱнӱнӛ дʹірмӛ тијіңнӛң адїп дʹат* ‘один человек в день стреляет по двадцать белок’; кирг. *бӛш кітӛптӛн сатїп алдїк* ‘мы купили по пять книг’; тат. *бӣрӓр кітаптан* ‘по одной книге’; туркм. *мӛн бу дӛптӛрлӛрі ікі көпӱкдӛн алдїм* ‘я купил эти тетради по две копейки’; узб. *буларнің һар біріга бэштадан кітэп тэгаді* ‘каждому из этих достанется по пять книг’, *мӛн сізга бӛш сӯмнан бэраман* ‘я дам вам по пять рублей’, *бірінчідан* ‘во-первых’, *іккінчідан* ‘во-вторых’; хак. (качинск.) *пӣрӛр кӣзӣдӛң* ‘по одному человеку’; шор. *алтон салковајдаң алдїм* ‘я купил по шестьдесят рублей [за штуку]’, *пӛштӛң* ‘по пяти’.

Имя в исходном падеже является компонентом устойчивых сочетаний, выражающих избыточную меру качества или количества и часть целого: ст.-узб. *көпдін көп* ‘очень много’, *аздїн аз* ‘очень мало’, *јамандїн јаман* ‘очень плохой’; тур. *доҕрудан доҕруја* ‘прямо, непосредственно’; кирг. *бӛштӛн бір* ‘одна пятая’; узб. *іккідан бір* ‘одна вторая’.

Некоторые сочетания с исходным падежом становятся фразеологизмами, ср. ст.-узб. *ӛлік ајаҕїдїн калїп* ‘оставшись без рук и ног’.

В тувинском языке имя в исходном падеже может обозначать субъект действия: *чазактан чарлїк ӱндӱргӛн* ‘правительство издало указ’, *ӛжімдӛн мӛңӛ бајїр чӛдірткӛн болду* ‘мой товарищ послал мне привет’.[256]

Для всех тюркских языков характерно обозначение формой исходного падежа субъекта в страдательных конструкциях: ст.-кыпч. *бурун алај ајтїлдї пајгамбӓрдӓн* ‘так раньше было сказано пророком’ (Cod. Cum. $62r_2$); башк. *һін јакшӣлардӣң тӣлдӓрӣнӓн макталдӣң* ‘ты был восхваляем устами лучших’; кирг. *мӛн доктордон көрӱнгӛнмӱн* ‘я осмотрен доктором’. Иногда в таких конструкциях имя, обозначающее действующее лицо, употребляется со словами *тараф*, *тэмэн* ‘сторона’ в исходном падеже: азерб. *мӓҕалӓ мӓшһур журналіст тӓрӓфіндӓн јазїлмїшдїр* ‘статья написана известным журналистом’; башк. *рӧхсӓт дирӛктор тарафӣнан бирӣлдӣ* ‘разрешение было дано директором’; кирг. *мӛн тарабїмдан ајтїлҕан сӧз* ‘слово, сказанное мной’; тур. *бу мӛсӛлӛ В. Шотт тарафїндан јапїлмїштїр* ‘эта проблема была сформулирована В. Шоттом’; туркм. *ҙај ішчілӛр тарапїндан ҙалїнјар* ‘дом строится рабочими’; узб. *бу ӱзак тадкікэтчілар тэмэнідан . . . бір бӱҕінлі сӱздан ібэрат дэп тушунілар ӛді* ‘этот корень рассматривался исследователями как состоящий из . . . односложного слова’.

---

[256] См.: Исхаков Ф. Г., Пальмбах А. А. Грамматика тувинского языка, с. 136.

Необычный случай — обозначение именем в исходном падеже с глаголами понудительного залога так называемого ближайшего объекта действия, который за редкими исключениями выражается формой дательного падежа: башк. *мін баланан хат јаҙдырам* 'я заставляю ребенка писать письмо', *һеҙ карттан атты ісертегеҙ* 'велите старику напоить лошадь'.

У орудного падежа В. В. Радлов выделил четыре значения: собственно орудное, комитативное, временное и значение состояния.[257] Примеры: др.-тюрк. *бу бітігні мән Буjан-Тэмүр өз әлігін бітіjү тәгіртім* 'этот документ я, Буян-Темур, написал собственной рукой' (USp 15_{17}), *тапуғ кіл уғанға түнүн һәм күнүн* 'служи богу денно и нощно' (QBH 50_1), *каңім каған jәті jәгірмі әрін ташікміш* 'мой отец каган выступил с семнадцатью мужами' (КТб$_{11}$).

II, 2. Прежде чем перейти к определению основных линий развития функционально-семантического содержания, мы должны отметить, что все падежные формы современных и древних тюркских языков, развившиеся из общетюркских праформ, имеют строго очерченные синтаксические функции и семантические значения.[258] Представление о функциональной неопределенности многих падежей, в частности о возможности использования в значении каждого из них именительного падежа, далеко не соответствует действительному положению вещей. Взаимозаменимость падежей или использование одной падежной формы вместо другой — относительно редкие явления, вызванные разными обстоятельствами: своеобразием внутренних условий исторического развития, языковыми контактами, наличием зон незначительной семантической различимости падежей.[259] Рассмотрим это подробнее.

Действие внутренних, диахронических, факторов, очевидно, предопределило колебания в глагольном и послеложном управлении, ср. др.-тюрк. *Кара кумуғ олурур әртіміз* 'мы осели в Каракумах', *Өтүкән jәріг конміш* '[я] поселился в Отюкенской земле' (в современных тюркских языках — с дательным и местным падежами); башк. *үткән кеш кайтты* 'он вернулся в прошлую зиму' (~ башк. диал. *үткән ғешта ғайтты*);[260] алт. *атты д'әдәккә алды* 'он взял коня за повод' (в других тюркских языках — с исходным падежом); казах. *ол* 1929 *жылы тувылды* 'он родился в 1929 году' (~ казах. диал. *ол* 1929 *жылда тувылды*);[261] кирг. *сәндән корксо* 'если будет бояться тебя' (в древнетюркском языке — с дательным падежом); тат. *ілемнең сағынды́м* 'я соскучился по родине' (~ з.-сиб.-тат. *ілемә сағынтым*);[262] тув. *күс бөрға аjнап ку'зуктап чорук кар* 'когда наступает осень, уходят копать сарану и собирать кедровый орех' (~ тув. диал. *күс бөрда аjнап ку'зуктап чорук кар*);[263] туркм. *бндан бäш мінут ішлäjäр* 'пять минут десятого' (~ туркм. диал. *бно бäш мінут ішліjä*);[264] узб. *мäңа азоп бäрма* 'не мучай меня' (~ узб. диал. *мäні эзоп бäрмä*), *мäні сўкті* 'он бранил меня' (~ узб. диал. *мäңä сökti*).[265]

---

[257] Radloff W. Die alttürkischen Inschriften der Mongolei. NF, S. 103.

[258] Ср.: Абдуллаев Ф. А. Келишик аффиксларининг генезисига доир (3-мақола). — ЎТАМ, 1962, № 4, б. 58.

[259] Здесь не принимаются во внимание описанные выше случаи употребления падежных форм в зависимости от семантики управляющих глаголов, послелогов и самих имен.

[260] См.: Максютова Н. Х. Говор айских башкир, с. 14.

[261] См.: Нурмагамбетов А. Казахский говор на территории Туркменской ССР. АКД. Алма-Ата, 1965, с. 13.

[262] См.: Ахатов Г. Х. Диалект западносибирских татар. АДД. Ташкент, 1965, с. 21.

[263] См.: Чадамба З. Б. Тоджинский диалект тувинского языка, с. 16.

[264] См.: Амансарыев Дж. Северные говоры ёмудского диалекта туркменского языка. АКД. Ашхабад, 1954, с. 10—11.

[265] См.: Шамсиддинов И. И. Каракульский говор узбекского языка. АКД. Ташкент, 1965, с. 16.

Следствием интенсивных языковых контактов является развитие обстоятельственной функции у винительного падежа, см. карач.-балк. *біз поjъздні сав сағатнї сакладїк* 'мы ожидали поезд целый час'; башк. (диал. *ўткән jїлтї кїшї әд бултї* 'в прошлом году народу было мало';[266] кар. *хан кўннў* 'в среду', *кәчхурунну* 'вечером'.[267] Контактами обусловлено, повидимому, употребление местного падежа в значении дательного, и наоборот, в самаркандско-бухарских говорах узбекского языка, а также использование действительной конструкции с исходным падежом, обозначающим субъект действия, в тувинском языке.[268]

Наличие зон незначительной семантической различимости падежей — основная причина варьирования падежных форм в пределах одной и той же языковой единицы, ср. башк. *алтїн тапкандан* (~ *тапканїна*) *шатлана* 'он радуется тому, что нашел золото'; тур. *уjғурлардан* (~ *уjғурларїн*) *бір кїсмї* 'часть уйгуров', *сіздән* (~ *сізә*) *бір рiјам вар* 'у меня есть просьба к вам'; туркм. *чағаларїң* (~ *чағалардан*) *бірнәчәдї* 'некоторые из детей', *таҙтада* (~ *таҙта*) *jад* 'пиши на доске', *мән бағї* (~ *бағда*) *гәддім* 'я гулял в саду', *көпріні* (~ *көпрўдән*) *гәчіп* 'перейдя мост', *кітабї стола* (~ *столда*) *ҕоj* 'положи книгу на стол'.[269]

При нынешнем состоянии исторической тюркологии реконструкция содержательного аспекта системы падежей тюркского праязыка представляет большие трудности. Все же любые попытки продвинуться вперед в этом направлении небесполезны. Кстати, таких попыток было уже немало, и обзором их начинается заключительная часть данного раздела.

Как указывалось выше, ряд тюркологов считает, что в праязыке была одна падежная форма с синкретическим местно-исходным значением. Тщательное изучение всех доступных материалов не позволяет согласиться с такой интерпретацией: если бы форма местного падежа некогда совмещала функции местного и исходного падежей, пережитки функциональной синкретичности обязательно сохранились бы у нее и в настоящее время. В действительности же ни одно типичное значение формы исходного падежа (собственно исходное; исходное в смысле указания: на исходный материал, на то, с чем что-либо сравнивается, на причинно-следственные взаимосвязи, на то, что является орудием или посредником и т. д.) для формы местного падежа не характерно.

Широко распространено мнение, что на древней стадии развития тюркских языков существовал единый объектно-поссессивный падеж, выполнявший функции родительного и винительного падежей.[270] Это мнение обычно подкрепляется ссылками на карачаево-балкарский, кумыкский и узбекский языки. Однако наблюдаемое в названных языках совпадение форм родительного и винительного падежей является вторичным и несомненно поздним. Дж. Г. Киекбаев, который полностью разделял точку зрения тюркологов, выдвинувших гипотезу о единстве происхождения родительного и винительного падежей, пользовался следующим аргументом. «Развитие родительного падежа из винительного, — пишет он, — объясняется тем, что понятие или значение определенности является точкой соприкосновения этих двух падежей, поскольку оба эти падежа выражают определенность с той только разницей, что аффиксальный винительный падеж указывает на определенность прямого дополнения,

---

[266] См.: Юсупов Х. Г. Асинский говор башкирского языка, с. 8.

[267] См.: Мусаев К. М. Грамматика караимского языка, с. 156.

[268] См.: Исхаков Ф. Г., Пальмбах А. А. Грамматика тувинского языка, с. 136.

[269] См.: Грамматика туркменского языка, I, с. 118—120.

[270] См.: Севортян Э. В. К истории падежной системы в тюркских языках, с. 99; Жигжанова Л. Г. О категории падежа в современном казахском литературном языке. — Изв. АН Казахской ССР, серия филологии и искусствоведения, 1957, 1 (6), с. 93; Ғуломов Ё. Ғ. Ўзбек тилида қаратқич ва тушум келишиклари ҳақида, б. 47—52.

а аффиксальный родительный — на определенность имени-атрибута».[271] Отмеченное Дж. Г. Киекбаевым синтаксическое различие — принципиальное, именно оно предопределяет структуру содержания падежной парадигмы. В функциональном аспекте родительный и винительный падежи не обнаруживают точек соприкосновения и вообще не совместимы в одной форме.[272] В указанных выше языках мы встречаемся не с одной единой формой, а с двумя омонимичными формами. Напомним также, что у родительного и винительного падежей восстанавливаются разные праформы: *-(ï)ŋ и *-(ï)ƃ.

Путь семантических преобразований родительного падежа В. Банг представлял себе как переход от значения Adessiv-Inessiv'а к значению Possessiv-Genitiv'а. Например, первоначальное значение *mäniŋ*, как он полагал, было «при мне находящийся», «ко мне относящийся», ср. *mäniŋki* в современных языках.[273] Пока нет убедительных фактов, подтверждающих гипотезу В. Банга или, напротив, опровергающих ее. Мы считаем исходным для формы родительного падежа собственно поссессивное значение, так как только оно отличает родительный падеж от именительного в определительной конструкции, и, следовательно, только с необходимостью его передачи могло быть связано образование особой падежной формы.

По мнению К. Г. Менгеса, выражение прямого дополнения винительным и именительным падежами относится к числу архаических явлений.[274] В самом деле, частичный параллелизм синтаксических функций винительного и именительного падежей имеет глубокие основания, которые пока не удается раскрыть и которые заложены значительно ниже верхнего уровня праязыка.

Итак, имеется большое количество фактов, позволяющих реконструировать падежную парадигму тюркского праязыка приблизительно с тем же функционально-семантическим содержанием, которое прослеживается в современных тюркских языках.

Обсуждение вопроса о том, существовало ли такое состояние праязыка (у Х. Карасаева: «аморфно-синтетический строй»),[275] когда вся падежная парадигма была представлена двумя падежами, именительным и винительным (у Л. Г. Жигжановой: основным и объектно-поссессивным),[276] кажется нам по меньшей мере преждевременным.

Раздел 2

Формы принадлежности

I. В современных и древних тюркских языках формы принадлежности образуются при помощи следующих аффиксов: [277]

Ед. ч. 1-е л. *-(ï)м ~ -(у)м*
2-е л. *-(ï)ŋ ~ -(у)ŋ ~ -(ï)н ~ -(у)н*

[271] Киекбаев Дж. Г. Программа курса «Историческая грамматика башкирского и татарского языков» (для филологического факультета Башкирского государственного университета), с. 13.

[272] См.: Серебренников Б. А. Методы изучения истории языков, применяемые в индоевропеистике и в тюркологии. — В кн.: Вопросы методов изучения истории тюркских языков. Ашхабад, 1961, с. 57.

[273] Bang W. Vom Köktürkischen zum Osmanischen, 1, S. 13—14.

[274] Menges K. H. Morphologische Probleme, I. Zum Genitiv und Accusativ, S. 22.

[275] Карасаев Х. Семантика падежей в киргизском языке, с. 21.

[276] Жигжанова Л. Г. О категории падежа в современном казахском литературном языке, с. 93.

[277] См.: Богородицкий В. А. Введение в татарское языкознание в связи с другими тюркскими языками, с. 162—164; Дмитриев Н. К. Категория принадлежности. — ИСГТЯ, II, с. 25 и сл.; Дыйканов К. Имя существительное в киргизском языке. Фрунзе, 1955, с. 80—81; Керимов И. А. Очерки кумыкской диалектологии. Махачкала, 1967, с. 9.

3-е л. *-(с)ї ~ -(с)у ~ -(з)ї ~ -(з)у*

Мн. ч. 1-е л. *-(ї)мїз*[278] *~ -(у)муз ~ -(ї)бїз ~ -(у)буз ~ -(ї)бїс ~ -(у)бус ~ -(ї)вїз ~ -(у)вуз ~ -(ї)вїс ~ -(у)вус*

2-е л. *-(ї)ңїз ~ -(у)ңуз ~ -(ї)нїз ~ -(у)нуз ~ -(ї)ҕїз ~ -(у)ҕуз ~ -(ї)їз ~ -(у)јуз ~ -(у)вуз*

3-е л. *-(с)ї ~ -(с)у ~ -(з)ї ~ -(з)у*

Имеются и другие, менее распространенные варианты аффиксов принадлежности, встречающиеся в некоторых языках и диалектах. Так, в говорах узбекского языка аффикс 2-го лица ед. числа выступает в виде *-ї(ј)* (ср. в караимском), аффикс 1-го лица мн. числа — в виде *-(в)ӯз, -(в)уза* (<*-вуз+лар*), аффикс 2-го лица мн. числа — в виде *-(ј)із, -јла* (<*-їң+-лар*).[279] В говорах азербайджанского языка во 2-м лице ед. числа могут быть *в, ҕ* (в формах вин., род. и дат. падежей) и *ј*, ср. *атув* 'твой отец', *бабаҕїн* 'твоего дедушку', *гӧзуҕун* 'твоего глаза', *гӧзуҕа* 'твоему глазу';[280] в алтайском языке в 1-м лице мн. числа — *-їс*, например, *ӯлїс* 'наш сын'; в чувашском языке в 1-м лице ед. числа — *-(ӑ)м*, в 1-м лице мн. числа — *-(ӑ)мӑр*, во 2-м лице соответственно *-у* и *-ӑр*, в 3-м — *-ӑ, -і, -(ӑ)жӗ, -ш* (после гласных);[281] в якутском языке в 1-м лице мн. числа — *-бїт ~ -бут ~ -мїт ~ -мут*, во 2-м — *-ҕїт ~ -ҕут*, в 3-м лице ед. числа — *-(т)а*.

В чувашском языке аффиксы принадлежности 1-го и 2-го лица выступают нерегулярно.[282] При этом в моргаушском говоре принадлежность 1-му и 2-му лицу выражается личными местоимениями: *ман ал* 'моя рука', *сан ал* 'твоя рука';[283] в ишлейском говоре имеет место употребление формы принадлежности 3-го лица в значении 1-го и 2-го,[284] в красноче-

---

[278] В диалектах туркменского языка наблюдается присоединение аффиксов принадлежности к основам на согласный без соединительного гласного. См.: Бердиев Р., Кӯренов С., Шамырадов К., Аразкулыев С. Түркмен дилиниң диалектлериниң очерки. Ашгабат, 1970, с. 242.

[279] См.: Шерматов А. Қарши шевасида келишик ва эгалик қўшимчалари. — ЎТАМ, 1959, № 3, б. 48; Носиров Ш. Қўқон шевасининг баъзи морфологик хусусиятлари. — ЎТА, 1964, № 3, б. 57—58; Гафурова Н. С. Ниязбашинский говор узбекского языка. АКД. Ташкент, 1962, с. 13; Назаров К. 1) Притяжательные аффиксы в узбекских народных говорах. АКД. Ташкент, 1963, с. 8, 9, 13 и сл.; 2) Қипчоқ лаҳжасида эгалик аффикслари. — В кн.: Адабиётшунослик ва тилшунослик масалалари, 5. Тошкент, 1963, б. 565; Туляков С. Морфологические особенности наманганского говора узбекского языка, с. 10; Гулямов Я. Г. Грамматика ташкентского говора, I, с. 27.

[280] См.: Ширалиев М. Ш. 1) Азербайджанская диалектология на новом этапе. — ВДТЯ, II, Баку, 1960, с. 53; 2) Второе лицо категории принадлежности и сказуемости (на материале диалектов и говоров азербайджанского языка). — ВДТЯ, IV, Баку, 1966, с. 44—45; Бехбудов С. М. Зангеланский говор азербайджанского языка. АКД. Баку, 1966, с. 15. О различных вариантах аффикса принадлежности 2-го лица в азербайджанском языке и истории их развития см.: Вәлијев С. Ә. Мәнсубијјәт шәкилчисинин инкишафы тарихинә даир (II шәхсин тәки). — Уч. зап. Азербайджанского гос. унив., серия языка и литературы, 1970, № 2, с. 12—17.

[281] См.: Benzing J. Tschuwaschische Forschungen (I). Das Possessivsuffix der dritten Person, S. 252 ff. И. Бенцинг связывает *-шӗ* с общетюркским *-сї*. Ср.: Федотов М. Р. Исторические связи чувашского языка с языками угро-финнов Поволжья и Перми, I. Чувашско-марийские связи. Чебоксары, 1965, с. 32. По мнению Б. А. Серебренникова, аффикс *-шӗ* происходит из марийского языка. См.: Серебренников Б. А. Категория времени и вида в финно-угорских языках пермской и волжской групп. М., 1960, с. 260.

[282] См.: Андреев И. А. Чувашский язык. — В кн.: Языки народов СССР, II. М., 1966, с. 49.

[283] См.: Сергеев Л. П. Основные особенности моргаушского говора. — МЧД, I, с. 158. См. также: Сергеев Л. П. Из наблюдений над ибряйкинским говором чувашского языка, с. 172; Котлеев В. И. Морфологические особенности красночетайского говора. — МЧД, II, с. 40; Алексеев А. А. Особенности сенгилеевского говора чувашского языка. — МЧД, IV, с. 19.

[284] См.: Цаплина Р. И. Морфологические особенности ишлейского говора. — МЧД, I, с. 127. См. также: Максимов В. В. Некоторые особенности говора села Кош-Елга Белебеевского района Башкирской АССР. — МЧД, III, с. 182.

тайском — в значении формы обращения.[285] В саларском языке одни и те же аффиксы используются в единственном и множественном числе: 1-е лицо — *-(i)м*, 2-е лицо — *-(i)ң*, 3-е лицо — *-i*, *-сі* ~ *-с*,[286] а в языке желтых уйгуров — один аффикс для первых двух лиц обоих чисел, причем только с основами на гласный, ср.: *мәнің млаң* 'мой ребенок', *сәнің млаң* 'твой ребенок', *мїстәрнің млаң* 'наш ребенок', *сіләрнің млаң* 'ваш ребенок'.[287] Сокращение форм принадлежности в саларском языке и почти полное исчезновение их в языке желтых уйгуров рассматривается обычно как следствие влияния китайского языка. Ср. в разговорной речи туркмен: *біз оба* 'наш аул'.[288]

Особо должны быть отмечены разновидности аффиксов принадлежности 1-го и 2-го лица множественного числа в наманганском говоре узбекского языка — *-(ї)ммїз* и *-(ї)ңүїз*, ср. *кїзїммїз* 'наша дочь', *кїзїңүїз* 'ваша дочь'.[289]

В узбекском языке принадлежность во 2-м лице множественного числа часто передается сочетанием соответствующего аффикса единственного числа с аффиксом *-лар*, ср. *-(i)ңлар*, *-ларің*, *-(i)нна* ~ *-(у)нна*. То же самое наблюдается и в ряде других тюркских языков: алт. *-ӑр* ~ *-ӧр* < *-(ї)ҕар* < **-(ї)ңлар*; кирг., тофал., тув. *-(ї)ңар*; шор. *-ларің* ~ *-нарің* ~ *-тарің*; чулым. *-(ї)ңнар*. Подобный способ образования формы принадлежности во множественном числе не исключен и для 1-го лица, например, в бешкентском говоре узбекского языка: *бәҕләрув* 'наши сады', *көчәләрув* 'наши улицы'.[290]

Определенный интерес представляет удвоение и утроение аффикса принадлежности 3-го лица (ср. *кајсїсї* < *кајї* + *сї* + *сї*), имеющее длительную историю в тюркских языках. Примечательно, что одни слова оформляются преимущественно или только удвоенным аффиксом, для других двойное оформление факультативно. Особенно большое количество случаев удвоения имеет место в говорах узбекского языка — ниязбашинском: *бӑлісі* 'его сын', *муннісі* 'его нос', *хэтінісі* 'его жена';[291] хазараспском: *төртісі* 'четыре из них', *онісі* 'десять из них', *көпісі* 'большинство из них', *јап көпірісі* 'мост через канал', *мӑрїп мүдірісі* 'заведующий отделом народного образования';[292] ошском: *сіјнісі* 'его младшая сестра', *іккәвісі* 'двое их', *јармісі* 'половина чего-либо', *тӯј бәшісі* 'распорядитель на свадьбе'.[293] Ср. в казахском языке: *уақтысы* 'его время', *ақырғысы* 'последний из них';[294] в булунском, анабарском и оленекском говорах якутского языка: *санньта* 'его плечо' (лит. *санна*, от *сарїн*), *көхсүтэ* 'его спина' (лит. *көхсө*, от *көгүс*), *кїннїта* 'его тесть' (лит. *кїнна*, от *кїлїн*), *мӧӈӈута* 'его шея' (лит. *мӧӈӈо*, от *мӧј*), *тумсута* 'его клюв' (лит. *тумса*, от *тумус*), *аннїта* 'его низ' (лит. *анна*, от *алїн*);[295] в гагаузском: *бојнусу* 'его шея'; в камско-устьинском подговоре говора татар нагорной стороны: *бусысы* 'этот', *ансысы* 'тот', *шунсысы* 'тот', *тыгысысы* 'тот', *бырсысы* 'один из них'.[296]

---

[285] См.: Котлеев В. И. Морфологические особенности красночетайского говора, с. 43.

[286] См.: Тенишев Э. Р. Строй саларского языка. АДД. М., 1969, с. 40.

[287] См.: Тенишев Э. Р., Тодаева Б. Х. Язык желтых уйгуров, с. 18—19.

[288] См.: Тачмурадов Т. Категория принадлежности в современном туркменском языке. АКД. Ашхабад, 1959, с. 6.

[289] См.: Туляков С. Морфологические особенности наманганского говора узбекского языка, с. 10.

[290] См.: Абдураҳмонов Д. Бешкент шеваси. — ЎТА, 1964, № 2, б. 62.

[291] См.: Гафурова Н. С. Ниязбашинский говор узбекского языка, с. 13.

[292] См.: Жуманазаров Ю. Ҳазорасп шевасида эгалик аффикслари. — ЎТАМ, 1959, № 3, б. 69.

[293] См.: Фармонов И. Ўзбек тили таркибида Ўш шеваси ва унинг морфологик хусусиятлари. — Уч. зап. Ферганского ГПИ, 1959, 9, с. 13.

[294] Айдаров Т. Языковые особенности казахов Тамдинского района Узбекской ССР. АКД. Ташкент, 1967, с. 18.

[295] См.: Афанасьев П. С. Говор верхоянских якутов. Якутск, 1965, с. 140.

[296] См.: Бурганова Н. Б. Особенности говора татар нагорной стороны ТАССР. — В кн.: Материалы по диалектологии. Казань, 1955, с. 40.

Присоединение второго аффикса происходит чаще всего вследствие десемантизации и слияния первого аффикса с корневым элементом.[297] Не случайно в разных тюркских языках обнаруживается значительное количество примеров употребления формы принадлежности 3-го лица безотносительно к обычно передаваемому ею значению, ср. долган. *мунну* 'нос' (*муннута* 'его нос'), *төрдү* 'корень' (*төрдүтэ* 'его корень');[298] тор. *ӛрді* 'губа', *кардї* 'желудок', *пурду* 'нос', *мојду* 'шея', *ішті* 'живот';[299] гаг. *анні* 'лоб', *гүнү* 'именины', *којну* 'грудь', *кутусу* 'коробка' и т. д.[300] Удвоение аффикса принадлежности может быть вызвано также своеобразной семантической специализацией «одинарной» формы или необходимостью двойного выражения принадлежности. Пример семантического разграничения «одинарной» и «удвоенной» форм приводит Ю. Джуманазаров: *бӱтӱнісі* 'все они', *бӱтӱні* 'целое (чего-либо)'.[301] Двойное выражение принадлежности имеет место в сочетаниях типа тур. *пијада јүзбашїсї* 'пехотный капитан' (*јүзбашї* 'капитан'), *түркијӛ дӛнізалтїсї* 'турецкая подводная лодка' (*дӛнізалтї* 'подводная лодка'); узб. *кітэппі сӯзбэшісі* 'предисловие книги' (*сӯзбэші* 'предисловие', 'начало повествования, относящегося к книге', ср. также: *унің эна тілісі* 'его родной язык', *тӯj бэшісі* 'распорядитель на их свадьбе'),[302] в которых принадлежность является двухступенчатой: 1) *сӯз — бэші*, 2) *кітэппі (сӯз — бэші)сі*. К. Назаров указывает на лексикализацию аффиксов принадлежности и на экспрессивно-стилистическое употребление «удвоенной» формы.[303] М. Мирзаев отмечает, что повторение аффиксов принадлежности (*ӛртајісі*, *кӛчајісі*, *кӯпісі*) служит целям усиления значения.[304]

Для говоров узбекского, крымско-татарского и некоторых других языков характерно окказиональное смещение рядов, или порядков, следования аффиксов принадлежности и аффикса множественного числа *-лар*, наблюдаемое главным образом в терминах родства: аффиксы, выражающие принадлежность, оказываются перед аффиксом *-лар*, а не после него, ср. в ташкентском говоре: *жамла* 'мой старший брат', *хэламла* 'моя тетя со стороны матери', *бувімла* 'моя бабушка', в ошском говоре: *тоҕамлар* 'мой дядя и другие близкие родственники', *бэлаңлар бэрмі* 'есть ли у вас ребенок?', *эпаңлар* 'ваша тетя'[305] и в найманском говоре узбекского языка: *кїшлаӈїңнар* 'ваши кишлаки', *балаңнар* 'ваши дети';[306] з.-сиб.-тат. *інәпїсалар* 'наши матери', *јӛңкӛмӛлӛргӛ* 'к семье моей снохи';[307] тофал. *аһазїлар* 'их старший брат', *атїлар* 'их лошадь';[308] тур. (диал.) *бабајан* 'твоему

---

[297] См.: B a n g W. Vom Köktürkischen zum Osmanischen, 4. Mitteilung: Durch das Possessivsuffix erweiterte Nominalstämme. Berlin, 1921, S. 3 ff.

[298] См.: У б р я т о в а Е. И. Служебное слово *киэнэ* в якутском языке, с. 291.

[299] См.: И с х а к о в Ф. Г. Некоторые предположения о происхождении конечных *-т* и *-д* в словах *аст*, *ӱст*, *алд*, *арт* и т. п., с. 126.

[300] См.: Д м и т р и е в Н. К. Гагаузские этюды. — Уч. зап. Ленинградского гос. унив., № 20, серия филологических наук, 1939, 1, с. 5; П о к р о в с к а я Л. А. Гагаузский язык. — В кн.: Языки народов СССР, II. М., 1966, с. 117.

[301] Ж у м а н а з а р о в Ю. Ҳазорасп шевасида эгалик аффикслари, б. 69.

[302] См.: Г у л я м о в Я. Г. Грамматика ташкентского говора, I, с. 44.

[303] Н а з а р о в К. 1) Притяжательные аффиксы в узбекских народных говорах, с. 9—10; 2) Об экспрессивно-стилистических особенностях употребления притяжательных аффиксов (по материалам узбекских говоров). — Науч. тр. Ташкентского гос. унив., языкознание, 1963, 211, с. 240; 3) Эгалик аффикслари нинг *-иси* формаси ҳақида. — Науч. тр. Ташкентского гос. унив., 1962, 202, с. 36 и сл.

[304] М и р з а е в М. М. Ўзбек тилининг Бухоро группа шевалари, б. 46.

[305] См.: Ф а р м о н о в И. Ўзбек тили таркибида Ўш шеваси ва унинг морфологик хусусиятлари, б. 11.

[306] См.: В а л и е в М. Найман шевасида кўплик категорияси. — ЎТАМ, 1962, № 5, б. 43.

[307] См.: Т у м а ш е в а Д. Г. 1) Саз ягы татарлары сөйләше (Көнчыгыш диалекты). — В кн.: Татар теле һәм әдәбияты, I. Казан, 1959, б. 180; 2) Диалекты сибирских татар в отношении к татарскому и другим тюркским языкам. АДД. М., 1969, с. 21; А х а т о в Г. Х. Диалект западносибирских татар, с. 21.

[308] См.: Д ы р е н к о в а Н. П. Тофаларский язык, с. 13.

отцу';[309] туркм. *dājïmlar* 'мой дядя (со стороны матери)', *dajdamlar* 'моя тетя (со стороны матери)';[310] чулым. *тонумнар* 'мои шубы';[311] в южных говорах крымско-татарского языка: *бабамлар* 'мои родители', *кардашïңалар* 'твои братья (со своим окружением)'.[312]

На вопрос о том, что явилось причиной смещения порядков следования названных выше аффиксов, нельзя дать однозначный ответ. Очевидно, для узбекского языка существенно то, что аффикс *-лар* в подобных случаях обычно выражает не множественность, а почтительность или иронию.[313] В турецких говорах Грузии смещение порядков можно объяснить стремлением «дифференцировать дательные падежи от слов с аффиксом принадлежности второго лица и третьего лица».[314] Необычное расположение аффикса множественного числа *-сӗм* в чувашском языке, по всей видимости, обусловлено его поздним образованием. Вместе с тем для чувашского языка, как и для тофаларского и чулымского, нельзя отрицать возможность иноязычного влияния.[315] Как полагает Э. В. Севортян, «исторически размещение показателей принадлежности и множественности было, по-видимому, сходно с тем, что мы видим в форме *баба-м-лар*, т. е. сначала шел аффикс принадлежности, а затем множественности».[316]

Аффикс принадлежности 3-го лица имеет две разновидности, находящиеся в отношении дополнительного распределения: после основ с конечным согласным — *-ï*, после основ на гласный — *-сï*.[317]

Аффиксы принадлежности восходят к предикативным показателям,[318] а предикативные показатели — к личным и лично-указательным местоимениям.[319]

1-е лицо, ед. число — *-м* < **мăн*. Для обоснования этой реконструкции достаточно сослаться на татарский язык, в котором характерной для тюркских языков форме настояще-будущего времени типа *бара-мăн* соответствует форма типа *бара-м* (ср. карач.-балк. *бара-ма*). Обратим внимание

---

[309] См.: Гудиашвили Е. Склонение основ с аффиксом принадлежности второго лица в речи туркоязычного населения Цалкинского района. — Тр. ИЯ АН Грузинской ССР, серия восточных языков, 1954, I, с. 332.

[310] См.: Грамматика туркменского языка, I, с. 88.

[311] См.: Дульзон А. П. Чулымско-тюркский язык. — В кн.: Языки народов СССР, II, М., 1966, с. 450.

[312] См.: Севортян Э. В. Крымско-татарский язык. — В кн.: Языки народов СССР, II. М., 1966, с. 240.

[313] См.: Гулямов Я. Г. Из наблюдений над морфологией ташкентского говора. — В кн.: Ўзбек диалектологиясидан материаллар, I. Тошкент, 1957, б. 187.

[314] См.: Джикия С. С. Об одном морфологическом явлении в ахалцихском наречии анатолийско-турецкого языка. — Тр. Тбилисского гос. унив., 1937, VI, с. 121.

[315] Ср.: Серебренников Б. А. О причинах неодинакового порядка расположения притяжательных суффиксов в уральских и алтайских языках. — АОН, 1962, XV, 1—3, с. 311—313.

[316] Севортян Э. В. Морфологическое строение слова в связи с другими его характеристиками (по данным тюркских языков). — В кн.: Тюркологический сб., 1971. М., 1972, с. 137.

[317] См.: Bang W. Studien zur vergleichende Grammatik der Türksprachen. — SPAW, 1916, LI, LII, S. 1236. Г. Рамстедт и В. Котвич рассматривали *с* в составе аффикса принадлежности как древний показатель множественного числа. См. ниже, с. 89.

[318] Иная точка зрения выражена в работе: Серебренников Б. А. К проблеме происхождения притяжательных суффиксов в тюркских и уральских языках. — В кн.: Фонетика. Фонология. Грамматика. К семидесятилетию А. А. Реформатского. М., 1971, с. 277—282.

[319] См.: Дмитриев Н. К. Категория принадлежности, с. 32. Ср.: Севортян Э. В. Категория принадлежности. — ИСГТЯ, II, с. 42; Назаров К. Эгалик аффикслариниг тарихига доир. — Науч. тр. Ташкентского гос. унив., 1962, 202, с. 5—13. По мнению Ф. А. Абдуллаева, все формы принадлежности единственного числа восходят к слову *чïң ~ чïң* с предполагаемым значением 'тело, основа': 1) *ат — чïң* > *ат — сïң* > *ат — ïң* > *ат — ïм* 'моя лошадь'; 2) *ат — чïң* > *ат — сïң* > *ат — ïң* 'твоя лошадь'; 3) *ат — чïң* > *ат — сïң* > *ат — ïң* > *ат — ï* 'его лошадь'. См.: Абдуллаев Ф. Келишик аффикслариниг генезисига доир. — ЎТАМ, 1961, № 5, б. 31. Обстоятельный критический разбор этой точки зрения дается в упомянутой выше статье К. Назарова (с. 5—6).

также на диалекты хакасского языка, в которых прослеживается и полная, и стяженная форма, ср. качинск. *парҕабїн*, сагайск. *парҕам*.[320] Ср. также: башк. *барĭрмĭн* и башк. (диал.) *барĭрĭм* ~ *барĭм* 'я пойду'.[321] Сам путь преобразования местоимений или связки *турур* в ходе грамматикализации является типичным для тюркских языков, и многочисленные разновидности личных показателей, используемые в них, представляют собой те или иные варианты их сокращения, главным образом в конечной части, ср. кирг. *кэлэт* (< *кэлэ-турур*) 'придет'; туркм. *гэлдӯрĭн* (< *гэлэ-дурур-мăн*) 'иду'; узб. (диал.) *уjкӯз* (< *уjку-бĭз*) 'наш сон'.

2-е лицо, ед. число — *-ң* < **сăң*. Преобразование **сăң* происходило по линии усечения начального *с*, ср. алт. *бӛрӛрің* 'ты даешь'; башк. *бараһĭң* и башк. (диал.) *бараң* 'ты идешь'.[322] Нечто подобное происходит с аффиксом *-лар*, ср. алт. *ӱлар* 'ваш сын' (< *оҕул-ĭҕар* < *оҕул-ĭң-лар*); узб. (диал.) *бізăр*, *бізă* 'мы' (< *біз-лăр*), *сізăр*, *сізă* 'вы' (< *сіз-лăр*). Убедительным аргументом в пользу возведения *-ң* к **сăң* служит наличие промежуточных форм, сохраняющих начальный *с* или звуки, развившиеся из него. В настоящее время к числу таковых с достаточной уверенностью можно отнести первый компонент формы 2-го лица множественного числа: азерб. (диал.) *гăлірсіниз* 'вы идете'; тат. (диал.) *тĭңлăĭjсĭҕĭз* 'вы слушаете'; казах. (диал.) *кӛлӛсĭңĭз* 'вы придете', *уокушĭсĭңĭз* 'вы ученик'. Как указывалось выше, И. Суяров, ссылаясь на Д. Исаева, приводит другую промежуточную форму, почти полностью совпадающую с исходной: кирг. *бардĭсĭң* 'ты пошел', *кӛлдісің* 'ты пришел',[323] однако существование такой формы в киргизском языке пока не подтверждено.

Изменение конечного *ң*, реконструируемого в праформе (**сăң*), в *н* (*сăн*)[324] — следствие формальной унификации личных местоимений единственного числа, происходившей на основе местоимения 1-го лица (*мăн*). Примечательно, что в некоторых тюркских языках *ң* сохранился в личном показателе глагольных форм: тат. *барасĭң* 'ты идешь' (*бара-сĭң*, ср. в шорском языке и в качинском диалекте хакасского языка[325]), а в одном из говоров узбекского языка — в самом местоимении: *саң* 'ты'.[326]

3-е лицо, ед. число — *-ĭ(н)* ~ *-і(н)* < **ĭң* ~ **ін*. В древнетюркском языке функции предикативного показателя 3-го лица выполняло личноуказательное местоимение *ол*: *ол ӛвгӛ бармĭш ол* 'он отправился домой' (МК I 38), *ол таварĭн сатĭҕлĭ ол* 'он намерен продать его имущество' (МК II 297), *ол тарĭҕ тарĭтҕан ол* 'он посеял посев' (МК II 319). Ср. тув. *бу кĭмĭл* (*кĭм ол*) 'это кто?', *ол тур ол* 'он стоит'; хак. *чоҕĭл* (*чох ол*) 'нет'. Будучи первоначально указательным, местоимение *ол* заняло место в одном ряду с местоимениями *мăн* 'я' и *сăн* 'ты' довольно поздно и не получило широкого распространения в служебном использовании, как предикативный показатель. Поэтому возводить к нему аффикс принадлежности 3-го лица не имеет смысла. Очевидно, существовал другой прототип, вхо-

---

[320] См.: Патачакова Д. Ф. Качинский диалект хакасского языка. АКД. Новосибирск, 1965, с. 17.

[321] См.: Максютова Н. Х. Говор айских башкир, с. 18—19.

[322] Там же, с. 18; Юлдашев А. А. Говор тептярей Учалинского района Башкирской АССР. — В кн.: Академику В. А. Гордлевскому к его семидесятипятилетию. М., 1953, с. 338.

[323] Суяров И. Шахс олмошларининг этимологияси ҳақида. — ЎТА, 1964, № 2, с. 34. Подобная форма отмечена в одном мамлюкско-кыпчакском тексте, где ее появление А. Зайончковский объясняет влиянием форм типа *кăтмішсăн*, *кăлмішсăн*. См.: Zajączkowski A. Materiał kolokwialny arabsko-kipczacki w Słowniku «ad-Durra 'al-muḍī'a fī-l-luġat at-turkīya». — RO, 1968, XXXI, 1, s. 75—76.

[324] По мнению Н. К. Дмитриева, более древней является разновидность с конечным *н*. См.: Дмитриев Н. К. К истории аффиксов сказуемости. — ИСГТЯ, II, с. 13. В. В. Радлов считал разновидность с конечным *ң* стяженной формой родительного падежа (*сăң* < *сăнің*). См.: Radloff W. Die alttürkischen Inschriften der Mongolei. NF, S. 73—74.

[325] См.: Патачакова Д. Ф. Качинский диалект хакасского языка, с. 17.

[326] См.: Назаров К. Эгалик аффикслариниг тарихига доир, б. 10.

дивший в разряд личных местоимений на уровне праязыка или протоязыка.

В древних и современных тюркских языках встречаются наречия и прилагательные, образованные от лично-указательного местоимения **ïн ~ *ін*,[327] ср. др.-тюрк. *ïнча ~ інчä* 'так, таким образом', *ïнару* 'туда', *ïнчïп* 'так', *ïндïн ~ індін* 'другой, противоположный'; кирг. *нар ~ нарї* 'тот, находящийся по ту сторону'; тув. *ïндї* 'та, другая сторона', *ïнāр* 'туда', *ïнда* 'там', *ïндїҕ* 'такой', *ïнча* 'столько, так'; якут. *іннä* 'туда, там'.[328] К этому местоимению и восходит аффикс принадлежности 3-го лица, праформа которого, таким образом, должна быть реконструирована с конечным *н*,[329] ср. др.-тюрк. *урї оҕлïн кул болтї сілік кїз оҕлïн кӱң болтї* 'его сыновья стали рабами, а его целомудренные дочери — рабынями' (КТб$_7$), *каҕанïн бірлä Суңа јїшда сöңӱшдӱм* 'с их каганом я сразился в Сунгайской черни' (БК$_{27}$), *анаң көңӱлін ічрä* 'в его сердце' (Man III 22$_6$). Составители грамматики туркменского языка отмечают присутствие *н* «в фольклоре и классической литературе».[330] В якутском языке аффикс принадлежности 3-го лица с конечным *н* сохранился в многочленной изафетной конструкции, ср. *мін атаҕїм суола* 'след моей ноги', *кіhі атаҕїн суола* 'след ноги человека'.[331]

Продолжает оставаться нерешенной проблема происхождения так называемого вставочного *с*, появляющегося в том варианте аффикса принадлежности 3-го лица, который присоединяется к основам на гласный, ср. тат. *таш* 'камень', *ташї* 'его камень', но: *ана* 'мать', *анасї* 'его мать'. В. А. Богородицкий ставил этот *с* в «родство с элементом *с*, встречающимся в глагольных аффиксах будущего времени спряжения с отрицанием. . .», а также с *с* в причастии будущего времени на *-сї*, типа тат. *барасї*.[332] В поддержку предположения В. А. Богородицкого выступил Б. А. Серебренников, который дал свое объяснение появлению *с* в составе аффикса принадлежности. По его мнению, употребление формы типа *барасї* наряду с формами 1-го и 2-го лица (*барасїм*, *барасїң*) создавало впечатление, будто она содержит особый аффикс принадлежности *-сї*. Иначе говоря, произошло переразложение: элемент *с*, показатель будущего времени, был отнесен к аффиксу принадлежности *-ї* и затем стал регулярно присоединяться к основам на гласный.[333] В этом объяснении, подкупаю-

---

[327] См.: Böhtlingk O. Über die Sprache der Jakuten. (Wörterbuch), S. 36.

[328] Выполнение местоимением **ïн ~ *ін* функций предикативного показателя 3-го лица не отразилось в текстах, что объясняется ранней изоляцией формы 3-го лица. В современных тюркских языках предикативные показатели 1-го и 2-го лица восходят к личным местоимениям, предикативный показатель 3-го лица — к вспомогательному глаголу *тур-* (*-турур ~ -тур ~ -т*).

[329] См.: Дмитриев Н. К. 1) Грамматика башкирского языка, с. 65; 2) Категория принадлежности, с. 33; Кононов А. Н. Грамматика современного турецкого литературного языка. М.—Л., 1956, с. 49; Насилов В. М. Язык орхоно-енисейских памятников. М., 1960, с. 32—33; Бакинова Г. Киргизский говор Октябрьского района, с. 11; Каримов К. Категория падежа в языке «Кутадгу билиг», с. 13; Кулиев Г. К. О форме винительного падежа типа *sözin*, *tewesin* в тексте «Divanü lûgat-it-türk» Махмуда Кашгари. — СТ, 1970, № 4, с. 70.

[330] См.: Грамматика туркменского языка, I, с. 95.

[331] По вопросу о происхождении элемента *-їн* в многочленной изафетной конструкции якутского языка нет единого мнения. С. В. Ястремский видел в нем аффикс родительного падежа. См.: Ястремский С. В. Грамматика якутского языка, с. 87. См. также: Menges K. H. The Turkic Languages and Peoples, p. 109. К. Шрифль, справедливо указывавший С. В. Ястремскому на невозможность отражения в якутском языке общетюркского *ң* в *н*, считал *-їн* показателем инструментального падежа. См.: Schriefl K. Der «Genitiv» im Jakutischen und Verwandtes, S. 313. Однако употребление формы инструментального падежа в изафетной конструкции ничем не мотивировано. Правильное, на наш взгляд, решение («*аҕатїн* — casus indefinitus») было предложено В. В. Радловым и О. Бётлингком. См.: Radloff W. Die jakutische Sprache in ihrem Verhältnisse zu den Türksprachen, S. 37.

[332] Богородицкий В. А. Введение в татарское языкознание, с. 162.

[333] Серебренников Б. А. Тюркологические этюды, II. К проблеме происхождения *s* в варианте притяжательного суффикса 3-го лица ед. числа *-sy* (*-si*). — В кн.: Вопросы тюркологии. Баку, 1971, с. 114—115. Ср. у В. Банга: *-ї* образовался из *-сї*

щем простотой и убедительностью доводов, есть одно уязвимое место. Существование в тюркских языках формы будущего времени на *-с* никем не доказано. Что же касается будущего типа *барасі*, то оно является формой принадлежности 3-го лица, образованной от имени действия на *-а*.

1-е л., мн. ч. — *-бїз* ~ *-мїз* < **біз* < **пїс*;
2-е » » » — *-ңїз* < **сіз* < **сїс*.

Изменение внешнего облика местоимения 2-го лица множественного числа происходило в рамках действия аналогии, ср. *атїм — атїмїз*, *атїң — атїңїз*.

3-е лицо, мн. число — так же, как в единственном числе (форма единственного числа в тюркских языках продолжительное время являлась и формой множественного числа).

II, 1. Формы принадлежности выражают юридическую принадлежность, отношение части к целому, пространственные и временные отношения, родственные связи и т. д.: гаг. *ӧлусу* 'его сын', *бабанїз* 'ваш отец'; тув. *ӧшкӱм* 'моя коза', *а'ӧїм* 'моя лошадь', *казї* 'его гусь', *аксім* 'мой рот'; тур. *чантам* 'моя сумка', *ӟвін* 'твой дом', *кітабї* 'его книга', *колу* 'его рука'; якут. *аҕалара* 'их отец', *кїспїт* 'наша дочь'.

В хакасском языке форма принадлежности 2-го лица, а в татарском и узбекском языках форма принадлежности 3-го лица используются в качестве вокатива: хак. *аҕаң* 'дедушка!', *аҷаң* 'дядя!', *чаҷаң* 'старшая сестра!', *таҷїң* 'дядя (по матери)!'; тат. *әтисе* (при обращении жены к мужу), *әнисе* (при обращении мужа к жене);[334] узб. *дадасі* 'отец!', *амакісі* 'дядя!' (*амакісі, манаві тэнтакка пўпіса кіліп кўрїң* 'дядя, пригрозите этому глупцу'). Аффикс принадлежности 1-го лица нередко выражает эмоциональность, почтительное отношение или ласкательность.[335] В якутском языке формы принадлежности от количественных числительных служат для обозначения возраста: *мін бїҕїл отутум* 'мне в нынешнем году 30 лет', *бу оҕо алтата* 'этому ребенку 6 лет'.[336] В разных тюркских языках формы принадлежности, образованные от числительных, передают значение партитивности и собирательности: др.-тюрк. *бірі* 'один из них', *ікінчісі* 'второй из них', *ӱчӓгӱсӱ* 'трое из них'; тур. *ікіміз* 'мы оба', *ікініз* 'вы оба'.

Особенно многозначен аффикс принадлежности 3-го лица. В 3-м лице происходит сильное ослабление значения принадлежности, что в известной мере противопоставляет его формам других лиц.[337] Говоря об ослаблении, мы имеем в виду форму принадлежности 3-го лица, не сопряженную с формой родительного падежа (так называемый односторонний изафет). Как отмечает С. С. Майзель, если аффикс принадлежности 3-го лица в сочетании с родительным падежом имени выражает различный характер и различную степень принадлежности (принадлежность предмета предмету, признака предмету, материала предмету, сделанному из него, части целому, принадлежность действия субъекту действия, принадлежность состояния проявляющему его предмету или лицу и т. д.), то в сочетании с именительным падежом он выражает главным образом отношение (отношение единичного предмета к обобщенному, части к целому, отношение

в результате ассимиляции звука *с* конечным согласным основы (например, **каҕансї* > *каҕанї*). Аффикс *-сї* при этом сопоставляется с аффиксом прилагательных *-сїҕ* ~ *-сіҕ*, который В. Банг возводит к самостоятельному слову **асїҕ* (от *ас-* 'вешать'). См.: B a n g W. Studien zur vergleichenden Grammatik der Türksprachen, 3. Über das Possessivsuffix *-sï* und einige seiner möglichen Verwandten. — SPAW, 1916, LI, S. 1236 ff.

[334] См.: Ю л д а ш е в А. А. Звательные слова в тюркских языках, с. 329.

[335] Там же, с. 332. См. также: И к р а м о в а Р. Модальные формы имен существительных в современном узбекском языке. АКД. Ташкент, 1967, с. 15—16; С а д в а к а с о в Г. О средствах выражения субъективной оценки в семиреченском говоре уйгурского языка. — В кн.: Исследования по тюркологии. Алма-Ата, 1969, с. 194—195.

[336] См.: Х а р и т о н о в Л. Н. Современный якутский язык, с. 146.

[337] См.: С е в о р т я н Э. В. Категория принадлежности, с. 43—44.

к причине, источнику или материальной основе, отношение — связь с местом, временем и т. д.).[338]

Особое положение аффикса принадлежности 3-го лица проявляется в том, что, будучи словоизменительным элементом и нередко оказываясь в роли своеобразного артикля,[339] он относительно легко переносится в сферу словообразования и вместе с тем обнаруживает расположенность к приобретению дополнительных синтаксических функций.

В сфере словообразования аффикс принадлежности 3-го лица выступает как элемент, выделяющий различные группы наречий или существительных, подвергшихся в той или иной мере адвербиализации. Примеры: ст.-азерб. *дӱні* 'ночью', *јазї* 'весной', *әртәсі, даңласї* 'на следующий день';[340] азерб. (диал.) *сабаһларї* 'завтра', *дӱнәннәрі* 'вчера';[341] ст.-узб. *кэчäсі* 'ночью', *таңласї* 'утром'; узб. *эхірі* 'наконец', *бір куні* 'однажды', *јахшісі* 'лучше', *тӯғрісі* 'вернее, правильнее', *һар јілі* 'каждый год', *кіскасі* 'короче говоря'; гаг. *шурғсї* 'вот здесь'; кирг. *бір күнү* 'однажды'; тур. *доғрусу* 'поистине, на самом деле', *сонраларї* 'позже', *акшамларї* 'по вечерам', *сабаһларї* 'по утрам', *гӱндӱзлэрі* 'днем', *гэ̆ҷэлэрі* 'по ночам', *бурасї* 'здесь', *орасї* 'там', *ачїкчасї* 'откровенно', 'ясно', *кїсаҷасї* 'коротко, вкратце';[342] уйг. *јазлиғі* 'летом', *күзлүгі* 'осенью', *кэчісі* 'ночью', *күндүзі* 'днем'.[343]

Менее регулярный характер носит употребление рассматриваемого аффикса как словообразовательного элемента лексико-грамматических разрядов имени, ср. кум. *бусу* 'этот'; тат. *буйӑсӑ* 'этот', *анйӑсӑ* 'тот'; тур. *бірі* 'кто-то', *кімі* 'некоторые', *чоӯу* 'большинство' (*чоӯу інсанлар* 'большинство людей', *чоӯу заман* 'в большинстве случаев'); чуваш. *ілдӑнні* 'золотой', 'из золота', *сӑранні* 'кожаный', *урлӑш* 'ширина', *хулӑнӑш* 'толщина', *тулаш* 'внешность'. Ср. также: ст.-кыпч. *бірсі күн* 'послезавтра' (Cod. Cum. $36r_{28}$).

В чувашском языке наблюдается тенденция к использованию аффикса принадлежности 3-го лица единственного числа в роли определенного артикля западноевропейских языков: *кімĕ* 'лодка', *кіммі* 'лодка (уже упоминавшаяся)'.[344]

Синтаксические функции[345] аффикса принадлежности 3-го лица заключаются в его использовании в качестве соединительного члена («разновидность парного аффикса»), ср. ант. *адӑзї ӯлї* 'отец и сын', *әнәзї балазї* 'мать и ребенок'; шор. *каразї күндӱзі-бэ* 'день и ночь', *абазї палазї* 'отец и сын', или средства выражения связи между определением и определяемым,[346] например: азерб. *алма ағаҷї* 'яблоневое дерево', *памбығ тар-*

---

[338] Майзель С. С. Изафет в турецком языке. М.—Л., 1957, с. 25—43.

[339] См.: Grönbech K. Der türkische Sprachbau, I, S. 92—93; Benzing J. Tschuwaschische Forschungen (I). Das Possessivsuffix der dritten Person, S. 266.

[340] См.: Шукюров А. Дж. Наречие в азербайджанском языке, с. 6.

[341] Там же, с. 11.

[342] См.: Майзель С. С. Изафет в турецком языке, с. 124 и сл.

[343] См.: Джамалдинов О. Наречие в современном уйгурском языке, с. 7.

[344] См.: Серебренников Б. А. О некоторых отличительных признаках волгокамского языкового союза. — В кн.: Языковые контакты в Башкирии. Уфа, 1972, с. 9—10.

[345] О синтаксических функциях аффикса принадлежности 3-го лица см.: Абуханов Г. А. Семантика и синтаксическая функция притяжательных аффиксов в современном казахском языке. АКД. Алма-Ата, 1950, с. 9 и сл.; Майзель С. С. Изафет в турецком языке. М.—Л., 1957; Иванов С. Н. Тюркские атрибутивные конструкции с показателем относительной связи. — Уч. зап. Ленинградского гос. унив., № 282, серия востоковедческих наук, 1959, 11, с. 189—196; Аслиддинов С. Категория принадлежности в современном узбекском литературном языке. АКД. Самарканд, 1964, с. 16 и сл.

[346] Ср. у И. А. Андреева: «Форма принадлежности 3-го лица больше воспринимается как средство синтаксической связи двух имен, нежели как показатель принадлежности предмета». См.: Андреев И. А. О категории дефинитивности в чувашском языке. — Уч. зап. Чувашского НИИ, Филологический сб., 1965, XXVIII, с. 81.

ласї 'хлопковое поле', *јајїн істісі* 'жара лета'; узб. *ўзбәк адабіјәті* 'узбекская литература', *унің бірінчі асарі* 'его первое произведение'. При этом аффикс принадлежности присоединяется к определяемому. В караимском языке в нарушение общих правил аффикс принадлежности оказывается у определения: *кічісі олтуруш* 'маленький стул', *уллусу төшәк* 'большая кровать'.[347] В азербайджанском и турецком языках форму принадлежности имеет определение, выраженное причастием: азерб. *онун тәсвір әтдіјі сурәтләр* 'изображенные им образы'; тур. *онун вәрдіјі малумат* 'данные им сведения'. Примечательно, с точки зрения тюркского синтаксиса, вынесение имени, оформленного аффиксом принадлежности 3-го лица, в препозицию определительной конструкции,[348] ср. алт. *д'олі д'ок кіжі* 'беспутный человек'; кум. *атасї анасї јок јаш* 'ребенок, у которого нет отца и матери'; шор. *ужї пажї чок кара чїш* 'бескрайняя тайга'; тур. *дамї јанан әв* 'дом с горящей крышей'; туркм. *әдірі бүтін дүнја јајран јадїјї* 'писатель, произведения которого распространились по всему свету', *хәј дачї кәділән* 'эй, с подстриженными волосами';[349] узб. *кўзларі кэра кіз* 'черноглазая девушка', *әшігі эчік уј* 'дом с открытой дверью'. См. также Сл. Замахшари, II: *тізігә тәгінчә ак ат* 'до колен белая лошадь' (272), *јўзінің бір јанї ак ат* 'лошадь, у которой одна сторона морды белая' (277). В последнем примере определяемое — *ат* 'лошадь', определение — *јўзінің бір јанї ак* 'одна сторона ее морды белая'. Наличие формально выраженной связи у слова *јўз* 'морда' со словом *ат* 'лошадь' служит целям образования распространенного определительного сочетания, в котором как группа определения, так и группа определяемого может состоять из нескольких слов. Возникновение сочетаний подобного типа, вероятнее всего, было связано с перемещением логического ударения, ср.

1) [*ат јўзінің бір јанї*] *ак* 'одна сторона морды лошади белая';

2) [*јўзінің бір јанї ак*] *ат* 'лошадь, у которой одна сторона морды белая'.

II, 2. Вся совокупность значений, охватываемая понятием принадлежности, результат длительного и очень сложного семантического развития конструкций типа *мән — кіші — мән*, *біз — кіші — біз*, в которых повторение личного местоимения первоначально служило целям выражения связи между компонентами предикативного сочетания. Указанные конструкции на ранних ступенях развития тюркских языков передавали качественную или какую-либо иную характеристику лица или предмета и вместе с тем выражали разные аспекты положения одного лица или предмета в отношении другого. При этом в первом значении они усложнялись путем введения дополнительного компонента — вспомогательного глагола *әр-*, использование которого в дальнейшем стало факультативным, ср. *біз-кіші-әрўр-біз* 'мы имеем состояние людей', 'мы люди', *біз-кіші-әрді-біз* 'мы имели состояние людей', 'мы были людьми'. Очевидно, с этого момента, т. е. с момента закрепления за конструкциями типа *мән-кіші-мән* значения 'я имею состояние человека', 'я человек', начинается формальное обособление омонимических конструкций с иной семантической специализацией — 'я имею человека', 'мой человек', завершающееся образованием формы родительного падежа, ср.

мән-кіші-мән[350] → *мәнің кіші-м*

біз-кіші-біз → *бізнің кіші-біз*

О том, что развитие категории принадлежности происходило именно так или сходным путем, свидетельствуют встречающиеся в разных тюрк-

---

[347] См.: Мусаев К. М. Строй караимского языка. АДД. Баку, 1968, с. 11.

[348] См.: Иванов С. Н. К истолкованию категории принадлежности (на материале турецкого языка). — СТ, 1973, № 1, с. 31 и сл.

[349] См.: Тәчмырадов Т. Туркмен дилинде дегишлилик категориясының аңладылыш ёллары. — Тр. ИЯЛ АН Туркменской ССР, 1959, III, с. 38—39.

[350] См.: Серебренников Б. А. О некоторых приемах восстановления архаических черт грамматического строя языков. — ВЯ, 1965, № 4, с. 23.

ских языках, в частности в кумыкском и туркменском, случаи безаффиксного сочетания имен, семантические отношения между которыми носят характер принадлежности, ср. казах. (диал.) *Тәльман колхозға барып* 'поехав в колхоз имени Тельмана'.[351] И хотя приведенный пример может быть с достаточными основаниями объяснен совсем иначе — как следствие упрощения притяжательной конструкции, как позднейшее явление,— он все равно показывает, что возможность выражения принадлежности посредством сочетания имен по способу примыкания вполне реальна.

К. Грёнбеку казалось, что древнейшей (ursprüngliche) у аффикса принадлежности 3-го лица была функция артикля.[352] Хотя форма принадлежности 3-го лица занимает несколько обособленное положение, ее древнейшая функция не может быть определена без учета форм 1-го и 2-го лица.

Раздел 3

Формы числа

I. Ни в одном из тюркских языков нет особой, материально выраженной, формы единственного или двойственного числа. Специальный морфологический показатель имеется лишь у формы множественного числа — *-лар*. В чувашском языке нет аффикса *-лар* и соответствующее значение выражает аффикс *-сӑм*. К названным двум аффиксам тюркологи добавляют несколько других, выделяемых в древнетюркском языке или реконструируемых на уровне алтайского праязыка.

I, 1. Аффикс *-лар* известен по самым ранним письменным источникам и имеет много разновидностей, появившихся вследствие ассимиляции конечными согласными основы его начального согласного, вследствие выпадения согласных[353] и действия гармонии гласных, ср.: *-лор* ~ *-лэ* ~ ~ *-ла*[354] ~ *-лај* ~ *-тар* ~ *-тор* ~ *-дар* ~ *-дор* ~ *-сар* ~ *-δар* ~ *-зар* ~ ~ *-рар* ~ *-нар* ~ *-нор* ~ *-на* ~ *-ар* ~ *-а* ~ *-лāр* ~ *-тāр*[355] ~ *-лӣ(р)* ~ ~ *-лу(р)*[356] (наибольшее число разновидностей — в якутском языке (16),

---

[351] См.: Нурмагамбетов А. Западная группа говоров казахского языка. АДД. Алма-Ата, 1974, с. 83. См. также: Дмитриев Н. К. Строй тюркских языков. М., 1962, с. 259; Тачмурадов Т. Категория принадлежности в современном туркменском языке, с. 6.

[352] Grönbech K. Der türkische Sprachbau, I, S. 92, 100.

[353] Выпадение конечного согласного в *-лар* может быть частичным, не охватывающим все формы. Так, в диалектах туркменского языка *р* выпадает перед аффиксами принадлежности и перед падежными аффиксами с начальным гласным, в кумыкском языке — преимущественно перед аффиксами родительного, винительного и дательного падежей с начальным согласным, в карачаево-балкарском и турецком языках — в форме именительного падежа и перед всеми падежными аффиксами, в начале которых выступают согласные. См.: Атаджанов М. Салырский диалект туркменского языка, с. 10; Нартыев Н. Сарыкский диалект туркменского языка. АКД. Ашхабад, 1960, с. 15; Аразкулиев С. Говоры туркмен Турткульского района Каракалпакской АССР, с. 14; Бердиев Р., Күренов С., Шамырадов К., Аразкулыев С. Түркмен дилинин диалектлериниң очерки, с. 238; Hazai G. Les dialectes turcs du Rhodope. — АОН, 1959, IX, 2, p. 222.

[354] Б. А. Серебренников придает большое значение наличию аффикса множественного числа *-ла* в балкарском языке. См.: Серебренников Б. А. О некоторых частных деталях процесса образования аффикса множественного числа *-lar* в тюркских языках. — СТ, 1970, № 1, с. 52. Однако нет оснований сомневаться в том, что упомянутый аффикс является разновидностью аффикса *-лар*: именно в таком виде он выступает в хуламо-безенгийском и баксанском диалектах. См.: Аппаев А. М. Диалекты балкарского языка в их отношении к балкарскому литературному языку, с. 30, 45.

[355] Разновидности аффикса *-лар* с долгим гласным отмечены в качинском диалекте хакасского языка. См.: Патачакова Д. Ф. Способы выражения категории множественности в качинском диалекте хакасского языка. — Уч. зап. Хакасского НИИЯЛИ, серия филологическая, 1964, X, с. 4.

[356] См.: Садвакасов Г. Язык уйгуров Ферганской долины и проблема взаимодействия уйгурских и узбекских диалектов. АДД. Алма-Ата, 1972, с. 15.

в тулейкенском говоре киргизского языка (15),[357] в алтайском и киргизском языках (12)) .[358]

Размеры употребления аффикса *-лар*, особенности его дистрибуции и характер выражаемых значений таковы, что можно с уверенностью говорить о нем как о морфологическом элементе, прошедшем длительный путь развития и бесспорно присутствовавшем в тюркском праязыке. Отсутствие его в чувашском — результат довольно поздних преобразований чувашского языка,[359] происходивших при активном участии нетюркского субстрата.[360]

Вопрос о происхождении аффикса *-лар* ставился многими тюркологами и алтаистами,[361] однако удовлетворительного решения не получил.

Ниже мы рассмотрим лишь те попытки этимологизации аффикса *-лар*, которые так или иначе выходят за пределы тюркских языков.

Г. Рамстедт связывал аффикс *-лар* с аналогичным по значению аффиксом *-nar* в монгольских языках, а этот последний — с монгольским словом **nar* 'совокупность', сохранившимся, по его мнению, в якутском языке: *нāр* 'вместе с, совместно'.[362] Согласно предположению Н. Поппе, аффикс *-лар* образовался в результате сложения двух других аффиксов множественного числа, **-ла* (ср. тунг.-маньчж. *-л*) и **-р* [363] (последний рассматривается К. Менгесом как общеалтайский аффикс собирательности, «возможно идентичный аффиксу тюркских разделительных числительных» [364]). Приблизительно та же мысль была высказана Д. Синором, который в отличие от Н. Поппе полагал, что образование аффикса *-лар* из *-л* и *-р* происходило не на тюркской почве (так как тот и другой в от-

---

[357] Туряджанова М. Тулейкенский говор киргизского языка. АКД. Фрунзе, 1954, с. 12.

[358] О фонетических разновидностях аффикса *-лар* в тюркских языках и диалектах см.: Богородицкий В. А. Введение в татарское языкознание в связи с другими тюркскими языками, с. 160 и сл.; Дмитриев Н. К. Категория числа. — ИСГТЯ, II, с. 65 и сл.; Фуломов А. Ғ. Ўзбек тилида кўплик категорияси. Тошкент, 1944, б. 9—12; Дыйканов К. Имя существительное в киргизском языке, с. 76; Рустамов Р. А. О монографическом изучении диалектов азербайджанского языка. — ВДТЯ, II, Баку, 1960, с. 87; Ишаев А. *-Лар* аффиксининг Манғит шевасидаги вариантлари. — ЎТАМ, 1961, № 4, б. 39—41; Насыров Д. С. Қарақалпақ тилинде көплик категориясы. (Илмий грамматика бойынша материаллар). Нөкис, 1961, б. 22; Боргояков М. И. Некоторые фонетические и морфологические особенности бельтирского говора хакасского языка. — Уч. зап. Хакасского НИИЯЛИ, серия филологическая, 1964, X, с. 54; Данияров А. Д. Категория множественности в современном казахском языке. АКД. Алма-Ата, 1965, с. 10.

[359] См.: Grönbech K. Der türkische Sprachbau, I, S. 71.

[360] Подробно о происхождении аффикса *-сӗм* см.: Сергеев В. И. Генезис и семантика форманта множественности *-sem* в чувашском языке. — СТ, 1972, № 3, с. 29—34.

[361] Библиографию и краткий обзор этимологий см. в работах: Kowalski T. Zur semantischen Funktion des Pluralsuffixes *-lar*, *-lär* in den Türksprachen. Kraków, 1936, S. 23—32; Kotwicz W. Les pronoms dans les langues altaïques. Kraków, 1936, p. 28—30; Deny J. Türkçede «ler» edatının menşei. — В кн.: Üçüncü Türk Dil Kurultayı, 1936. İstanbul, 1937, s. 291—295; Emre A. C. 1) Étude comparative sur l'étymologie de la désinence du plural *-ler* en turk. — Türk Dili, seri II, İstanbul, 1941, № 5—6, s. 97—105; 2) Türkçede isim temelleri. İstanbul, 1943, s. 199; Räsänen M. Materialien zur Morphologie der türkischen Sprachen, S. 52—53; Dilâçar A. Türk diline genel bir bakış. Ankara, 1964, s. 156—158; Кононов А. Н. Показатели собирательности-множественности в тюркских языках. Л., 1969; Серебренников Б. А. О некоторых частных деталях процесса образования аффикса множественного числа *-lar* в тюркских языках. — СТ, 1970, № 1, с. 49 и сл.

[362] Ramstedt G. J. 1) Kleine altaistische Beiträge, II. Die Pluralendung mo. *-nar*, tü. *-lar*. — JSFOu, 1951, 55_2, S. 35; 2) Введение в алтайское языкознание. Морфология. Русск. пер. М., 1957, с. 59.

[363] Poppe N. Plural Suffixes in the Altaic Languages. — UAJb, 1952, XXIV, 3—4, p. 73, 75. Мысль о том, что аффикс *-лар* является комбинацией двух других аффиксов множественного числа, впервые была высказана В. Бангом. См.: Bang W. Zum auslautenden *n* im Altaischen. — TP, 1895, VI, S. 220.

[364] Menges K. H. The Turkic Languages and Peoples, p. 111.

дельности неизвестны тюркским языкам) и что таким образом аффикс *-лар* не является тюркским по происхождению.[365] С выводом Д. Синора в определенном смысле согласуется заключение П. Аалто о заимствовании тюркского *-лар* и монгольского *-nar* из китайского языка.[366]

По поводу приведенных попыток этимологизации аффикса *-лар* сделаем следующие замечания: 1) якут. *нāр* 'порядок, соответствие' восходит к монг.-п. *najir* 'согласие, гармония' [367] и, следовательно, не может служить основой для реконструкции монгольской праформы **nar* 'совокупность'; 2) отсутствие удовлетворительной тюркской этимологии аффикса *-лар* — недостаточно убедительное свидетельство его нетюркского происхождения; ничто не мешает считать *-лар* собственно тюркским аффиксом, не поддающимся в настоящее время этимологизации; 3) механическое членение морфем на фонемы и сопоставление последних в границах произвольно выбранного языкового ареала (алтайского, урало-алтайского или ностратического) не обеспечивает строгой достоверности выводов. Дело в том, что в алтаистической интерпретации почти все согласные тюркских языков (*л*, *р*, *н*, *с*, *з*, *т*, *ш*, *к*) оказываются реликтовыми показателями множественного числа, и благодаря этому существуют широкие возможности для выявления морфологических параллелей в других языках. Лишь в одном английском языке могут быть обнаружены три «общих» с тюркскими языками аффикса множественного числа: *s*, *n*, *z*.

На наш взгляд, имеются убедительные факты, свидетельствующие о заимствовании монгольского аффикса *-nar* из тюркских языков, что считал необходимым отметить еще М. А. Кастрен.[368]

Как указывает С. А. Козин, употребление аффикса *-nar* в древнемонгольском языке было предельно ограниченным, наблюдалось «лишь в трех-четырех случаях» и в XIII в. «не получило еще должного развития, представляя сравнительно позднюю формацию».[369] При этом в XIV—XV вв. у западных монголов, подвергшихся сильному ассимилятивному воздействию тюрок, очень часто употреблялся аффикс *-lar* в именных и глагольных формах, см. Сл. Замахшари, II: *kibeler* 'делали' (100), *asaqbałar* 'спрашивали' (106), *eriltüler* 'просьбы' (164), *keleldübeler* 'беседовали' (214).

К аффиксу *-nar* в монгольских языках присоединяются другие аффиксы множественного числа: монг.-п. *lamanarud* 'ламы'.[370] Подобные явления обычно имеют место лишь при отсутствии четкого восприятия значения морфологического элемента.

Наконец, обращает на себя внимание следующее обстоятельство: в тюркских языках аффикс *-лар* — единственный общераспространенный показатель множественного числа на протяжении всей письменной истории их. Монгольские языки располагают значительно бóльшим количеством аффиксов, выражающих множественное число. Древнейшие из них — *-t* (*-d*), *-ut* (*-ud*), *-s*, *-nuγud*.[371] Кстати, Б. Я. Владимирцов, говоря о наличии в монгольских языках множества лексических и морфологических заимствований из тюркских и других языков, ссылался для

[365] Sinor D. On Some Ural-Altaic Plural Suffixes. — AM, NS, 1952, II, 2, p. 226—228.

[366] Aalto P. Altaistica, II. The Suffixes *-lar*, *-nar*, *-lār*. — StO, 1952, XVII$_7$, p. 15—16.

[367] См.: Пекарский Э. К. Словарь якутского языка, с. 1680. См. также: Kałużyński S. Mongolische Elemente in der jakutischen Sprache. Warszawa, 1961, S. 37.

[368] Castrén M. A. Versuch einer burjätischen Sprachlehre. SPb., 1857, S. 11.

[369] Козин С. А. К вопросу о показателях множественности в монгольском языке. — Уч. зап. Ленинградского гос. унив., № 69, серия филологических наук, 1946, 10, с. 123.

[370] См.: Санжеев Г. Д. Сравнительная грамматика монгольских языков, I. М., 1953, с. 134.

[371] См.: Козин С. А. К вопросу о показателях множественности в монгольском языке, с. 122.

подтверждения своей мысли на обилие в них форм множественного числа.[372]

Что касается перехода начального *л* в *н*, то для монгольского письменного языка или для древнемонгольского языка он вполне допустим: монг.-п. *način* 'сокол' (< др.-тюрк. *лачӣн* < ?), *nojon* 'нойон' (< кит. *лао-йе*). Впрочем, этот переход мог произойти и не на монгольской почве: во многих тюркских языках после основ на *м*, *н*, *ң* рассматриваемый аффикс выступает с начальным *н*.

I, 2. Аффикс *-сӘм*, как указывалось выше, известен только чувашскому языку. При этом в низовом диалекте он не подчиняется нёбной гармонии, а в говорах верхового диалекта имеет несколько вариантов — *-сам* ~ *-сӘм* (сундырский,[373] средний,[374] моргаушский[375] говоры), *-сӗн* ~ *-сӘн* (говор с. Ковали).[376]

Происхождение *-сӘм* до сих пор остается неясным. Н. И. Ашмарин возводил его к слову *сан* 'число',[377] Г. Рамстедт — к слову *сайӣн* 'каждый' (*кӳн сайӣн* 'каждый день'),[378] образованному от общего с *сан* корня — *са-* 'считать'. О. Прицак видел в нем сочетание двух общеалтайских показателей множественного числа (**-са* ~ **-сӑ* и **-ін*),[379] тогда как Н. А. Андреев отнес его к числу аффиксов, заимствованных из нетюркских языков.[380]

I, 3. В 1884 г. Б. Мункачи выдвинул гипотезу о существовании в древнетюркском языке формы множественного (~двойственного?) числа на *-з*.[381] Позднее Г. Рамстедт выделил аффикс *-з* в слове *көкӱз* 'грудь',[382] а В. Банг — в группе слов, обозначающих парные предметы, живые существа и части тела: *ікіз* 'двойня', *бӑніз* 'лицо', *омуз* 'плечо', *аӷӣз* 'рот'.[383] В дальнейшем этот список был расширен за счет включения в него слов *көз* 'глаз', *тіз* 'колено', *буйнуз* 'рог', *јодаз* 'голень', *ӱчӱз* 'тройня'. Гипотеза Б. Мункачи была воспринята, таким образом, как нечто очевидное и так или иначе отразилась в большом количестве работ.[384] В обосновании

---

[372] Владимирцов Б. Турецкие элементы в монгольском языке. — ЗВО РАО, 1911, XX, 2—3, с. 181.

[373] Чуркин Т. Я. Опыт изучения чувашских говоров Сундырского района. АКД. Л., 1950, с. 13.

[374] Канюкова А. С. Чувашская диалектология, с. 62 и сл. См. также: Цаплина Р. И. Особенности некоторых чувашских говоров Татарской АССР и Куйбышевской области. — МЧД, II, с. 189.

[375] Сергеев Л. П. Основные особенности моргаушского говора, с. 156.

[376] Сергеев Л. П. Урмарский говор чувашского языка. АКД. М., 1965, с. 16.

[377] Ашмарин Н. И. Материалы для исследования чувашского языка, II. Казань, 1898, с. 150—151. См. также: Benzing J. Das Tschuwaschische. — Fundamenta, I, S. 722; Андреев И. А. Происхождение формы множественности имен в свете диалектных данных. — МЧД, III, с. 51 и сл.

[378] Рамстедт Г. И. Введение в алтайское языкознание. Морфология, с. 61. По мнению Г. И. Рамстедта, в чувашском языке в качестве показателя множественного числа употреблялся также аффикс **-влӑк* < *бӧлӑк* 'часть, подразделение'. Ср.: Киекбаев Дж. Г. Введение в урало-алтайское языкознание. Уфа, 1972, с. 143.

[379] Pritsak O. Tschuwaschische Pluralsuffixe. — Ural-Altaische Bibliothek, Wiesbaden, 1957, V, S. 150.

[380] Андреев Н. А. Аффиксы чувашского языка. Категория множественности и аффиксы множественности в чувашском языке. — Зап. [Чувашского] НИИЯЛИ, 1952, VI, с. 183. Было высказано предположение о связи *-сӘм* с камассинским *-саң*. См.: Sinor D. On Some Ural-Altaic Plural Suffixes, p. 225. Ср.: Киекбаев Дж. Г. Введение в урало-алтайское языкознание, с. 142.

[381] «Budenz-Album». Budapest, 1884. См. также: Munkácsi B. Рец.: Bang W. Vom Köktürkischen zum Osmanischen, 1. — KSz, 1918/1919, XVIII, S. 125 ff.

[382] Ramstedt G. J. Über mongolische Pronomina. — JSFOu, 1906, 23_3, S. 20.

[383] Bang W. Beiträge zur türkischen Wortforschung, S. 307—310.

[384] См.: Ligeti L. Die Herkunft des Volksnamens Kirgis. — KCsA, 1925, I, 5, S. 375, 381—383 (Л. Лигети выделяет аффикс **-з* в этнонимах *кӣрӷӣз* и *оӷуз*); Poppe N. Türkisch-tschuwassische vergleichende Studien, S. 425; Kotwicz W. Les pronoms dans les langues altaïques, p. 13, 14, 28; Дмитриев Н. К. 1) Грамматика башкирского языка, с. 221; 2) Категория числа, с. 67—68; Pritsak O. Tschuwaschische Pluralsuffixe, S. 138—139; Gabain A. Alttürkische Grammatik, S. 64, 85;

ее важную роль сыграло наличие соотносительных форм личных местоимений, а также именных и глагольных форм 2-го лица единственного и множественного числа, различающихся компонентом (*ї*)*з*, ср. *мән* 'я' — *біз* 'мы', *сән* 'ты' — *сіз* 'вы'; *бардің* 'ты пошел' — *бардіңіз* 'вы пошли'.

Хотя три четверти века, прошедшие со времени опубликования упомянутой выше работы Б. Мункачи, значительно увеличили объем фактов, которыми оперируют тюркологи, ничего нового, проливающего свет на историю вновь открытой формы, не появилось. Стали лишь более категорическими некоторые заключения, и сама гипотеза приобрела явно алтаистическую окраску. Так, например, Д. Синор поставил тюркский **-з* в один ряд с монгольским *-с*, тунгусским и уральским *-р* и решительно заявил, что **-з* — единственный собственно тюркский аффикс множественного числа, все остальные, включая аффикс *-лар*, заимствованы из других языков.[385]

Тем не менее, как бы это ни казалось парадоксальным, пока нет никаких оснований говорить о существовании аффикса двойственного или множественного числа *-з* ни в древнетюркском языке, ни в тюркском праязыке.

Прежде всего обратим внимание на то, что *з* прослеживается в словах, обозначающих парные предметы или части тела, не чаще, чем в словах, не имеющих подобных значений, см. др.-тюрк. *каз* 'гусь', *кїз* 'девочка', *öз* 'сам', *аз* 'мало', *саз* 'болото', *коз* 'орех', *кїз* 'осень', *буз* 'лед', *сöз* 'слово', *jїз* 'сто', *тоз* 'пыль', *тоз* 'береста', *тöз* 'корень', *туз* 'соль', *уз* 'искусный', *јаз* 'весна' и т. д. С другой стороны, слова, обозначающие явно парные предметы или части тела, не включают в себя *з* и не обнаруживают его следов, см. др.-тюрк. *каш* 'бровь', *кол* 'рука', *аjак* 'нога', *кулак* 'ухо', *әрін* 'губа', *әгін* 'плечо', *öпкä* 'легкое', *јан* 'бок', *јарїн* 'лопатка', *тірсäк* 'локоть', *јаңак* 'щека'. В слове *ік(к)із* 'двойня' значение двойственности-парности выражено самой основой — числительным *іккі* 'два' (ср. тур. *üчüз* 'тройня'); что же касается *з*, то это, очевидно, утративший продуктивность аффикс именного словообразования, подобный тому, который вошел в состав форм субъективной оценки: *кічігäз* 'маленький' (от *кічіг*), *јајчїбаз* 'луна' (от *јајчїк*).[386]

Особого объяснения требует конечный *з* в личных местоимениях множественного числа. Нельзя сказать с уверенностью, что местоимения 1-го и 2-го лица единственного числа имеют общие корни с местоимениями 1-го и 2-го лица множественного числа, так как в них выступают разные гласные:

	'я'	'мы'	'ты'	'вы'
тат.	*мін*	*бїз*	*сін*	*сїз*
тув.	*мән*	*біс*	*сән*	*сіс*
уйг.	*мән*	*біз*	*сән*	*сіз*
хак.	*мін*	*пїс*	*сін*	*сїрәр*

Различие между теми и другими настолько регулярное и очевидное, что ни о каком «случайном расхождении» не может быть и речи. Кроме

Räsänen M. Materialien zur Morphologie der türkischen Sprachen. — StO, 1957, XXI, S. 55 (М. Рясянен восстанавливает тюркскую праформу в виде **р'*); Caferoğlu A. Türk dili tarihi, I. İstanbul, 1958, s. 135; Мшанов М. К истории аффиксов множественности в казахском языке. — Уч. зап. Гурьевского ГПИ, серия историко-филологическая, Уральск, 1962, II, с. 70—75; Ализаде А. Дж. Категория числа в азербайджанском языке (на материале письменных памятников XIV—XIX веков). АКД. Баку, 1966, с. 18—19; Vietze H.-P. Plural, Dual und Nominalklassen in altaischen Sprachen. — Wissenschaftliche Zeitschrift der Humboldt-Universität zu Berlin. Gesellschafts- und sprachwissenschaftliche Reihe, 1969, XVIII, 3, S. 485.

[385] Sinor D. On Some Ural-Altaic Plural Suffixes, p. 220, 221, 229. В рецензии на эту статью Н. Поппе высказывается против сопоставления тюркского *з* с монгольским *с*. См.: FUF, 1953, XXXI, 1—2, p. 29.

[386] См.: Brockelmann C. Osttürkische Grammatik der islamischen Literatursprachen Mittelasiens, S. 142.

того, как справедливо заметил О. Бётлингк, «мы» не есть множество «я», и термин «форма множественного числа» здесь неуместен.[387] Структурно-фонетическое сходство личных местоимений, наблюдаемое во многих языках, образовалось в результате процессов, далеко выходящих за пределы праязыкового состояния, и оно не дает оснований для историко-морфологического анализа их. Попутно напомним об интересной гипотезе О. Бётлингка, поддержанной В. В. Радловым, согласно которой *з* в местоимениях 1-го и 2-го лица множественного числа объясняется как элемент, образовавшийся вследствие стяжения местоимения 2-го лица единственного числа **сі* 'ты': *біз* 'мы' < **бі* 'я' + **сі* 'ты', *сіз* 'вы' < **сі* 'ты' + **сі* 'ты'.[388] К сожалению, и эта гипотеза обходит молчанием причину различия гласных.

С существованием личных местоимений, различающихся компонентом *(ӥ)з*, тесно связано наличие соотносительных именных и глагольных форм 2-го лица единственного и множественного числа, так как *-(ӥ)ӈ* и *-(ӥ)ӈӥз*, являющиеся аффиксами принадлежности, восходят к личным местоимениям. Конечно, это не значит, что аффикс *-(ӥ)ӈӥз* развился непосредственно из местоимения *сіз*. Он, очевидно, включает в себя и *-сӥӈ* (ср. кирг. *бардӥсӥӈ* 'ты пошел', *кэлдісіӈ* 'ты пришел';[389] тур. *гӧрӱjорсунуз* 'вы видите'; тат. диал. *тӥӈлӥjсӥɣӥз* 'вы слушаете';[390] башк. *бараһӥӈ*, башк. диал. *бараӈ* 'ты идешь', башк. *бараһӥɣӥδ*, башк. диал. *бараɣӥδ* 'вы идете'[391]) и *-сӥз*. Поскольку же праформа для *-(ӥ)ӈӥз* в виде **-сӥӈсӥз* невероятна с точки зрения здравого смысла, остается предположить, что своеобразие показателя 2-го лица множественного числа — следствие выравнивания форм в рамках действия аналогии.

I, 4. Следующий аффикс множественного числа, выделяемый тюркологами, и в особенности алтаистами, в древнетюркском и некоторых современных тюркских языках — *-т*.[392] Однако древнетюркские формы *тэгіт* 'принцы' и *таркат* 'тарханы', в которых констатируется наличие данного аффикса, для тюрок, как указывал П. М. Мелиоранский,[393] неразложимы. Соотношение же форм единственного и множественного числа типа *тэгін — тэгіт*, *таркан — таркат* — необычное для тюркских языков. Приведенные формы, форма **түркүт* 'тюрки', восстанавливаемая с учетом китайских источников,[394] а также тат. *нарат* 'сосна', якут. *эрэт* 'мужчины', *хотут* 'сборище женщин' (ср. монг.-п. *qatun — qatut* 'супруга — супруги'), **кӥрɣӥт* 'девушки' (от *кӥрɣӥн*), **уолат* 'юноши' (от *уолан*), *тоjот* 'господа' (от *тоjон*), **ноjот* 'парни' (от *ноjон*), **доɣот* 'друзья' (от *доɣор*), **кэргэт* 'члены семьи' (от *кэргэн*), **оiӯт* 'шаманы' (от *оiӯн*), **удаɣат* 'шаманки' (от *удаɣан*), не являются тюркскими по происхождению.[395] Не случайно

---

[387] Böhtlingk O. Über die Sprache der Jakuten, S. 168. См. также: Суяров И. *Биз* ва *сиз* олмошларининг маънолари ҳақида. — ЎТА, 1963, № 5, б. 37 и сл.

[388] Böhtlingk O. 1) Kritische Bemerkungen zur zweiten Ausgabe von Kasembek's türkisch-tatarischer Grammatik, zum Original und zur deutschen Übersetzung von Dr. J. Th. Zenker, S. 39; 2) Über die Sprache der Jakuten, S. 168.

[389] См.: Суяров И. Шахс олмошларининг этимологияси ҳақида, б. 34. Приведенные И. Суяровым примеры требуют дополнительной проверки.

[390] См.: Якупова Г. К. Описание некоторых морфологических особенностей языка татар, расположенных по реке Зай (Татарская АССР). — ВДТЯ, II, Баку, 1960, с. 140.

[391] См.: Максютова Н. Х. Говор айских башкир, с. 18.

[392] См.: Sinor D. A propos de la biographie ouigoure de Hiuan-tsang, p. 548—549.

[393] Мелиоранский П. М. Памятник в честь Кюль Тегина, с. 80. См также: Gabain A. Alttürkische Grammatik, S. 85.

[394] См.: Poppe N. Plural Suffixes in the Altaic Languages, S. 68. По мнению некоторых иранистов, прототипом китайского *t'u-küe* явилась согдийская форма множественного числа *turkit*. См.: Harmatta J. Irano-Turcica. — AOH, 1972, XXV, 1—3, p. 272—273.

[395] См.: Харитонов Л. Н. Современный якутский язык, с. 102—103; Антонов Н. К. Заметки о говоре якутов Среднеколымского района. — В кн.: Сборник диалектологических материалов якутского языка. Якутск, 1961, с. 56—57;

к подобным формам в тюркских языках присоединяется аффикс *-лар* (~ *-тар* . . .): др.-тюрк. *тәгітлär* 'принцы' (Uig III 42_{24}); якут. *ӕрӕптӕр*, *хотуттар*, *кӥрӕіттар* и т. д.

Иного происхождения формы на *-ат* в «Бабур-наме»: *бӕгät* 'беки' (46), *туманат* 'туманы — подразделения' (60), *бӧлӱкät* 'округи' (172), *баӷат* 'сады' (172), *аjмакат* 'аймаки' (191). Нельзя не согласиться с К. Брокельманом, что в этом случае мы имеем дело с арабским аффиксом, перенесенным через посредство персидского языка в староузбекский.[396] Ср. ст.-тур. *аӷават* 'аги'.[397]

Не являются собственно тюркскими и такие формы, как *алпаӷут*[398] 'герои', 'знатные лица' (МК III 422; Uig III 65_8), *баjаӷут* 'богачи' (TT VI прим.11; Uig II 36_{37}), *уруӈутлар* 'предводители' (Ṭiš 20 b_4), *таӷшут* 'стихи' (Kuan$_{172}$),[399] характерные главным образом для буддийских текстов.

I, 5. В числе аффиксов множественного числа тюркологи называют также *-(а)н*, ср. у К. Грёнбека: *оӷлан* 'юноши', *ӕрän* 'мужи', *бодун* 'народ', *кӥркӥн* 'девушки'.[400] А. Габен дополнила этот список словом *ӧртän* 'огни', но сопроводила весь параграф знаком вопроса, так как значение множественного числа для них не считает окончательно установленным.[401] Д. Синор привел, кроме того, *кӥркун* — китайское наименование кыргызов и *копан* 'все'.[402] Употребление аффикса *-(а)н* в древнетюркском языке засвидетельствовано в XI в. Махмудом Кашгари в словах *оӷлан* и *ӕрän* (МК I 74) и, несколько позднее, Абу-Хаййаном — в слове *ӕрän*,[403] причем Махмуд Кашгари воспринимал указанные образования как необычные, находящиеся «не в соответствии с правилом; по правилу признак множественного числа *-лар*» (МК I 35).

Если наличие аффикса множественного числа *-(а) н* в словах *бодун*, *ӧртän*, *кӥркӥн*, *копан* является предметом споров и даже отрицается некоторыми тюркологами (последние склонны видеть в составе *бодун* и и *ӧртän* аффиксы именного словообразования *-ун* и *-ан*, а в *копан* — омертвевший аффикс орудного падежа; слово *кӥркӥн* не поддается морфологическому членению на *кӥрк-* и *-ӥн*), то присутствие его в словах *оӷлан* и *ӕрän* обычно не вызывает сомнений.

Пока трудно дать окончательный ответ на вопрос о том, какова природа словоформ *оӷлан* и *ӕрän* в тюркских языках; все же предположение А. Г. Гулямова, что «слова *ӱӷлон*, *ёрон*, *эрон*, *боён*» включают в себя персидский аффикс множественного числа,[404] может служить основой для

Никифоров Г. А. Об аффиксе множественного числа *-т* в якутском языке. — Тр. ИЯЛИ, Якутск, 1963, 4 (9), с. 89—92; Воронкин М. С. Грамматические особенности говора эссейских якутов. — Там же, с. 126; Афанасьев П. С. Говор верхоянских якутов. Якутск, 1965, с. 140 (*ӥалаттар* 'соседи', *кӱӧлӕттӕр* 'озера', *кӥ̈латтар* 'звери'); Коркина Е. И. О некоторых особенностях говора якутов Момского района, с. 33.

[396] Brockelmann C. Osttürkische Grammatik der islamischen Literatursprachen Mittelasiens, S. 151. См. также: Кораев С. Қ. Топонимика. Тошкент, 1970, б. 17.

[397] Deny J. Grammaire de la langue turque (dialekte osmanli), p. 156.

[398] См.: Gabain A. Alttürkische Grammatik, S. 63.

[399] H. Poppe включает в эту группу и слово *ураӷут* 'женщина', морфологический состав которого не ясен. См.: Poppe N. Plural Suffixes in the Altaic Languages, p. 69.

[400] Grönbech K. Der türkische Sprachbau, I, S. 58, 66—68. См. также: Кононов А. Н. Показатели собирательности-множественности в тюркских языках, с. 15—18.

[401] Gabain A. Alttürkische Grammatik, S. 61.

[402] Sinor D. On Some Ural-Altaic Plural Suffixes, p. 208—210.

[403] Расулова Н. А. Исследование языка «Китāб ал-идрāк ли-лисāн ал-атрāк» Абӯ-Ҳаййāна. АКД. Ташкент, 1969, с. 9.

[404] Гуломов А. Ғ. Ўзбек тилида кўплик категорияси, б. 38—42. В недавно опубликованной статье А. Г. Гулямов относит *-(а)н* в *оғлан* и *ӕрän* к числу морфем, выражавших первоначально значения субъективной оценки. См.: Гуломов А. Ғ. Республика олий мактабларида ўзбек тилшунослиги дисциплиналари. — В кн.: Ўзбек тили нутқ маданияти масалаларига бағишланган республика тилшунослик конферен-

дальнейших поисков. То обстоятельство, что слово *орлан* зафиксировано в текстах рунической письменности, не обнаруживающих прямых следов персидского влияния, затрудняет принятие гипотезы А. Г. Гулямова, тем не менее само по себе оно не доказывает ее несостоятельности. Заметим в связи с этим, что персидский аффикс множественного числа присутствует в древнетюркском *тӱркӓн* ‘тюрки’ (QBN 20_{11}, 21_1),[405] староузбекском *калмакан* ‘калмыки’ (ШН 123), в ряде форм старотурецкого языка: *мӓб‘усан* ‘депутаты’, *забітан* ‘офицеры’, *шагірдан* ‘ученики’, *јӓнічӓрійан* ‘янычары’,[406] а также туркменского: *зӓнанлар* ‘женщины’, *јаранлар* ‘друзья’, *мӓрданлар* ‘люди’.[407]

I, 6. Еще один аффикс множественного числа (resp. Kollektiva), *-гӱн*, К. Грёнбек пытался обнаружить в словах *кӓліӈӱн* (*кӓлін-гӱн*) ‘невестки’, *інійігӱн* (*іні-ји-гӱн*) ‘младшие братья’,[408] встречающихся в орхонских надписях. И эту попытку нельзя считать успешной, так как нет уверенности в том, что приведенные слова являлись формами множественного числа. Весьма вероятно, что *кӓліӈӱн* — форма уменьшительности, а *інійігӱн* — композитное образование, состоящее из слов *іні* и *јӓгӱн*.

I, 7. По мнению Г. Рамстедта, в тюркском праязыке аффиксом множественного числа был также **-с*, являющийся составной частью аффикса принадлежности 3-го лица *-сї*. Вначале, как полагает он, *-ї* выражал принадлежность в единственном числе, а *-сї* — во множественном,[409] позднее это различие утратилось: каждый из них стал выражать и то и другое значение. Таким образом, для одного из этапов истории тюркских языков устанавливается семантическое тождество форм типа *аӈасї* (*аӈа-с-ї*) с формами типа *аӈаларї* (*аӈа-лар-ї*) ‘их (его) старшие братья’.

Хорошо известно, что во всех современных и древних тюркских языках использование двух вариантов формы принадлежности 3-го лица обусловлено различием фонетических условий, иными словами, указанные варианты находятся в отношении дополнительной дистрибуции: *-ї* присоединяются к основам на согласный, *-сї* — к основам на гласный, и нет никаких данных, которые позволяли бы думать, что в тюркском праязыке причина двухвариантности аффикса принадлежности была иной. В. А. Богородицкий, резко выступивший против «фонетического» решения проблемы *с* и сопоставивший его с «элементом *с*, встречающимся в глагольных аффиксах будущего времени спряжения с отрицанием. . .», заметил, между прочим, что «эпоха когда-то любимых объяснений посредством всевозможных вставочных звуков уже отошла в прошлое».[410] Разумеется, не все согласные, находящиеся в особых фонетических условиях, являются «вставочными», и нельзя не согласиться с тем, что в прошлом обращение к «вставочным» звукам нередко становилось приемом, позволявшим избегать решения трудных задач, тем не менее сам факт существования так называемых вставочных звуков бесспорен. К. Менгес также отрицательно относящийся к возможности объяснения *-сї* как фонетически обусловленного варианта *-ї*, указывает, что «зияние» в тюркских языках устраняется только посредством *j* и изредка *ŋ*, *в*.[411] Однако, кроме

цияси. Тошкент, 1969, б. 54. Ср.: B a n g W. Über die türkischen Namen einiger Grosskatzen. — KSz, 1916/1917, XVII, S. 141—142.

[405] См.: Ф а з ы л о в Э. Материалы по истории узбекского языка, II. Из истории категории множественного числа в тюркских языках. — В кн.: Вопросы тюркологии. Ташкент, 1965, с. 95.

[406] См.: D e n y J. Grammaire de la langue turque (dialekte osmanli), p. 156.

[407] См.: Грамматика туркменского языка, I, с. 89.

[408] G r ö n b e c h K. Der türkische Sprachbau, I, S. 58.

[409] R a m s t e d t G. J. Über mongolische Pronomina, S. 19—20. См. также: K o t w i c z W. Les pronoms dans les langues altaïques, p. 23; P r i t s a k O. Tschuwaschische Pluralsuffixe, S. 141—142.

[410] Б о г о р о д и ц к и й В. А. Введение в татарское языкознание, с. 162. Ж. Дени связывал происхождение *с* с неправильным членением местоимения *кӓндісі* (*кӓнді-сі*) < *кӓнд’өзі*. См.: D e n y J. Structure de la langue turque, p. 31, 32, 49.

[411] M e n g e s K. H. The Turkic Languages and Peoples, p. 114.

j, *ƀ* и *в*, в этой роли выступает *р*, например: уйг. *палтору* ‘его пальто’, *кінору* ‘его кино’, *дунјарі* ‘его мир’, *тохору* ‘его курица’, и, следовательно, «репертуар» тюркских интервокальных протез не такой уж ограниченный, как может показаться на первый взгляд. Не отрицая правомерности поисков иного, «нефонетического», решения проблемы *с* в аффиксе принадлежности 3-го лица, мы хотели бы все же подчеркнуть, что отнесение его к числу реликтовых аффиксов множественного числа — оригинальная, но ничем не обоснованная догадка.

В одной из своих последних работ Г. Рамстедт привел в качестве примера на *-с* в значении множественного числа древне-тюркское *їшбарас*[412] — титул, название должности (< скр. *īśvara*+*-s*?), встречающееся один раз в надписи Моюн-чура.

Подводя итог изложенному выше, мы реконструируем на уровне тюркского праязыка двухчленную парадигму морфем числа, в которой первый член характеризуется отсутствием материального выражения, а второй представлен аффиксом *-лар*.

II, 1. В древних и современных тюркских языках форма без специального морфологического показателя имеет значение неопределенной или совокупной множественности: др.-тюрк. *кӛјік јӛјӱ табїшƀан јӛјӱ* ‘питаясь оленями и зайцами’ (Тон$_8$); ст.-узб. *чупчуқ бӛзгӛк болƀандур* ‘у воробьев бывала лихорадка’ (БН 5); тур. *бабамїн ікі мӛракї вардї куш вӛ чічӛк* ‘у моего отца были две страсти: птицы и цветы’;[413] шор. *ол коj кадардї* ‘он пас овец’. В современных тюркских языках указанная форма нередко выражает значение единичности: ног. *ӱјдӛн шїктїм арбаƀа мїндїм* ‘я вышел из дома, сел в телегу’; тур. *капї вурулду гӛнч адам пӛнјӛрӛдӛн дӛндӱ* ‘в дверь постучали, молодой человек отвернулся от окна’; шор. *апшїj козан аңнапча* ‘старик охотится на зайцев’.

Для формы с аффиксом *-лар* также характерно прежде всего значение неопределенной или совокупной и затем членимой множественности, см. ног. *бу кїмнїң јїлкїларї* ‘это чьи лошади?’; тур. *бӱтӱн окудуƀум кітаплар* ‘все прочитанные мною книги’, *бӛн-дӛ сӛні јанакларїндан өпӛјӛјім* ‘и я поцелую тебя в твои щеки’. Значение же единичности у этой формы связано главным образом с выражением почтительного отношения, ласкательности и иронии: узб. *этамла(р)* ‘мой отец’, *бувімнің ӛрларі* ‘муж моей бабушки’, *бу кіші Азімовнің кізілар* ‘это — дочь Азимова’;[414] узб. (диал.) *жӛмлӛ* ‘мой старший брат’;[415] якут. *күннӛрім* ‘мое солнышко’, *аттарїм* ‘моя лошадушка’.[416] Форма на *-лар* от имен существительных, обозначающих вещество, материал, состояние и т. п., передает особый оттенок экспрессивности и используется как средство гиперболизации (у Ж. Дени — «pluriel d'exagération ou d'amplification»): башк. *аƀідїлдӛр аша уқ аттїм* ‘я метнул стрелу через реки Белые’ (resp. ‘... через реку Белую’);[417] гаг. *каннар акїj* букв. ‘крови текут’;[418] тат. *чӛjлӛр їчтїм* ‘я пил чаи’; тур. *хастаjї гӱнӛшлӛрдӛ гӛздірмӛк* букв. ‘прогуливать больного на солнцах’, *канлара бојамак* букв. ‘окраситься кровями’, *топракларда јатмак* букв. ‘лежать в землях’;[419] туркм. *маңлајларїннан* букв.

---

[412] Рамстедт Г. И. Введение в алтайское языкознание. Морфология, с. 57. Дж. Клосон и Э. Трыярский полагают, что прототипом др.-тюрк. *їшбарас* была санскритская форма множественного числа от *īśvara* (*īśvarās*). См.: Clauson G., Tryjarski E. The Inscription at Ikhe Khushotu. — RO, 1971, XXXIV, 1, p. 14.

[413] Пример взят из кн.: Кононов А. Н. Грамматика современного турецкого литературного языка, с. 67.

[414] См.: Зулфиев Я. *-Лар* аффиксининг сўз таркибида қўлланиш хусусиятлари. — ЎТА, 1972, № 5, б. 67—69.

[415] См.: Туляков С. Морфологические особенности наманганского говора узбекского языка, с. 8—9.

[416] См.: Никифоров Г. А. О значениях аффикса *-лар* в якутском языке. — В кн.: Тюркологический сб., I. М.—Л., 1951, с. 140.

[417] См.: Дмитриев Н. К. Грамматика башкирского языка, с. 220.

[418] См.: Покровская Л. А. Грамматика гагаузского языка, с. 109.

[419] См.: Deny J. Grammaire de la langue turque (dialekte osmanli), p. 152—153.

'с его лбов';[420] узб. *тэрларімні арттім* букв. 'я вытер поты'. Частным случаем развития значения аффикса *-лар* является его семантическое обособление и функционирование как словообразовательного элемента, выделяющего одну из групп наречий, или в качестве предикативного члена. Примеры: ст.-узб. *кӣшлар* 'зимой', *јазлар* 'летом', *күзләр* 'осенью'; хак. (диал.) *пу бӯлар городтаԓнар* 'эти парни из города', *пӗс оларнӣԓ улуԓларїбїстар* 'мы старше их';[421] якут. (в сочетании с аффиксом принадлежности 3-го лица) *тӯннэрі* 'всю ночь', *сајїннарі* 'все лето', *кӣнӣннарі* 'всю зиму'.[422]

Местоимения с аффиксом *-лар* чаще всего воспринимаются как формы вежливости (*сіз*) или как формы пренебрежительного, иронического отношения (*сэн*),[423] количественные числительные или существительные, находящиеся в сочетании с ними,— как формы, выражающие приблизительность, а наречия и деепричастия — как формы интенсивности. Примеры: азерб. *ӱірх јашларїнда* 'в возрасте около сорока лет', *соԓралар* 'впоследствии', 'в последнее время'; башк. *сәԓәт биштәрдә* 'часов в пять'; казах. *сағат тоғӣздарда* 'часов в девять'; тур. *отуз јашларїнда* '[человек] лет тридцати'; ст.-узб. *ахӣрлар* 'наконец', *бурунлар* 'прежде', *соԓралар* 'после', *әмділәр* 'теперь', *андалар* 'там'; узб. *сізлар* 'Вы', *уч кунлар* 'дня три', *әллік јіллар* 'лет пятьдесят', *аллакачэнлар* 'когда-то', *шунчалар* 'столько', *күплар* 'много', *карамајлар* 'без оглядки', *куріплар кәссін* 'пусть сохнет'.[424] Вместе с тем числительные (при субстантивации) и местоимения могут выступать и как формы собственно множественного числа, причем для местоимений 1-го и 2-го лица присутствие аффикса *-лар* (иногда в удвоенном виде) является обязательным лишь в некоторых тюркских языках, например: алт. *слэр*, з.-сиб.-тат. *сїслӓр*, тофал. *сілэр*, тув. (диал.) *сілэрлэр* 'вы'; з.-сиб.-тат. *пїслӓр*, тув. (диал.) *бістэрлэр* 'мы',[425] для местоимения же 3-го лица — во всех языках: алт. *олор*, башк. *улар*, з.-сиб.-тат. *уллар*, салар. *вулэр*, ст.-узб. *алар*, тув. *олар*, тув. (диал.) *оларлар*, шор. *їлар ~ лар*, др.-тюрк. *анлар*. Несколько необычно использование количественных числительных с аффиксом *-лар* в якутском языке при так называемом штучном счете: *бӣрдэр* 'один', *іккілэр* 'два', *үстэр* 'три', *түөрттэр* 'четыре'.[426]

Чувашская форма с аффиксом *-сӗм* по своему содержанию в значительной мере совпадает с формой на *-лар*, ср.: *хулазӗм* 'города', *іккӗзӗнӗ̆ӗ* 'приблизительно в два [часа]', *пірӗннізӗм* 'мой муж' (букв. «нашинские»).[427]

II, 2. В большом разделе монографии «Строй тюркских языков», посвященном формам собирательности и множественности,[428] К. Грёнбек обратил внимание тюркологов на то, что в орхонских надписях аффикс *-лар* используется редко, преимущественно в терминах родства. Наблюдая далее случаи употребления форм на *-лар* рядом с формами на *-гӱн*,

---

[420] См.: Менглиева Г. Некоторые фонетические, морфологические и лексические особенности сакарского диалекта туркменского языка, с. 122.

[421] См.: Патачакова Д. Ф. Способы выражения категории множественности в качинском диалекте хакасского языка, с. 11.

[422] См.: Böhtlingk O. Über die Sprache der Jakuten, S. 165.

[423] См.: Суяров И. Местоимение в современном узбекском литературном языке, с. 10 («форма *сенлар*. . . по отношению к старшим по возрасту выражает пренебрежение»).

[424] См.: Ғуломов А. Ғ. Ўзбек тилида кўплик категорияси, б. 31; Низомиддинова С. Ҳозирги замон ўзбек тилида сон. Тошкент, 1963, б. 57—58; Гулямов Я. Г. Грамматика ташкентского говора, I, с. 21—24; Абдуллаев А. Маъно кучайтиришнинг морфологик усули. — ЎТА, 1970, № 1, б. 68—71.

[425] В диалектах разных тюркских языков эти местоимения имеют большое количество вариантов, ср.: узб. *бізә*, *бізлә*, *бізәр* 'мы', *сізә*, *сілә*, *сізәр*, *сілӓлӓ*, *сірӗр* 'вы'.

[426] См.: Никифоров Г. А. О значениях аффикса *-лар* в якутском языке, с. 141.

[427] См.: Benzing J. Tschuwaschische Forschungen (IV). Die Kasus, S. 424—428; Андреев Н. А. Аффиксы чувашского языка, с. 176, 178, 180, 181.

[428] Grönbech K. Der türkische Sprachbau, I, S. 57—83.

-(а)н. К. Грёнбек приходит к выводу, что аффикс *-лар* в древнетюркском языке выражал не число, а собирательность,[429] и что различение единственного и множественного числа было чуждо его носителям. То, что мы рассматриваем в настоящее время как множество, продолжает К. Грёнбек, воспринималось как некая нечленимая совокупность, как род (Genus), и именно род, совокупность, а не индивидуум, лежали в основе восприятия древними тюрками реальной действительности. В древнеуйгурском языке, как полагает К. Грёнбек, отразилось уже иное мировоззрение, и это объясняется главным образом тем, что уйгуры, оказавшись в Восточном Туркестане, столкнулись с «новой духовной культурой, европейской».[430] Для нового мировоззрения характерно восприятие множества как совокупности отдельных индивидуумов. Точку зрения К. Грёнбека с некоторыми изменениями воспроизводит в работе, посвященной древнетюркскому языку, О. Припак. Множественное число, указывает он, в древнетюркском языке выражалось только в пределах личных местоимений (?!) *біз* ‘мы’ (*бі-з*), *сіз* ‘вы’ (*сі-з*) и притяжательных форм, тогда как аффикс *-лар* передавал собирательность, и значение множественного числа развилось у него под влиянием индоевропейских языков Туркестана.[431]

Маловероятно, чтобы орхонские тюрки в VIII—IX вв. не могли воспринимать индивидуума самого по себе и рассматривали его как своего рода манифестацию нечленимой совокупности. Многие факты свидетельствуют о том, что степень осознания собственной индивидуальности или индивидуальности как таковой у древних тюрок была достаточно высокой. Напомним о нарочито подчеркнутом выделении личности и личных заслуг тюркских каганов, их советников и приближенных в памятниках руническої письменности.

Тщательное исследование древних и современных тюркских языков убеждает в том, что одной из отличительных особенностей их является максимальная экономия выразительных средств. Если, например, для русского языка употребление формы единственного числа имен в значении множественного допустимо в ограниченных размерах и иногда кажется несколько необычным, ср.: *вишня нынче крупная*, *заяц сейчас линяет*, *здесь разводят птицу*, *на второй делянке закончили посадку дуба*, то для современных тюркских языков это довольно распространенное явление, а для древних — почти норма. Там, где нет необходимости в специальном выражении множественного числа, аффикс *-лар* отсутствует. Почему, скажем, в узбекском языке возможно *бэлаларнің јурагі* наряду с *бэлаларнің јуракларі*? Потому, что множественность здесь, как справедливо замечает А. Г. Гулямов, является сама собой разумеющейся.[432] Ведь мы хорошо знаем, что, например, в восточнотуркестанском, староузбекском или современном узбекском языках аффикс *-лар* представлен широко и выражает разнообразные значения и тем не менее в значении множественного числа часто выступают неоформленные имена, причем в таких случаях, которые для индоевропейских языков, как правило, недопустимы: др.-тюрк. *ануң көзү көктүн көкрәк ӧрді ануң сачї мүрән усуӈї-дәг ануң тіші үнӈү-дәг ӧрді* ‘ее глаза были голубее неба, ее волосы были подобны течению реки, ее зубы были словно жемчуг» (ЛОК 9_3); узб. *у сәкінаста сәҕаја бәшладі әјәкка турді* ‘он постепенно начал выздоравливать, встал на ноги’. В подобных примерах присутствие аффикса *-лар* не исключено, см. др.-тюрк. *јәнчү тізігі-täг көртлä тішläрі* ‘ее прекрасные зубы, подобные ожерелью из жемчуга’ (ТТ X_{450}), но не является обязательным,

[429] Там же, S. 58. См. также: Brockelmann C. Osttürkische Grammatik der islamischen Literatursprachen Mittelasiens, S. 150.

[430] Там же, S. 61.

[431] Pritsak O. Das Alttürkische. — In: Handbuch der Orientalistik, V, Altaistik, I. Türkologie. Leiden—Köln, 1963, S. 38.

[432] Гуломов А. Ғ. Ўзбек тилида кўплик категорияси, б. 17.

так как ясно, что речь идет не об одном глазе, не об одном волосе, зубе, не об одной ноге. Если бы имелся в виду один глаз, один волос или зуб, одна нога, то непременно были бы использованы уточняющие слова, ср. др.-тюрк. *абам бір адакїн сїсар* 'если он отломит одну из ножек (ТТ I_{199}), *башїнтакї бірәр әвін сачї анта мунта сачїлїп* 'волосы на ее голове рассыпались по одному во все стороны' (ТТ X_{435}), *әтүзінтәкі бір әвін түсіңә јәмә ада туда тәгүргәлі уҕулуҕ әрмәзләр* 'они не смогут также причинить вред ни одному волосу на телах [правителей из «рода» бодисатв]' (Uig IV A_{259}), *јілтїзїңа кәдгіріп сögүт бутїкїңа көзі тәгін бір көзі тәгілті* 'он наткнулся на корни [дерева], напоролся глазом на ветку и ослеп на один глаз' (ТТ $III_{прим.\ 71}$). Эта же тенденция проявляет себя в языке орхонских надписей. Кстати, необходимо учитывать и своеобразие их содержания (надписи — эпитафии): повествование ведется одним лицом и в большей своей части является описанием походов и сражений, проведенных с его участием. Просмотр всего текста памятника в честь Кюль-тегина не позволил обнаружить такие случаи отсутствия аффикса множественного числа, которые находились бы в резком противоречии с нормами современных тюркских языков.

Многочисленные факты, часть которых была приведена выше, свидетельствуют о том, что в древнетюркском языке и в тюркском праязыке единичность и множественность в плане содержания различались. С учетом средств выражения различение единичности и множественности у имен происходило в рамках противопоставления определенному (считаемому) числу неопределенного (совокупного) числа. И единичность и множественность являлись частными случаями определенного числа, противопоставлялись неопределенному числу и выражались посредством сочетания неоформленных имен с числительными и наречиями: *бір*[433] *таш* 'один камень', *үч таш* 'три камня', *отуз таш* 'тридцать камней', *алку таш* 'все камни', *көп таш* 'много камней'. Неопределенное (совокупное) число выражалось вначале только неоформленными именами, а затем — и именами с аффиксом *-лар*. И, конечно, К. Грёнбек был прав, утверждая, что значение неопределенного (совокупного) числа или собирательности у аффикса *-лар* предшествует значению множественности. В восточнотуркестанском языке X—XIII вв. аффикс *-лар* стал использоваться и при выражении определенного числа, все же обычно он отсутствует.[434] Подобное явление наблюдается и в большинстве современных тюркских языков, исключая азербайджанский, караимский [435] и некоторые другие. Своеобразие караимского языка — результат длительного влияния на него славянских языков.[436] В тувинском, узбекском и якутском языках возможность присутствия аффикса *-лар* у имен, сочетающихся с числительными, объясняется влиянием русского языка.[437] Все же, по-видимому, данная особен-

[433] С течением времени числительное *бір* 'один' в сочетании с существительными стало выражать значение 'некий, неопределенный', однако эта неопределенность не имеет отношения к числу. *Бір таш* — 'некий камень', но определенно — 'один камень'.

[434] Аффикс *-лар*, присоединяемый к существительным, которые выступают в сочетании с количественными числительными, в староазербайджанском языке, по мнению А. Ализаде, имел особое значение. См.: Әлизадә А. Азәрбајчан дилинин јазылы абидәләриндә сајларын ифадә олумасына даир (мигдар сајлары). — В кн.: Азәрбајчан дилчилији мәсәләләри. Бакы, 1967, с. 120—121.

[435] В караимском языке употребление аффикса *-лар* приобрело чрезвычайно большие размеры, ср.: *мїхлар* 'усы', *кїптїлар* 'ножницы', *кашлар* 'брови', *кулахлар* 'уши'. См.: Мусаев К. М. Грамматика караимского языка, с. 10.

[436] О влиянии славянских языков на караимский см.: Kowalski T. Karaimische Texte im Dialekt von Troki. Kraków, 1929, S. XXXIII, XXXVIII; Мусаев К. М. Грамматика караимского языка, с. 14 и сл.

[437] См.: Исхаков Ф. Г., Пальмбах А. А. Грамматика тувинского языка, с. 207; Сат Ш. Ч. Формирование и развитие тувинского национального литературного языка. АДД. Новосибирск, 1973, с. 29; Шакирова Н. М. Некоторые особенности категории числа имен существительных в русском и узбекском языках. — В кн.: Сборник научных трудов аспирантов Среднеазиатского гос. унив.,

ность не только является следствием влияния извне, но и в какой-то мере отражает внутренние тенденции развития, в частности, стремление подчеркнуть «специфические виды и различия элементов, относящихся к одной группе».[438]

Появление аффикса *-лар* как особого средства выражения неопределенного (совокупного) числа ускорило процесс развития у неоформленных имен значения единичности. Тем не менее и в настоящее время оно не является единственным и разграничение двух форм не всегда достаточно строгое.[439] Как отмечал Т. Ковальский, иногда в совершенно одинаковых условиях ставится то неоформленное имя, то имя с аффиксом *-лар*, и там, где выбор между двумя формами подвержен колебанию, форма с аффиксом *-лар* воспринимается как более экспрессивная.[440]

Итак, первоначальное значение формы на *-лар* — неопределенное (совокупное) число — совпадает с первоначальным значением неоформленных имен. Это значение явилось исходным для развития всех других значений: множественности, интенсивности, приблизительности.

В заключение остановимся на вопросе соотношения значений неопределенного (совокупного) числа и собирательности. Значение собирательности в том смысле, в каком оно интерпретировалось исследователями русского языка (ср. у А. А. Потебни: «Сплошное множество, понятое как единица»; [441] у А. А. Шахматова: «Собрание лиц или предметов, рассматриваемое как одно целое»,[442] у В. В. Виноградова: «Совокупность лиц, предметов, мыслимых как коллективное или собирательное единство, как одно неделимое целое» [443]), может быть первичным, предшествующим появлению понятия раздельного множества, и вторичным, развившимся после его появления и в связи с ним. Так, *вишня* во фразе *вишня нынче крупная* передает собирательное значение первого типа, тогда как у слов *воинство*, *учительство*, *белье*, *дворня* более вероятно наличие собирательных значений второго типа.[444]

Обращаясь к русскому языку, мы отнюдь не утверждаем, что в нем употребление имен в единственном числе в значении совокупного или сплошного множества непременно предшествовало появлению собственно собирательных имен. Возможно, в подобных случаях единственное число имени «является образом сплошного множества», а единичный предмет или лицо служит символом множества предметов или лиц,[445] т. е. имеет место стилистически мотивированное замещение одной формы другой (синекдоха), например: *зацвела вишня* вместо *зацвели вишни*.[446] Материалы русского языка мы используем для более четкого и наглядного показа различий между двумя типами собирательности в тюркских языках.

IV. Ташкент, 1958, с. 217; Харитонов Л. Н. Современный якутский язык, с. 147.

[438] См.: Бектемиров Х. Категория имени существительного в языке Амири. — В кн.: Лингвистический сб. Ташкент, 1971, с. 58; Грамматика туркменского языка, I, с. 154.

[439] См.: Соколов С. А. Категория числа в турецком литературном языке и ее взаимосвязь со смежными лексико-грамматическими категориями. — СТ, 1970, № 4, с. 75 и сл.; Любимов К. М. О числовом значении нулевой формы тюркских существительных (на материале турецкого языка). — СТ, 1972, № 5, с. 78—83.

[440] Kowalski T. Zur semantischen Funktion des Pluralsuffixes *-lar*, *-lär* in den Türksprachen, S. 2, 11. Ср.: Иванов С. Н. Родословное древо тюрок Абул-Гази-хана. Ташкент, 1969, с. 43 и сл.

[441] Потебня А. А. Из записок по русской грамматике, III. М., 1968, с. 26.

[442] Шахматов А. А. Очерк современного русского литературного языка. Л., 1925, с. 94.

[443] Виноградов В. В. Русский язык. Грамматическое учение о слове. М.—Л., 1947, с. 156.

[444] Там же, с. 157—158.

[445] См.: Потебня А. А. Из записок по русской грамматике. III, с. 25—26.

[446] А. А. Потебня считал уместным поставить вопрос о том, не синекдохична ли вообще любая собирательность, т. е. не идет ли любое собирательное значение от единичности. См.: Потебня А. А. Из записок по русской грамматике, III, с. 29.

Собирательное значение неоформленных имен и имен с аффиксом *-лар* следует сопоставить с собирательностью первого типа в русском языке (совокупное или сплошное множество), а форм на *-лар*, образованных от собственных имен, географических названий, названий профессий, возрастных групп и т. д.,—с собирательностью второго типа. Примеры: азерб. *Рüстамовлар* 'Рустамов и члены его семьи' (ср. *Рüстамовгіл*[447]); карач.-балк. *Махмутларї* 'Махмут со своими домашними', *Әлдарларї* 'семья Эльдара', 'Эльдаровы';[448] казах. *Абайлар* 'Абай и его спутники'; к.-калп. *Ташкәнтләр* 'Ташкент и другие города' (*Ташкәнтләргә барїп окїсам* 'если я поеду учиться в Ташкент и другие города'); крым.-тат. *Асанлар* 'Асан и его окружение (семья или друзья)';[449] тур. *Нәсріннәр* 'семья Несрин' (*Нәсріннәрін көшкүнә јүрүдүләр* 'отправились на виллу семьи Несрин'); туркм. *Мухатлар* 'семья Мухатовых';[450] узб. *јәшлар* 'молодые, молодежь'; уйг. *дадамлар* 'отец и те, кто с ним', *Алмутілар* 'Алма-Ата и ее окрестности';[451] хак. *üгрәтчїләр* 'учителя, учительство'; *якут. әрдәлїрдәр* 'эрделирцы'.

Во множественном числе сталкиваются разные языковые тенденции и «в разнообразии употребления форм множественного числа, — как отмечает В. В. Виноградов, — выражается смысловое противопоставление разъединенного множества отдельных единиц и коллективной совокупности, или сплошной массы однородных предметов».[452] У определенной категории слов, выделяющихся своеобразием лексической семантики, указанное противопоставление подвержено нейтрализации, и таким образом появление у них значения собирательности (resp. собирательности второго типа) представляется вполне закономерным.

Значение собирательности второго типа в отдельных тюркских языках развилось также у форм, не выражавших первоначально множественность и не отразивших в своем содержании упомянутых выше тенденций. См. др.-тюрк. *татлак* 'таты' («татство»), *ïтлак* 'собаки'; кар. *карајлїх* 'караимы' («караимство», ср. рус. *славянство*), *куллух* 'рабы', *бағатїрлїх* 'богатыри'.[453]

О ФОРМАХ СКАЗУЕМОСТИ

Нередко в описательных грамматиках тюркских языков в разделе о словоизменении имени рассматриваются формы сказуемости, которые образуются при помощи аффиксов, восходящих к личным местоимениям, ср. др.-тюрк. *сән кішісән кімүң оғлїсән* 'ты человек, чей ты сын?'; казах. *окушїсїз*, казах. (диал.) *окушїсїңїз* 'вы ученик'; хак. (диал.) *мән хакас мән* 'я хакас', *сән хакас сән* 'ты хакас', *пїш хакас пїш* 'мы хакасы', *сїләр хакас сїләр* 'вы хакасы'.[454] Однако указанные аффиксы не являются специфической принадлежностью имени, выступают в качестве предикативной связки и играют важную роль в создании морфологического своеобразия глагола.

---

[447] Асланов А. Müасир азәрбајҹан дилиндә инкарлыг вә кәмијјәт категоријалары. Бакы, 1963, с. 73, 83. Об аффиксе *-гіл* см.: Munkácsi B. Čuwaš. *kil'* «Haus». — KSz, 1905, VI, 2—3, S. 184; Самойлович А. Н. О слове «гиль» — «дом, семья» в наречиях переднеазиатских турков. — Яфетический сб., 1924, III. М.—Л., 1925, с. 99—102 (А. Н. Самойлович оценивает как неудачное сопоставление Ж. Дени форм типа *Рüстамовгіл* с формами типа *төрткүл*); Ализаде А. Дж. Категория числа в азербайджанском языке (на материале письменных памятников XIV—XIX веков), с. 19—21; Räsänen M. Uralaltaische Wortforschungen. — StO, 1955, XVIII, S. 5.

[448] См.: Хабичев М. А. Местоимение в карачаево-балкарском языке. Черкесск, 1961, с. 39.

[449] См.: Севортян Э. В. Крымско-татарский язык, с. 239.

[450] См.: Хазратова Р. Выражение множественности в именах туркменского языка. АКД. Ашхабад, 1971, с. 9.

[451] См.: Һазирқи заман уйғур тили, II. Алмута, 1966, б. 48.

[452] Виноградов В. В. Русский язык, с. 166.

[453] Мусаев К. М. Грамматика караимского языка, с. 127.

[454] См.: Доможаков Н. Г. Описание кызыльского диалекта хакасского языка, с. 11.

Глава II

ФОРМЫ СЛОВООБРАЗОВАНИЯ ИМЕНИ

Если формы словоизменения, за исключением явных новообразований и единичных случаев, таких как отсутствие родительного падежа в якутском языке, являются общими для всех тюркских языков, то формы словообразования настолько различны, что подчас невозможно выделить общие архетипы даже для региональных подразделений. Естественно, что в ходе обособленного развития тюркских языков, характеризовавшегося длительным взаимодействием и смешением с нетюркскими языками, некоторые общетюркские формы утратились. Однако не в этом основная причина различий, наблюдаемых в словообразовании. Процесс формирования многих словообразовательных элементов начался сравнительно поздно, на самой последней стадии существования тюркского праязыка, наиболее же интенсивное проявление его относится ко времени дробления праязыка и к последующему периоду. Это обстоятельство ставит тюркское словообразование в особое положение, выводя его в какой-то мере за пределы сравнительных штудий. Глубокое и детальное изучение словообразования в основном — область конкретноязыковых исследований, получающих выход в компаративистику лишь в виде эпизодических экскурсов.

ПРОМЕЖУТОЧНЫЕ МОРФОЛОГИЧЕСКИЕ ОБРАЗОВАНИЯ

Прежде чем перейти к описанию различных разрядов имени, выделяемых присущими им словообразовательными формами, рассмотрим ряд промежуточных морфологических образований, фактически располагающихся на границе словообразования и словоизменения.

Самое примечательное из таких образований — форма на *-кї ~ -кі ~ -ку ~ -кӱ ~ -ӷї ~ -гі ~ -ӈї ~ -ӈі* ... Аффикс *-кї ~ -кі* ... присоединяется к существительным, местоимениям и числительным, занимая место как после падежных аффиксов, так и перед ними, ср. кум. *сэндэгінікі* 'принадлежащий тому, который находится у тебя'; ног. *мэнӣкӣдэгӣннӣӈ* 'находящегося у меня'; тат. *кајдаӷӣнӣкӣ* 'у где находящегося?'; тур. *сэнінкілэрдэн* 'от твоих'.

Рассматриваемый аффикс передает значение принадлежности, а также пространственные и временные отношения. В ташкентском говоре узбекского языка он используется для выражения почтительности, ср. *эјімгілар*, *акамгілар*.[1]

В имеющихся в нашем распоряжении материалах аффикс *-кї ~ -кі*... встречается после форм именительного, родительного, местного, исход-

[1] См.: Маматов А. Эгалик категорияси ва унинг ифодаланиши (Андижон шеваси материаллари асосида). — В кн.: Сборник научных трудов аспирантов Среднеазиатского гос. унив., IV. Ташкент, 1958, с. 231.

ного и орудного падежей существительных, после форм именительного, родительного и местного падежей местоимений, а также после формы именительного падежа числительных, причем нередко имеет место тесное сращение его с падежными аффиксами и образование сложных форм.

Примеры.

1) (После формы именительного падежа): др.-тюрк. *канӡї* 'какой'; алт. *д'аскї* 'весенний'; карач.-балк. *бїjаӡї* 'давешний', 'вышеупомянутый', *бӛргі* 'находящийся по эту сторону', *арӡї* 'находящийся по ту сторону'; кум. *соңӡу* 'последний', *гӱзгї* 'осенний'; ног. *кімкі* 'чей'; тув. *кӱскӱ* 'осенний', *чаjӡї* 'летний'; тур. *бӛрікі* 'находящийся по эту сторону', *өтӛкі* 'находящийся по ту сторону', *һӛр һангі* 'каждый', *бу гӱнкӱ* 'сегодняшний'; туркм. *аӡшамкї* 'вечерний'; туркм. (диал.) *hajкї* 'какой',[2] *бідлӛркі* 'наш', *оларкї* 'их', *Тӧтіларкї* 'принадлежащий Тоты',[3] *мӛнкі* 'мой', *дӛнкі* 'твой', *бідкі* 'наш', *дідкі* 'ваш';[4] уйг. *ічкі* 'внутренний'; чуваш. *ірхі* 'утренний'; шор. *чаjӡї* 'летний'; якут. *тӱңңӱ* 'ночной', *бїjїлӡї* 'этого года', *бӱгӱңңӱ* 'сегодняшний'. Не исключено, что некоторые из приведенных примеров относятся к следующей группе, так как исходной для них могла быть форма родительного падежа, подвергшаяся изменениям и совпавшая в конечном итоге с формой именительного, ср. ног. (диал.) *мӛнікі* ~ *мӛнкі*, *сӛнікі* ~ *сӛнкі*; туркм. (диал.) *мäніңкі* ~ *мäнкі*, *дӛніңкі* ~ *дӛнкі*, *бідіңкі* ~ *бідкі*, *дідіңкі* ~ *дідкі*.[5]

2) (После формы родительного падежа или формы притяжательных местоимений на *-їм*): алт. *аjунїjї* 'медведя, медвежий', *мӛніjі* (< *мӛніңкі*), *бістіjі* (< *бістіңкі*); з.-сиб.-тат. (с удвоением сложного аффикса) *мінің-кінің-кі*;[6] башк. (диал.) *мінікінікі*, *һінікінікі*, *анікінікі*;[7] казах. *мӛнікі*, *сӛнікі*, *онікі*;[8] кар. *мӛнімкі*, *сӛнінкі*, *анїнкі*, *бізнінкі*, *сізнінкі*, *аларнїнкі*; карач.-балк. *ӛлнікі* 'принадлежащий аулу', *мӛнікі*, *сӛнікі*, *анікї*; кум. *мӛнікі*, *сӛнікі*, *онукі*; кум. (диал.) *мунуку* 'этого', *онуку* 'того';[9] тув. *мӛңі* (< *мӛніңгі* < *мӛніңкі*), *сӛңі*, *бӛңӱ*, *бісті*, *сілӛрні*, *оларні*, тур. *бӛнімкі*, *сӛнінкі*, *онункі*, *бізімкі*, *сізінкі*, *онларїнкі*; туркм. *мӛніңкі*, *дӛніңкі*, *онїңкї*, *бідіңкі*, *дідіңкі*, *оларїңкї*; узб. *мӛнікі*, *бізнікі*; узб. (диал.) *куштікі* 'относящийся к птице', *тондікі* 'относящийся к одежде', *сігірікі* 'относящийся к корове', *эшшікі* 'относящийся к плову', *äкӛммікі* 'моего старшего брата', *біззікі* ~ *бізікі* 'наш',[10] *бізdікі* ~ *бізікі*, *сізікі*;[11] хак. *мінӗ*, *сінӗ*, *анӗ*, *пӗстӗ*, *сӗрӛрнӗ*, *оларнӗ*; шор. *көлдӱjӱ* ~ *көлдіjі* 'озерный'.

3) (После формы местного падежа): азерб. *jолдакї* 'находящийся в пути', *ӛвдäкі* 'находящийся в доме'; алт. *тајӡадаӡї* 'находящийся в тайге', *кӱшкїдаӡї* 'зимний', *кӱскідӛгі* 'осенний';[12] таг. *батїдакі* 'находящийся на за-

---

[2] См.: Кульманов Г. Геокленский диалект туркменского языка (на территории СССР). АКД. Ашхабад, 1960, с. 14.

[3] См.: Менглиева Г. Некоторые фонетические, морфологические и лексические особенности сакарского диалекта туркменского языка. — ВДТЯ, IV, Баку, 1966, с. 123.

[4] См.: Атаджанов М. Салырский диалект туркменского языка. АКД. Ашхабад, 1959, с. 11.

[5] См.: Бердиев Р., Куренов С., Шамырадов К., Аразкулыев С. Түркмен дилиниң диалектлериниң очерки. Ашгабат, 1970, с. 248.

[6] См.: Ахатов Г. Х. Диалект западносибирских татар. АДД. Ташкент, 1965, с. 23.

[7] См.: Юсупов Х. Г. Асинский говор башкирского языка. АКД. М., 1955, с. 11.

[8] По мнению Э. В. Севортяна, подобные формы были образованы от формы винительного падежа (*бізні-кі*). См.: Севортян Э. В. К истории падежной системы в тюркских языках. — Уч. зап. ВИИНЯ, М., 1948, № 6, с. 92.

[9] См.: Шахманова Р. Г. Казанищенский говор кумыкского языка. АКД. М., 1954, с. 9 (примеры из кайтакского говора).

[10] См.: Шарипов Х. Узбекские говоры Южной Киргизии. АКД. Ташкент, 1967, с. 13.

[11] См.: Насыров Ш. Кокандский говор узбекского языка. АКД. Ташкент, 1965, с. 14.

[12] См.: Кучигашева Н. А. Имя прилагательное. — Зап. Горно-Алтайского НИИИЯЛ, 5, 1962, с. 36.

паде', *бәндәкі* 'находящийся у меня', *сәндәкі* 'находящийся у тебя'; казах. *авӯлдағӯ* 'находящийся в ауле'; кар. *бунтағӯ* ~ *бундағӯ* 'здешний', *андағӯ* 'тамошний'; карач.-балк. *арбадағӯ* 'находящийся в арбе', *андағӯ* 'тамошний'; кум. *кӣштағӯ* 'зимний', *гӣздәгі* 'осенний', *атадағӯ* 'находящийся у отца'; кум. (диал.) *біздәгі* ~ *біздәјі* ~ *бізділі* 'находящийся у нас', 'наш';[13] тофал. *ӣндāкӣ* 'тамошний', *мӣндāкӣ* 'здешний', *ајдāкӣ* 'месячный';[14] туркм. *әлiндäкi* 'находящийся в его руке', *ӯйдäкi* 'находящийся у вас'; узб. *уйдаги* 'находящийся в доме'; уйг. *бағдікі* 'находящийся в саду', *тағдікі* 'находящийся в горах'; шор. *чәрдәгі* 'находящийся на земле', *ăлдағӯ* 'находящийся в ауле'; якут. *ӣјдāғӯ* 'месячный', *тӣатāғӯ* 'находящийся в тайге', *күөллэгі* 'находящийся в озере', *оннōғу* 'тамошний', *маннāғӯ* 'здешний'.

4) (После формы исходного падежа?): др.-тюрк. *күндүнкі* 'южный' (ЛОК 33$_7$).

5) (После прочих форм): др.-тюрк. *бәрijäкi* 'находящийся на юге', *курijакӣ* 'находящийся на западе', *üстүнкі алтïнкӣ* 'находящиеся вверху и внизу'.

Причина необычного положения аффикса *-кӣ* ~ *-кі*. . . в структуре слова заключается в своеобразии его природы. Данный аффикс восходит, по всей видимости, к относительной частице *кі*,[15] выступавшей в праязыке в постпозиции любых именных форм. Показательно, что в ряде современных тюркских языков допускается лишь один вариант рассматриваемого аффикса, независимо от характера гласных в исходной форме. Возможно, с частицей *кі* генетически связан относительный союз *кім*,[16] развившийся не без влияния персидских конструкций с *кә* и отчасти смешавшийся с последним.[17] Кстати, Т. И. Грунин квалифицировал *кі* не как аффикс, а как союз, «относящий следуемое за ним слово-понятие во временну́ю или пространственную плоскость, например, *акшамкі* (от *акшам* 'вечер') 'вечерний'='тот, который вечером'».[18]

Формы типа *мәніңкі* ~ *мәнікі* иногда обосабливают от других относительных форм, и появление в них аффикса *-кі* объясняют преобразованием конечного *ң* в аффиксе *-(н)ӣң* ~ *-(н)ің*: *мәнің* > *мәніңˣ* > *мәніңˣⁱ* > *мәніңкі* > *мәнікі*.[19] По этому поводу заметим, что формы типа *мәніңкі* ~ *мәнікі* тесно связаны с другими относительными формами, фонетический состав которых предельно разнообразен, а поэтому и появление аффикса *-кӣ* ~ *-кі*. . . не может быть обусловлено наличием исключительных фонетических условий.

Совершенно не укладываются в общетюркскую схему развития предикативных форм притяжательных местоимений соответствующие им по значению якутские формы: *мiәнэ* 'мой', *әҕiәнэ* 'твой', *бiһiәнэ* 'наш'. О. Бётлингк разлагал *-(i)әңэ* на *-(i)ән* и *-э* и сопоставлял первый компонент с аффиксом собирательных числительных (*бәһiән*, *сәттiән*), а второй — с аф-

---

[13] См.: Керимов И. А. Очерки кумыкской диалектологии. Махачкала, 1967, с. 58.

[14] См.: Рассадин В. И. Фонетика и лексика тофаларского языка. Улан-Удэ, 1971, с. 37.

[15] Об этимологии аффикса *-кі* см.: Мелиоранский П. М. Араб филолог о турецком языке. СПб., 1900, с. 022; Emre A. C. Türkçede isim temelleri. İstanbul, 1943, s. 110—111; Deny J. Structure de la langue turque. — Conférences de l'Institut de linguistique de l'Université de Paris (1949), 1950, IX, p. 49.

[16] Ср.: Абдуллајев Ә. З. Азәрбајчан дилиндә ишләнән *ки* бағлајычысынын мәншәји һаггында. — Тр. ИЛЯ, Баку, 1963, XVII, с. 63—74; Киекбаев Дж. Г. Программа курса «Сравнительная грамматика тюркских языков». Уфа, 1967, с. 19.

[17] См.: Рустамов А. Ўзбек тилидаги *-ки* (*-ким*) боғловчисининг синтактик вазифаси. — Тр. Среднеазиатского гос. унив., новая серия, CIV, филологические науки, 1957, 11, с. 185; Гаджиева Н. З. Происхождение союза *ки* в тюркских языках. — В кн.: Вопросы тюркологии. К шестидесятилетию М. Ш. Ширалиева. Баку, 1971, с. 219—220.

[18] Грунин Т. И. Предложения с *ki* в турецком языке. — Учебно-методический бюллетень, М., 1951, № 2, с. 4, 10.

[19] См.: Абдуллаев Ф. Келишик аффикслариниг генезисига доир (иккинчи мақола). *-Ниңки*, *-иңки*, *-ки* аффикслари. — ЎТАМ, 1962, № 2, б. 68—69.

фиксом принадлежности 3-го лица.[20] С семантической стороны объяснение О. Бётлингка кажется недостаточно убедительным: как собирательность, так и принадлежность 3-го лица не имеют ничего общего со значением абстрактной притяжательности.

Другие промежуточные морфологические образования — формы «обладания»[21] на *-лӣҕ ~ -луҕ...*, *-лӣк ~ -лук...*, *-лӣ ~ -лу...*, формы приватив-ности на *-сӣз ~ -суз...*, формы уменьшительности-ласкательности.

Согласно существующей грамматической традиции, в последнее время неоднократно подвергавшейся критике, формы «обладания» и приватив-ности относят к прилагательным.[22] В самом деле, формы «обладания» не без оснований квалифицируются как прилагательные: семантически, а иногда и по составу производных морфологических образований, они довольно близки к качественным прилагательным. Достаточно указать на примеры образования от относительных прилагательных форм интенсива и форм, выражающих неполноту признака. Иначе обстоит дело с формами приватив-ности. Если исключить частные случаи полной адъективации последних, то можно будет приблизительно с равными основаниями включить их в разряд прилагательных и в число падежных форм существительных, не забывая, однако, о том, что формы приватив-ности всё же очень своеобразны по сравнению с падежными: они образуются не от всех имен и используются как основы для образования других слов, ср. узб. *кучсізлік* 'бессилие'. Примеры: др.-тюрк. *бодунуҕ јаҕӱсӣз кӣлтӣм* букв. 'я сделал народ без врагов' (~ 'я сделал народ лишенным врагов'); азерб. *јаҕсӣз* 'нежирный', *дадсӣз* 'невкусный', *гӱчсӱз* 'бессильный'; башк. *ҙјатһҙҙ* 'бесстыжий'; казах. *кӱшсӣз* 'бессильный'; кар. *тузсуз* 'несоленый' (~ 'без соли'), *умунчсуз* 'безнадежный' (< 'без надежды'); карач.-балк. *тішсіз* 'беззубый', *сансіз* 'бесчисленный', *бӧрӱсӱз* 'без волка', *бузовсуз* 'без теленка', *учсуз* 'бесконечный'; кирг. *ӛтсіз* 'без мяса', *ҙолсуз* 'без дороги'; кум. *тішсіз* 'беззубый', *ајаксӣз* 'безногий'; ног. *атсҙз* 'безлошадный' (~ 'без лошади'); тат. *урмансҙз* 'безлесный' (~ 'без леса'); тур. *сӱтсӱз* 'без молока', *бӛнсіз* 'без меня', *сӛнсіз* 'без тебя'; туркм. *ҙувдуҙ* 'безводный' (~ 'без воды'); уйг. *сусіз* 'безводный' (~ 'без воды'); хак. *кіпсҙс* 'бесформенный', 'некрасивый'; чуваш. *сӗтсӗр* 'без молока', *утсӑр* 'без лошади'.[23]

В специальной литературе находит отражение также точка зрения, согласно которой формы приватив-ности в зависимости главным образом от их функционального содержания должны быть отнесены частично к прилагательным, частично к существительным. Сторонники этой точки зрения ставят вопрос о выделении так называемого лишительного падежа (Abessiv'а) в тех случаях, когда форма приватив-ности занимает изолированное положение,[24] ср. тур. *јӛмӛјі ішtаһсӱз јӛдім* 'я ел пищу без аппетита'; туркм. *јаманҙӱҙ јаҕшӣ болмаҙ* 'без плохого не бывает хорошего', *бізҙ ҙӛнҙӱҙ гітҙӛк ҙӑл* 'без тебя мы не пойдем', *онҙуҙ һӛм бӑрӣ ҙӱшнӱкліҙі* 'и без него все было понятно'. Такой падеж, как известно, давно выделен в грамматиках чувашского языка.

---

[20] Böhtlingk O. Über die Sprache der Jakuten. Grammatik, Text und Wörterbuch. SPb., 1851, S. 172.

[21] Харитонов Л. Н. Современный якутский язык. Фонетика и морфология. Якутск, 1947, с. 134; Дмитриев Н. К. Грамматика башкирского языка. М.—Л., 1948, с. 68.

[22] См., например: Закиев М. З. Формы обладания и отсутствия в тюркских языках. — В кн.: Лингвистический сборник. Ташкент, 1971, с. 29.

[23] Об этимологии аффикса *-сӣз* см.: Bang W. Turkologische Briefe aus dem Berliner Ungarischen Institut. Vierter Brief: Das privative Suffix *-sĭz*. — In: Festgabe Josef Szinnyei zum 70. Geburtstag. Berlin und Leipzig, 1927, S. 8 ff.

[24] См.: Гүҗүков С. 1) Ёклук гөркезиҗи *-сыз/сиз* гошулмасы. — Изв. АН Туркменской ССР, серия общественных наук, 1962, № 3, с. 75—85; 2) Категория отрицания и отсутствия в туркменском языке. АКД. Ашхабад, 1964, с. 7.

Большую группу составляют формы уменьшительности-ласкательности,[25] причем значения уменьшительности и ласкательности нередко настолько переплетены, что не поддаются четкому разграничению.[26] В этой группе значителен и старый общетюркский пласт и пласт новообразований, прослеживаемый преимущественно в отдельных языках.

К первому мы относим формы на:

-чӣк ~ -чук ~ -(а)ӣк ~ -ӣук ~ -шӣк ~ -шук . . . — азерб. *анаӣъ* 'мамочка', *дуjрӯъӣуъ* 'хвостик', *алчаӣъ* 'низенький' (с выпадением конечного *ъ* в исходной форме *алчаъ*, наблюдаемым чаще всего в огузских языках); алт. *кӧскачӣк* 'коротенький', 'низенький'; гаг. *алмаӣӣк* 'яблочко', *ӧкӱсчӱк* 'бычок', *көпӛӣӣк* 'собачка', *інӣӛӣӣк* 'тоненький', *ікіӣӣк* 'двоечка'; казах. *капшӣк* 'мешочек', *ӱjшӣк* 'домик', *төбӛшӣк* 'горка', *кірпшӣк* 'пятнышко', *обашӣк* 'бугорок'; карач.-балк. *ташчӣк* 'камешек', *ітчік* 'собачка', *кӧзчӣк* 'девочка', *ӣашчӣк* 'мальчик', *акчӣк* 'беленький', *карачӣк* 'черненький' *ӣашілчік* 'зелененький'; кирг. *көлчӱк* 'лужица', *боточук* 'верблюжоночек', *оjунчук* 'игрушка', *куjручук* 'хвостик'; крым.-тат. *одунчӣк* 'поленце', *кӧскачӣк* 'коротенький'; тат. *тавчӣк* 'горка'; тув. *хӧлчӱк* 'озерко', *хӛмчік* 'речушка'; тур. *кузуӣуk* 'ягненочек', *јавруӣуk* 'птенчик', *гӱзӛлӣік* 'красивенький', *кӱчӱӣӱк* 'малюсенький'; туркм. *оғланӣік* 'мальчик', *көпрӱӣік* 'мостик', *дӑраӣік* 'узенький' (с дополнительным *а*, присоединяемым непосредственно к исходной форме и встречающимся, по-видимому, только в огузских языках); уйг. *капчук* 'мешочек', *кілчік* 'волосок'; якут. *кулунчук* 'жеребеночек', *чохорбончук* 'топорик';

-чак ~ -чок ~ -ӣак ~ -ӣок . . . — алт. *балачак* 'ребеночек', *тӧчӧк* 'верблюжоночек', *бӧрӱчӛк* 'волчонок', *орочок* 'ямка', *чічкӛчӛк* 'тоненький'; башк. *тӧjӧнсӧк* 'узелок', *көлөнсак* 'жеребеночек'; гаг. *ӱзӱӣӛк* 'колечко', *куjруӣак* 'хвостик'; казах. *кӱлӣншак* 'жеребеночек', *токтӣшак* 'ягненочек'; кар. *башчӛх* 'головка', *хӱjарчӛх* 'огурчик', *аjачӛх* 'ножка'; кирг. *інічӛк* 'младший братишка', *көнӧчӧк* 'ведерко', *тӱjӱнчӧк* 'узелок'; к.-калп. *кӛлӣншӛк* 'невестушка'; тув. *кулунчак* 'жеребеночек'; тур. *бӱjӱӣӛк* 'великоватый', *кӱчӱӣӛк* 'малюсенький'; туркм. *дамдӣак* 'капелька', *дӱвӱнчӛк* 'узелочек', *мӣдӣӣак* 'мягонький'; узб. *ӱjінчӛк* 'игрушка', *кӱзічӛк* 'ягненочек'; уйг. *таjчак* 'жеребеночек'; уйг. (диал.) *näкічак* 'ведерко'; хак. *кімӛӣӛк* 'лодочка', *тӱлгӱӣӛк* 'лисичка', *ханадӣах* 'крылышко'; чуваш. *ӣӗнӗрӣӗк* 'седелка'; шор. *уjачак* 'гнездышко', *таъчак* 'горка', *чолчак* 'дорожка', *анчак* 'зверек', *кӧсчак* 'девочка', *пізачак* 'теленочек';

-ӷӧна ~ -ӷана — казах. *кӣшкӛнӛ ӷана*, кирг. *кічінӛкӛj, кічінӛкӛjкана*, к.-калп. *кӣшкӛнӛгӛнӛ*, кум. *гічгінә*, ног. *кӣшкӛнӛ* 'малюсенький'; кар. *башхӧна* 'головка', *картхӧна* 'старичок', *балїхкӧна* 'рыбка'; к.-калп. *тамаккана* 'горлышко'; тат. *ак кӣна* 'беленький', *jіңӣл гӣнә* 'легонький'; узб. *болагіна* 'ребеночек', *кӱзгіна* 'глазки', *ӛргінам* (*ӛр-гіна-м*) 'мой муженек', *jумшӛккіна* 'мягонький', *кӱрімсізгіна* 'невзрачненький', *jахшігіна* 'хорошенький'; уйг. *аккіна* 'беленький', *татлікkіна* 'вкусненький'; уйг. (диал.)

[25] О формах уменьшительности-ласкательности в тюркских языках см.: Севортян Э. В. Аффиксы именного словообразования в азербайджанском языке (опыт сравнительного исследования). М., 1966, с. 98—115; Кононов А. N. 1) Isimlerin ve sıfatların küçültme şekilleri ve söz yapımı. XI. Türk Dil Kurultayında Okunan Bilimsel Bildirilerden Ayrıbasım. Ankara, 1968; 2) Уменьшительные формы имен и словообразование (на материале тюркских языков). — В кн.: Вопросы тюркологии. К шестидесятилетию М. Ш. Ширалиева. Баку, 1971, с. 94—101; Маманова Г. Основные типы суффиксов субъективной оценки имен существительных в казахском языке. — В кн.: Тіл және әдебиет мәселелері. Алматы, 1965, б. 19—25; Садвакасов Г. О средствах выражения субъективной оценки в семиреченском говоре уйгурского языка. — В кн.: Исследования по тюркологии. Алма-Ата, 1969, с. 185—200; Зайончковский В. Уменьшительно-ласкательные формы в гагаузском языке. — В кн.: Восточная филология, III. Тбилиси, 1973, с. 158—161; Мурадов А. Выражение ласкательности и уменьшительности в именах туркменского языка. АКД. Ашхабад, 1975.

[26] См.: Гулямов А. Г. Проблемы исторического словообразования узбекского языка, I. Аффиксация. Часть первая: словообразующие аффиксы имен. АДД. Ташкент, 1955, с. 24.

аткінä ‘лошадка’, *тішкінä* ‘зубик’, *кічіккінäң* ‘маленький’; хак. (диал.) *сĭлĭккĭнэ* ‘красивенький’, *чабĭзаххĭна* ‘низенький’;

-кај — башк. *ілкäj* ‘сторонушка’, *jэркäj* ‘землица’, *äсäкäj* ‘матушка’, *дудкај* ‘дружок’; карач.-балк. *атакај* ‘папенька’, *кĭскај* ‘девочка’, *ƒашкај* ‘мальчик’, *бöрĭукај* ‘волчонок’, *козукај* ‘ягненочек’, *ајукај* ‘медвежонок’; кирг. *кічінэкэj* ‘малюсенький’; к.-калп. *анакај* ‘матушка’; тат. *башкај* ‘головушка’, *куjанкај* ‘зайчик’, *äнкäj* ‘мамаша’, *äткäj* ‘папаша’; узб. *бэлакај* ‘ребеночек’;

-ач ~ *-аш* ~ *-ас* — др.-тюрк. *атач* ‘папа’, *öгüч* ‘мама’; алт. *ајаƒаш* ‘чашечка’, *конöгöш* ‘ведерко’, *бічігэш* ‘книжечка’, *кајĭңаш* ‘березка’, *акпāш* ~ *аппāш* ~ *апаƒаш* ‘очень беленький’, *көкпöш* ~ *көппöш* ~ *көпöш* ‘очень голубенький’; алт. (диал.) *öлач* ‘мальчик’, *апчĭjаƒач* ‘старикашка’; уйг. (диал.) *акаш* ‘братец’, *häдäш* ‘сестричка’, *кізіш* ‘доченька’; хак. *хазĭңас* ‘березка’, *хулаƒас* ‘ушко’; шор. *аппаƒаш* ‘очень беленький’, *кузуруƒаш* ‘хвостик’, *көрüгэш* ‘бурундучок’; якут. *араƒас* ‘желтый, желтоватый’;[27]

-ак — алт. *коjонок* ‘зайчонок’, *чĭчканак*[28] ‘мышонок’, *д'абĭзак* ‘низенький’, *тајĭзак* ‘мелковатый’; тув. *öлак* ‘мальчик’, *төжэк* ‘пенек’, *коjƒунак* ‘зайчик’; хак. *аƒазах* ‘деревцо’, *хозанах* ‘зайчик’; чуваш. *сĕдĕк* ‘молочко’, *чĕбĕк* ‘цыпленочек’, *кĕбĕк* ‘рубашечка’, *jабалак* ‘вещица’, *варак* ‘овражек’;

-кач ~ *-каш* — алт., кар. *кушкач*, тув. *кушкаш* ‘птичка’; тув. *öлƒаш* ‘паренек’; якут. *соноƒос* ‘молодой конь’, ‘лошадка’, *üрüңкäс* ‘белянка’ (кличка белошерстой коровы).

Среди новообразований выделяется форма на *-ча* ~ *-ƒа*...[29] Примеры: азерб. *баƒча* ‘садик’, *мэjданча* ‘площадка’, *бирƒа* ‘один, единственный’, «одинешенек» (*анасĭнĭн бирƒäсідір* ‘он у матери единственный’);[30] казах. *өгізшэ* ‘бычок’, *бұтакша* ‘веточка’, *көрпэшэ* ‘одеяльце’; кар. *анача* ‘мама’, ‘матушка’, *бармахча* ‘пальчик’; кирг. *көрпöчö* ‘одеяльце’, *тэкэчэ* ‘козлик’, ‘годовалый козленок’; к.-калп. *жолша* ‘дорожка’; туркм. *кітапча* ‘книжечка’, *öкüдчэ* ‘бычок’, *ākƒa* ‘беленький’, *ƒараƒа* ‘черненький’; узб. *кізча* ‘девочка’, *ƒэjча* ‘местечко’, *хабарча* ‘весточка’, *тўдача* ‘кучечка’, *тўпламча* ‘сборничек’, *ўƒулча* ‘мальчик’, *тэjча* ‘жеребеночек’, *куракча* ‘лопаточка’, *ўрдакча* ‘уточка’, *jігітча* ‘парнишка’;[31] уйг. *баƒчä* ‘садик’, *алмічä* ‘яблочко’; чуваш. *пĕгэƒэ* ‘дужка’.

В специальной литературе много внимания уделяется изучению необычайно сложных и многообразных семантических превращений формы на *-ча* ~ *-ƒа*..., имевших словоизменительную направленность, с одной стороны, и словообразовательную, с другой. Нельзя сказать с уверенностью, что в тюркском праязыке данная форма входила или не входила в падежную парадигму, однако совершенно ясно, что не падежное значение (уподобительное или ограничительное) лежало в основе всех других ее значений и что еще в ходе употребления послеложной конструкции, из которой

---

[27] В якутском языке аффикс *-ас* утратил свое первоначальное значение. См.: Калужиньски С. Исследования по морфологии якутского языка (I). — RO, 1968, XXXI, 2, s. 108.

[28] См.: Кучигашева Н. А. Имя существительное. — Зап. Горно-Алтайского НИИИЯЛ, 1962, 5, с. 28; Баскаков Н. А. Морфологические особенности словообразования именных частей речи в кумандинском диалекте алтайского языка. — Там же, с. 57.

[29] См.: Сопыев Г. *-Ча, -че* аффикси хакында кәбир маглумат. — Уч. зап. Туркменского гос. унив., 1959, XVI, с. 45—55; Korkmaz Z. Türk dilinde *-ca* eki ve bu ek ile yapılan isim teşkilleri üzerine bir deneme. — DTCFD, 1960, XVII, 3—4, s. 275—358; Икромова Р. Ҳозирги ўзбек тилида *-ча* аффикси билан ясалган кичрайтиш-эркалаш формаларининг семантик-грамматик хусусиятлари. — Науч. тр. Ташкентского ГПИ, 1972, 87, с. 115—120.

[30] См.: Tietze A. Ein türkisches Intensivsuffix. — UAJb, 1965, XXXVI, 3—4, S. 420.

[31] См.: Ма'руф З. Ўзбек адабий тилида от ясовчи суффикслар. Ўзбек тилининг илмий грамматикаси учун материаллар. — Тр. Узбекского филиала АН СССР, II серия, филология, 1941, 2, с. 117—119; Икрамова Р. Модальные формы имен существительных в современном узбекском языке. АКД. Ташкент, 1967.

она образовалась, наметилось несколько разных линий семантического развития.

Другие новообразования:

-ǰïӌаз ~ -ǰуӌаз — азерб. *ӆïзǰïӌаз* 'девочка', *ӆушǰуӌаз* 'птичка', *бібіǰіјäз* 'бабушка', *мäнǰіјäз* 'я';

-ǰаӌïз ~ -ǰаӌаз ~ -ǰāз ~ -чāз — гаг. *јолǰāз* 'дорожка', *суǰāз* 'водичка', *кушчāз* 'птичка', *топчāз* 'шарик'; тур. *адамǰаӌïз* 'человечек', *кïзǰаӌïз* 'девочка'; туркм. *таjjаӌад* 'жеребеночек', *атǰаӌад* 'лошадка', *ӧзнǰаӌад* 'ты', *оǰаӌад ~ оǰāд* 'он';

-(а)лак ~ -(а)лэк — узб. *кізалэк* 'девочка', *чакалэк* 'младенец', *бӯталэк* 'верблюжонок';[32] уйг. *ботілак, тајлак* 'верблюжата (разных возрастных групп)';

-сїмак — казах. *тавсїмак* 'горка', *атсїмак* 'лошаденка', *ӱjсїмак* 'домишко', *ӧзӧнсїмак* 'речушка';

-кан — казах. *ботакан* 'верблюжоночек', *бӱзаукан* 'теленочек', *кошакан* 'ягненочек';

-тај — казах. *аӆатај* 'дяденька', *әжәтај* 'бабуся', *жәӈәтәј* 'тетенька', *апатај* 'тетенька'; узб. *кәнǰатэј* 'младшенький'.

Встречаются сочетания двух и даже трех аффиксов уменьшительности-ласкательности: алт. *кӧсчаӌаш* 'девочка', *ӱлчаӌаш* 'мальчик'; кар. *кïзӱïначӧх* 'девчоночка';[33] тув. *а'тчїӌаш* 'лошадка', *ӧлчуӌаш* 'мальчик', *хӧлчӱгӧш* 'озерко'; узб. *тэjчэккіна* 'жеребеночек',[34] *тэjчалэк* 'жеребеночек', *кӯзічэккіна* 'ягненочек', *кӯпрікчагіна* 'мосточек';[35] хак. *тураǰаӌас* 'домик', *кімәǰәгәс* 'лодочка', *ӧлаӌас* 'мальчик', *тїнәгәс* 'белочка'; шор. *чолчаӌаш* 'тропинка', *тішчәгәш* 'зубик', *көлчәгәш* 'озерко'; якут. *уолчāн* 'мальчишечка', *кїсчāн* 'девчоночка', *кїрачāн* 'малюсенький'.

Нередко аффиксы уменьшительности-ласкательности, утратив собственное значение, употребляются в качестве слозообразовательных аффиксов, ср. азерб. (диал.) *біǰänäк* 'луг', 'поле для покоса', *саӌанаӈ* 'ободок сита';[36] гаг. *ӧзӧк* 'жердь', *тозак* 'пыль от соломы', *топук* 'лодыжка', *јанак* 'щека'; казах. *көкїрәкшә* 'нагрудник', *їшәк* 'кишки', *ӧзәк* 'сердцевина'; кар. *ічäк* 'внутренности'; кирг. *кїзїлча* 'свекла', 'корь', *ǰашїлча* 'овощи'; тат. *кісäкчә* 'частица', *бармакча* 'палец перчатки'; тур. *камїшчїк* 'паяльная трубка', *діпчік* 'ружейный приклад', *әлмаǰїк* 'скула', 'оконечность бедренной кости'; узб. *тіканак* 'колючка'; чуваш. *уjăх* 'луна', *пїлак* 'сладость', *кірĕк* 'грязь', *хĕлĕх* 'конский волос', *кăмрăк* 'древесный уголь', *пілĕк* 'поясница', *тĕлĕк* 'сон'; якут. *талах* 'тальник', *кәһәх* 'колчан'.

Использование аффиксов уменьшительности-ласкательности в словообразовательной функции в последнее время получило особую семантическую направленность, ср., например, обозначение при помощи этих аффиксов молодняка животных: узб. (диал.) *ӯкіз* 'бык' — *ӯкізчä, ӯкіччä* 'бычок вообще или бычок от двух до трех лет'; гаг. *ǰанавар* 'волк' — *ǰанаваррїк* 'волчонок'; казах. *їӈәзӧн* 'верблюдица' — *їӈәзӧншә* 'молодая верблюдица четырех-пяти лет', *атан* 'верблюд-мерин' — *атанша* 'молодой верблюд-мерин'; кирг. *маjмїл* 'обезьяна' — *маjмїлча* 'детеныш обезьяны'; тат. (диал.) *аjбӧр* 'жеребец' — *аjбӧрчак* 'жеребчик';[37] хак. *пуӌа* 'бык' — *пуӌаǰах* 'бычок'; шор. *апшак* 'медведь' — *апшаӌаш* 'медвежонок'.

[32] См.: И к р о м о в а Р. Отларнинг *-лоӄ(-алоӄ)* аффикси орқали ясалган модал формалари. — Науч. тр. Ташкентского ГПИ, 1972, 87, с. 112—114.

[33] См.: Z a j ą c z k o w s k i A. Sufiksy imienne i czasownikowe w języku zachodniokaraimskim. Kraków, 1932, s. 25.

[34] См.: Ш а м с и е в а М. Ўзбек тилида субъектив баҳо билдирувчи отлар. — В кн.: Адабиётшунослик ва тилшунослик масалалари, 2. Тошкент, 1961, б. 248.

[35] См.: Г у л я м о в А. Г. О некоторых особенностях аффиксов с уменьшительно-ласкательным значением в узбекском языке. — Науч. тр. Ташкентского гос. унив., новая серия, языкознание и литературоведение, 1964, 268, с. 16.

[36] См.: М а м е д о в И. М. Карягинские говоры азербайджанского языка. АКД. М., 1958, с. 25.

[37] См.: Щ е р б а к А. М. Названия домашних и диких животных в тюркских языках. — В кн.: Историческое развитие лексики тюркских языков. М., 1961, с. 157.

Промежуточные морфологические образования не исчерпываются приведенными выше формами. Существуют и другие, но у них, как правило, ограниченная сфера распространения, ср. азерб. *käjangil* 'кеяновцы' (*käjangil burada nä ɣädär joldaш itirmišdilar* 'кеяновцы потеряли здесь столько товарищей'), *baǰimgildä* 'у моей сестры', 'в семье моей сестры' (*män bu jajï baǰimgildä kɜčirdim* 'я провел это лето у моей сестры').

СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНЫЕ РАЗРЯДЫ ИМЕНИ

СОБСТВЕННО ИМЕНА

Раздел 1

Существительное

Свою задачу в данном разделе мы ограничиваем описанием преимущественно общетюркских аффиксов, образующих существительные от существительных и других имен: *-čï ~ -ču*, *-lïk (-lïɣ) ~ -luk (-luɣ)*, *-lak (-laɣ)*, *-daш*, *-turuk*.

Аффикс *-čï ~ -ču*[38] обозначает лицо по характеру занятий, действий или привычек, реже по принадлежности к общественному течению, социальной или какой-либо иной группе и по месту жительства.[39] Примеры: азерб. *ovču* 'охотник'; алт., шор. *aŋčï* 'охотник', *kojčï* 'чабан'; алт. *komïsčï* 'музыкант, играющий на комысе', *kožoŋčï* 'певец'; башк. *kɵšsɵ* 'птичник', *ǰišsï* 'работник'; гаг. *čalgïǰï* 'музыкант', *domuzču* 'свинарь'; казах. *ǰʏlkʏšï* 'конюх', *bojawšï* 'красильщик', *bakшaшï* 'огородник'; кар. *altïnčï* 'золотых дел мастер'; кирг. *kïzmatčï* 'служащий'; крым.-тат. *odunǰï* 'дровосек'; кум. *tɜmirči* 'кузнец', *balïkčï* 'рыбак', *ɜtikčï* 'сапожник'; ног. *kojшï* 'чабан', *bïzawšï* 'пастух'; тат. *itïkčï* 'сапожник', *tïǧïrmänčï* 'мельник'; тув. *xojǰu* 'чабан', *išči* 'работник'; тур. *kuшču* 'птицелов', *jalanǰï* 'лгун', *ɜskiǰi* 'старьевщик'; узб. *tɜrimči* 'сборщик (хлопка)'; уйг. *tɵmürči* 'кузнец', *aldamči* 'обманщик'; хак. *nïmaxčï* 'сказитель', *ujɓuǰï* 'соня'; чуваш. *agaz'ă* 'пахарь', *păgărz'ă* 'медник', *ĕs'lăvz'ĕ* 'работник', *pulăz'ă* 'рыбак'.

Второе значение аффикса *-čï ~ -ču* — указание на принадлежность к общественному течению, социальной или иной группе — относительно новое, первоначально появившееся в публицистической литературе. Примеры: башк. *watansï* 'патриот', *stahanowsï* 'стахановец'; узб. *rɜspublikačі* 'республиканец', *monarxiǰačі* 'монархист', *tursunɜǰči* 'последователь Турсун-ай'; уйг. *lɜnінči* 'ленинец', *mičurінči* 'мичуринец'.

Использование аффикса *-čï ~ -ču* для обозначения лиц по месту жительства наблюдается главным образом в карачаево-балкарском и тувинском языках,[40] например: *nalčikčï* 'житель Нальчика', *xabazčï* 'житель аула Хабаз', *nartančï* 'житель аула Нартан'; тув. *kïzïlčï* 'житель Кызыла'. Эта особенность, по-видимому, — позднего происхождения и обусловлена возможностью функционирования форм на *-ču ~ -čï* в качестве определений,[41]

[38] Относительно этимологий аффикса *-čï ~ -ču* см.: Кононов А. Н. Грамматика современного узбекского литературного языка. М.—Л., 1960, с. 106; Абдуллаев Ф. *-Чи* аффиксининг генезисига доир. — ЎТАМ, 1960, № 6, б. 63—70.

[39] См.: Салиев С. Имя действующего лица в современном узбекском литературном языке. АКД. М., 1956, с. 4 и сл.; Садвакасов Г. Словообразование имен существительных в современном уйгурском языке. АКД. Алма-Ата, 1956, с. 4 и сл.; Сейидов Ш. *-Чы, -чи* ве *-ча* исим ясайҗы аффикслери барада. — Изв. АН Туркменской ССР, серия общественных наук, 1962, № 6, с. 83—89.

[40] См.: Бозиев А. Ю. Словообразование имен существительных, прилагательных и наречий в карачаево-балкарском языке. Нальчик, 1965, с. 8, 17.

[41] По мнению А. Г. Гулямова, существительные с аффиксом *-čі ~ -ču* вообще близки к прилагательным и причастиям вследствие того, что обозначают лиц по тем или иным признакам. См.: Гулямов А. Г. Проблемы исторического словообразования узбекского языка, I, с. 16.

ср. карач.-балк. *сёзчӱ адам* 'болтливый человек', *алчӣ брігада* 'передовая бригада';[42] кирг. *эсэпчі кіші* 'счетовод';[43] тат. *ĭшчĭ* (<*ĭшчĭ кĭшĭ*) 'рабочий человек'.[44] Ср. также: алт. *уjкучі* 'сонливый', алт. (диал.) *кӱлӣнчӣ* 'имеющий жеребенка', *балачі* 'имеющий детей';[45] шор. *тэрчі* 'потливый', *араɣачі* 'любящий выпить'. Последние примеры появились, очевидно, в результате контаминации форм на *-чӣ* ~ *-чу* с формами на *-чӣл* ~ *-чул*, ср. алт. *уjкучӣл*, шор. *уjɓучул* 'сонливый'.

С аффиксом *-чӣ* ~ *-чу* сопоставляют якутский аффикс *-сїт* ~ *-сут*..., в котором конечный *т* возводится к монгольскому показателю множественного числа *-т*[46] или к показателю принадлежности 3-го лица *-та*,[47] ср. *балїксїт* 'рыбак', *маччїт* 'дровосек', *сірjїт* 'проводник', *суолjут* 'следопыт', *ӧлӱӧхсӱт* 'покойник', *тімірjїт* 'кузнец', *кусчут* 'охотник за утками'.

Семантические границы аффикса *-чӣ* ~ *-чу* иногда становятся значительно шире указанных выше: первоначальные элементарные отношения уступают место более сложным, например, др.-тюрк. *борчӣ* не 'виноградарь' и не 'винодел', как следовало бы ожидать, а 'торговец вином', *тузаɓчӣ* не 'мастер, делающий силки', а 'птицелов', *jолчӣ* не 'путник', а 'проводник'. Ср. также: тур. *сӱтчӱ*, узб. *сутчі*, уйг. *сӱтчі* 'торговец молоком'; уйг. *кӧкчі* 'торговец овощами'.

Приблизительно такое же значение имеет аффикс *-чӣн*, генетические связи которого с аффиксом *-чӣ* остаются невыясненными. Примечательно, что существительные с аффиксом *-чӣн* в тюркских языках встречаются в виде исключения: др.-тюрк. *балїкчӣн* 'птица, ловящая рыбу'. Ср. башк. (диал.) *кӱкрәксĭн* 'телогрейка', *бармаксĭн* 'чехол для пальца'.

Аффикс *-лӣк* (*-лӣɓ*) ~ *-лук* (*-луɓ*) ~ *-тӣк* ~ *-дӣк* ~ *-нӣк*... образует существительные от различных имен с преобладающим значением абстрактности-обобщенности. Имена действия с указанным аффиксом выражают абстрагированно процессуальность или состояние. Примеры: азерб. *гӧзәллік* 'красота'; алт. *д'ілдік* 'годовщина', *аjлӣк* 'месячник', *баjлӣк* 'богатство', *төрттӱк* 'четверть'; башк. *бӑлӑтлӑлӑк* 'облачность'; таг. *достлук* 'дружба', *āчлӣк* 'голод', *ӱчлӱк* 'тройка'; казах. *шĭндĭк* 'правдивость', *жĭлĭлĭк* 'теплота', *жолдастĭк* 'товарищество', *ӱштĭк* 'тройка', *төрттĭк* 'четверка'; кар. *достлук* ~ *достлух* 'дружба', *таніклік* 'свидетельство', *онлук* 'десятка'; карач.-балк. *аналӣк* 'материнство', *тәрәнлік* 'глубина'; кирг. *әнәлік* 'материнство', *аjлӣк* 'зарплата', *кӱздӱк* 'озимь', *jамандӣк* 'зло', *узундук* 'длина', *бірдік* 'единство'; кум. *батирлік* 'геройство'; ног. *jаманлĭк* 'зло', *савлĭк* 'здоровье', *караңĭлĭк* 'темнота', *сәгізлĭк* 'восьмерка'; тур. *аналӣк* 'материнство', *бабалӣк* 'отцовство', *jуртташлӣк* 'гражданство', *доɓрулук* 'прямота', 'правдивость', *ікілік* 'двойственность'; узб. *жлік* 'белизна', *бірінчілік* 'первенство', *кәлішілік* 'приход', *jарарлік* 'пригодность', *пішганлік* 'зрелость';[48] уйг. *балілік* 'детство', *кӱчсізлік* 'бессилие', *білмәслік* 'незнание', *тәрбіjілăнгănлік* 'воспитанность'; чуваш. *чуралăх* 'рабство', *тазалăх* 'чистота'; якут. *аһїлік* 'провизия'.

Существительные с рассматриваемым аффиксом обозначают также место совокупного расположения предметов и сами предметы, используемые в ка-

[42] См.: Созаев Б. Т. Разряды имен прилагательных и способы их образования. — Вестник Кабардино-Балкарского НИИ, Нальчик, 1970, 2, с. 127.

[43] См.: Уметалиева Б. Д. Имя прилагательное в современном киргизском языке. АКД. М., 1953, с. 10. См. также: Манькина С. С. Аффиксы, образующие имена существительные и прилагательные в турецком языке. АКД. М., 1954, с. 6.

[44] См.: Современный татарский литературный язык. М., 1969, с. 144.

[45] См.: Кучпгашева Н. А. Имя существительное в алтайском языке, с. 28; Баскаков Н. А. Морфологические особенности словообразования именных частей речи в кумандинском диалекте алтайского языка, с. 59.

[46] См.: Böhtlingk O. Über die Sprache der Jakuten, S. 103.

[47] См.: Radloff W. Die jakutische Sprache in ihrem Verhältnisse zu den Türksprachen. — Зап. АН, VIII серия, 1908, VIII, № 7, с. 22.

[48] См.: Гулямов А. Г. Об аффиксе *-лик* в узбекском языке. — Науч. тр. Ташкентского гос. унив., новая серия, языкознание, 1964, 260, с. 50—57.

честве такового: азерб: *üzümlük* ‘виноградник’, *daşlığ* ‘каменистое место’, *samanlığ* ‘место для хранения соломы’, *kömürlük* ‘место для хранения угля’, *dağlığ* ‘гористая местность’; башк. *batkaklĭk* ‘топь’, *ağaslĭk* ‘лесистая местность’, *utĭnlĭk* ‘дровяной сарай’; гаг. *samannïk* ‘стог соломы’, *odunnuk* ‘дровяной сарай’; кум. *ağaçlïk* ‘лесистая местность’, *budajlïk* ‘пшеничное поле’, *bölәklik* ‘заросли кустарника’; тат. *kŏmlĭk* ‘песчаная местность’, *çäçäklĭk* ‘цветник’, *çiläklĭk* ‘ягодник’, *sazlĭk* ‘болотистое место’; тур. *kumluk* ‘песчаная местность’, *tuzluk* ‘солонка’; узб. *ŷrmәnlik* ‘лесистая местность’, *tәpalik* ‘возвышенность’; чуваш. *чуллăх* ‘каменистое место’; якут. *kïstïk* ‘зимовье’.

Изредка существительные на *-lïk* (*-lïğ*) ~ *-luk* (*-luğ*) . . . обозначают действующее лицо, орудие действия или просто предмет: азерб. *gözlük* ‘очки’, *ağïzlïğ* ‘удила’; башк. (диал.) *kŭdlĭk* ‘очки’,[49] *bašlĭk* ‘капюшон’; казах. *avĭzdĭk* ‘удила’; тат. *javlĭk* ‘платок’; тур. *gözlük* ‘очки’, *jağmurluk* ‘плащ’; узб. *bəşlik* ‘начальник’, *təlik* ‘воспитатель — должностное лицо в дореволюционное время’;[50] уйг. *küŋlük* ‘зонт’.

Существительные на *-lïk* (*-lïğ*) ~ *-luk* (*-luğ*) . . . могут обозначать также место жительства и профессию, род занятий, служебное положение: тур. *çobanlïk* ‘занятие пастуха’, *köjlülük* ‘занятие сельским хозяйством’, *müdürlük* ‘должность директора’, *askärlik* ‘воинская повинность’; узб. *tәşkәn(t)lik* ‘ташкентец’, *kişlaklik* ‘сельский житель’; уйг. *käškärlik* ‘кашгарец’.

Сочетанием аффикса *-lïk* (*-lïğ*) ~ *-luk* (*-luğ*) . . . с аффиксом *-çï* ~ *-çu* . . . передается преимущественно значение профессии, рода занятий, склонности к чему-либо, но и для этого сочетания в целом вполне обычно значение абстрактности-обобщенности. Последнее чаще всего обусловлено своеобразием семантики именных основ или своеобразием ее восприятия, а именно выдвижением на первый план не предметной, а качественной стороны.[51] Не случайно среди форм на *-çï-lïk* . . . со значением абстрактности-обобщенности немало таких, которые образованы от прилагательных. Примеры: азерб. (диал.) *maldarçïlïx* ‘скотоводство’, *pambïxçïlïx* ‘хлопководство’;[52] башк. *batĭrsĭlĭk* ‘геройство’, *küpsĭlĭk* ‘большинство’; гаг. *domuzçuluk* ‘свиноводство’; казах. *bakšašĭlĭk* ‘огородничество’, *adamšĭlĭk* ‘человечность’; карач.-балк. *sabančïlïk* ‘хлебопашество’; кирг. *čarbačïlïk* ‘хозяйство’, *malčïlïk* ‘скотоводство’, *kišičilik* ‘человечность’, *tәŋçilik* ‘равенство’; ног. *balĭkšĭlĭk* ‘рыболовство’; тат. *kŏrtčĭlĭk* ‘пчеловодство’, *kŏščĭlĭk* ‘птицеводство’; тур. *arabaǰïlïk* ‘профессия извозчика’, *dişçilik* ‘профессия зубного врача’, *sütçüjlük* ‘торговля молоком’; узб. *paxtaçilik* ‘хлопководство’, *әdamgarçilik* ‘человечность’, *ləjgarçilik* ‘распутица’, *minnatdarçilik* ‘признательность’; уйг. *bälikçilik* ‘рыболовство’, *bağwänçilik* ‘садоводство’, *ärzänçilik* ‘дешевизна’, *kijinçilik* ‘трудность’, *kimmatçilik* ‘дороговизна’.

Необходимо согласиться с В. Бангом, что такие слова, как *küŋçilik*, *ajçïlïk*, не могли быть образованы непосредственно путем присоединения аффикса *-lïk* к формам *küŋçi*, *ajçï*. Однако производимые в связи с этим этимологические разыскания, ставящие под сомнение наличие в составе *-çïlïk* . . . аффикса *-çï* . . .,[53] едва ли оправданы. В приведенных словах аффикс *-çïlïk* . . .

---

[49] См.: Максютова Н. Х. Бурзянский говор. — БД, с. 92.

[50] См.: Гулямов А. Г. Проблемы исторического словообразования узбекского языка, I, с. 17.

[51] См.: Севортян Э. В. К семантической природе существительного в тюркских языках. — В кн.: Вопросы описательных грамматик языков Северного Кавказа и Дагестана. Нальчик, 1963, с. 111—112.

[52] См.: Рустамов Р. Ө. Газах вә Товуз шивәләринин морфоложи хүсусијјәтләри һаггында. — Тр. ИЛЯ, Баку, 1960, XIV, с. 8; Байрамов А. Мүасир азәрбајчан дилиндә исим. — Тр. ИЛЯ, Баку, 1957, X, с. 52.

[53] Bang W. Aus dem Leben der Türksprachen. Zu den Wörtern auf *-čïlïq*. — Ostasiatische Zeitschrift, Berlin, 1920, 8, S. 23. Ср.: Бердалиев А. Словообразующие сложные аффиксы в узбекском языке. АКД. Ташкент, 1970, с. 5; Шарипова К. А. Словообразующие аффиксы *-лик*, *-ли*, *-чилик* в узбекском языке. АКД. Ташкент, 1972, с. 25—27.

использовался как единый морфологический элемент, базой для образования которого послужили формы на *-чї* . . . , обозначавшие лиц по характеру занятий, действий или привычек.

В сочетании с аффиксом *-чїл* ~ *-чул* ~ *-шїл* ~ *-шул* аффикс *-лїк* (*-лїҕ*) ~ *-лук* (*-луҕ*) . . . передает значение абстрактности-обобщенности с оттенком расположенности, склонности: казах. *халїқшїлдїқ* 'народничество'; кирг. *өзүмчүлдүк* 'эгоизм'.[54]

Первоначальным значением форм на *-лїк* (*-лїҕ*) ~ *-лук* (*-луҕ*) . . . было значение обладания. Именно из него развилось значение абстрактности-обобщенности.[55] И в настоящее время эти значения нередко накладываются друг на друга и поэтому чисто внешнее разграничение тех и других форм в ряде тюркских языков недостаточно последовательное.

Основным для аффикса *-лак* (*-лаҕ*) ~ *-так* ~ *-дак* . . . оказалось одно из периферийных значений аффикса *-лїк* (*-лїҕ*) ~ *-лук* (*-луҕ*) . . . , а именно значение места совокупного расположения предметов или живых существ: ст.-узб. *авлак* 'место охоты', *кушлак* 'место, изобилующее птицами', *јајлак* 'летнее пастбище', *отлак* 'пастбище', *тузлак* 'соляные копи'; азерб. *ҕышлаҕ* 'зимовье', *отлаҕ* 'пастбище'; казах. *кӧстак* 'селение', *тастак* 'каменистое место'; кирг. *саздак* 'топь', *кумдак* 'песчаное место'.[56]

В последнее время намечается тенденция рассматривать аффикс *-лак* как семантически обособившуюся фонетическую разновидность аффикса *-лїк*. Для этого имеются некоторые основания, в частности, близость их значений и количественная ограниченность морфологических образований на *-лак*. Все же вероятнее, что в основе форм на *-лак* первоначально лежали глагольные формы на *-ла* (например, *кїшла-* 'зимовать', *отла-* 'пастись'), к которым присоединялся аффикс именного словообразования *-к*. В дальнейшем произошло переразложение, вследствие чего аффиксы *-ла* и *-к* стали функционировать как единый морфологический показатель с нераздельным грамматическим значением.

В ряде примеров из дивана Махмуда Кашгари аффикс *-лак* выражает значение собирательности: *атлак* 'лошади', *татлак* 'таты', *ӣтлак* 'собаки' (МК I 483), что является существенным отклонением от общепринятой нормы.

Аффикс *-даш* ~ *-таш* ~ *-тас* . . . образует имя действующего лица, совместно участвующего в процессе или состоянии: ст.-узб. *бојдаш* 'одинакового роста', *көкәлташ* 'молочный брат', *әмәлдаш* 'сверстник', *јолдаш* 'спутник', *кардлш* (~ *карїндаш*) 'брат, родственник'; азерб. *јолдаш* 'товарищ', *вәтәндаш* 'соотечественник'; алт. *ајїлдаш* 'односельчанин', 'земляк'; башк. *шїшәләш* 'собутыльник', *ілдәш* 'земляк'; башк. (диал.) *көрдаш* 'ровесник', *јакташ* 'сородич',[57] *ідїмләш* 'тезка', *јәшләш* 'ровесник';[58] казах. *табактас* 'сотрапезник', *замандас* 'современник', *күндәс* 'соперница', *сїрлас* 'близкий друг', *жәрләс* 'земляк';[59] кар. *карїндаш* 'брат'; карач.-балк. *әмілдәш* 'приемный брат', *күндәшлә* 'жены одного мужа'; кирг. *јолдош* 'товарищ', *жәрдәш* 'земляк'; кум. *авулдаш* 'односельчанин', *діндаш* 'единоверец'; тур. *јуртташ* 'соотечественник', *көјдәш* 'односельчанин'; узб. *сінфдош* 'одноклассник', *замондош* 'современник'; уйг. *сөһбәтдаш* 'собеседник', *пікірдаш* 'единомышленник'; хак. *карїндас* 'брат'; чуваш. *хурӑндаш* 'родственник',

---

[54] См.: Орозакунов Ш. Словообразование имен существительных в киргизском языке (аффиксация). АКД. М., 1955, с. 9.

[55] См.: Орузбаева Б. О. Словообразование в киргизском языке. АДД. Фрунзе, 1964, с. 25.

[56] См.: Дыйканов К. Имя существительное в киргизском языке. Фрунзе, 1955, с. 49.

[57] См.: Ишбулатов Н. Х. Кизильский говор. — БД, с. 38.

[58] См.: Максютова Н. Х. Бурзянский говор, с. 92.

[59] См.: Қалыбаева-Хасенова А. Қазіргі қазақ тіліндегі *-с* және *-дас* аффикстері туралы. — Изв. АН Казахской ССР, серия филологии и искусствоведения, 1955, 3—4, с. 60.

тандаш 'сверстник', *кілĕндэш* 'жены родных братьев'; шор. *карĭндаш* 'брат', *чолдаш* 'спутник'.[60]

Иногда аффикс *-даш*... выступает со значением обладания или привносит значение качественной характеристики, ср. башк. (диал). *jэлĭнтăд* 'корова с большим выменем', *jаврĭнтад* 'плечистый', *нŏттăд* 'молочная (о корове);[61] казах. *жүндэс* 'шерстистый', *мăндэс* 'однозначный', *тŭстэс* 'одноцветный'.

Аффикс *-турук ~ -дурук*... утратил продуктивность давно, тем не менее и в древних и современных тюркских языках он встречается довольно часто:[62] др.-тюрк. *кĭлдурук* 'волосинки на колосе пшеницы' (*кĭл* 'волос', 'щетина'), *көмүлдүрүк* 'украшение сбруи на груди лошади' (*көмүл ~ көңүл* 'грудь'), *бойундурук* 'ярмо' (*бойун* 'шея'); ст.-узб. *өмілдірік* 'нагрудник' (*өмүл ~ өмүр* 'грудь'), *ǰіhаздірік* 'принадлежность конской сбруи' (*ǰіhаз* 'утварь', 'предметы обихода'), *сакалтурук* 'гребень для бороды' (*сакал* 'борода'); башк. (диал.) *hаҕалдĭрĭк* 'подбородочный ремень' (*hаҕал* 'борода'), *күдĭлдĭрĭк* 'очки' (*күд* 'глаз'),[63] *бавĭлдĭрĭк* 'подбрюшник' (*бав* 'завязка'), *түшĭлдĭрĭк* 'нагрудник' (*түш* 'грудь'),[64] *табалдĭрĭк* 'педаль', 'подножка у ткацкого станка' (*табан* 'ступня', 'подошва'), *төмĕлдĕрĕк* 'намордник' (*төм*?);[65] казах., к.-калп. *табалдĭрĭк* 'порог' (*табан* 'ступня', 'подошва'); балк. *көзүлдүрүк* 'очки'; кирг. (диал.) *чĭмĭлдĭрĭк* 'повилика' (*чĭм* 'дерн'), *ōздурук* 'удила' (*ōз* 'рот'), *капкалдĭрĭк* 'клапан кармана' (*капкак* 'крышка, покрышка');[66] тув. *мойундурук* 'воротник' (*мойун* 'шея'), *салдĭрĭк* 'подбородочный ремень' (*сал* 'борода'); тур. *оғулдурук* 'матка' (*оғул* 'сын' < 'ребенок'); туркм. *ағĭддĭрĭк* 'удила' (*ағĭд* 'рот'); уйг. *әгіздурук* 'удила' (*әгіз* 'рот'), *бойунтурук* 'ярмо' (*бойун* 'шея'); якут. *томторук* 'намордник' (*том*?); хак. *ултурух* 'стелька', *хастĭрĭх* 'лыко'.

Наиболее древним для существительных с аффиксом *-турук ~ -дурук*... является значение орудия-средства-приспособления, оказавшееся весьма устойчивым, и только в нескольких словах аффикс *-турук ~ -дурук*... получил необычное семантическое развитие, ср. казах. *бөлтĭрĭк* 'волчонок'. Сравнивая материалы современных тюркских языков, Э. В. Севортян отмечает, что аффикс *-турук ~ -дурук* «прежде всего служит для обозначения снаряжения (или его части), надеваемого на тягловый скот во время работы».[67] Действительно, в большинстве случаев мы имеем дело со словами, образующими весьма своеобразную семантическую группу.[68]

Выступающие параллельно формам на *-турук ~ -дурук*... формы на *-тук ~ -дук*..., ср. кирг. *чĭмĭлдĭрĭк ~ чĭмĭлдĭк*, *ōздурук ~ ōздук*, не являются их стяженными разновидностями и представляют собой, с этимо-

---

[60] О происхождении аффикса *-даш*... см.: Caferoğlu A. Türkçede «daş» lâhikası. İstanbul, 1929, s. 5; Гулямов А. Г. 1) Об аффиксе *-дош*. — Бюллетень АН Узбекской ССР, 1947, № 1, с. 17—19; 2) О суффиксе *даш* в узбекском языке. — В кн.: Белек С. Е. Малову. Фрунзе, 1946, с. 31—34; 3) Проблемы исторического словообразования узбекского языка, I. Аффиксация. Часть первая: словообразующие аффиксы имен, с. 17; Кононов А. Н. Грамматика современного узбекского литературного языка, с. 107—108; Муратов С. Н. О тюркских аффиксах *-таш/|-даш* и *-турук/|-дурук* в свете данных других алтайских языков. — В кн.: Проблема общности алтайских языков. Л., 1971, с. 332—336.

[61] См.: Максютова Н. Х. Говор айских башкир. АКД. М., 1964, с. 16.

[62] См.: Щербак А. М. Об алтайской гипотезе в языкознании. — ВЯ, 1959, № 6, с. 62; Муратов С. Н. О тюркских аффиксах..., с. 336 и сл.

[63] См.: Ишбулатов Н. Х. Кизильский говор, с. 39.

[64] См.: Максютова Н. Х. Бурзянский говор, с. 92.

[65] См.: Миржанова С. Ф. Кубалякский говор. — БД, с. 162.

[66] См.: Юнусалиев Б. М. Кыргыз диалектологиясы. Фрунзе, 1971, б. 183.

[67] Севортян Э. В. Аффиксы именного словообразования в азербайджанском языке, с. 177.

[68] О происхождении аффикса *-турук ~ -дурук*... см.: Bang W. Beiträge zur türkischen Wortforschung. — Túrán, Budapest, 1918, 5, S. 289 ff; Brockelmann C. Osttürkische Grammatik der islamischen Literatursprachen Mittelasiens, 1—7. Leiden, 1951—1954, S. 100.

логической точки зрения, относительные прилагательные, ср. азерб. *аɣ̈ызлыɣ*, казах. *авҙздық* 'удила'.

В заключение несколько слов о дополнительном элементе *ӣл*, встречающемся в ряде слов перед аффиксом *-турук ~ -дурук* ... и не поддающемся этимологическому объяснению, ср. башк. (диал.) *кӱдҙлдҙрҙк* 'очки', *тӱшҙлдҙрҙк* 'нагрудник'. Кажется единственно возможным считать его следствием аналогии, характер действия которой был предопределен чрезвычайно большой употребительностью слова *көмӱлдӱрӱк*.

Кроме рассмотренных выше, имеется значительное количество других аффиксов отыменного словообразования существительных, например: *-(а)мӣк ~ -(а)мук* ...,[69] *-мач*, *-сак ~ -сах*, *-чӣн*, *-ман* и т. д. Некоторые из них образуют также прилагательные, что является следствием первоначальной нераздельности словообразовательных средств разных имен и прежде всего существительных и прилагательных. Примеры: ст.-узб. *боɣузлаɣу* 'глотка'; азерб. (диал.) *бозартмаj* 'хорек';[70] башк. (диал.) *һадамҙк* 'болотистая местность',[71] *бҙламҙк* 'мучная каша', *кӱдҙмҙк* 'глазунья', *кӱлҙмҙк* 'болотистая местность', *кҙҙамҙк* 'корь';[72] казах. *кҙзамак* 'корь', *карамҙк* 'плод дикого кустарника',[73] *кҙрман* 'гумно', *төскәj* 'склон горы';[74] кар. *тӱрсін ~ тӱрсӱн* 'образ';[75] карач. *ɣ̈ыртман* 'осел'[76] (ср. ст.-кыпч. *талашман* 'скандалист', Cod. Cum. $59r_{10}$); карач.-балк. *тӱрсӱн* 'внешний вид', 'образ', *сӱсун* 'что-либо жидкое', *аксӣн* 'что-либо молочное', *каксӣн* 'сушеное мясо';[77] кирг. *тілмәч* 'переводчик' (ср. ст.-кыпч. *толмач* 'переводчик', Cod. Cum. $63r_{17}$, и упоминаемое Ю. Немето́м слово *сӣɣ̈ыртмач* 'пастух'[78]), *аламӣк* 'пестрый'; узб. *кізамік* 'корь', *чакамук* 'лопух', *кэрамік* 'название растения', *гулчін* 'пятка у ичигов', *кулэкчін* 'шапка-ушанка', *білармэн* 'знаток', *бэрармэн* 'ходок', *чакічмэн* 'кляузник', *налакмэн* 'праща', *сӯлакмэн* 'дубина, палица'.[79] Эти аффиксы встречаются, как правило, в региональных подразделениях и в отдельных языках, выступают изолированно или в небольших группах слов.[80]

Раздел 2

Прилагательное

В тюркском праязыке прилагательные не имели особых морфологических показателей и само существование их как самостоятельного лексико-грамматического разряда имен вызывает большие сомнения.

---

[69] В данном случае можно говорить также об аффиксе *-мӣк ~ -мук* как средстве образования имен от глаголов.

[70] См.: Бе h будов С. М. Занкилан рајону шивәләриндә исим дүзәлдән шәкилчиләр. — В кн.: Вопросы азербайджанского языкознания. Баку, 1967, с. 183—184.

[71] См.: Ишбулатов Н. Х. Кизильский говор, с. 40.

[72] См.: Максютова Н. Х. Говор айских башкир, с. 15.

[73] См.: Тулеуов А. Словообразовательные аффиксы имен в современном казахском литературном языке. АКД. Алма-Ата, 1949, с. 11.

[74] См.: Современный казахский язык. Алма-Ата, 1962, с. 140.

[75] См.: Мусаев К. М. Грамматика караимского языка. Фонетика и морфология. М., 1964, с. 109.

[76] См.: Хабичев М. Карачаево-балкарское именное словообразование. Черкесск, 1971, с. 196.

[77] Там же, с. 35.

[78] Németh J. Zur Geschichte des Wortes *tolmács* 'Dolmetscher'. — AOH, 1958, VIII, 1, S. 8. См. также: Ercilasun A. B. *-Maç/-meç* eki üzerine. — TDED (1973), 1975, XXI, s. 83—88.

[79] См.: Ғуломов А. Ғ. Ўзбек тилида *-мэн* аффикси. — ЎТАМ, 1961, № 3, б. 20—22. См. также: Atalay B. Türkçemizde *-men ~ -man*. İstanbul, 1940, s. 21, 30, 38, 46; Ма'руф З. Ўзбек адабий тилида от ясовчи суффикслар, б. 112.

[80] См.: Севортян, Э. В. Аффиксы именного словообразования в азербайджанском языке. Опыт сравнительного исследования. М., 1966.

Выделение прилагательных, начавшееся, очевидно, еще в общетюркское время, происходило по двум линиям: путем семантико-функциональной трансформации существительных и путем сложения автономной морфологической системы, разграничивающей прилагательные с другими именами на уровне не только исходных, но и производных форм.[81]

Примером семантико-функциональной трансформации существительных может служить образование прилагательных *көк* 'синий, голубой' (< **көк* 'небо'), *кара* 'черный' (< **кара* 'мрак').

Преобразование семантики и функциональной стороны — путь развития не только качественных, но и относительных прилагательных. Только основой для развития относительных прилагательных являлись не исходные, а производные формы, причем некоторые из них и в настоящее время могут быть отнесены к прилагательным лишь условно. Такие морфологические образования, как др.-тюрк. *күндүн* 'южный', *таңдын* 'северный', *оңдун* 'находящийся справа', *ташкын* 'наружный', *ічкін* 'внутренний', *күндүнкі* 'южный', *бірүарудын* 'находящийся справа';[82] алт. *кїшкї* 'зимний'; туркм. *аҕачлык* 'лесистый', *йіддәкі* 'находящийся у вас', *адамдыд* 'безлюдный', не присоединяют к себе, за редкими исключениями, никаких характерных для прилагательных аффиксов и не образуют особых аналитических форм. Основную роль в отнесении их к прилагательным играет функциональный признак — использование в качестве определений, так что правомерно рассматривать указанные образования и как формы имен вообще: привативные, относительные и т. д.

Одним из наиболее древних морфологических показателей относительных прилагательных является аффикс *-лїҙ*. Как известно, отнесение аффикса *-лїҙ* к числу морфем, образующих относительные прилагательные, и противопоставление его аффиксу *-лїк*, выделяющему абстрактные имена существительные, послужило причиной продолжительных споров, которые и теперь еще нельзя считать окончательно разрешенными. Эти споры первоначально имели отношение к ограниченному языковому материалу и лишь впоследствии приобрели характер принципиальных расхождений. Начало им положил П. М. Мелиоранский, который энергично отстаивал точку зрения, устанавливающую для текста памятника в честь Кюльтегина строгое разграничение абстрактных имен существительных (аффикс *-лїк*) и относительных прилагательных (аффикс *-лїҙ*). П. М. Мелиоранскому казалось невероятным, чтобы из одного и того же орхонского *-лїҙ* ~ *-ліг* развились впоследствии в «южнотурецком» *-лїк* ~ *-лік* для существительных и *-лї* ~ *-лі* для прилагательных.[83] Напротив, В. В. Радлов вполне допускал употребление одного и того же аффикса для существительных и прилагательных.[84] Он возводил *-лїҙ* к *-лїк*, полагая, что вначале эти формы оканчивались на гласный: *-лїк + ї = -лїҙї > -лїҙ*, и указывая на существование подобных соотносительных пар у имен, ср. «чагатайск.» *jakї*, кюарчинск. *jaҙ*.[85] Несколько своеобразна точка зрения Ф. Е. Корша, различающего *-лїк* и *-лїҙ*, не только по конечному согласному, но и по качеству гласного звука. В древнетюркском языке, например, Ф. Е. Корш отдает предпочтение аффиксу *-луҙ* как показателю относительных прилагательных и возводит к нему старотурецкий аффикс

---

[81] Ср.: Севортян Э. В. Из истории прилагательных в тюркских языках. — В кн.: Тюркологические исследования. М.—Л., 1963, с. 58.

[82] См.: Arat R. Rachmeti. Türkçede cihet mefhumu ve bunun ile ilgili tabirler. — Türkiyat mecmuası, İstanbul, 1965, XIV (ayrı basım), s. 1—16.

[83] Мелиоранский П. М. Памятник в честь Кюль Тегина. — ЗВО РАО, 1899, XII, 2—3, с. 95—97.

[84] Разумеется, формы с так называемым аффиксом парности *-лї* (ср. др.-тюрк. *інілі эчілі* 'младшие и старшие братья') В. В. Радлов во внимание не принимает.

[85] Radloff W. W. Phonetik der nördlichen Türksprachen. Leipzig, 1882, S. 181 ff.

-лу. Вместе с тем он не отрицал возможности существования относительных прилагательных с нелабиализованным гласным.[86]

Каждое из приведенных мнений, если исключить гипотезу В. В. Радлова о конечном гласном, является в какой-то мере справедливым. Так, в языке орхонских надписей, действительно, трудно допустить наличие единого оформления.[87] С разделением абстрактных имен существительных и относительных прилагательных в этих памятниках согласуется разделение их в староогузских и старокыпчакских текстах, ср. *сӧзлі* 'словесный', *'ілмлі* 'знаток', 'ученый', *баƃдадлі* 'багдадец' (Telegdi, 292), *дӱрлӱ* 'разный' (AQJB 12), *шаһарлу* 'городской' (AQJB 20), *датлу* 'сладкий' (АФТ 090), *сачлі* 'волосатый' (АФТ 094). И в тех и в других различие аффиксов *-лік* и *-лі(ƃ)* четко выявляется в морфологическом плане, хотя нередки случаи смешения обеих форм. Все же примечательно, что автор كتاب ترجمان فارسی و ترکی و مغولی (АФТ 013), описывая диалект тюрок, близкий к языкам южной группы, говорит о двух формах. Приблизительно также обстояло дело в текстах манихейского письма и Брāхмӣ-шрифта. В памятниках уйгурского письма глухие и звонкие заднеязычные и увулярные согласные графически не различались. В староузбекском языке наблюдается значительное смешение тех и других, завершающееся почти полной унификацией их на основе аффикса абстрактных существительных. Подобная особенность характерна для современного уйгурского языка, ср. *балілік* 'имеющий детей', *татлік* 'вкусный', *ташлік* 'каменистый'. Однако в современном узбекском языке проявляется тенденция к формальному разграничению абстрактных существительных и относительных прилагательных: с одной стороны *-лік*, с другой — *-лік*, *-лі*.[88]

Вообще, в современных тюркских языках относительные прилагательные оканчиваются обычно либо на *-лїƃ*, либо на *-лї*, с различными вариантами: алт. *атту* 'конный, имеющий коня', *туралу* 'имеющий дом', *кірлу* 'гористый', *аƃашту* 'имеющий дерево'; башк. *һӧтлӧ* 'имеющий молоко', 'с молоком', *ітлӗ* 'мясистый'; гаг. *аналӥ* 'имеющий мать'; казах. *тондӳ* 'имеющий шубу', 'с шубой', *'далалӳ* 'степной', *акӳлдӳ* 'умный', *акшалӳ* 'денежный'; кар. *кірлі* 'грязный', *тӛмірлі* 'железный', *кутлу* 'счастливый'; кирг. *кӱчтӱ* 'сильный', *малдӱ* 'имеющий скот'; тат. *кӧмлӗ* 'песчаный', *кӧчлӗ* 'сильный'; тув. *даштїƃ* 'каменистый', *даƃлїƃ* 'гористый', *суƃлїƃ* 'влажный'; узб. *јӝкімлі* 'приятный', *кӯркінчлі* 'страшный'; хак. *малліƃ* 'имеющий скот', 'скотный', *тӧллӗг* 'породистый', *тоннїƃ* 'имеющий шубу'; чуваш. *хӑјуллӑ* 'смелый'; шор. *карліƃ* 'снежный', *тамнїƃ* 'вкусный', *палїктїƃ* 'имеющий рыбу'. Вместе с тем во многих языках наряду с формами на *-лїƃ* и *-лї* употребляются и формы на *-лік*, причем аффикс *-лік*, например в казахском языке, выступает как средство образования относительных прилагательных от заимствованных слов, а в ряде языков придает относительным прилагательным особые семантические оттенки: предназначение, отношение и т. д., ср. азерб. *јаралї* 'раненый', 'имеющий рану', *тозлу* 'пыльный', *ајлїƃ* 'месячный', *јазлїƃ* 'весенний', *іллік* 'годовой', *бірґӱнлӱк* 'однодневный', *кӧјнӓклік* (*іпӓк*) '(шелк) на рубашку',[89] *мӓнлік* 'относящийся ко мне', *сӓнлік* 'относящийся к тебе'; алт. *бајлїк* 'богатый', *д'ӛрлік* 'дикий', *бір кӱндӱк* 'однодневный'; казах. *авӳлдӳк* 'аульный'; карач.-балк. *аƃачлі* 'лесной', *кӱнлӱк* '(одно)дневный', *кӱзлӱк* 'озимый', *тонлук* 'предназначенный для шубы'; кирг. *алајлік* 'алаец',

---

[86] Корш Ф. Е. По поводу второй статьи проф. П. М. Мелиоранского о турецких элементах в языке «Слова о полку Игореве». — Изв. Отделения русского языка и словесности АН, 1906, XI, 1 (отд. отт.), с. 32—35.

[87] См.: Айдаров Г. Имя прилагательное в языке орхонской письменности VIII века. — Изв. АН Казахской ССР, серия общественных наук, 1965, 1, с. 65.

[88] См.: Мадрахимов А. Прилагательные новообразования в современном узбекском языке. АКД. Ташкент, 1955, с. 5—6.

[89] См.: Наджафова М. Аффиксы, образующие в азербайджанском языке существительные, прилагательные и глаголы. АКД. Баку, 1949, с. 7.

тӧлук ‘горец’, *аӣїлдїк* ‘аульный’, *шӑрдїк* ‘городской’;[90] крым.-тат. *бәш сӑтлїк* (*іш*) ‘(работа), рассчитанная на пять часов’;[91] кум. *тузлу* ‘соленый’, *гӱчлӱ* ‘сильный’, *ӱч манатлїк* ‘трехрублевый’, *он гішілік* (*ӱй*) ‘(дом), рассчитанный на десять человек’; ног. *атлї* ‘верховой’, *кӧйләклїк* (*кумаш*) ‘(ситец) на рубашку’; тур. *орманлїк* ‘лесной’, *даӷлїк* ‘горный’, *сабунлук* ‘предназначенный для мыла’, *јазлїк* (*кумаш*) ‘(материя) на летнюю одежду’, *бәш дакікалїк* ‘пятиминутный’;[92] туркм. *акїллї* ‘умный’, *гӱйчлі* ‘сильный’, *аӷачлїк* (*јәр*) ‘лесистая (местность)’, *баӷлїк* (*јәр*) ‘(место), изобилующее садами’, *дӧнлук* (*мата*) ‘(материал) на халат’, *ӯвлук* (*јәр*) ‘(место) с водой’; узб. *кајмәӷлік сут* ‘молоко со сливками’,[93] *іккі јіллік танаффус* ‘двухлетний перерыв’, *кізіл гуллік кӯјлак* ‘платье с красными цветами’;[94] чуваш. *утлӑ* ‘имеющий лошадь’, *пӳрдлӗх* ‘предназначенный для избы’, *кӗрӗклӗх* ‘предназначенный для шубы’.

Таким образом, в ряде тюркских языков становится все более отчетливым и более регулярным семантическое разграничение прилагательных на *-лї* и *-лїк* ~ *-лїӷ* (в узбекском языке — на *-лі* и *-лік*). Первые выражают преимущественно обладание, вторые — предназначение, отношение к определенному отрезку времени или месту, ср. азерб. *дашлї* ‘каменный’, *ајлїӷ* ‘месячный’, ‘происходящий в течение месяца’, ‘рассчитанный на месяц’; узб. *кӯјлаклі әдам* ‘человек в рубашке’, ‘человек, имеющий рубашку’, *бәлалі хәтін* ‘женщина, имеющая детей’, *кӯјлаклік чіт* ‘ситец на рубашку’, *бәлалік чәӷлар* ‘детские годы’, ‘пора детства’.[95]

Морфологическое выделение относительных прилагательных на *-лї(ӷ)* ~ *-лї(к)* могло происходить в ходе общего процесса семантико-функциональной трансформации или, точнее, семантико-функционального раздвоения существительных. Продолжительное время существительные широко использовались в функции определений без специальных формальных показателей, так что споры о том, насколько правомерно выделять прилагательные как самостоятельный разряд имени, в значительной мере обусловлены сохранением следов их морфологической нераздельности с существительными, ср. тув. *сӧк* ‘холод’ и ‘холодный’, *чїлїӷ* ‘тепло’ и ‘теплый’, *ізіг* ‘жара’ и ‘жаркий’;[96] хак. *сӧх* ‘холод’ и ‘холодный’, *амїр* ‘покой’ и ‘спокойный’.[97] Вместе с тем нельзя исключать возможность совершенно иного процесса (и он более вероятен) — процесса частичной или полной субстантивации относительных прилагательных, который мог способствовать стиранию морфологических границ между ними и существительными и возникновению такой ситуации, когда один и тот же вариант аффикса оказывается характерным для разных разрядов имени и, наоборот, когда в одном и том же разряде имени наблюдаются разные варианты.

Для семантического развития относительных прилагательных на *-лї(ӷ)* ~ *-лї(к)* характерно усиление качественных моментов, которое факультативно приводит к исчезновению различий между ними и качественными прилагательными в чисто морфологическом плане. Наблюдаются также случаи небольших семантических сдвигов и, в частности,

---

[90] См.: Орузбаева Б. О. Словообразование в киргизском языке, с. 24.

[91] См.: Севортян Э. В. Крымско-татарский язык. — В кн.: Языки народов СССР, II. М., 1966, с. 241.

[92] См.: Грунин Т. И. Имя прилагательное в тюркских языках (на материалах турецкого языка). — ВЯ, 1955, № 4, с. 57.

[93] См.: Шарипова К. А. Словообразующие аффиксы *-лик*, *-ли*, *-чилик* в узбекском языке, с. 21.

[94] См.: Зулфиев Я. *-Лик* аффиксининг сифат ясовчи вазифасида қўлланилиши. — ЎТА, 1972, № 5, б. 69—71.

[95] См.: Содиқова М. Ҳозирги ўзбек тилида сифат. Тошкент, 1974, б. 15.

[96] См.: Исхаков Ф. Г., Пальмбах А. А. Грамматика тувинского языка. Фонетика и морфология. М., 1961, с. 179—180.

[97] См.: Бабушкин Г. Ф. Вопросы прилагательных в хакасском языке. АКД. Абакан, 1953, с. 13.

использование относительных прилагательных для обозначения лиц по национальной принадлежности, месту жительства и т. д. Примеры: карач.-балк. *кӣтайлӣ* ‘китаец’, *оруслу* ‘русский’, *малкарлӣ* ‘балкарец’, *карачайлӣ* ‘карачаевец’; тур. *істамбуллу* ‘стамбулец’; туркм. *марӣлӣ* ‘житель Мары’, *чӑрӯэвлі* ‘житель Чарджоу’; узб. *тошкан(т)лік* ‘житель Ташкента’, *самаркандлік* ‘самаркандец’.

В туркменском и уйгурском языках наряду с относительными прилагательными на *-лік ~ -лік* имеются также относительные прилагательные на *-лақ ~ -лӕк*, которые развились из существительных со значением места, изобилующего теми или иными предметами, живыми существами и т. п.: туркм. *ӕтлӕк* ‘мясистый’, *ӧӱңклӕк* ‘костистый’; уйг. (диал.) *музлак* ‘холодный’.[98] Ср. якут. *аттаах* ‘имеющий лошадь’, *іккілээх* ‘двухлетний’, *муҥнаах* ‘опечаленный’, *ӱттээх* ‘имеющий молоко’, *оҕолоох* ‘имеющий ребенка’.[99]

Хотя нет достаточной уверенности в существовании связи между аффиксом относительных прилагательных и аффиксом, оформляющим парные слова (ср. др.-тюрк. *інілі эчілі* ‘младшие и старшие братья’ (КТб$_6$), *Мәккәлі Таіфалі ара* ‘между Меккой и Тайфой’, *бізлі анларлӣ ара* ‘между нами и ими’ (Теф. 31); азерб. *сізлі бізлі* ‘вы и мы’; алт. *әнәлӱ балалу* ‘мать с ребенком’; крым-тат. *бабалӣ оғуллӣ* ‘отец и сын’; тур. *әркәклі кадінлі калабалік* ‘толпа, состоящая из мужчин и женщин’, *бӱӱкlӱ кӱчӱклӱ* ‘большой и маленький’), такая связь возможна.

Мы не рассматриваем подробно аффикс относительных прилагательных *(-тӣн) ~ -дӣн ~ -тун ~ -дун*: соответствующие формы были приведены выше. Заметим лишь, что данный аффикс омонимичен аффиксу исходного падежа и, по всей видимости, связан с ним генетически.

Явно тяготеют к прилагательным формы на *(-чаң) ~ -чан ~ -ча ~ шаң ~ -шан...*,[100] не имеющие четко очерченных семантических границ. Некоторые из них по своему значению сближаются с формами на *-лӣ(ғ) ~ -лӣ(к)*, другие выражают склонность, расположенность к приобретению определенного качественного признака или передают обладание признаком с подчеркиванием его исключительности. Последнее значение аффикса *-чаң ~ -чан...* отмечается преимущественно в составе форм, образованных от названий одежды. Примеры: алт. *соғушчаң* ‘драчливый’, *әрікчӕң* ‘тоскливый’, ‘грустный’, *кәрішчӕң* ‘скандальный’; башк. *буҫсан* ‘рослый’, *ӧйӧкҫан* ‘в одних носках’, *күлдәкҫән* ‘в одной рубашке’, *һүҙсән* ‘словоохотливый’, *ӧйалсан* ‘стыдливый’, *ашҡынсан* ‘торопливый’; казах. *ашушаң* ‘вспыльчивый’, *сӧзшӕң* ‘словоохотливый’, *бойшаң* ‘рослый’, *тәршӕң* ‘потливый’, *күршӕң* ‘маркий’, *көйлӕкшӕң* ‘в одной рубашке’;[101] казах. (диал.) *ӱйалшаң* ‘застенчивый’, *аjаншаң* ‘жалостливый’;[102] кирг. *атчан* ‘находящийся верхом на коне’; к.-калп. *ішішӕң* ‘трудолюбивый’; крым.-тат. *jашавчан* ‘живучий’; тат. *халӣкчан* ‘народный’, *талапчӑн* ‘требовательный’, *тормӣшчан* ‘жизненный’, *тӣлчӑн* ‘языкастый’, ‘говорливый’; туркм. *ішӯӯӕң* ‘трудолюбивый’, *көjнӕкчӕ* ‘в одной рубашке’; узб. *ӯjчан* ‘задумчивый’, *сӯзчан* ‘красноречивый’, *ғаjратчаң* ‘энергичный’, *маҳсічаң* ‘в одних ичигах’, *күjлакчаң* ‘в одной

---

[98] См.: Садвакасов Г. Язык уйгуров Ферганской долины и проблема взаимодействия уйгурских и узбекских диалектов. АДД. Алма-Ата, 1972, с. 20.

[99] См.: Убрятова Е. И. Аффикс обладания *-лаах* в якутском языке. — В кн.: Белек С. Е. Малову. Фрунзе, 1946, с. 60—65; Григорьев Н. С. Прилагательное в якутском языке. Канд. дисс. (рукопись). Л., 1946, с. 108.

[100] Об этимологии аффикса *-чаң...* см.: Севортян Э. В. Аффиксы именного словообразования в азербайджанском языке, с. 99, 188; Кӯлдошев М. *-Чан* (*-чанг*) аффиксининг баъзи бир хусусиятлари ҳақида. — В кн.: Материалы предстоящей XI научно-теоретической конференции профессорско-преподавательского состава Каршинского ГПИ, посвященной 50-летию образования СССР, II. Карши, 1972, с. 59—60.

[101] См.: Тулеуов А. Словообразовательные аффиксы имен в современном казахском литературном языке, с. 5.

[102] См.: Нурмагамбетов А. Казахский говор на территории Туркменской ССР. АКД. Алма-Ата, 1965, с. 13.

рубашке', *јактакчаң* 'в одном халате', *сінэвчан* 'проницательный', *унутувчан* 'забывчивый', *уjалчан ~ уjатчан* 'стыдливый', *шӱхчан* 'шаловливый', *бӱjчан* 'рослый', *ішчан* 'трудолюбивый'; узб. (диал.) *этчән* 'находящийся верхом на лошади', *ӛшәкчән* 'находящийся верхом на осле',[103] *іштэнчәң* 'в одном белье', *уjәтчәң* 'застенчивый';[104] уйг. *ішчан*, *ішләмчан* 'трудолюбивый', *сӧзчан* 'говорливый', *көjүмчан* 'сострадательный'; чуваш. *шӑрччан* 'обидчивый'.

Другие аффиксы, образующие относительные прилагательные — *-кїл ~ -кул...*, *-кїр ~ -кур...*, *-сіӈ ~ -суӈ...* *-сак...*, *-лас*, *-мӛр ~ -мӧр*, *-ман*, *-сал*, *-дам* и т. п. Примеры:

др.-тюрк. *ӱчкӱл*[105] 'трехугольный', *дӧрткӱл* 'четырехугольный'; казах. *ӱшкїл*, *төрткїл*; карач.-балк. *ӱчгӱл*, *төртгӱл*;[106] чуваш. *тӑваткӑл* 'четырехугольный';

тув. *дїлӈїр* 'красноречивый', *сӱткӱр* 'молочный';

алт. *калїмзїк* 'берущий большой калым'; тув. *дашсіӈ* 'похожий на камень', *дуссуӈ* 'солоноватый', *кіжізіг* 'человечный';

алт. *аракїзак* 'любящий выпить', *уjкузак* 'любящий поспать', 'сонливый', *сӱзак* 'жаждущий'; тув. *оjунзак* 'игривый' (ср. якут. *ӛтімсӛх* 'любящий мясо' (*ӛтім-сӛх* > *ӛт-імсӛх*),[107] *чajїмсах* 'любящий чай', *балїӈїмсах* 'любящий есть рыбу', *jїӛмсӛх* 'домосед';[108] кирг. (диал.) *алїмсак* 'то, что причитается с кого-л.', *бӛрімсӛк* 'долг';[109] башк. (диал.) *jарамһак* 'угодливый'[110]);

башк. *ітлӛӈ* 'мясистый', *jӧнтӛӈ* 'волосатый'; узб. *туклас* 'волосатый'; узб. (диал.) *ӛтлӛс* 'мясистый', *біртлас* 'усатый'; ср. тат. *ітлӛч* 'мясистый', *jӧнлач* 'волосатый';

кирг. *ішмӛр* 'деловой', 'деловитый', *сӧзмӧр*, *тілмӛр* 'красноречивый';

карач.-балк. *акїлман* 'умный', 'толковый', *ӈїзман* 'мелочный'; тур. *коjаман* 'огромный', *караман* 'темный', 'смуглый', *көлӛмӛн* 'династия мамлюков в Египте' (букв. рабский), *шішман* 'толстый';

др.-тюрк. *тїлдам* 'красноречивый', *күндӛм* 'солнечный', *тәӈрідӛм* 'божественный', *ӛрдӛм* 'доблестный', 'доблесть'.

Отличительной чертой прилагательных в грамматическом плане является образование форм, выражающих разные степени насыщенности признака. Эти степени тюркологи нередко называют сравнительными, имея в виду их близость к определенным формам индоевропейских языков, и выделяют в количестве от двух до семи.[111] Мы не считаем возможным говорить о степенях сравнения в тюркских языках, так как соответствующие формы выражают не отношения между качествами разных предметов или явлений, а качество само по себе, с точки зрения говорящего, устанавливающего его тождественность норме («красный»), недостаточность («красноватый») или превышение нормы («очень красный», «совершенно красный»). Только сочетания типа *ӛӈ кїзїл* 'самый красный', именуемые превосходной

[103] См.: Шарипов Х. Узбекские говоры Южной Киргизии, с. 16.

[104] См.: Шаабдурахманов Ш. Узбекский литературный язык и узбекские народные говоры. АДД. Ташкент, 1963, с. 64.

[105] См.: Bang W. Beiträge zur türkischen Wortforschung, II. Zum türkischen Zahlwort. — Túrán, Budapest, 1918, 9—10, S. 532 ff.

[106] См.: Emre A. C. Türkçede kelime teşkili, I. Ankara, 1933, s. 37.

[107] См.: Radloff W. Die jakutische Sprache in ihrem Verhältnisse zu den Türksprachen, S. 22.

[108] См.: Антонов Н. К. Именное словообразование в якутском языке. АКД. Л., 1952, с. 6.

[109] См.: Юнусалиев Б. М. Кыргыз диалектологиясы, б. 186.

[110] См.: Ишбулатов Н. Х. Морфологические особенности казмашевского говора, с. 94.

[111] См.: Мұсабаев Ғ. Ғ. Қазақ тіліндегі сын есімнің шырайлары. — Алматы, 1951, б. 34; Сундетова М. К вопросу о степенях сравнения прилагательных в русском и казахском языках. — Уч. зап. Казахского гос. унив., язык и литература, 1958, XXXIII, 2, с. 91 и сл.; Эйвазов А. Г. Степени имен прилагательных в современном турецком литературном языке (с привлечением материалов из других тюркских языков). АКД. Баку, 1964, с. 3—9.

степенью, немыслимы без сопоставления качеств разных предметов, однако сопоставление здесь не является непосредственной основой для оценки абсолютного качественного превосходства. Оно лишь предполагается.

Формы, выражающие недостаточность, неполноту признака, образуются при помощи аффиксов *-(ï)pak, -(ï)мтïл ~ -(у)мтул, -шïл* и др.

Аффикс *-(ï)pak ~ -(у)pak ~ -(ï)pāk ~ -(у)pāk* — самый распространенный в тюркских языках классификационный морфологический показатель прилагательных, причем передаваемая им неполнота признака может восприниматься в зависимости от контекста и как избыточность его, ср. ст.-узб. *кічігäк касаба* 'небольшая крепость' (букв. поменьше), *улуӈрак касаба* 'более крупная крепость' (букв. побольше); азерб. *jахшïраӈ* 'более хороший', 'получше', *гödäрäк* 'более короткий'; башк. *äсĭрäк* 'кисловатый'; гаг. *дарарак* 'узковатый'; казах. *көгĭрӛк* 'более синий', *кĭзĭлĭрак* 'более красный'; кар. *аврувлурах* 'больнее', *халсïзрак* 'послабее'; карач.-балк. *калïнïрак* 'потолще', *узунурак* 'подлиннее', *кïзïлïрак* 'покраснее'; кирг. *катūрāк* 'твердоватый', *аӈĭрāк* 'более белый', *көгүрӧк* 'синеватый', *ачӯрāк* 'горьковатый'; к.-калп. *аларак* 'пестроватый', *сарĭрак* 'пожелтее'; крым.-тат. *аӈĭĭӈарак* 'горьковатый'; кум. *алашарак* 'низковатый', *астарак* 'потише', *гіччірӛк* 'поменьше'; ног. *көгӯрӛк* 'голубоватый'; тат. *авĭррак* 'потяжелее', 'более тяжелый', *äчĭрäк* 'кисловатый'; тур. *інӈӛрӛк* 'потоньше', *кӱчӱрӛк* 'поменьше'; туркм. *овнуӈрак* 'более мелкий', *āӈĭрак* 'более горький'; узб. *кэрарӝк* 'почернее', *акллірӛк* 'поумнее'; уйг. *акірак* 'более белый'; чуваш. *ӑжӑрах* 'теплее', *ілӛмлӗрӛх* 'красивее', *пӳјандарах* 'богаче', *саӈалдарах* 'поменьше', *с'ӗнӗрӛх* 'поновее'.

Из двух вариантов данного аффикса — с начальным гласным и без него — более древним Я. Экман считает последний, отмечая, что начальный гласный в нем появился довольно поздно под влиянием находящегося в начале слога *р*, ср. *асïра < асра*.[112] Если же принять во внимание возможность интерпретации форм на *-(ï)pak ~ -(у)pak...* как производных имен, образованных от глагольных основ типа *кïскар-* 'укорачиваться', *көгär- ~ көкär-* 'становиться голубым', *аӈar- ~ акар-* 'белеть', то необходимо будет отдать предпочтение первому варианту. Первый вариант предпочтительнее также и с точки зрения сторонников новейшей этимологии аффикса *-(ï)pak ~ -(у)pak...*, устанавливающих связь его с самостоятельным словом: в тюркских языках Сибири и Алтая встречаются аналитические формы, которые включают в себя в качестве служебного компонента слово-частицу (*āрак*) *~ арак ~ арïк*) с реконструируемым исходным значением «чуть-чуть».[113] Примеры: тув. *кïзïл āрак* 'красноватый', *улуӈ āрак* 'великоватый', *көк āрак* 'голубоватый', *сарïӈ āрак* 'желтоватый'; хак. *кĭчĭг арах* 'маловатый', *чӧн арах* 'толстоватый', *хïзïл арах, харамдïх арах*;[114] шор. *ак āрак* 'беловатый', *көк āрак* 'голубоватый', *чабал āрак* 'плоховатый' (ср. алт. *аӈарïк, көгӧрік, сарӈарïк, кïзарïк*).

Изредка аффикс *-(ï)pak ~ -(у)pak...* присоединяется к существительным, к словам *бар* и *јок*, к причастиям, деепричастиям и наречиям, что является убедительным свидетельством его образования из самостоятельного слова-частицы, ср. др.-тюрк. *'алімрак* 'более ученый', *білгäнрäк* 'более знающий'; башк. (диал.) *кĭрӈарак* 'несколько в сторону', *сіттäрäк*

---

[112] Eckmann J. Türkçede *-raq, -rek* ekine dair. — TDAY. Belleten, 1953, s. 52. Здесь же подробно говорится об этимологии аффикса *-pak* (s. 51—52). См. также: Räsänen M. Materialien zur Morphologie der türkischen Sprachen. — StO, 1957, XXI, S. 75; Кононов А. Н. Грамматика современного узбекского литературного языка, с. 162—163.

[113] См.: Исхаков Ф. Г., Пальмбах А. А. Грамматика тувинского языка, с. 186.

[114] См.: Бабушкин Г. Ф. Вопросы прилагательных в хакасском языке, с. 21; Дыренкова Н. П. Грамматика хакасского языка. Абакан, 1948, с. 42.

'несколько в стороне', *кіскä карајӳрак* 'примерно к вечеру';[115] кар. *аҕарах карӳндаш* 'старший брат', *ігітрах карӳндаш* 'младший брат';[116] тат. *аркаҕарак* 'немного назад', *сулҕарак* 'немного влево', *алҕарак* 'немного вперед', *уңҕарак* 'правее'; тур. *оларак* 'являясь, будучи'; узб. *у шіррэк эдам* 'он довольно поэтичный человек', *кӯчанің бошрэҕіда* 'в самом начале улицы', *кэчіврэк* 'убегая', *бэррэк* 'есть все же', *јӯкрэк* 'нет все же', *чэтрэкка* 'немного в сторону', *чапрэкка* 'левее', *ӯңрэкка* 'правее', *олдінрэкка* 'немного вперед';[117] чуваш. *вăрманарах* 'дальше в лес'.[118]

Морфологические образования с аффиксом *-(ӳ)рак ~ -(у)рак*. . . как указывалось выше, не являются формами сравнительной степени и никогда не являлись ими. Сравнение в тюркских языках выражается посредством сочетания прилагательных с существительными в форме исходного падежа. При этом прилагательные могут быть оформлены аффиксом *-(ӳ)рак ~ -(у)рак*. . ., но это оформление необязательное, ср. кирг. *алмурут алмадан таттӯрāк* 'груша слаще яблока', *бал канттан таттӯ* 'мед слаще сахара'.[119] Все же в ряде современных тюркских языков намечается тенденция к преимущественному использованию при сравнении форм на *-(ӳ)рак ~ -(у)рак*. . .[120]

Неполноту признака выражают также аффиксы *-ӳл ~ -ул*, *-ӳлт ~ -улт*, *-ӳлтӳм ~ -ултум ~ -ӳлдӳм ~ -улдум*, *-ӳлтӳј ~ -ултуј ~ -ӳлдӳј ~ -улдуј*, *-ӳлтӳр ~ -ултур ~ -ӳлдӳр ~ -улдур*, *-ӳлтӳрӳм ~ -ултурум ~ -ӳлдӳрӳм ~ -улдурум ~ -ӳлдӳрӳн*, которые вследствие переразложения основ на *к*, *ҕ* и *в* результате действия аналогии параллельно употребляются в форме *-ҕӳл ~ -ҕул*, *-ҕӳлт ~ -ҕулт* и т. д.:[121] алт. *кӧскӳлтӳм* 'красноватый', *сарҕӳлтӳм* 'желтоватый'; алт. (диал.) *карāлтӳм* 'черноватый', *кӳзӳлтӳм*;[122] башк. *һарҕӑлт* 'желтоватый', *јäшкӳлт* 'зеленоватый', *һӧрҕӧлт* 'сероватый', *сӧскӧлт ~ сӧскӧлтӧм* 'сладковатый', 'пресноватый', *äскӳлт* 'кисловатый', *äскӳлтӳм* 'горьковатый'; башк. (диал.) *каткӑл* 'твердоватый', *һарҕӑлтӑм*, *сӧскӧл*, *äскӳл*; казах. *бозҕӑл ~ бозҕӑлт ~ бозҕӑлтӑм* 'бледноватый', *сӯрҕӑлт* 'сероватый', *көгӑлдӑр* 'синеватый', *кӳзҕӑлт ~ кӳзҕӑлтӑм ~ кӳзӑлтӳм*, *сарҕӑлтӑм ~ сарӑлтӑм*, *каралтӑм*; карач.-балк. *морҕулдум* 'коричневатый', *јашілдім* 'зеленоватый', *кӳзҕӳл ~ кӳзҕӳлдӳм ~ кӳзӳлдӳм*, *сарҕӳл ~ сарҕӳлдӳм*; кирг. *аҕӳлтӳм ~ аҕӳлтӳр* 'беловатый', *көгӳлтӳм ~ көгӳлтӳр*, *кӳзҕӳлт ~ кӳзҕӳлтӳм*, *сарҕӳлт*, *сурҕулт*, *бозҕӳлт*; к.-калп. *сарҕӳлт*; крым.-тат. *кӳзӳлтӳм*, *сарӳлтӳм*, *көгӳлтім*, *акӳлтӳм*; кум. *кӳзҕӳлт*, *сарҕӳлт*, *јашҕӳлт*, *акҕӳлт*; кум. (диал.) *хӳзӳлдӳрӳн*, *харалдӳрӳн*, *јашӳлдӳрӳн*, *аҕӳлдӳрӳн*;[123] ног. *кӳзҕӳлт*, *сар-*

---

[115] См.: Ишбулатов Н. Х. Морфологические особенности казмашевского говора, с. 105—106.

[116] См.: Мусаев К. М. Грамматика караимского языка, с. 181.

[117] См.: Ғуломов А. Ғ. Ўзбек тилида сифатнинг чоғиштирма даражалари. — ЎТАМ, 1959, № 2, б. 50, 54.

[118] См.: Андреев Н. А. Имя прилагательное. — В кн.: Материалы по грамматике современного чувашского языка, I. Морфология. Чебоксары, 1957, с. 98.

[119] См.: Уметалиева Б. Степени сравнения прилагательных в киргизском языке. — Уч. зап. филологического факультета Киргизского гос. унив., Фрунзе, 1957, 3, с. 45. См. также: Ма'руфов З. М. Ўзбек тилида сифатларнинг қиёсий даражалари. — Тр. ИЯЛ, Ташкент, 1949, I, с. 131—143; Гулямов Я. Г. Из наблюдений над морфологией ташкентского говора. — В кн.: Материалы по узбекской диалектологии, I. Ташкент, 1957, с. 205; Ғуломов А. Ғ. Ўзбек тилида сифатнинг чоғиштирма даражалари, б. 47—55.

[120] См.: Ејвазов А. Г. Түрк дилиндә сифәтин мүгајисә дәрәчәләриниң нәзәри чәһәтдән анлајышы. — Изв. АН Азербайджанской ССР, серия общественных наук, 1962, № 3, с. 105.

[121] Ср.: Исхаков Ф. Г. Имя прилагательное. — ИСГТЯ, II, с. 148; Хабичев М. Карачаево-балкарское именное словообразование, с. 176 (по мнению М. Хабичева, *јашіл* < *јашгіл*, *кӳзӳл* < *кӳзҕӳл*).

[122] См.: Баскаков Н. А. Морфологические особенности словообразования именных частей речи в кумандинском диалекте алтайского языка, с. 59.

[123] См.: Керимов И. А. Очерки кумыкской диалектологии (терский диалект), с. 121.

ƣĭл ~ сарƣĭлдĭм~сарƣĭлдĭj, көгӱлдĭм ~ көгĭлдĭм ~ көгӱлдĭj, аƣĭлдĭм ~ аƣĭлдĭj; тат. *ачкĭлт ~ ачкĭлтĭм* 'кисловатый', *ачкĭлтĭм* 'горьковатый', *кĭзƣĭлт, сарƣĭлт, јашкĭлт, сӧрƣĭлт*; тув. *сарƣӥл ~ сарƣӥлдӥр, көгӱлдӱр*; туркм. *ӥдƣӥлт, дӑрƣӥлт*; узб. (диал.) *гӧгӓл*;[124] шор. *көгӱлдӱрӱм, аƣӥлдӥрӥм*.

Более или менее близкое внешнее сходство с аффиксами данной группы обнаруживают аффиксы *-ӥлјӥм ~ -улјум, -ӥлјӥр ~ -улјур, -ӥлдӥн, -ӥлбај*, ср. башк. (диал.) *кӱгĭлјĭм*;[125] кирг. *көгӱлјӱм, каралјӥм, аƣӥлјӥм*; кум. *каралдӥн*; ног. *көгĭлјĭм ~ көгӱлјĭр, аƣĭлјĭр*; тат. *кӱгĭлжĭм*; хак. *көгĭлбӡj*.

Сопоставление приведенных выше аффиксов,[126] ср.

ӥл	*-ӥл*	*-ӥл*	*-ӥл*	*-ӥл*
-ӥл-т	*-ӥл-тӥр-ӥм*	*-ӥл-јӥм*	*-ӥл-јӥр*	*-ӥл-бај*
-ӥл-т-ӥj	*-ӥл-тӥр-ӥн*			
-ӥл-т-ӥм				
-ӥл-т-ӥн				

показывает, что объединяющим их в одну группу является компонент *-ӥл* (~ *-ул*),[127] использование которого положило начало процессу выделения прилагательных в самостоятельный разряд имени, ср. др.-тюрк. *јашıл* 'зеленый', *kızıl* 'красный'; алт. *көгӱл* 'синий', 'голубой';[128] ног. *сарƣĭл* 'желтый'. Очевидно, в древности, как отмечает Б. М. Тагиев, аффикс *-ӥл* (~ *-ул*) использовался только в целях образования прилагательных от существительных, позднее же к этой его функции прибавилась дополнительная — выражение неполноты признака или так называемой уменьшительной степени.[129] Последняя функция в ряде говоров современных тюркских языков стала доминирующей.[130] Более сложные формы с аффиксом *-ӥл* (~ *-ул*) отразили процесс развития исходных образований в направлении дальнейшей дифференциации за счет присоединения аффиксов уменьшительности и уподобления, ср. ног. *сарƣĭл*, к.-калп. *сарƣĭлт*, казах. *сарƣĭлтĭм*; алт. *көгӱл*, тув. *көгӱлдӱр*, шор. *көгӱлдӱрӱм*.

Повышенный интерес у тюркологов и алтаистов вызывают аффиксы *-ӥмтӥр, -ӥмт(ӥ)рак ~ -ӥмт(ӥ)рaƣ, -ӥмтӥл ~ -умтул*. Примеры: азерб. *бозумтул* 'сероватый', *гӧјӱмтӱл* 'голубоватый', *сарӥмтӥл* 'желтоватый', *ƣарамтӥл* 'черноватый', *аƣӥмтӥл* 'беловатый', *сарӥмтрaƣ* 'желтоватый', *аƣӥмтрaƣ* 'беловатый', *ƣырмызымтӥл, ƣырмызымтрaƣ* 'красноватый'; азерб. (диал.) *аƣӥмтӥр, ƣарантӥл, көхӱнтӱр*,[131] *аƣӱмтӱлӓк, сарӥмтӱлӓк*,[132] *бозунтурух ~ бозунтурах*;[133] казах. (диал.) *сарƣĭмтĭл, көгĭмтĭл*;[134] тур. *јӓшілімтірак, сарïмтïрак, бӓјазымтырk, аjïмтірık, кïрмізімтïрак, моруmтурак, ӟкшімт(ӟ)рӟк*; туркм. *ӑƣӥмтӥл, ƣараmтӥл, гдгӱмтӥл*; узб. *кэрамтіл, экімтіл, кэрамтір, экімтір, сарƣіmтір*.

С аффиксами *-ӥмт(ӥ)р, -ӥмт(ӥ)рak ~ -ӥмт(ӥ)рaƣ, -ӥмтӥл ~ -умтул* мы сопоставляем несколько других аффиксов, включающих компонент *-ӥм ~ -ум*: алт. *карамту* 'черноватый', *боромтӱк* 'темноватый'; сапар. *ахӟмтух* 'бело-

---

[124] См.: Джуманазаров Ю. Морфологические особенности хазараспского говора узбекского языка. АКД. Ташкент, 1961, с. 13.

[125] См.: Максютова Н. Х. Говор айских башкир, с. 16.

[126] Из сопоставления исключены чисто фонетические разновидности.

[127] Ср.: Тағыјев Б. М. Азәрбајчан дилиндә сифәтин азалтма дәрәчәси. — В кн.: Вопросы азербайджанского языкознания. Баку, 1967, с. 130 и сл.

[128] См.: Дыренкова Н. П. Грамматика ойротского языка, с. 76.

[129] Тағыјев Б. М. Азәрбајчан дилиндә сифәтин азалтма дәрәчәси, с. 135.

[130] См.: Азәрбајчан дилинин Муған групу шивәләри. Бакы, 1955, с. 98.

[131] См.: Джафарзаде М. М. Говоры Имишлинского района азербайджанского языка. АКД. Баку, 1969, с. 17.

[132] См.: Мамедов И. М. Карягинские говоры азербайджанского языка, с. 27.

[133] См.: Исламов М. И. Нухинский диалект. АКД. Баку, 1961, с. 17.

[134] См.: Нурмагамбетов А. Казахский говор на территории Туркменской ССР, с. 13.

ватый', *хїтїмтух* 'твердоватый';[135] тур.-км. *чāлїмтїк* 'сероватый', *ӡāрїмтїк* 'желтоватый', *āӷїмтїк* 'горьковатый', *туршумтїк* 'кисловатый', *ӡӱӷїмтїк* 'сладковатый'; хак. *хїзамдїх* 'красноватый', *көгәмдїк* 'синеватый', *харамдїх* 'черноватый'; шор. *карамдїк*, *сарɣамдїк*. Компонент *-їм ~ -ум* эпизодически встречается и сам по себе, а также в сочетании с другими, малоупотребительными аффиксами, например: азерб. *аӷїмсов* 'беловатый'; азерб. (диал.) *аӷїмсој*, *гөјӱмсој*, *бозумсој*;[136] алт. *карамзїмак*; гаг. *сарїмсї*, *їшімсі*; тат. *җїлїмса* 'тепловатый'; тур. *јәшїлімсі*, *бәјазїмсї*, *кїрмїзїмсї*, *аӷїмсї*;[137] узб. *ачімсік*, *курумсж*; узб. (диал.) *карам*.[138]

Остается открытым вопрос об отношении форм на *-їмтїл* к формам на *-їлтїм*, ср. казах. *сарɣїмтїл* и *сарɣїлтїм*. Если пренебречь возможностью монгольского влияния, нетрудно допустить в данном случае сложную метатезу. В связи с этим возникает вопрос о том, какую из двух форм следует считать первичной. Однако едва ли было бы целесообразно пытаться найти правильный ответ на него до окончательной проверки иных способов интерпретации форм на *-їмтїл*.

Среди разновидностей рассматриваемых форм, встречающихся в диалектах азербайджанского языка, обращают на себя внимание те, в которых аффиксы *-їмтїл*, *-їмтїр*, *-їмтїрах* выступают в виде *-їнтїл*, *-інтїр*, *-їнтїрах*. С другой стороны, примечательны формы типа *акїндї*, *акїндїк* 'беловатый' в диване Махмуда Кашгари, находящиеся в одном ряду с древнетюркскими причастиями на *-їнтї ~ -їндї: акїндї сув* 'текущая вода', *ітінді нәң* 'оттолкнутая вещь' (МК I 140). Ср. алт. *казїнтї* 'колодец'; башк. *ашантї* 'съедобное', *ташлантї* 'отбросы', *һајлантї* 'отборное'. Учет тех и других позволяет сделать предположение, что основой для форм на *-їмтїл*, *-їмтїр*, *-їмтїрах* послужили древнетюркские причастия на *-їнтї* и что аффикс *-їмтїрах*, к которому восходят почти все остальные разновидности, образовался в результате присоединения к причастной форме аффикса *-рак*,[139] ср. узб. (диал.) *акчілрак* (*ак-чіл-рак*) 'беловатый', *гөгәлрәк* (*гөг-әл-рәк*) 'голубоватый', *узунсарак* (*узун-са-рак*) 'длинноватый';[140] уйг. *акучірак* (*ак-уч-ірак*) 'беловатый', *көкүчірәк* (*көк-үч-ірәк*) 'голубоватый'. Понятно, что при таком объяснении аффиксы *-їмтїл*, *-їмтїр*, *-їмтїрак*, *-їмтїк* должны занять самостоятельное место среди морфологических показателей, характеризующих прилагательные.

Аффиксы, входящие в следующую группу, также, по-видимому, сложные: *-сїман ~ -суман ~ -зібан*, *-сїмак ~ -сумак ~ -зїмак*, *-сїмар ~ -зїмар ~ -зумар*, *-сімал ~ -сумал ~ -шумал*... Примеры: алт. *кїзїлзїмак*, *сарїзїмак ~ сарсїмак*, *көксүмәк ~ көксімәк*, *каразїмак*, *аксїмак*; кум. *кїзїлшумал*, *сарїшумал*, *карашумал*, *гөкшумал*, *јашїлшумал*, *акшумал*; карач.-балк. *кїзїлсїман*, *сарїсїман*, *карасїман*, *аксїман*, *көксүман*, *морсуман*, *јашілсїман*, *бозсїман*, *уллусїман*; кирг. *кїзїлсїмак*, *акӱмал*; ног. *бїјїксїмал*; тув. *кїзїлзїмăр*, *сарїɓзїмăр*, *көксүмәр*, *улуɣзумăр*; узб. *кэрасімэн*; узб. (диал.) *јіллісімак* (< *јіннісімак*) 'придурковатый';[141] шор. *кїзїлзїбан*, *сарїɣзїбан*. Они включают в себя аффикс *-сї ~ -су ~ -зї ~ -зу*, который выражает неполноту

---

[135] См.: Тенишев Э. Р. Строй саларского языка. АДД. М., 1969, с. 46.

[136] См.: Чәфәров Һ. Тавус шивәләринин бә'зи морфоложи хүсусиййәтләри һаггында. — Уч. зап. Кировабадского ГПИ, 1956, № 4, с. 134.

[137] В турецком языке с аффиксом *-імсї* встречаются и существительные, однако все или почти все подобные формы — новообразования, ср. *јӱјәмсі* 'карликовый', *кулумбәмсі* 'шалашеобразный', *адамімсї* 'человекообразный'. См.: Emre A. C. Türkçede kelime teşkili, I, s. 41.

[138] См.: Джуманазаров Ю. Морфологические особенности хазараспского говора узбекского языка, с. 13.

[139] Ср.: Кононов А. Н. Грамматика современного турецкого литературного языка, с. 146; Korkmaz Z. Türkçede ek yığılması olaylarının meydana gelişi üzerine. — TDAY. Belleten, 1960, s. 177.

[140] См.: Джуманазаров Ю. Морфологические особенности хазараспского говора узбекского языка, с. 13.

[141] Там же.

признака сам по себе, а также в сочетании с другими аффиксами: др.-тюрк. *аксїрак*; алт. *аксу*, *көксӱ*; алт. (диал.) *аксї*;[142] тат. *алсу*, *зәңгәрсӱ*; тур. *кїзїлсї*, *јәшілсі* ~ *јәшілімсі*. Первоначальное значение аффикса *-сї* ~ *-су*... скорее уподобительное, чем уменьшительное, ср. кар. *ормансї* 'лесной'; тур. *чоҕуксу* 'впавший в детство', *мајмунсу* 'обезьянообразный', *далҕамсї* 'волнообразный'; узб. *јулдузсімэн* 'звездообразный', *кулгансімэн* 'он как будто смеется', *эдамсімэн* 'человекообразный', *тухумсімэн* 'яйцевидный';[143] узб. (диал.) *өчіксі* 'не совсем ясный';[144] уйг. *бөрісімал* 'похожий на волка', *адәмсімал* 'человекообразный'.

Едва ли путь образования форм неполноты признака прилагательных в тюркских языках был единственным. Скорее даже тот путь, о котором говорилось выше, а именно путь наращения совпадающих или близких по значению аффиксов, являлся второстепенным и поздним. Использование для выражения неполноты признака слов-частиц типа *āрак* ~ *арак*, наличие в некоторых тюркских языках уподобительных послелогов, омонимичных рассматриваемым аффиксам (ср. башк. диал. *ҥмак*, кирг. *сїмак*, *сїмал*), существование особых форм с соответствующими аффиксами (ср. узб. *у јэшлара јэлвэргансімэн дэді* 'она «умолительно» сказала молодым людям'), дают повод думать, что в образовании форм неполноты признака широко проявлялась обычная языковая тенденция — обособление самостоятельных слов и превращение их в служебные слова, затем дальнейшая грамматикализация, сопровождаемая разнообразными и лишенными какой-либо системы внешними изменениями. Все сказанное преследует цель предохранить от опасности догматического восприятия тех предварительных решений, которые были предложены в данном разделе. Может быть, и в самом деле аффиксы типа *-(ҕ)їлтїм*, *-сїман*, *-шїлтїм* и другие представляют собой сращения нескольких морфологических элементов, но в равной или даже большей мере возможно и то, что они восходят к самостоятельным словам и что употребляемые параллельно им аффиксы *-(ҕ)їлт* ~ *-(ҕ)їл*, *-сї*, *-шїлт* ~ *-шїл* и т. д. отражают разные этапы и способы их преобразования.

Довольно широкое распространение в тюркских языках получили также аффиксы *-чїл* ~ *-чул*, *-чїлт*, *-чїлтїм*...: казах. *саршїл*, *карашїл*, *акшїл* ~ *акшїлт* ~ *акшїлтїм*, *көкшїл* ~ *көкшїлт* ~ *көкшїлтїм*; кирг. *акчїл*, *көкчїл*; кум. *акшїлт*, *гөкшілт*; ног. *акшїл* ~ *акшїлт*, *көкшїл*; тур. *акчїл*, *гөкчїл*, *кїрчїл*; узб. *кӱкчіл*; узб. (диал.) *акчіл*, *гөкчіл*. Аффикс *-чїл* ~ *-чул* присоединяется и к существительным, реже к местоимениям, и, по-видимому, присоединение его к существительным имеет длительную историю, хотя некоторые формы на *-чїл* ~ *-чул* являются новообразованиями. Примеры: азерб. *ардїҕїл* 'последовательный', *јухуҕул* 'сонливый', *ҕабаҕҕїл* 'передовой';[145] алт. *ујкучїл* 'сонливый', *каткїчїл* 'хохотун', *кожончїл* 'любитель петь', *әпчіл* 'ловкий', *озочїл* 'передовой'; башк. *кунакслл* 'гостеприимный', *ӱпкәслл* 'вспыльчивый', *талапслл* 'требовательный', *вакслл* 'мелочный', *көнсөл* 'ревнивый'; казах. *тәршїл* 'потливый', *токшїл* 'сытый', *кӱншїл* 'завистливый', *өзїмшїл* 'самолюбивый', *мәншїл* 'гордый'; кирг. *конокчул* 'гостеприимный', *ујкучїл* 'сонливый'; тат. *ӱпкәчїл* 'обидчивый'; тур. *тавшанҕїл* 'ястреб, приученный к ловле зайцев', *балїкчїл* 'цапля', *јїланҕїл* 'ябис', *анаҕїл* 'маменькин (сынок)';[146] туркм. *ҕајҕїчїл* 'печальный', 'грустный', *ӱҥӱчіл* 'беспокойный'; узб. *ізчіл* 'последовательный'; узб. (диал.)

---

[142] См.: Баскаков Н. А. Морфологические особенности словообразования именных частей речи в кумандинском диалекте алтайского языка, с. 59.

[143] О составе аффикса *-сімэн* см. в кн.: Кононов А. Н. Грамматика современного узбекского литературного языка, с. 152.

[144] См.: Джуманазаров Ю. Морфологические особенности хазараспского говора узбекского языка, с. 13.

[145] См.: Чәфәров С. Азәрбајчан дилиндә сөз јарадачылыгы. Бакы, 1960, с. 82.

[146] См.: Emre A. C. Türkçede kelime teşkili, I, s. 35.

дартчіл 'болезненный',[147] *кӧнчіл* 'любящий дыни';[148] уйг. *әпчіл* 'ловкий'; шор. *уjбучул* 'сонливый'.

Реже употребляются аффиксы *-сіл* ~ *-сул*, *-сїлдїм* ~ *-сулдум*: башк. *акһĭл*; карач.-балк. *аксїл* ~ *аксїлдїм*, *кӧксӱл* ~ *кӧксӱлдӱм*, *морсулдум*;[149] тат. *аксĭл*, *кӱксĭл*; узб. *эксіл*.

Следующую группу образуют аффиксы *-їч* ~ *-уч*, *-їш* ~ *-уш*: казах. *сарҕĭш*; кирг. *аҕіш*, *кӧгӱш*;[150] кирг. (диал.) *сарҕіч*, *кізҕіч*, *бозҕіч*;[151] туркм. (диал.) *гӧгвӱш*;[152] узб. *экіш*, *кӱкіш*, *кізҕіш*, *сарҕіш*; узб. (диал.) *кізҕіч*,[153] *сарҕіч*; уйг. *кізҕуч*, *саҕуч*, *акуч*, *кӧкӱч*.

В заключение следует упомянуть аффикс *-сав* ~ *-сов* ~ *-сув* ~ *-сїв* ~ *-соj*..., встречающийся главным образом в азербайджанском и кумыкском языках: азерб. *узунсов* 'длинноватый', *дӓлісов* 'глуповатый'; азерб. (диал.) *узунсоj* ~ *узунсӧ*, *ҕїсасоj* 'коротковатый', *дӓлісӧj* ~ *дӓлісӧ*;[154] башк. *алһĭв*, *карағһĭв*; кум. *назіксув* 'тонковатый', *уллусув* 'великоватый', *бійіксув* 'высоковатый', *базїксув* 'толстоватый'; узб. (диал.) *аксав* 'беловатый'.[155] Ср. туркм. *дамаксов* 'прожорливый', *чӑгӟсов* 'супесчаный'.

Другие аффиксы с аналогичным значением — *-арт* ~ *-ӣрт*, *-арттір*, *-арттак*..., *-шїн*, *-та*, *-лав*..., *-(а)мїк* ~ *-(а)мук*, *-муш* ~ *-мус*, *-(а)мал*, *-мӓк*, *-тӓк*, *-тӣнӣ* ~ *-туңу*... Примеры: др.-тюрк. *кӧкшін* 'голубоватый'; азерб. *сарїшїн* 'желтоватый', *ҕарашїн* 'черноватый'; азерб. (диал.) *ҕїзартдах* 'красноватый', *бозартдах* 'сероватый';[156] башк. (диал.) *кӱкшĭн* 'синеватый';[157] казах. *акта*, *аҕарт* ~ *аҕарттĭр* 'беловатый', *көктэ*, *көгәрт* 'синеватый', *карағҕĭлав* 'темноватый', *кĭмбаттав* 'дороговатый', *жамандав* 'плоховатый', *карамĭк* 'черноватый';[158] кирг. *бозомук* 'сероватый';[159] кар. *кізїлмуш* ~ *кізїлмус* 'красноватый', *акмуш* ~ *акмус* 'беловатый'; тур. *сарїшїн*, *акшїн*, *карашїн*, *гӧкшін*; туркм. *ӓкдӧвулт* 'беловатый';[160] узб. (диал.) *кӧкӓмӓл*, *кӧкмӓк* 'зеленоватый', *хамтӓк* 'не совсем спелый', *шортӓк* 'солоноватый';[161] якут. *кїратіңї* 'мелковатый', *суоннуңу* 'толстоватый', *ітітіңі* 'горячеватый', *барбахсїар* 'плоховатый', *мӧлтӧхсӱӧр* 'слабоватый'.

Неполноту признака выражают также аффиксы уменьшительности *-ча* ~ ~*-ҷа* ~ *-ша*, *-чаҕіз* ~ *-ҷаҕіз*..., *-чїк* ~ *-ҷїк*..., *-ак*..., *-тај*..., *-гіна* и аффикс уподобления *-даj* ~ *-доj*. Примеры: азерб. (диал.) *бозаҕ* ~ *бозах* 'серо-

---

[147] См.: Шерматов А. Каршинский говор узбекского языка, с. 27.

[148] См.: Джуманазаров Ю. Морфологические особенности хазараспского говора узбекского языка, с. 14.

[149] См.: Созаев Б. Т. Разряды имен прилагательных и способы их образования, с. 118; Къарачай-малкъар тилни грамматикасы. Нальчик, 1966, с. 97.

[150] См.: Уметалиева Б. Д. Имя прилагательное в современном киргизском языке, с. 8.

[151] См.: Юнусалиев Б. М. Кыргыз диалектологиясы, б. 186.

[152] См.: Нартыев Н. Сарыкский диалект туркменского языка. АКД. Ашхабад, 1960, с. 15.

[153] См.: Шарипов О. Папский говор узбекского языка. АКД. Ташкент, 1962, с. 14.

[154] См.: Джангидзе В. Т. 1) Особенности дманисского говора азербайджанского языка. АКД. Баку, 1955, с. 14; 2) Дманисский говор казахского диалекта азербайджанского языка. Баку, 1965, с. 72; Мамедов И. М. Карягинские говоры азербайджанского языка, с. 27.

[155] См.: Джуманазаров Ю. Морфологические особенности хазараспского говора узбекского языка, с. 13.

[156] См.: Исламов М. И. Нухинский диалект, с. 17; Джафарли А. Казахский диалект азербайджанского языка. АКД. Баку, 1962, с. 16.

[157] См.: Баева Н. Х. Говор башкир долины реки Ай. — БДС, с. 31.

[158] См.: Чакенов Дж. Категория имени прилагательного в современном казахском языке. АКД. Алма-Ата, 1953, с. 4, 11.

[159] См.: Уметалиева Б. Д. Имя прилагательное в современном киргизском языке, с. 8.

[160] См.: Шамырадов К., Ибраимов А. Түркмен дилинде сыпатлар. Ашгабат, 1956, с. 24.

[161] См.: Джуманазаров Ю. Морфологические особенности хазараспского говора узбекского языка, с. 13.

ватый',[162] *ɣараҷаɣɨз* 'черноватый', *сарɨҷаɣɨз* 'желтоватый',[163] *аɣҷаваз* 'беловатый';[164] гаг. *кɨсаҷа* 'коротковатый', *тузлуҷа* 'солоноватый'; казах. *акша* 'беловатый', *караша*, *карашɨқ* 'черноватый', *көкшɨл* 'голубоватый', *ұзɨнша* 'длинноватый'; кар. *ақча* 'беловатый'; кирг. *кɨзɨлдај* 'красноватый', *ҷашɨлдај* 'зеленоватый', *чоңдој* 'великоватый', *кічінәдәј* 'маловатый', *кɨскача* 'коротковатый'; тур. *татлɨҷа* 'сладковатый', *кӱчӱкчә* 'маловатый', *әкшɨҷɜ* 'кисловатый', *калɨнҷа* 'толстоватый'; туркм. (диал.) *ākчīk* 'беловатый';[165] узб. *кічкінтој* 'маловатый', *әзɣынтој* 'худощавый', *сәмізгіна* 'полноватый', *қорағіна* 'черноватый'; узб. (диал.) *карак* 'черноватый'.[166]

Важное место в морфологии прилагательных занимают формы интенсива, образующиеся путем полной или частичной редупликации.

Полная редупликация — точное воспроизведение прилагательного, не содержащее каких-либо необычных моментов, ср. туркм. *бәјік-бәјік* 'очень высокий'; уйг. *мәјдә-мәјдә* 'очень мелкий'; чуваш. *шурă-шурă* 'белый-пребелый'.

Частичная редупликация в тюркских языках имеет свои особенности: повторяется первый слог прилагательного с добавлением *п(б)*, *м* или значительно реже *с*, *р*: азерб. *ɣӱп-ɣырмызы* 'совершенно красный', *гӧм-гӧј* 'совершенно голубой', *тәр-тәмиз* 'совершенно чистый', *бүс-бүтүн* 'совершенно целый'; азерб. (диал.) *ɣуф-ɣуру* 'совершенно сухой', *саф-сары* 'совершенно желтый',[167] *ɣаф-ɣара* 'совершенно черный';[168] алт. *боп-боро* 'совершенно серый', *чоп-чокур* 'очень пестрый'; гаг. *кас-катї* 'совершенно твердый', *бім-біјаз* 'совершенно белый'; казах. *сап-сарɨ* 'совершенно желтый'; кирг. *оп-ӧр* 'очень тяжелый'; кум. *ап-ак* 'очень белый'; ног. *јап-јашɨл* 'совершенно зеленый'; тат. *әп-әчī* 'совершенно кислый', *кӱм-кӱк* 'совершенно синий'; тув. *сап-сарɨɣ* 'совершенно желтый', *чап-чā* 'совершенно новый'; тур. *бом-бош* 'совершенно пустой', *бәс-бәллі* 'совершенно ясный', *дос-долу* (~ *доп-долу*) 'совершенно полный', *дос-доғру* (~ *доп-доғру*) 'совершенно прямой', *тос-топарлак* 'совершенно круглый', *чӣр-чӣплак* 'совершенно голый'; туркм. *ап-āҷї* 'очень горький', *тоғ-тоғалак* 'совершенно круглый', *ӂӱп-ӂӱҷҷї* 'очень сладкий'; узб. *бӯм-бӯш* 'совершенно пустой', *кіп-кізіл* 'очень красный', *эп-әж* (~ *эппәж*) 'очень белый'; уйг. *уп-узун* 'очень длинный', *күп-күчлүк* 'очень сильный'; хак. *хӧп-хӧзӧл* 'очень красный', *сап-сарɨɣ* 'очень желтый'; чуваш. *хуп-хура* 'совершенно черный', *сĕп-сĕмĕс* 'совершенно зеленый';[169] шор. *ап-ак* 'совершенно белый'; якут. *ап-аһī* 'очень горький', *уп-уһун* 'очень длинный', *төп-төгүрүк* 'совершенно круглый'.

Необычный случай частичной редупликации — добавление к первому компоненту гласного или слога *ба ~ бо ~ па ~ по*: гаг. *дӱпӱ-дӱз* 'совершенно ровный'; казах. *туппа-тура* 'совершенно прямой'; карач.-балк. *топпа-толу* 'совершенно полный', *каппа-караңї* 'совершенно темный', *чіппә-чіј* 'совершенно сырой', *боппа-бош* 'совершенно пустой'; кум. *тӱппә-тӱз* 'совершенно ровный', *јаппа-јаш* 'совершенно молодой', *каппа-ɣарт* 'очень старый'; тур. *јапа-јалнɨз* (~ *јап-јалнɨз*) 'совершенно одинокий', *сапа-сағлам* (~ *сап-сағлам*) 'совершенно здоровый'; туркм. (диал.) *тапба-таза*

---

[162] См.: Мамедов И. М. Карягинские говоры азербайджанского языка, с. 27.

[163] См.: Чәфәров Һ. Тавус шивәләринин бә'зи морфоложи хүсусиййәтләри һаггында, с. 134.

[164] См.: Исламов М. И. Нухинский диалект, с. 17; Тагиев Б. М. Степени имен прилагательных в азербайджанском языке (на основе материалов XIV—XX вв.). АКД. Баку, 1965, с. 26.

[165] См.: Нартыев Н. Сарыкский диалект туркменского языка, с. 15.

[166] См.: Джуманазаров Ю. Морфологические особенности хазараспского говора узбекского языка, с. 13.

[167] См.: Джафарли А. Казахский диалект азербайджанского языка, с. 16.

[168] См.: Джангидзе В. Т. Дманисский говор казахского диалекта азербайджанского языка, с. 72.

[169] См.: Андреев Н. А. Имя прилагательное, с. 100.

'совершенно чистый', *дӱпбӟ-дӱз* 'совершенно ровный';[170] узб. *чіппа-чін* 'совершенно правильный', *тіппа-тік* 'совершенно отвесный', *куппа-курук* 'совершенно сухой'; узб. (диал.) *сапра-сарік* 'совершенно желтый', *кіппа-кізіл*' совершенно красный'.[171]

Существуют разные мнения по вопросу о происхождении дополнительного слога. В частности, Н. К. Дмитриев указывает в связи с этим, что казахский и ногайский языки «знают сложный тип сочетания имен одного корня со стоящим посредине элементом *-ба/-бе* или *-ма/-ме* (*колмакол* 'рука об руку' и т. д.)».[172] Однако формы типа *колмакол* почти наверняка не имеют ничего общего с формами типа *бопро-бош*. Их прототипами принято считать таджикско-персидские сочетания с предлогом *ба*, ср. башк. (диал.) *hӱдмӓ-hӱд* 'дословный', *йӧдмӓ-йӧд* 'лицом к лицу', *бӣрмӓ-бӣр* 'точь в точь';[173] узб. *кішлэкма-кішлэк* 'по кишлакам', *кӯлма-кӯл* 'из рук в руки', *бэшма-бэш* 'голова к голове'; тадж. *рӯз ба рӯз* 'день за днем', *јак ба јак* 'один за другим'.

Усложнение первого компонента частично редуплицированных форм отмечено и в якутском языке, ср. *уп-уһун* и *убус-уһун* 'длинный-предлинный', *їп-їрӓс* и *їбїс-їрӓс* 'совершенно чистый'.

Другой необычный случай частичной редупликации — воспроизведение первого слога без присоединения к нему каких-либо согласных, ср. узб. (диал.) *кіч-кічкіна* 'очень маленький'.[174]

Аффиксальные формы интенсива наблюдаются редко, ср. тув. *аккїр* 'очень белый', *кїзїлӈїр* (~ *кїзїңӈїр*) 'очень красный'.

В число форм интенсива[175] включают также сочетания прилагательных со словами *ӧң, чок* ~ *чох, чум, тум* ~ *тїм, лап* ~ *лаф, асру, аша, ӧтэ, тӱнд, бэк, чім* и другими, передающими значения «самый», «очень», «чрезмерно». Примеры: ст.-узб. *асру душвар* 'очень тяжелый'; азерб. *тӱнд ӈїрмїзї* 'совершенно красный'; азерб. (диал.) *дӱм ӈара* 'совершенно черный',[176] *лаф јахшї* 'очень хороший';[177] алт. *ӧң д'акшї* 'самый лучший', *коркушту д'акшї* 'очень (букв. страшно) хороший'; башк. (диал.) *сӧм ӈара* 'совершенно черный', *ӱтӓ акӣлдӣ* 'чересчур умный';[178] казах. *шїм* (~ *шїмкај*) *кїзїл* 'очень красный', *тїм жақсї*, *өтэ жақсї* 'очень хороший'; кирг. *ӈаман курч* 'очень острый'; кум. *бэк сувук* 'очень холодный', *көп бэк арів* 'чрезмерно красивый'; ног. *бэк їјгї* 'очень хороший'; тат. *дӧм өздӧн* 'очень длинный', *чӧм кара* 'очень черный'; тув. *дїка улуӈ* 'очень большой', *ӧң-нэ улуӈ* 'самый большой', *ӧң уӈаннїӈ* 'самый умный'; тур. *ӧн бӱјӱк* 'самый большой'; туркм. *їң улї* 'самый большой', *чїм ӈїдїл* 'совершенно красный', *чув āк* 'совершенно белый', *шар ӈара* 'совершенно черный'; узб. (диал.) *дім узун* 'очень длинный', *зіл кара* 'очень черный',[179] *аша југуррук* 'очень быстрый';[180] хак. *ің (~ ің нэ) чахсї* 'самый хороший', *тің чахсї* 'очень хороший'; чуваш. *чі лајӑх* 'самый хороший', *сӗм тӗдӗм* 'совершенно темный', *сӗм-суккӑр* 'совершенно слепой'; шор. *ӧң (ӧңнэ) чакшї* 'самый луч-

---

[170] См.: Мухиев Х. Нохурский диалект туркменского языка. АКД. Ашхабад, 1959, с. 10.

[171] См.: Шарипов О. Папский говор узбекского языка, с. 14.

[172] Дмитриев Н. К. Грамматика кумыкского языка, с. 72.

[173] См.: Ишбулатов Н. Х. Морфологические особенности казмашевского говора, с. 104; Максютова Н. Х. Говор айских башкир, с. 18.

[174] См.: Афзалов Ш. А. Паркентский говор узбекского языка. АКД. Ташкент, 1953, с. 15.

[175] См.: Хаметова А. Превосходная и преувеличительная степени имен прилагательных в тюркских языках. АКД. Ташкент, 1969.

[176] См.: Джангидзе В. Т. Особенности дманисского говора азербайджанского языка, с. 15.

[177] См.: Мамедов И. М. Карягинские говоры азербайджанского языка, с. 26.

[178] См.: Максютова Н. Х. Говор айских башкир, с. 17.

[179] См.: Джуманазаров Ю. Морфологические особенности хазараспского говора узбекского языка, с. 13.

[180] См.: Афзалов Ш. А. Паркентский говор узбекского языка, с. 15.

ший', *тің көк* 'очень синий', *сум ак* 'совершенно белый'; якут. *бэрт үчүгэй* 'очень хороший'.

Подобных сочетаний бесчисленное множество, и они не имеют прямого отношения к морфологии, так как являются относительно свободными: к одному и тому же прилагательному могут присоединяться разные слова, выражающие бóльшую или крайнюю меру насыщенности признака. Вместе с тем некоторые из таких слов выступают только с определенной группой прилагательных или даже с каким-либо одним прилагательным.

Раздел 3

Местоимение

Местоимения, замещающие в определенном контексте существительные, прилагательные и числительные, отличаются от других имен негативным признаком — отсутствием выделяющих их собственных словообразовательных форм. Так называемые промежуточные формы и формы словоизменения у местоимений, в общем, такие же, как и у имен существительных, ср. азерб. *мәнҗијәз* 'я же', *сәнҗијәз* 'ты же',[181] карач.-балк. *мэнчік*, *сэнчік*, *олчук* — уменьшительные формы;[182] туркм. *дэҗаҕад* 'ты-то', *оҗаҕад* ~ *оҗад* 'он-то', *буҗаҕад* 'этот-то', *шуҗаҕад* ~ *шоҗаҕад* 'вот этот-то' (уменьшительно-уничижительные формы),[183] *дэндід* 'без тебя', *ондуд* 'без него'. Имеются лишь некоторые частные особенности в пределах падежной парадигмы (ср. дательный падеж),[184] но они не настолько велики, чтобы можно было говорить об особом местоименном типе склонения.[185] Все же одна из таких особенностей придает местоименной парадигме некоторую автономность, и происхождение ее находится в центре внимания тюркологов на протяжении нескольких десятилетий. Мы имеем в виду существенные различия между исходными и склоняемыми основами местоимений, преимущественно указательных и отчасти личных, ср. азерб. *бу* (*бун-*), алт. *бу* (*мӱн-*), башк. *бйл* (*бйн-*), кар. *бу* ~ *бул* (*бун-*), кум. *бу* (*мун-*) 'этот'; башк. *ул* (*ун-*), кирг. *ал* (*ан-*), узб. *у* (*ун-*), хак., шор. *ол* (*ан-*) 'он', 'тот'; кум. (диал.) *шу* (*ша-*, *шан-*);[186] чуваш. *ӗҫӗ* 'я' (*ман-*; *мана* 'мне', *манран* 'от меня'), *эсĕ* 'ты' (*сан-*; *сана* 'тебе', *санран* 'от тебя'), *вăл* 'он' (*ун-*, *ăн-*), *эпир* 'мы' (*пир-*), *эсир* 'вы' (*сир-*); якут. *бу* 'этот' (*ман-*; *маниаха* 'этому', *мани* 'этого', *мантан* 'от этого'), *ол* 'тот' (*он-*; *онуоха* 'тому', *ону* 'того', *онтон* 'от того'), *субу* 'вот этот' (*саман-*; *саманиаха* 'вот этому', *сами* 'вот этого', *самантан* 'от вот этого').

Указанные различия заключаются в появлении так называемого дополнительного *-н-* в склоняемых основах личных и указательных местоимений чувашского языка и лично-указательного местоимения 3-го лица, а также указательных местоимений всех других тюркских языков. Реже эти различия затрагивают гласные, причем в абсолютном большинстве тюркских языков они наблюдаются у лично-указательного местоимения 3-го лица, в чувашском языке — у личных и указательных местоимений, в якутском — у указательных.

---

[181] См.: Грамматика азербайджанского языка. (Фонетика, морфология и синтаксис). Баку, 1971, с. 78.

[182] См.: Хабичев М. А. Местоимение в карачаево-балкарском языке. Черкесск, 1961, с. 54.

[183] См.: Боржаков А. Түркмен дилинде гөркезме чалышмасы. — Изв. АН Туркменской ССР, серия общественных наук, 1962, № 4, с. 67; Грамматика туркменского языка, I, с. 183, 187.

[184] См. выше, с. 35 и сл.

[185] Иная точка зрения у А. Габен. См.: Gabain A. Primäre und sekundäre Kasus im Alttürkischen. — In: Studies in General and Oriental Linguistics. Presented to Shirô Hattori on the Occasion of his Sixtieth Birthday. Tokyo, 1970, p. 131 ff.

[186] См.: Керимов И. А. Очерки кумыкской диалектологии, с. 143 (материалы хасавюртовского и кайтагского диалектов).

О причине различий между исходными и склоняемыми основами местоимений говорилось много, и относящиеся к этому вопросу высказывания нередко настолько противоречивы, что их трудно изложить в систематизированной форме. Отказываясь в данном случае от традиционной схемы, предусматривающей необходимость освещения истории вопроса,[187] мы сразу же приступим к поискам возможных решений и попытаемся выбрать из них такое, которое бы последовательно объясняло своеобразие явления и вместе с тем было бы внутренне согласованным.

Остановимся прежде всего на личных местоимениях 1-го и 2-го лица единственного числа. Можно допустить, что местоимения *ӗбӗ* 'я' и *ӗзӗ* 'ты' в чувашском языке отражают более древнее состояние, чем соответствующие местоимения в других тюркских языках, не имеющие начального гласного, но оканчивающиеся на *н*. Сделав подобное допущение, мы оказываемся перед необходимостью объяснить появление начального гласного и конечного *н* в чувашском языке в формах косвенных падежей рассматриваемых местоимений, ср. чуваш. *мана* 'мне', *сана* 'тебе'. *Н* не связан с аффиксом дательного падежа, не является элементом промежуточной формы, следовательно, он относится к основе: *ман-*, *сан-*. Но это именно та основа, которая с небольшими, чисто фонетическими, вариациями прослеживается во всех тюркских языках как в именительном, так и во всех остальных падежах. Считать основы типа *ман-*, *сан-* вторичными и образовавшимися сравнительно поздно мы не вправе, так как конечный *н* обнаруживается в основе очень древнего и почти полностью утраченного в тюркских языках личного местоимения 3-го лица. Таким образом, неизбежны поиски иного объяснения. Не являются ли чувашские местоимения *ӗбӗ* 'я' и *ӗзӗ* 'ты' новыми формами, развившимися в результате отпадения конечного *н* и добавления в начале *ӗ*?[188] Это объяснение вполне согласуется с имеющимися в нашем распоряжении фактами: оно учитывает, прежде всего, внешний облик других падежных форм и, затем, возможность употребления указанных чувашских местоимений без конечного гласного (*ӗп*, *ӗс*), являющуюся убедительным доказательством существования тенденции к их преобразованию.

Различия в огласовке (ср. чуваш. *ӗбӗ* 'я', *мана* 'мне'; якут. *бу* 'этот', *маниаха* 'этому'; тур. диал. *бэн*, *пэн* 'я', *маŋa*, *baŋa*, *biјэ*, *бэhэн* 'мне', *сијэ*, *сэhэ* 'тебе') воспринимаются как отражение некогда типичного для тюркских языков аблаута и вместе с тем как следствие существования наряду с «неопределенным» падежом именительного падежа, отличавшегося от последнего внутренней флексией.[189] Предположение об аблауте пока единственное, что может служить более или менее серьезным объяснением рассматриваемой особенности. Тюркские языки — агглютинативные. Это не значит, что агглютинативность всегда была единственным способом выражения грамматических значений и структурной организации слова. В тех пластах лексики, формирование которых происходило на уровне древнего состояния праязыка (resp. в протоязыке), можно ожидать открытия совершенно необычных приемов, степень использования которых уменьшалась по мере активизации приема наложения или наслаивания морфологических элементов.

---

[187] Обширная сводка мнений о причине различий между исходными и склоняемыми основами местоимений приводится в статье: Исламов М. И. Древние формы личных местоимений в диалектах и говорах азербайджанского языка. — СТ, 1972, № 3, с. 23 и сл.

[188] В одной из своих ранних работ Н. Н. Поппе рассматривает *ӗ* как дейктическую частицу. См.: Poppe N. Türkisch-tschuwassische vergleichende Studien. — Islamica, Leipzig, 1925, I, 4, S. 426. Оригинальные мысли о происхождении *ӗбӗ* и *ӗзӗ* высказаны в работе: Киекбаев Дж. Г. Программа курса «Сравнительная грамматика тюркских языков», с. 18.

[189] См.: Gabain A. Die Pronomina im Alttürkischen. — ZDMG, 1951, 100 (NF, 1950, 15), S. 585 ff.

Происхождение конечного *н* в форме винительного и косвенных падежей указательных местоимений (*бун- ~ мун-*, *ан- ~ он- ~ ун-*, *шун-*, *тӥгӥн-*) связано с действием аналогии. Личные и указательные местоимения по существу составляют одну лексико-грамматическую группу, что исторически обусловлено изменением указательного местоимения *ол* в лично-указательное. Подобно тому как параллельно *ол* развилась форма *бул* в пределах указательных местоимений, рядом с личными местоимениями *мән* 'я' и *сән* 'ты' появилась форма лично-указательного местоимения *ан* 'он', процесс выделения которой еще не закончился. В именительном падеже единственного числа местоимение *ан* не известно ни одному из тюркских языков, в форме именительного падежа множественного числа оно встречается довольно редко. Выравнивание личных и указательных местоимений — закономерное явление в ходе формирования единой лексико-грамматической системы.

Распределение местоимений по группам возможно только на основе семантических и функциональных признаков.

Личные местоимения

Личные местоимения являются общими для всех тюркских языков, ср. азерб. *мән, сән, о, біз, сіз, онлар*; азерб. (диал.) *ман ~ бән* 'я', *сан* 'ты';[190] алт. *мӛн* 'я', *сӛн* 'ты', *ол* 'он', *біс* (~ *бістӛр*)[191] 'мы', *слӛр* (~ *слӛрдӛр*) 'вы', *олор* 'они'; алт. (диал.) *снӛр ~ снір* 'вы', *анар ~ анїр ~ онор* 'они';[192] башк. *мин, һин, ул, бӥҙ, һӥҙ, улар*; казах. *мӛн, сӛн, ол, бӥз (~ бӥздӛр), сӥз (~ сӥздӛр), олар*; карач.-балк. *мӛн, сӛн, о(л), біз, сіз, ала(р)*; кирг. *мӛн, сӛн, ал, біз (~ біздӛр), сіз (~ сілӛр ~ сіздӛр), алар*; кум. *мӛн, сӛн, о, біз, сіз, олар (~ алар)*; тув. *мӛн, сӛн, ол, біс (~ бістӛр ~ бістӛрлӛр), сілӛр (~ сілӛрлӛр), олар (~ оларлар)*; тур. *бӛн, сӛн, о, біз, сіз, онлар*; узб. *мӛн, сӛн, у* (~ диал. *ул ~ вол ~ һу*), *біз* (~ диал. *бізлӛр ~ бізлӛ ~ бізӛр ~ бізӛ*), *сіз* (диал. *сілӛр ~ сізлӛ ~ сізӛр ~ сілӛ*), *улар* (~ диал. *һулар ~ улӛ*); уйг. *мән, сән, у, біз (бізлӛр), сілӛр, улар*; хак. *мін* (~ диал. *мӛн*), *сін* (~ диал. *сӛн*), *ол, пӥс* (~ диал. *пӛш*), *сӥрӛр* (~ диал. *сӥлӛр*), *олар*;[193] чуваш. *ӗбӗ* (~ диал. *ӗп ~ јӗп*), *ӗҫӗ* (~ диал. *ӗс ~ јӗс*), *вӑл* (~ диал. *ву ~ у ~ ул ~ во ~ о ~ ол*), *ӗбір* (~ диал. *ібір*), *ӗҫір* (~ диал. *ізір*), *вӗҫӗм* (~ диал. *узӗм ~ озӗм ~ ӑзӗм*);[194] шор. *мӛн, сӛн, ол, піс, сілӛр* (~ *слӛр*), *їлар* (~ *лар ~ олар ~ алар*). Исключение составляет якутский язык, в котором местоимения 3-го лица единственного и множественного числа не совпадают с соответствующими общетюркскими, ср. *мін, ӛн, кіні*,[195] *бӥһігі (бӥһі), ӛһігі (ӥһігі, ӥһі), кінілӛр*. Кроме того, в якутских местоимениях 1-го и 2-го лица множественного числа содержится отсутствующий в других тюркских языках компонент *ігі*, который О. Бётлингк отождествлял с *іккі* 'два',[196] а С. В. Ястремский и В. В. Радлов — с сочетанием

[190] См.: Бехбудов С. М. Зангеланский говор азербайджанского языка. АКД. Баку, 1966, с. 16; Исламов М. И. Древние формы личных местоимений в диалектах и говорах азербайджанского языка, с. 16—19.

[191] См.: Дыренкова Н. П. Грамматика ойротского языка. М.—Л., 1940, с. 91.

[192] См.: Баскаков Н. А. Диалект кумандинцев (куманды-кижи). М., 1972, с. 51.

[193] См.: Дыренкова Н. П. Грамматика хакасского языка, с. 43; Доможаков Н. Г. Описание кызыльского диалекта хакасского языка. АКД. Абакан, 1949, с. 10.

[194] См.: Сергеев Л. П. Урмарский говор чувашского языка. АКД. М., 1965, с. 18; Канюкова А. С. Чувашская диалектология, с. 96.

[195] М. Рясянен возводит *кіні* к *кӛндӱ* 'сам', что вызывает возражения и с фонетической стороны и со стороны семантики. См.: Räsänen M. Materialien zur Morphologie der türkischen Sprachen, S. 18. Другая этимология *кіні* (*кі* 'кто'+*-ні* «сложный показатель определенности») приводится в работе: Киекбаев Дж. Г. Программа курса «Сравнительная грамматика тюркских языков», с. 19.

[196] Böhtlingk O. Über die Sprache der Jakuten, S. 168. См. также: Räsänen M. Materialien zur Morphologie der türkischen Sprachen, S. 10.

аффикса родительного падежа *-ің* и аффикса относительных прилагательных *-кі*: *бізіңкі (бізнікі)* > *бізікі (біһігі)*, *сізінкі (сізнікі)* > *сізікі (зһігі)*.[197]

Присоединение к личным местоимениям 1-го и 2-го лица аффикса *-лар* в одних случаях (2-е лицо ед., 1-е и 2-е лицо мн. числа) связано с обозначением конкретного множества, совокупности, в других — служит целям выражения почтительности, уважения, самовозвеличивания (2-е лицо ед., 1-е и 2-е лицо мн. числа) или пренебрежения, иронии (2-е лицо ед. числа).

Внешнее сходство личных местоимений единственного и множественного числа способствовало возникновению различных гипотез о характере связей между ними и об их происхождении. Самая ранняя из них по времени и весьма глубокая по своему содержанию была высказана О. Бётлингком. Последний констатировал наличие этимологической связи между местоимениями единственного и множественного числа и объяснял одни из них как результат сложения других: *бі(н)+с(ән)=біс*, *сә(н)+ +с(ән)=сәс* (~ якут. *әһ*).[198] В. Котвич, учитывая наличие узкого гласного в личных местоимениях множественного числа 1-го и 2-го лица (*біз*, *сіз*) и, очевидно, принимая во внимание разную смысловую нагрузку узкого и широкого гласных в маньчжурском языке (ср. *бі* 'я', *бә* 'мы'), считал формы с *і* (*мін*, *сін*) более древними, чем формы с *ә* (*мән*, *сән*), а конечный *з* в местоимениях *біз*, *сіз* вслед за Б. Мункачи, Г. Рамстедтом, В. Бангом и Л. Лигети рассматривал как рудимент формы двойственного или множественного числа. В итоге система тюркских личных местоимений представлялась ему состоящей из трех групп, автономность которых выражена лишь в морфологическом плане:

	ед. ч.	мн. ч.	дв. ч. (?)
1-е л.	*мä(н)*, *бі(н)*, *мі(н)*	**ба(н)*, **ма(н)*	**біз*
2-е л.	*сä(н)*, *сі(н)*	**са(н)*	*сіз*
3-е л.	**ä(н)*, **і(н)*	*ан*	**із*[199]

Особую позицию занимает А. Габен, реконструирующая систему личных местоимений из двух групп (**бі*, **сі*, **і*; **біз*, **сіз*, **олар*) и высказывающая предположение о переогласовке первичных местоименных корней в процессе присоединения к ним дейктического элемента *н* или *л*.[200]

Мы уже высказывали свои сомнения по поводу возможности этимологического сближения личных местоимений единственного и множественного числа.[201] Повторяем, для такого сближения нет достаточных оснований, оно неприемлемо с точки зрения морфологической специфики тюркских языков и своеобразия соотношения выражаемых ими значений («мы», например, не есть множество «я», а «вы» не есть множество «ты»).[202] Приведенная С. В. Ястремским форма *сілэр* образована не от *сі*, а от *сіз*, т. е. от формы множественного числа. Реконструкция трехчленной системы — чисто умозрительное построение, находящееся в резком противоречии с известными нам фактами.

Этимологические исследования в области личных местоимений не исчерпываются попытками установить генетическую связь местоимений единственного и множественного числа. Много внимания уделено дока-

---

[197] Ястремский С. В. Падежные суффиксы в якутском языке. Иркутск, 1898, с. 24; Radloff W. Die jakutische Sprache in ihrem Verhältnisse zu den Türksprachen, S. 33.

[198] Böhtlingk O. Über die Sprache der Jakuten, S. 168.

[199] Kotwicz W. Les pronoms dans les langues altaïques. Kraków, 1936, p. 33.

[200] См.: Gabain A. Primäre und sekundäre Kasus im Alttürkischen, S. 132.

[201] См. выше, с. 85.

[202] См.: Борҗаков А. Түркмен дилинде ат чалышмасы. — Изв. АН Туркменской ССР, серия общественных наук, 1962, № 3, с. 65.

зательству общего происхождения личных и указательных местоимений. Мысль о совпадении основы местоимения 1-го лица единственного числа с основой указательного местоимения впервые была высказана В. Бангом[203] и поддержана В. Котвичем.[204] В дальнейшем ее развил Н. А. Баскаков, дополнивший рассуждения В. Банга предположением о возникновении личных местоимений из сочетания указательных местоимений со словом *нэңэ*.[205] Точки зрения В. Банга придерживался и А. П. Поцелуевский,[206] который вместе с тем проявил большую оригинальность в трактовке морфологической структуры личных и указательных местоимений, выделив префиксы *б*, *ш*, *м*, *с* и [207] отметив совпадение их основ (*м-ін*, *с-ін* с одной стороны, *б-ун*, *ш-ун* — основы косвенных падежей, с другой).

Имеются также высказывания о природе и морфологическом составе группы личных местоимений единственного числа и каждого личного местоимения в отдельности. Так, в местоимениях 1-го и 2-го лица единственного числа конечный *н* был интерпретирован тюркологами как неясный по происхождению «факультативный» элемент,[208] как указательное местоимение,[209] как показатель поссессивности,[210] как начальный согласный аффиксов родительного и винительного падежей, отошедший вследствие переразложения к основе (*мэн* < *мэнің* < *мэ-нің*),[211] как субстантивизирующий элемент, восходящий «к основе *ненъе*, общей для аффикса родительного падежа и местоимения *не* 'что'»,[212] или же как дейктический элемент.[213] Существует мнение, что *с* в *сэн* 'ты' восходит к *т* и что, следовательно, праформа местоимения 2-го лица ед. числа — **тэ+н* или **ті+н*.[214] По мнению А. П. Поцелуевского, ссылающегося на то, что в большом количестве тюркских языков предикативный аффикс 2-го лица ед. числа встречается в форме *-сің* ~ *-сің*, праформа местоимения 2-го лица ед. числа была **сің* (**с-ің*) и именно от нее образовалось местоимение 2-го лица мн. числа: *сің+із* > *сіңіз* > *сіз*.[215] А. Боржаков и Х. И. Суюнчев предлагают считать архетипом местоимения 3-го лица ед. числа *о* (~ *у* ~ *а*), а формы *ол*, *ул*, *ал* рассматривать как позднейшие

---

[203] Bang W. Vom Köktürkischen zum Osmanischen. Vorarbeiten zu einer vergleichenden Grammatik des Türkischen, 1. Mitteilung: Über das türkische Interrogativpronomen. Berlin, 1917, S. 11 (отд. отт.).

[204] Kotwicz W. Les pronoms dans les langues altaïques, p. 51.

[205] Баскаков Н. А. О соотношении значений личных и указательных местоимений в тюркских языках. — Доклады и сообщения ИЯ АН СССР, 1952, I, с. 136, 142.

[206] Поцелуевский А. П. Происхождение личных и указательных местоимений. (Материалы к истории туркменского языка). Ашхабад, 1947, с. 7 и сл.

[207] А. Габен осторожно высказывается относительно возможности выделения в местоимениях *бäн* и *сäн* дейктических протез *б* и *с* (*б-äн*, *с-äн*). См.: Gabain A. Die Pronomina im Alttürkischen, S. 590.

[208] См.: Дмитриев Н. К. Грамматика кумыкского языка. М.—Л., 1940, с. 77.

[209] См.: Munkácsi B. Рец.: Bang W. Vom Köktürkischen zum Osmanischen, 1. Mitteilung: Über das türkische Interrogativpronomen. — KSz, 1918/1919, XVIII, S. 126.

[210] См.: Кононов А. Н. Грамматика современного узбекского литературного языка, с. 172; Суяров И. Местоимение в современном узбекском литературном языке. АКД. Самарканд, 1965, с. 12.

[211] См.: Суюнчев Х. И. 1) Карачаево-балкарские и монгольские лексические параллели. АКД. Баку, 1969, с. 15 и сл.; 2) Личные местоимения в карачаево-балкарском и монгольских языках. — Тр. Карачаево-Черкесского НИИЭИЯЛ, серия филологическая, 1968, V, с. 102 и сл.

[212] См.: Баскаков Н. А. О соотношении значений личных и указательных местоимений в тюркских языках, с. 140.

[213] См.: Gabain A. Primäre und sekundäre Kasus im Alttürkischen, S. 132.

[214] См.: Суюнчев Х. И. Карачаево-балкарские и монгольские лексические параллели, с. 13. См. также: Kotwicz W. Les pronoms dans les langues altaïques, p. 6.

[215] Поцелуевский А. П. Происхождение личных и указательных местоимений, с. 16, 23.

варианты,[216] появившиеся вследствие переразложения морфем в составе местоимения 3-го лица мн. числа *олар* (*олар* > *ол-ар*) или вследствие ассимиляции *н* начальным согласным аффикса *-лар* (*анлар* > *аллар*).[217] Для А. Габен архетип данного местоимения (с учетом переогласовки) — **о*; *л* в *ол* — дейктический элемент.[218]

Что касается местоимения 3-го лица ед. числа в якутском языке (*кіні*), то оно возводится В. В. Радловым к существительному *кіһі* 'человек' (*кіһінікі* > *кіні*). Вместе с тем допускается возможность его развития из *кімнікі*.[219]

Местоимение 3-го лица ед. числа *ол* первоначально было указательным местоимением и как личное местоимение стало употребляться довольно поздно. В праязыке использовалось другое местоимение 3-го лица, следы которого обнаруживаются в ряде падежных форм (начальный *н* в аффиксах родительного и винительного падежей и так называемый вставочный *н* в аффиксах локативных падежей притяжательного склонения), в архаических формах аффикса принадлежности 3-го лица, в ряде наречий и прилагательных: др.-тюрк. *їнча* ~ *інчä* 'так, таким образом', *їнчїп* ~*інчіп* 'так', 'но, однако', *їнару* 'туда'; тув. *їнда* 'там', *їнāр* 'туда', *їндїŋ* 'такой'.[220]

Критически оценивая достижения современной тюркологии, следует подчеркнуть отсутствие каких-либо фактов, указывающих на морфологическую членимость личных местоимений в рамках пратюркского состояния: *біз* и *сіз* не являются и, по-видимому, никогда не являлись грамматическими формами множественного числа, образованными от *мән* и *сән*. Реконструируемые нами праформы (**пäн*, **сäң*, **їн* (**ан*), **пїс*, **сїс*, **анлар*) представляют поздний этап различных преобразований, происходивших главным образом в направлении упрощения и частичной унификации. Все приведенные выше попытки проникнуть дальше этого этапа не опираются на строгую методику и, как правило, не дают ничего, кроме чисто спекулятивной информации.

Указательные местоимения

Указательные местоимения располагаются в двух плоскостях: пространственной («этот» — который ближе, «тот» — который дальше) и хронологической («этот» — о котором только что говорили или собираются говорить, «тот» — о котором говорили раньше), и подразделяются на обобщенно-указательные и конкретно-указательные, или усилительно-указательные.

Обобщенно-указательные местоимения, обнаруживаемые почти во всех тюркских языках и унаследованные от эпохи праязыкового состояния: *бу* 'этот' и *ол* 'тот' (**пӯ*, **ōл*), ср. др.-тюрк. *бу*, *ол*; азерб., гаг., карач.-балк., кум., туркм. *бу*, *о(л)*; алт., кар. *бу*, *ол*; башк. *бйл*, *ул*; казах., к.-калп., ног. *бӱ(л)*, *ол*; кирг. *бу(л)*, *ал*; тат. *бу*, *ул*; тув. *бо*, *ол*; узб., уйг. *бу*, *у*; узб. (диал.) *бо(л)*, *во(л)*;[221] хак. *пу*, *ол*; чуваш. *вăл*; шор. *по*, *ол*; якут. *бу*, *ōл*.

В некоторых языках *бу* встречается в форме *бул*, которая, по мнению ряда тюркологов, появилась в результате сочетания и слияния с место-

[216] Сунничев Х. И. Личные местоимения в карачаево-балкарском и монгольских языках, с. 105—106; Боржаков А. Местоимения в современном туркменском языке. АКД. Ашхабад, 1964, с. 10. Ср.: Gabain A. Die Pronomina im Alttürkischen, S. 588.

[217] См.: Сунничев Х. И. Карачаево-балкарские и монгольские лексические параллели, с. 27, 28, 31.

[218] Gabain A. Primäre und sekundäre Kasus im Alttürkischen, S. 132.

[219] Radloff W. Die jakutische Sprache in ihrem Verhältnisse zu den Türksprachen, S. 34.

[220] В. Котвич был склонен считать **і* лично-указательным местоимением. См.: Kotwicz W. Les pronoms dans les langues altaïques, p. 19.

[221] См.: Ахмедов А. Джушский говор узбекского языка. АКД. Ашхабад, 1962, с. 18.

имением *бу* местоимения *ол*.[222] Однако такое сочетание кажется маловероятным, так как *бу* и *ол* выражают прямо противоположные значения. Скорее *л* в *бул* является следствием изменения по аналогии, тем более, что *бу* и *ол* часто оказываются рядом и образуют устойчивую семантическую оппозицию.

В чувашском языке обобщенно-указательное местоимение ближнего плана — *ку*, не выводимое из общетюркских архетипов.[223] Для прямого фонетического сопоставления *ку* с *бу*, о чем в конце прошлого века писал Н. И. Ашмарин,[224] по-видимому, нет оснований: случаи подобных чувашско-тюркских соответствий в области согласных неизвестны. Трудно также допустить связь *ку* с монгольской утвердительной частицей *кй*.[225]

Конкретно-указательные местоимения в отличие от обобщенно-указательных — более позднего происхождения. В большинстве своем они образовались из сочетания обобщенно-указательных местоимений с различными указательными словами.[226] Особенно широкое распространение получили конкретно-указательные местоимения, включающие в себя указательное слово *ош* (~ *уш* ~ *іш* ~ *ш* ~ *с* . . .).[227] Примеры: ст.-узб. *ошбу(л)* 'вот этот', *ошу(л)* ~ *оша(л)* 'вот тот'; башк. *ҙшҙ* 'вот этот', *шул* 'вот тот'; казах. *осі* 'вот этот', *сол* 'вот тот'; кирг. *ушу(л)* 'вот этот', *ошо(л)* 'вот тот'; кар. *ушпу* ~ *ушбу* ~ *успу* 'вот этот', *ошол* ~ *осол* 'вот тот'; к.-калп. *осў* ~ *ўсў* ~ *ўсі* 'вот этот', *сол* 'вот тот'; ног. (диал.) *шў* '(вот) этот', *шо(л)* '(вот) тот', *шошў* ~ *шўшў* ~ *шәші* 'вот этот';[228] тат. *шушї* (~ диал. *ушї*) 'вот этот', *шул* 'вот тот'; з.-сиб.-тат. *ҙшҙ* 'вот этот', *шу* ~ *ша(л)* 'вот тот';[229] тур. *ішбу* 'вот этот', 'данный', *шу* 'вот тот'; туркм. *ўшбу*,[230] *шу* 'вот этот', *шо(л)* 'вот тот'; узб. *шу* 'вот этот', *ўша(л)* 'вот тот';[231] узб. (диал.) *шу* 'вот этот', *ошә* ~ *ушә* 'вот тот',[232] *ошә* ~ *ошу* 'вот тот';[233] уйг. (диал.) *ушбу* 'вот этот', *оша* ~ *ошу* ~ *шу* ~ *шул* 'вот тот';[234] якут. *субу* 'вот этот', *сіті* 'вот тот', *сол* 'вон тот'.[235]

Приведенные конкретно-указательные местоимения в плане содержания имеют свои особенности, пожалуй, в каждом тюркском языке, и восстановить картину первоначального семантического распределения их довольно трудно. В башкирском языке, как отмечает Н. К. Дмитриев, «*ошо* отличается от *был* прежде всего тем, что указывает на такой предмет, который уже знако́м говорящему из личного опыта. Таким образом *ошо*

---

[222] См.: Дмитриев Н. К. 1) Об указательных местоимениях в башкирском языке. — Тр. МИВ, 1947, № 4, с. 73; 2) Грамматика башкирского языка, с. 100.

[223] См.: Поппе Н. Н. Указательные и вопросительные местоимения в чувашском языке. — ВНОТ, 1927, 7, с. 62.

[224] Ашмарин Н. И. Материалы для исследования чувашского языка. Казань, 1898, с. 51. См. также: Ашнин Ф. Д. Указательные частицы в тюркских языках. — Изв. АН СССР, ОЛЯ, 1958, XVII, № 5, с. 425.

[225] См.: Поппе Н. Н. Указательные и вопросительные местоимения в чувашском языке, с. 62; Räsänen M. Materialien zur Morphologie der türkischen Sprachen, S. 36.

[226] См.: Ашнин Ф. Д. Указательные частицы в тюркских языках, с. 417—434.

[227] Там же, с. 429. См. также: Mansuroğlu M. Türkçede zamir çekimi. — TDED, 1949, III, 3—4, s. 510—511.

[228] См.: Калмыкова С. А. Особенности караногайского диалекта ногайского языка. — Тр. Карачаево-Черкесского НИИЭИЯЛ, серия филологическая, 1968, с. 177.

[229] См.: Ахатов Г. Х. Диалект западносибирских татар, с. 23.

[230] См.: Борҗаков А. Түркмен дилинде гөркезме чалышмасы, с. 64.

[231] См.: Комилова Х. Ўзбек тилида сон ва олмош. (Ҳозирги замон ўзбек тили курсидан материаллар). Тошкент, 1953, б. 12; Иброҳимов С. Айрим олмошларнинг эволюцияси масаласига доир. — ЎТАМ, 1960, № 5, б.60.

[232] См.: Джураев Б. Шахрисябзский говор узбекского языка, с. 18.

[233] См.: Шарипов Х. Узбекские говоры Южной Киргизии, с. 17.

[234] См.: Садвакасов Г. Язык уйгуров Ферганской долины и проблема взаимодействия уйгурских и узбекских диалектов, с. 22.

[235] См.: Radloff W. Die jakutische Sprache in ihrem Verhältnisse zu den Türksprachen, S. 35.

(этот самый) выражает более конкретное понятие, чем *был*, который указывает только на внешнюю близость предмета говорящему».[236] Турецкое *шу* объясняется В. А. Гордлевским как указывающее на предмет, о котором будет идти речь, *бу* — как указывающее на предмет, о котором уже говорилось.[237] Несколько иная точка зрения у Ф. Д. Ашнина: «Своеобразие местоимения *şu* заключается в том, что оно выражает необычайно сильный дейксис, который проявляется вне какого бы то ни было противопоставления и характеризуется тем, что сопроводительный жест носит неизменно подчеркнутый характер».[238] В туркменском языке «*шу*, по сравнению с *бу*, указывает на более близкий предмет и имеет определенное усиливающее значение»,[239] т. е. оно относится к *бу* приблизительно так же, как *шо(л)* к *о(л)*.[240] В узбекском языке, по мнению И. Суярова, *шу*, в отличие от *бу*, «подчеркивает указание в более сильной степени, как бы выделяя его. . .» Во-вторых, указываемый предмет должен быть известен ранее, чтобы было возможно употребить местоимение *шу*. На русский язык его можно перевести как «именно этот».[241] Своеобразие местоимения *шу* в гагаузском языке, пишет Л. А. Покровская, «состоит в том, что оно, так же как и *şu* в турецком языке, обладает сильным, подчеркнутым указательным (дейктическим) значением».[242] Подводя итог сказанному выше, следует согласиться с Ф. Д. Ашниным, что основное различие между обобщенно-указательными и только что рассмотренными конкретно-указательными местоимениями в абсолютном большинстве тюркских языков заключается в степени дейктичности и анафоричности: первые выражают обычное указание, последние — указание, усиленное и подчеркнутое жестом, речевой ситуацией. Это различие глубоко чувствуется в образованиях типа узбекского *шу бугун* 'сегодня' (*бугун* 'сегодня' < *бу кун*).

В употреблении конкретно-указательных, или усилительно-указательных, местоимений нередко наличествуют элементы экспрессивности, что несколько сближает их с образными словами и способствует расширению возможностей спорадических изменений, препятствующих установлению строгой последовательности и преемственности форм. Все же можно отметить, что, как правило, *шу* восходит к *ошбу*, а *шул* и *оша* ~ *ошу* — к *ошул*,[243] хотя прототипом турецкого *шу* Ф. Д. Ашнин не без оснований считает не *ошбу*, а *ошул* ~ *ошол* (*ошол* > *шол* > *шу*).[244]

Классификационным компонентом следующей группы конкретно-указательных местоимений является указательное слово *mə* (*mä* ~ *mi* ~ *də* ~ *dä* ~ *di*),[245] возможно, развившееся из того же архетипа, что и *ту* (*тӱ* ~ *тӧ* ~

---

[236] Дмитриев Н. К. Об указательных местоимениях в башкирском языке, с. 71—72.

[237] Гордлевский В. А. Руководство для изучения османского языка. М., 1916, с. 72. См. также: Кононов А. Н. Грамматика современного турецкого литературного языка. М.—Л., 1956, с. 172. Аналогичное значение *шу* («преуведомительное») отмечается А. Боржаковым в туркменском языке. См.: Боржаков А. Местоимения в современном туркменском языке, с. 11.

[238] Ашнин Ф. Д. Принципы дифференциации турецких указательных местоимений. — ВЯ, 1958, № 2, с. 105.

[239] См.: Грамматика туркменского языка, I, с. 186. Ср.: Борҗаков А. Түркмен дилинде герекзме чалышмасы, с. 62.

[240] См.: Ашнин Ф. Д. Принципы дифференциации туркменских указательных местоимений. — Тр. ИЯЛ АН Туркменской ССР, 1957, II, с. 68—81.

[241] Суяров И. Местоимение в современном узбекском литературном языке, с. 13.

[242] См.: Покровская Л. А. Грамматика гагаузского языка. Фонетика и морфология. М., 1964, с. 132.

[243] Как полагает Х. И. Суюнчев, *л* в *шул* появился в результате переразложения формы множественного числа (*шулар* > *шул-ар*) или вследствие ассимиляции *н* начальным согласным аффикса *-лар* (*шунлар* > *шуллар*). См.: Суюнчев Х. И. Карачаево-балкарские и монгольские лексические параллели, с. 31. Н. К. Дмитриев разлагал *шул* на *шу* и *ул*. См.: Дмитриев Н. К. Об указательных местоимениях в башкирском языке, с. 73.

[244] Ашнин Ф. Д. Указательные частицы в тюркских языках, с. 428—429.

[245] Там же, с. 430.

дӱ ~ дӧ): алт. *ту ол* 'вон тот'; гаг. *тэ́ бу* 'вот этот', *тэ́ о* 'вон тот', *тэ́ шу* 'вот этот'; тат. (диал.) *тушӣ* 'вот этот'; тур. *дэ́ шу* 'вон тот'; уйг. *тушу* 'вот этот'. Ср. кирг. *тэ́* 'вон тот'; ж.-уйг. *ту гунда* 'вон там';[246] казах. (диал.) *тонав* 'вон тот'; салар. *тӱ ~ тӱӈу* 'тот самый'.[247] Нередко относимое сюда же казахское *тӱнэв*,[248] по всей видимости, имеет иное происхождение, ср. кум. *тӱнәгӱн*, кум. (диал.) *тӱнэ́н*, тур. *дӱн*, уйг. *тӱнӱгӱн*, узб. *тунэв куні*, ст.-кыпч. *тӱнә-кӱн* 'вчера' (Cod. Cum. 31r$_1$).

Для третьей группы характерно наличие указательных слов *мана, ана* и *інә́*. Примеры: балк. *інол* 'вот тот'[249] (ср. туркм. *інэ́*, узб. диал. *інә́* 'вот');[250] башк. (диал.) *мӣна бӣл, мӣна шул, әнә́ шул* 'вот этот', *мӣнав ~ мӧнав, шӣнав, анав* 'вот тот';[251] з.-сиб.-тат. *әнәвӣл* 'вон тот' («сравнительно близкий»), *анавӣл* 'вон тот' («сравнительно дальний»);[252] казах. *мӣнав, осӣнав* (< *осӣ-ана-бу*) 'вот этот', *анав, сонав* < *сол-ана-бу*) 'вот тот'; кирг. *мобу(л) ~ мабу(л) ~ мӣнабу(л)* 'вот этот'; хак. *мӣнзӣ* 'вот этот', *анзӣ* 'вот тот';[253] узб. *манэв ~ манаві* 'вот этот', *анэв ~ анаві* 'вот тот'; узб. (диал.) *мэнэ́, мэві, мäші* 'вот этот', *äші* 'вон тот',[254] *мінав ~ мэнэ́ву* 'вот этот', *анаві ~ анаву* 'вот тот',[255] *мәнäбі ~ мäнэві, мәнäші* 'вот этот', *әнäшу, әнэв ~ әнэві* 'вон тот',[256] *мӣнавӣ* 'вот этот', *ванавӣ* 'вон тот',[257] *мäмбі, мäјші* 'вот этот',[258] *мäмбі ~ мäмбу, мäші ~ мäшу* 'вот этот', *әмбі ~ әмбу* 'вон этот';[259] уйг. *мана у ~ маву ~ мону ~ мана бу, мана шу ~ мошу* 'вот этот', *әјнә́ бу, әшу ~ әјнә́ шу* 'вот этот', *әву* 'вот тот'.[260]

Далее, по широте употребления выделяется конкретно-указательное местоимение *тӧгі*, ср. алт., койб. *тігі*, башк. *тӣгӣ*, башк. (диал.) *тӧгӣ*,[261] кирг. *тігі(л)* (*тӛтігі(л)*, *тӛтӛтігі(л)*),[262] тат. *тӣгӣ*, шор. *тігі* 'вот тот', 'тот самый'. Ср. также параллели в некоторых памятниках.[263] Есть основания отнести сюда же и тувинское указательное местоимение *дӧ́ ~ до ~ дӱ́ ~ ду*(<? **тӧгӱ*) 'вон тот', сопоставляемое Ф. Г. Исхаковым и А. А. Пальмбахом с монгольским письменным *tegün*.[264]

Н. К. Дмитриев ставит местоимение *тӣгӣ* в башкирском языке в один ряд с *ӧшӧ*, отмечая, что оно «указывает на предмет, о котором мы что-то знаем из предыдущего опыта (временно́е соотношение) или на территории

---

[246] См.: Малов С. Е. Язык желтых уйгуров. Алма-Ата, 1957, с. 123.
[247] См.: Тенишев Э. Р. Строй саларского языка, с. 50.
[248] См.: Сарыбаев Ш. О местоимениях *ту, тунеу*. — Изв. АН Казахской ССР, серия филологии и искусствоведения, 1959, 1 (11), с. 73—75. См. также: Ибатов А. Местоимения в казахском языке. АКД. Алма-Ата, 1962, с. 14.
[249] См.: Аппаев А. М. Диалекты балкарского языка в их отношении к балкарскому литературному языку. Нальчик, 1960, с. 67.
[250] См.: Ашнин Ф. Д. Указательные частицы в тюркских языках, с. 419, 421; Жуманазаров Ю. Ҳазорасп шёвасидаги кўрсатиш олмошларининг баъзи хусусиятлари. — ЎТАМ, 1961, № 3, б. 57—58.
[251] См.: Максютова Н. Х. Говор айских башкир, с. 17. Ср.: Юсупов Х. Г. Асинский говор башкирского языка, с. 10.
[252] См.: Ахатов Г. Х. Диалект западносибирских татар, с. 23.
[253] См.: Дыренкова Н. П. Грамматика хакасского языка, с. 46.
[254] См.: Шарипов Х. Узбекские говоры Южной Киргизии, с. 17.
[255] См.: Шерматов А. Қуйи Қашқадарё ўзбек шевалари. Тошкент, 1972, б. 96.
[256] См.: Насыров Ш. Кокандский говор узбекского языка, с. 17.
[257] См.: Ахмедов А. Джушский говор узбекского языка, с. 18.
[258] См.: Джураев Б. Шахрисябзский говор узбекского языка, с. 18.
[259] См.: Узоқов Ҳ. Водил шевасида олмошлар. — ЎТАМ, 1962, № 5, б. 35.
[260] См.: Ҕазирқи заман уйғур тили, II. Морфология вә синтаксис. Алмута, 1966, б. 138.
[261] См.: Максютова Н. Х. Говор айских башкир, с. 17.
[262] См.: Кудайбергенов С. Кыргыз тилиндеги ат атоочтор. Фрунзе, 1960, б. 50.
[263] См.: Файзуллаева Ш. А. Исследование языка памятника XIV в. «Китāбу булгат ал-муштāк. . .». АКД. Ташкент, 1969, с. 13.
[264] Исхаков Ф. Г., Пальмбах А. А. Грамматика тувинского языка, с. 231, 234.

которого мы в известное время находились (пространственное соотношение)».[265] Несколько иное значение у *тĭгĭ* прослеживает в диалектах татарского языка Р. Ф. Шакирова: *тĭгĭ* указывает на незнакомый, но близкий предмет.[266] Ср. хак. *тĭгĭ* 'вот этот'.

Другие конкретно-указательные местоимения, имеющие ограниченную сферу распространения: з.-сиб.-тат. *мәнәкә* 'вот этот';[267] карач.-балк. *мајнол* (< *мајна ол*) 'вон тот';[268] казах. *әнәкі* 'вот тот'; кирг. (диал.) *буноŋу ~ муноŋу ~ мӱнӧгӱ ~ мӧнӧгӱ, бәрәгі, мӥна бӧрӧгӱ, бобәрәгі ~ мобәрәгі* 'вот этот', *оноŋу ~ өнӧгӱ* 'вот тот', *тігіноŋу ~ тіноŋу ~ тоноŋу ~ тігінӧгӱ ~ тінӧгӱ, тәтіноŋу ~ тәтінәгі ~ тәтіндгӱ, тәтәрәгі ~ төтөрӧгӱ, тәбәрәгі* 'вот тот';[269] кум. (диал.) *мунаɣалаɣа* 'вот этот', *онаɣалаɣа* 'вон тот';[270] туркм. *ішті* 'вот этот'; туркм. (диал.) *шӱдәкі ~ шідәкі* 'вот этот',[271] *шӱтӱкі ~ шӱтгӱ ~ шӱттӱ* 'вот этот' (в речи старшего поколения),[272] *hо ~ hӧ, hō ~ hō, hōл, hōла* 'вон тот';[273] узб. (диал.) *hанавї*,[274] *hӯв анавї*,[275] *анікај* 'вон тот', *hајлэ* 'вон тот' (еще «более удаленный»);[276] чуваш. *с'агӑ* 'вот этот', *с'авӑ* 'вон тот';[277] якут. *іті* 'вон этот',[278] *білі* 'тот, о котором шла речь'.

В качестве дополнительного средства усиления дейктичности и анафоричности указательных местоимений в древнетюркском и старотурецком языках использовалась частица *ок ~ ӧк*: др.-тюрк. *оша-ӧк* 'тот же самый'; ст.-тур. *ол-ок* 'тот же', *шол-ок* 'вот тот же' (Feraḥ-nāme 152).

От указательных местоимений образуется большое количество прилагательных и наречий, учет которых в ряде случаев имеет определенное значение для установления праформ. Примеры: гаг. *бӑлӓ ~ бӧлӓ* 'этакий', 'этак', *ӑлӓ ~ ӧлӓ* 'такой', 'так', *шӑлӓ ~ шӧлӓ* 'вот такой', 'вот так'; кум. *булај* 'этакий', 'этак', *олај ~ алај* 'такой', 'так', *шулај ~ шолај* 'вот такой', 'вот так'; ног. *мӯндај* 'этакий', *ондај* 'такой', *сондај* 'вот такой', *бӯлај* 'этак', *олај* 'так', *солај* 'вот так', *мĭнадај* 'вот этакий', *анавдај* 'вон такой', *сосĭндај* 'вот этакий'; тат. *андĭj* 'такой', *шундĭj, шушĭндĭj* 'вот такой', *тĭгĭндĭ* 'вот такой'; тув. *мӥндіӈ* 'этакий', *ӥндіӈ*

---

[265] Дмитриев Н. К. Об указательных местоимениях в башкирском языке, с. 72.

[266] Шакирова Р. Ф. Особенности говора татар Краснооктябрьского района Горьковской области. — В кн.: Академику В. А. Гордлевскому к его семидесятипятилетию. М., 1953, с. 301.

[267] См.: Ахатов Г. Х. Диалект западносибирских татар, с. 23.

[268] См.: Хабичев М. А. Местоимение в карачаево-балкарском языке, с. 79.

[269] См.: Абдулдаев Э. Кыргыз тилинин Чаткал говору. Фрунзе, 1956, б. 96; Кудайбергенов С. Кыргыз тилиндеги ат атоочтор, б. 50; Бейшекеев Н. Казакстандагы кыргыздардын тилдик өзгөчөлүктөрү. Фрунзе, 1964, б. 40; Юнусалиев Б. М. Кыргыз диалектологиясы, б. 194.

[270] См.: Керимов И. А. Хасавюртовский диалект кумыкского языка. — Уч. зап. Дагестанского женского ГПИ, 1957, 1, с. 225.

[271] См.: Машаков Х. А. Човдурский диалект туркменского языка. АКД. Ашхабад, 1949, с. 6.

[272] См.: Байрамдурдыев Б. Ахалский говор текинского диалекта туркменского языка. АКД. Ашхабад, 1965, с. 15.

[273] См.: Менглиева Г. Некоторые фонетические, морфологические и лексические особенности сакарского диалекта туркменского языка, с. 124.

[274] См.: Ахмедов А. Джушкий говор узбекского языка, с. 18.

[275] См.: Жуманазаров Ю. Ҳазорасп шевасидаги кўрсатиш олмошларининг баъзи хусусиятлари, б. 57.

[276] См.: Джураев Б. Шахрисябзский говор узбекского языка, с. 18; Шерматов А. 1) Каршинский говор узбекского языка. АКД. Ташкент, 1960, с. 28; 2) Қуйи Қашқадарё ўзбек шевалари, б. 96.

[277] Оригинальная, но неубедительная реконструкция праформы *с'авӑ* (**чӑгӱ*, resp. **јӑгӱ*) была предложена Н. Н. Поппе. См.: Поппе Н. Н. Указательные и вопросительные местоимения в чувашском языке, с. 62.

[278] Будучи убежденным в том, что указательные местоимения в тюркских языках часто представляют собой сочетания двух местоимений, В. Котвич готов был видеть в якутском *іті* монгольские указательные местоимения *і* и *ті*. См.: Kotwicz W. Les pronoms dans les langues altaïques, p. 53.

'такой', *ïнча, мïнча* 'столько'; туркм. *бёjлэ* 'этакий', 'этак'; якут. *бачча, ітіччэ, оччо* 'столько', *маннïк* 'этакий', *оннук* 'такой', *ітіннік* 'такой'.

Из всех конкретно-указательных местоимений, рассмотренных выше, по-видимому, лишь те, которые представляют собой сочетания обобщенно-указательных местоимений *бу* и *ол* со словами *ош* и *тэ* (~ ? *ту*), формировались в условиях существования единого языка или, по крайней мере, в процессе его дробления. Другие конкретно-указательные местоимения отразили специфику исторического развития отдельных языковых групп или отдельных языков. Все же в самом способе их образования проявляются общетюркские тенденции.

Вопросительные местоимения

Общетюркские вопросительные местоимения, лежащие в основе многих вопросительных местоимений древних и современных тюркских языков и послужившие исходным материалом для образования в них огромного количества наречий, следующие: *кім* 'кто', *нā* 'что', *kaj* ~ *kaj* 'какой'. Примеры: др.-тюрк. и восточно-тур. *кім* 'кто', *нэ* 'что', *нэгӱ* 'как', 'какой', *нэрäк, нэгӱгä, нэчӱн* 'для чего', 'зачем', *нэлік* ~ *нэлäк* ~ *нэлӱк, нэчӱк* 'как', 'почему', *нэнӱн* 'для чего', *нэтäк* ~ *нэтӱк* 'какой', *kaj* ~ *kaju* ~ *kану* 'какой', *kajсï* ~ *kajусï* ~ *канїсї* 'который', *канэї* 'какой', *кач* 'сколько', *качан* (< ? *kaj чаэïн*) 'когда'; азерб. *кім, нä, hансї*; алт. *кэм, нэ, нэмэ, кандїj*; башк. (диал.) *кїм* 'кто', *нэj, нäрдä, нэjäрдä, нämäрдä, нäдтä, нэjäдтä, німкäj, нäрдäкäj, нämäкäj, німäдтäкäj, нэjäрдäкäj, нэjнämäкäj, нämäдтäкäj, нэjнämäдтäкäj, нäдтäкäj* 'что',[279] *нінтäj* 'какой';[280] казах. *кїм, нэ, нэмэнэ, kaj*; кар. *кім, нэ, kajсї, нінdij*; карач.-балк. *кім, нэ, kajсї*; кирг. *кім, нэ, кандаj*; тат. *кїм, ні, нärсä, kajсї, нінdі*; тофал. *кум* 'кто', *kajсї* 'который', *кандїɞ* 'какой';[281] тув. *кїм, кандїɞ, kaji* ~ *kajїзї*; туркм. *кім, нā, нāмэ, хajдї*; туркм. (диал.) *hajкї* 'какой';[282] узб. (диал.) *кімэв, німэв*,[283] *німä, ка*,[284] *kajдэɞ, кандэɞ, каннэɞ, кандаj, kajдака, кандака, канака*; уйг. *кім* ~ *чім, нэмä, kajсі, канакä*; хак. *кэм* (~ диал. *кэмол*), *німэ* (~ диал. *ämол*), *хajдаɞ, хajзї*;[285] чуваш. *кам* 'кто', *хăжĕ* 'который'; шор. *кэм, kaj* ~ *kajї, kajзї* ~ *kajїзї*; якут. *кім* 'кто', **хан, *хaj, ханнік, хajдах* 'какой'.

Киргизское *эмнэ* ~ *эмінэ* 'что' является дальнейшим развитием *нэмэнэ* (< ? *нэмэ нэ*),[286] ср. кирг. (диал.) *нэмэ, нэмнэ, нэмінэ*.[287]

Тувинское *чӱ* ~ *чӱ* (ср. кумандинск. *чӱгэ*,[288] тофаларское *чу*,[289] чувашское *мĕн*, шорское *но* и якутское *туох* 'что' трудно возвести к общетюркским прафармам, и их появление скорее всего результат особых исторических условий развития соответствующих языков. Не случайно часть из них этимологизировалась путем обращения к нетюркским материалам. Мы

---

[279] См.: Максютова Н. Х. Говор айских башкир, с. 18.
[280] См.: Юсупов Х. Г. Асинский говор башкирского языка, с. 11.
[281] См.: Рассадин В. И. Фонетика и лексика тофаларского языка, с. 81.
[282] См.: Кульманов Г. Геокленский диалект туркменского языка (на территории СССР), с. 14.
[283] См.: Гафурова Н. С. Ниязбашинский говор узбекского языка. АКД. Ташкент, 1962, с. 15.
[284] См.: Шарипов О. Папский говор узбекского языка, с. 15.
[285] См.: Дыренкова Н. П. Грамматика хакасского языка, с. 46; Доможаков Н. Г. Описание кызыльского диалекта хакасского языка, с. 10—11.
[286] У С. Кудайбергенова: *эмнэ* < *эмінэ* < *эмі(j)нэ* < *эмэjнэ*, т. е. *эмэj*+*нэ*. См.: Кудайбергенов С. Кыргыз тилиндеги ат атоочтор, б. 68. У Б. М. Юнусалиева: *эмнэ* < *нэ му нэ*. См.: Юнусалиев Б. М. Кыргыз диалектологияси, б. 194.
[287] См.: Бакинова Г. Киргизский говор Октябрьского района. АКД. Фрунзе, 1953, с. 12; Кудайбергенов С. Кыргыз тилиндеги ат атоочтор, б. 67.
[288] См.: Баскаков Н. А. Диалект кумандинцев, с. 55.
[289] См.: Рассадин В. И. Фонетика и лексика тофаларского языка, с. 81.

имеем в виду сопоставление тувинского *чӱ ~ чӥ* и шорского *нӧ* соответственно с *ju*[290] и *jaγun*[291] в монгольском письменном языке, а чувашского *мӗн* с «арабо-персидским вопросительным местоимением *мән*».[292] И хотя эти сопоставления нельзя признать удачными, дальнейшие поиски необходимо вести за пределами тюркских языков.

Несколько слов об этимологизации вопросительных местоимений *кім* и *нӛ, німӓ ~ нӓмӓ*.

Местоимение *кім* В. Шотт связывал с монгольским письменным *kümün* 'человек',[293] а В. Котвич и Г. И. Рамстедт разлагали его на *кі ~ кӛ* (древнюю вопросительную основу) и *м* (вопросительную частицу;[294] у Дж. Г. Киекбаева: показатель определенности).[295]

Другое вопросительное местоимение *нӛ* — Г. И. Рамстедт возводил к **jӛ*, указывая, что *j* изменился в *н* в составе формы родительного падежа под влиянием аффиксального *н* (*jӛнің* > *нӛнің*).[296] Н. А. Баскаков, занимаясь поисками прототипа местоимения *нӛ*, высказал предположение о развитии его из существительного *нӓмӛ* < *нӛңӛ* < *тӛмӛ* (?) 'вещь'.[297] Больше оснований, однако, думать, что местоимение *німӓ ~ нӓмӓ* образовалось путем присоединения к местоимению *нӛ* частицы (наречия?) *jімӓ* 'же', 'также' (*нӛ-jімӓ* 'что же'). Именно такой путь мог привести к колебанию гласного в составе производной формы (*німӓ ~ нӓмӓ*). Ф. Г. Исхаков выделяет в *німӓ ~ нӓмӓ* два компонента: *ні ~ нӛ* и *мӓ* и последний из них сближает с чувашским *мӗн* 'что'.[298]

Некоторые трудности возникают при решении вопроса об исходной форме третьего вопросительного местоимения — с конечным *j* (**kaj*) или без него (**kā*). Последний вариант менее вероятен, так как практически невозможно объяснить происхождение конечного *j*. А. Габен, тем не менее, отдает предпочтение этому варианту, рассматривая, например, *канӥ* как форму винительного падежа от **ka*.[299] В пользу варианта без *j* свидетельствуют материалы якутского языка и диалектов узбекского языка, ср. якут. *ха* (?), узб. (диал.) *ка* 'какой'. Что же касается слова *качан* 'когда', то в нем *j*, по всей видимости, выпал, см. кум., тат. *кайчан* (< *?kaj чаγïн*).[300]

Выделительные местоимения

Выделительные местоимения в тюркских языках: *өз, кӛндӱ ~ кӛнді, кӛсі, бој ~ боз* и др. Примеры: ст.-кыпч. *кӛнсі* 'сам' (Cod. Cum. $81r_{19}$); азерб., гаг., казах., кирг., к.-калп., кум., ног., уйг. *өз*, кар. *өз* (*~ ӛз ~ із*), тат. *үз*, туркм. *ӧд*, узб. *ўз*; азерб. (диал.) *гӓнді*,[301] башк. (диал.) *кӓнтӗ*,[302]

[290] См.: Ramstedt G. J. Zur mongolisch-türkischen Lautgeschichte (III). Der *j*-Laut und damit zusammenhängende Fragen. — KSz, 1915/1916, XVI, S. 67; Kotwicz W. Les pronoms dans les langues altaïques, p. 36; Исхаков Ф. Г., Пальмбах А. А. Грамматика тувинского языка, с. 224.

[291] Там же, S. 67. См. также: Räsänen M. Materialien zur Morphologie der türkischen Sprachen, S. 41—42.

[292] См.: Исхаков Ф. Г. Местоимения. — ИСГТЯ, II, с. 236.

[293] Schott W. Versuch über die tatarischen Sprachen. Berlin, 1836, S. 71.

[294] Kotwicz W. Les pronoms dans les langues altaïques, p. 35, 70; Рамстедт Г. И. Введение в алтайское языкознание. Морфология, с. 76, 78. См. также: Räsänen M. Materialien zur Morphologie der türkischen Sprachen, S. 40.

[295] Киекбаев Дж. Г. Программа курса «Сравнительная грамматика тюркских языков», с. 18—19.

[296] Ramstedt G. J. 1) Über mongolische Pronomina. — JSFOu, 1906, 23_3, S. 16; 2) Введение в алтайское языкознание. Морфология, с. 76.

[297] Баскаков Н. А. Каракалпакский язык, II. Фонетика и морфология, I. М., 1952, с. 296; Суяров И. Сўроқ олмошларининг этимологияси ҳақида. — Уч. зап. Кокандского ГПИ, серия филологическая, 1964, IV, с. 203—204.

[298] Исхаков Ф. Г. Местоимения. — ИСГТЯ, II, с. 236.

[299] Gabain A. Primäre und sekundäre Kasus im Alttürkischen, S. 133.

[300] См.: Дмитриев Н. К. Грамматика башкирского языка, с. 104; Суяров И. Сўроқ олмошларининг этимологияси ҳақида, б. 215.

[301] См.: Исламов М. И. Нухинский диалект, с. 17.

[302] См.: Юсупов Х. Г. Асинский говор башкирского языка, с. 11.

тур. *кәнді*; карач.-балк. *кәсі*; алт. *бој*, тув. *бот*, хак. *пози*, шор. *позу* ~ *поју*; чуваш. *хăj*; якут. *бэjэ*. Некоторые из них употребляются в виде парных сочетаний, например: др.-тюрк. *кәнтү өзүм* 'я сам' (Suv 9_{11}); ст.-кыпч. *өз кәнсі* 'он сам' (Cod. Cum. $71r_7$); ст.-тур. *гәндү нәфәс* 'сам' (CD 162, 163); таг. *кәнді өз колхозундан* 'из своего колхоза'; туркм. *дәнің хут ӧдүң* 'ты сам'.[303]

Не будучи оформленными аффиксами принадлежности, выделительные местоимения выполняют определительные функции: др.-тюрк. *өз jолї білән* 'своей дорогой', *өз үjігä* 'в свой дом'; кум. *өз ташї* 'свой камень'; узб. *ўз этім* 'мой собственный конь'; тур. *кәнді кітабї* 'его собственная книга'; якут. *бэjэ кіhітэ* 'свой человек', *бэjэ барбїта* 'свой уход'. Это правило не распространяется на другие местоимения, которые не выступают в определительной функции в исходной форме.

С аффиксами принадлежности все выделительные местоимения употребляются самостоятельно или как приложения:

1) др.-тюрк. (*мән*) *өзүм*, азерб. (*мән*) *өзүм* ~ (*мәнім*) *өзүм*, карач.-балк. (*мән*) *кәсім*, тув. (*мән*) *бодум*, тур. (*бән*) *кәндім*, алт. (*мән*) *бојїм*, хак. (*мін*) *позїм*, чуваш. (*эпĕ*) *хам*, якут. (*мін*) *бэjэм* 'я сам';

2) др.-тюрк. (*сән*) *өзүң*, азерб. (*сән*) *өзүн* ~ (*сәнін*) *өзүн*, карач.-балк. (*сән*) *кәсің*, тув. (*сән*) *бодуң*, тур. (*сән*) *кәндін*, алт. (*сән*) *бојїң*, хак. (*сін*) *позїң*, чуваш. (*эсĕ*) *ху*, якут. (*эн*) *бэjэң* 'ты сам';

3) др.-тюрк. (*ол*) *өзү* ~ *өзі*, азерб. (*о*) *өзү* ~ (*онун*) *өзү*, карач.-балк. (*о*) *кәсі*, тув. (*ол*) *боду*, тур. (*ол*) *кәнді*, алт. (*ол*) *бојї*, хак. (*ол*) *позї*, чуваш. (*вăл*) *хăj*, якут. (*кіні*) *бэjэтэ* 'он сам'.

В тюркских языках отсутствуют возвратные местоимения[304] и соответствующую функциональную нагрузку несет форма винительного падежа выделительных местоимений, ср. кум. *мән өзүмү сақлajман* 'я берегусь' (~'я берегу самого себя').

Праформы выделительных местоимений, многие из которых являются не общетюркскими, а региональными, мы восстанавливаем в следующем виде: **бс*, **кәнті* ~ **кәнсі* (см. Telegdi, 293; Cod. Cum. $81r_{19}$), **под*. При этом *өз* восходит к существительному со значением «сущность, существо» (ср. др.-тюрк. *кутулдї өзүм* 'я освободился', букв. 'мое «существо» освободилось'), этимология *кәнті* ~ *кәнді* не ясна,[305] а первоначальное значение местоимения *бој* ~ *бос* ~ *бот* — «тело». Якут. *бэjэ* < монг.-п. *beje*.

Притяжательные местоимения

Фактически притяжательных местоимений как самостоятельной лексико-грамматической группы в тюркских языках нет. Относимые обычно к таковым местоимения на самом деле являются формами родительного или притяжательного падежа,[306] частично подвергшимися в ряде языков незначительным преобразованиям (главным образом 1-е лицо ед. и мн. числа). Примеры: азерб. *мәнім* 'мой', *сәнін* 'твой', *онун* 'его' *бізім* 'наш', *сізін* 'ваш', *онларын* 'их'; азерб. (диал.) *сәнік*, *онук*, *сізік*, *оларік*,[307] *сәнүв*, *онув*,

---

[303] См.: Борҗаков А. Түркмен дилинде гайдым чалышмалары. — Изв. АН Туркменской ССР, серия общественных наук, 1962, № 2, с. 70.

[304] См.: Дмитриев Н. К. Грамматика кумыкского языка, с. 82; Menges K. H. The Turkic Languages and Peoples. An Introduction to Turkic Studies, p. 125; Gabain A. Primäre und sekundäre Kasus im Alttürkischen, S. 134.

[305] Обзор этимологий *кәнті* ~ *кәнді* см. в работе: Борҗаков А. Түркмен дилинде гайдым чалышмалары, с. 65—66.

[306] Ср.: Баскаков Н. А. Личные и лично-притяжательные местоимения в каракалпакском языке. — В кн.: Тюркологический сборник, I. М.—Л., 1951, с. 63.

[307] Садыхов Б. П. Кедабекские говоры азербайджанского языка. АКД. Баку, 1964, с. 18.

сізӱв, олларув,[308] *сäнij ~ сäнӱj, онуj*,[309] *мäjін, сäjін, ojун*,[310] *мäм ~ мäн, сäң ~ сäн*;[311] алт. *мӭніjі, сӭніjі, онijї, бістіjі, слӭрдіjі, олордїjї*; башк. *мінӑң, кінӑң, уныӑң, бӑ̈ддӑң, һӑ̈ддӑң, улардыӑң*; кар. *мӭнім, сӭнін, анїн, бізнін* (~ *бізін ~ бізнім*), *сізнін* (~ *сізін*), *аларнїн*; кирг. *мӭнін, сӭнін, анїн, бізді̇н, сізді̇н, алардїн*; кум. *мӭні, сӭні, ону, бізін, сізін, ола(р)нї*; ног. *мӭнӑм, сӭнӑң, онӑң, бӑзӑм, сӑзӑң, олардыӑң*; туркм. *мӭнің, ӱӭнің, онуң, бідің, ӱідің, оларің*; чуваш. *манăн, санăн, унăн, пирĕн, сирĕн, вĕзĕнĕн*; шор. *мэ̄н, сэ̄н, āн*,[312] *пістің, сілӭрдің, їлардїң*. В якутском языке форма родительного падежа отсутствует и в притяжательных конструкциях принадлежность выражается односторонне — аффиксами принадлежности: *мін атӥм* 'мой конь', *бiһiгi атӥбӥт* 'наш конь'.

Неопределенные местоимения

Самый древний способ образования неопределенных местоимений — сочетание местоимений других групп, существительных и прилагательных с числительным *бір* 'один', ср. алт. *бір кіжі* 'кто-то', *бір нӭмӭ* 'что-то', *бір кажї* (~ *кажї бір*) 'некоторый'; гаг. *бішӭj* 'нечто'; казах. *бӑрнәрсә, бӑрдӭмӭ* (< *бӑрнӭмӭ*), *бӑрдӭңӭ* (< *бӑрнӭңӭ*) 'что-то'; карач.-балк. *бір кіші* 'некто', *бір зат, бір ӱук* 'нечто'; кирг. *бір нӭмӭ, бір дӭмӭ* (< *бір нӭмӭ*), *бір нӭрсӭ* 'нечто'; кум. *бір зат* 'нечто'; ног. *бӑр кӑм* 'некто', *бӑр зат* 'нечто'; тув. *бір кіжі* 'кто-то'; туркм. (диал.) *бір нәрдә* 'нечто', *бір хajдї* 'какой-то';[313] узб. *бір нарса, бір німа* 'что-то'; узб. (диал.) *біннімä* (< *бірнімä*);[314] *міннарса* (< *бірнарса*), *міннама* 'что-то, нечто';[315] хак. *пӑр кізі* 'кто-то', *пӑр німӭ, пӑрэ̄ німӭ* 'что-то'. Числительное *бір* может быть и вторым компонентом: башк. *ніндәj бӑр, kajһӑ бӑр* 'некоторый'; казах. *кӭjбӑр, кӭjбӑрәв* 'кто-то', *kajсӑбӑр* 'какой-то'; кирг. *kaj бір, kajсї бір, кандajдӭр бір* 'какой-то'; тув. *кӥм-бір* 'кто-то', *чӱ-бір* 'что-то', *kajї-бір* 'какой-то'; узб. *kajсі бір* 'какой-то'; хак. *хajпӑрэ̄зӑ* 'кто-то'.

В качестве неопределенных местоимений нередко употребляются числительное *бір* 'один' и вопросительное местоимение *кім* 'кто', оформленные аффиксом принадлежности 3-го лица ед. числа: азерб. *бірі ~ бірісі, кімі ~ кімісі*, гаг., кум. *бірі ~ бірісі, кімі*, казах. (диал.) *кӑмӑ ~ кӑмӑсӑ*;[316] уйг. *бірі ~ бірісі* 'кто-то, некто'. Такие же функции числительное *бір* выполняет, принимая формы собирательных или разделительных числительных: казах. (диал.) *бӑрӭв*, туркм. (диал.) *бірӭв*,[317] узб. *бірэв*, уйг. *бірäв* 'кто-то, некто'; узб. *бірэр* 'некто', 'нечто', *бірэрта* 'нечто', уйг. *бірäр* 'некто'. Ср. также: туркм. (диал.) *бірӭк* 'некто';[318] узб. *бірэнта* 'нечто'.

Общераспространенным морфологическим показателем неопределенных местоимений является аффикс *-дӥ(р) ~ -ду(р)*... Примеры: башк. *кӑмдӑр* 'кто-то'; *нämäлӑр* 'что-то', *ніндәjдӑр* 'какой-то'; башк. (диал.) *німäкäjдӑр* 'что-то';[319] кирг. *кімдір бірӧ* 'кто-то', *эмнӭдір* 'что-то', *кандajдӭр бір*

---

[308] См.: Исламов М. И. Древние формы личных местоимений в диалектах и говорах азербайджанского языка, с. 21.

[309] Там же, с. 21.

[310] Там же, с. 22.

[311] Там же, с. 22.

[312] Ср. в говорах туркменского языка: Амансарыев Дж. Северные говоры ёмудского диалекта туркменского языка, с. 11.

[313] См.: Машаков Х. А. Човдурский диалект туркменского языка, с. 7.

[314] См.: Джураев Б. Шахрисябзский говор узбекского языка, с. 18.

[315] См.: Афзалов Ш. А. 1) Паркентский говор узбекского языка, с. 15; 2) Ўзбек тилининг Паркент шеваси. — В кн.: Ўзбек диалектологиясидан материаллар, I. Тошкент, 1957, б. 150.

[316] См.: Нурмагамбетов А. Казахский говор на территории Туркменской ССР, с. 14.

[317] См.: Машаков Х. А. Човдурский диалект туркменского языка, с. 7.

[318] Там же, с. 7.

[319] См.: Максютова Н. Х. Говор айских башкир, с. 18.

'какой-то'; ног. *кӣм дӣ бӣрәв* 'кто-то', *кайдај дӣ* 'какой-то';[320] салар. *к'әмтәр* 'кто-то', *наңтӣр* 'что-то', *кайсӣтӣр* 'какой-то';[321] тат. *кӣмдӣр* 'кто-то', *нідӣр, нәрсәдӣр* 'что-то', *нінді-дӣр* 'какой-то'; туркм. *кімдір* 'кто-то', *нәмәдір* 'что-то', *хайдїдїр* 'какой-то'; узб. *кімдір* 'кто-то', *німадір* 'что-то', *кандайдір* 'какой-то'; узб. (диал.) *кімді* 'кто-то', *нәді* 'что-то'[322] (ср. *кімду, німаду*[323]); уйг. *кімду* (*бірі* ~ *бірісі*) 'кто-то'.

Другой морфологический показатель неопределенных местоимений — *-са* ~ *-сӓ* ~ *-сә* ~ *-сәj*, развившийся из формы условного наклонения вспомогательного глагола *ӛ(р)-* ~ *і(р)-*: азерб. *кімсә* ~ *кім ісә* 'кто-то', *нәсә* ~ *нә ісә* 'что-то', *һансї ісә* 'какой-то'; гаг. *кімсә* ~ *кімсәj, нәсә*; кар. *кім-әс, нә-әс, нінді-әс*; кум., тур. *кімсә*; узб. *кімса* (~ *бір кімса*). К формам на *-са* ... примыкают перифрастические образования, которые, не являясь собственно неопределенными местоимениями, находятся на пути к превращению в них, ср. башк. *кӣм дә булһа ла* 'кто бы то ни был', *нӣ дә булһа ла* 'что бы то ни было'; карач.-балк. *кім әсә дә, кім болса да, кім да болсун* 'кто бы то ни был', *нә әсә дә* 'что бы то ни было', *каллај да болсун* 'какой бы то ни был'; крым.-тат. *кім олса олсїн* 'кто бы то ни был'; тув. *кӣм-дӑ болза* 'кто бы то ни был', *чӱ-дӑ болза* 'что бы то ни было'; хак. *кәм дә̄ полза* 'кто бы то ни был', *німә дә̄ полза* 'что бы то ни было'. Сходная модель стала господствующей разновидностью неопределенных местоимений в тюркских языках Сибири и Алтая, ср. алт. *кәм-дә* 'кто-то', *нә-дә* 'что-то', *кандїj-да* 'какой-то'; тув. *бір-лә* 'какой-то'; хак. *кәм-дә̄* 'кто-то', *німә-дә̄* 'что-то'; чулым. (диал.) *нӧмә-лә* 'что-то', *хайді-лә* 'какой-то', 'как-то';[324] шор. *кәм-да* 'кто-то'; якут. *кім да, кім әмә* 'кто-нибудь', *туох даҕанї, туох әрә* 'что-то, что-нибудь', *ханнїк әрә* 'какой-то', *ханнїк да* 'какой бы то ни был'.

Неопределенные местоимения образуются также при помощи словаформанта *алла* ~ *ала* ~ *алда* ~ *анна* ~ *аллі* ~ *алка* (< ? араб. عَلَّ 'может быть, по всей вероятности').[325] Например: башк. *әлләкӣм* 'кто-то', *әлләнәмә* 'что-то'; башк. (диал.) *әлләмәкәj, әлләмәдтәкәj, әлләнәмәдтәкәj* 'что-то', *әлләҕалај* 'какой-то';[326] казах. *әлдәбір, әлдәкім, әлдәнә, әлдәнәмәнә, әлдәкај, әлдәкандај*; кирг. *алда кім, алда әмнә, алда кандај*; тат. *әллә кӣм, әллә нӣ, әллә нәрсә, әллә кајсӣ*; узб. *аллакім, алланишта, алланарса, аллакајсі, аллаканака, аллакандај*; узб. (диал.) *әлә кім, әннәсә* (< *әллә нәрсә*);[327] уйг. *аллікај* ?.

В шорском языке и в диалектах алтайского языка наряду с упомянутыми выше используется способ повторения основ: шор. *кәм-кәм* 'кто-то', *нӧ-нӧ* 'что-то'; алт. (диал.) *чӱг-чӱг* 'что-то'.[328]

Другие неопределенные местоимения: карач.-балк. *гәч бір зат* 'что-нибудь'; туркм. *кімдә-кім, әнә кімләр* 'кто-то', 'кто-нибудь'; узб. *кім һам* 'кто-то';[329] узб. (диал.) *кімнімә* 'что-то', *кімкајсі* 'какой-то'.[330]

Большое распространение в тюркских языках Кавказа и Средней Азии получило неопределенное местоимение *фалан* 'некий', 'такой-то' (< ар.):

---

[320] См.: Джанбидаева К. К. Ногай тилинде оьзлик аффикслер. — Тр. Карачаево-Черкесского НИИЭИЯЛ, серия филологическая, 1968, V, с. 210.

[321] См.: Тенишев Э. Р. Строй саларского языка, с. 51.

[322] См.: Джуманазаров Ю. Морфологические особенности хазараспского говора узбекского языка, с. 16.

[323] См.: Шерматов А. Каршинский говор узбекского языка, с. 28.

[324] См.: Доможаков Н. Г. Нижнеюсцы. (Материалы по языку). — Уч. зап. Хакасского НИИЯЛИ, 1960, VIII, с. 195.

[325] См.: Суяров И. Местоимение в современном узбекском литературном языке, с. 31.

[326] См.: Максютова Н. Х. Говор айских башкир, с. 18. См. также: Юсупов Х. Г. Асинский говор башкирского языка, с. 11.

[327] См.: Шарипов О. Папский говор узбекского языка, с. 15.

[328] См.: Баскаков Н. А. Диалект кумандинцев, с. 56.

[329] См.: Сқарова М., Исоқов И. Олмошларда ноаниқлик маъноси ҳақида. — Научн. тр. Ташкентского ГПИ, 1972, 87, с. 77.

[330] См.: Жураев Б. Шахрисябзский говор узбекского языка, с. 18.

азерб. *філан, філанкäс*; гаг. *філан*; казах. *пäлэн*; кум. *паланча ~ пэлэнчэ*; ног. *фалан ~ палан*; тат. *фäлäн*; тур. *фалан ~ філäн, фаланǰа ~ фіläнǰä*; туркм. *пїлан ~ палан, пїланї ~ паланї*; узб. *фалэн, фалэнчі*; уйг. *палан, паланчä*.

Отрицательные местоимения

Собственно тюркских отрицательных местоимений по существу нет. В их роли, как правило, выступают неопределенные местоимения, употребляемые в сочетании с отрицательными формами глаголов. Примеры: алт. *кэм-дэ* 'никто', *нэ-дэ* 'ничто'; башк. *бĭр кĭм дä* 'никто', *бĭр нämä лä* 'ничто'; башк. (диал.) *бĭр нäдтä, бĭр нämäдтä* 'ничто';[331] карач.-балк. *кім-да* 'никто', *нэ-да, бір зат-да, ǰук* 'ничто'; кар. *кіші-дэ ~ кісі-дэ* 'никто', *нэмэт* (< *нэмэ-дэ*) 'ничто'; тат. *бĭркĭм, кĭм-дä* 'никто', *ні-дä, бĭрні, бĭрнärсä* 'ничто', *бĭрнінді* 'никакой'; тув. *кім-дā* 'никто', *чӱ-дā* 'ничто', *кандїҕ-дā* 'никакой'; тур. *кімсэ, бір кімсэ* 'никто'; шор. *кэм-да* 'никто', *нō-да* 'ничто'; якут. *кім даҕанї, кім-да* 'никто', *ханнїк-да* 'никакой'.

В тюркских языках, подвергшихся влиянию персидского языка, широко употребительны отрицательные местоимения, представляющие собой сочетания существительных со словом *hэч ~ hіч ~ эч ~ эш . . .*: азерб. *hэч кім, hэч кімсä, hэч käс* 'никто', *hэч нä* 'ничто', *hэч hансї* 'никакой'; алт. *эш нэмэ* 'ничто'; башк. *hіс кĭм* 'никто', *hіс нämä, hіс ні* 'ничто'; гаг. *hіч бішэј* 'ничто'; казах. *эшкĭм эшбĭр, эшбĭрэв* 'никто', *эштэмэ* (< *эшнэмэ*), *эштэңэ* (< *эшнэңэ*), *эшнärсэ* 'ничто', *эшкајсĭ, эшкандај* 'никакой'; кирг. *эч кім, эч бір* 'никто', *эч нэрсэ* 'ничто', *эч кајсї, эч кандај* 'никакой'; ног. *эш кĭм* 'никто'; тат. *hічкĭм* 'никто', *hічні, hічнärсä* 'ничто', *hічнінді* 'никакой'; тур. *hіч кімсэ* 'никто', *hічбір* 'никакой'; туркм. *hіч кім, hіч кэд, hіч бір* 'никто', *hіч дат* 'ничто'; узб. *hэч кім, hэч бір, hэч кімса* 'никто', *hэч німа* 'ничто'; узб. (диал.) *hічкімärсä* 'никто', *hічнімärсä* 'ничто',[332] *hіштама* (< *hічнама*);[333] уйг. *hэч кім, hэч бір* 'никто', *hэч кајсі* 'никакой'.

Определительные местоимения

Древнейший пласт, который в основной своей части является общетюркским, составляют определительные местоимения *барї* (*барча, барїта, барлїк, барчїн*), *бӱтӱн, бӱткӱл, тӱгä(л), тутуш, камуҕ* 'все', 'всё', 'весь', *тэгмä* 'каждый'. Примеры: др.-тюрк. *барї, барча, камуҕ, бӱтӱн, тӱгäл, тэгмä*; азерб. *вар, варї, hаму ~ hамі ~ ҕаму, бӱтӱн*; алт. (диал.) *барчан ~ баршїн ~ парчїн*;[334] башк. *бӛтä*; башк. (диал.) *барса, тӛтӛш*;[335] гаг. *бӱтӱн*; казах. *бар, бäрї, барша, барлĭк, бӱтĭн*; кар. *бар, бӱтӱн, тӱгäл ~ тігäл*; карач.-балк. *барї, бітэв*; кирг. *бāрї, бардїк, бӱткӱл, бӱтӱн*; кум. *барї, бӱтӱн*; тат. *барї, барча, барлĭк, бӛтĭн*; тур. *бӱтӱн*; туркм. *бāрї, бӱтĭн*; туркм. (диал.) *тутуш, тӱкӛл ~ тӱкä, бітĭн*;[336] узб. *барі, барча, бӱтӱн*; уйг. *бäрі, барчä, пӱтӱн, пӱткӱл*; хак. *пӱдӱн*; шор. *парча, парчїн, тоза*; якут. *барї, барїта*.

Более позднего происхождения остальные определительные местоимения, и прежде всего те, которые были заимствованы из арабского и персидского языков, в частности определительные местоимения, включающие в себя персидское *hар* 'каждый, всякий', ср. азерб. *бä'зі* 'некоторые', *här käс, här кім, här кімсä, här шэј* 'каждый' (с разграничением лица и предмета в зависимости от семантики второго компонента); алт. *кажї бір, кажїларї*

---

[331] См.: Максютова Н. Х. Говор айских башкир, с. 18. См. также: Юсупов Х. Г. Асинский говор башкирского языка, с. 11.

[332] См.: Гафурова Н. С. Ниязбашинский говор узбекского языка, с. 15.

[333] См.: Афзалов Ш. А. Паркентский говор узбекского языка, с. 16.

[334] См.: Баскаков Н. А. Диалект кумандинцев, с. 53.

[335] См.: Юсупов Х. Г. Асинский говор башкирского языка, с. 11.

[336] См.: Менглиева Г. Некоторые фонетические, морфологические и лексические особенности сакарского диалекта туркменского языка, с. 124.

'некоторые', *бастїра ~ бастра* 'все'; гаг. *hәnci, ǰүмлә ~ ǰүмнә* 'все'; казах. *әрбі̆р, әркі̆м, әрнә, әрнәмә, әрнәрсә, әркајсі̆* 'каждый'; кар. *бар* 'каждый'; карач.-балк. *хар кім, хар бір, хар нә, хар кајсї* 'каждый'; кирг. *ар кім, ар бір, ар кајсї, ар кандај, ар нәрсә* 'каждый'; тат. *һәммә* 'все', *һәр, һәрбі̆р, һәркі̆м* 'каждый'; тув. *бүгү, бүгүдә* 'все', *бүрү* 'каждый, всякий'; тур. *һәп, һәпсі* 'все', *һәр кімсә, һәр һангі* 'каждый'; туркм. *һәммә, әһлі, ǰүмлә* 'все', *кәбір* 'некоторые', *һәр кім, һәр бір, һәр дат, һәр нәмә* 'каждый'; узб. *һамма* 'все', *ба'зі* 'некоторые', *һар бір, һар кім, һар кајсі* 'каждый'; шор. *ар* 'каждый, всякий'.

Относительные местоимения

Относительные местоимения возникали путем обособления и функционального преобразования вопросительных местоимений, ср. ст.-узб. *кім*, азерб. *кі*, гаг. *ані* (< ? *һаӈї*) 'который'. Этот процесс можно квалифицировать как чисто внутреннюю закономерность тюркских языков, однако не следует обходить молчанием то обстоятельство, что использование вопросительного местоимения *кім* как относительного местоимения и затем как подчинительного союза происходило и происходит в пределах ограниченного ареала, примечательного тем, что в него не входят языки Сибири и Алтая. Разумеется, для окончательного решения вопроса о происхождении относительных местоимений в тюркских языках и, в частности, о возможности персидского влияния необходимо сопоставление всех диахронических данных и фактов распространения конструкций с *кім* (*кі*) в современных языках, с учетом их стилистических разновидностей. Все же, каким бы ни было окончательное решение, ясно, что для сравнительной грамматики тюркских языков этот вопрос принципиального значения не имеет, так как возникновение относительных местоимений и относительных союзов носило явно выраженный региональный характер и не вытекало из общетюркских тенденций развития грамматического строя.

К вопросу о прономинализации[337]

Процесс преобразования существительных и числительных в местоимения тесно связан с развитием литературных языков и, следовательно, датируется поздним временем. Обычно в основе прономинализации существительных лежат факторы стилистического порядка, например стремление к нарочито подчеркнутому самоуничижению или к акцентированному смещению собственного «я» на задний план. Именно поэтому в числе существительных, подвергшихся прономинализации, значительное место занимают такие слова, как ст.-узб. *факїр* 'бедный' (*бу факїр һәчнімә дәмәдім* 'я ничего не сказал'),[338] *каміна* 'ничтожный' и тур. *бәндә* 'раб'.

Раздел 4

Числительное

Количественные числительные

Пратюркские формы количественных числительных, обозначающих единицы, десятки, сотню и тысячу, мы восстанавливаем в следующем виде:[339]

[337] См.: Кононов А. Н. 1) О прономинализации в турецком языке. — В кн.: Вопросы грамматики и истории восточных языков. М.—Л., 1958, с. 169—186; 2) Грамматика современного узбекского литературного языка, с. 185; Боржаков А. Местоимения в современном туркменском языке, с. 18; Покровская Л. А. Грамматика гагаузского языка, с. 128—129.

[338] См.: Щербак А. М. Грамматика староузбекского языка, с. 132.

[339] Библиографию и краткий обзор этимологий см. в работах: Ramstedt G. J. 1) Über die Zahlwörter der altaischen Sprachen. — JSFOu, 1907, 24_1, S. 1—24; 2) Die

**nīp*	— 1	**ōn*	— 10
**ікі* ~ **әкі*	— 2	**ðіγ'ірмä* ~ **ðäγ'ірмä* // **ікōн*	— 20
ӱч* (ӱч?*)	— 3	**отїс* (**олтїс?*) // **ӱчōн*	— 30
**тōрт*	— 4	**кӱрк* // *тōртōн*	— 40
**пāш*	— 5	**ällіγ'* // *пāшōн*	— 50
**алтї*	— 6	**алтмїш* // *алтōн*	— 60
**ðätі*	— 7	**ðätміш* // *ðätōн*	— 70
**сäкіс*	— 8	**сäкісōн*	— 80
**токїс*	— 9	**токусōн*	— 90

**ðӱс* — 100 **пїң* — 1000

Обозначение чисел более высокого порядка, например: др.-тюрк. *бан* — 10 000, *колті* — 10 000 000; ст.-узб. *тӱмän*[340] — 10 000, *лäк* — 100 000, *корур* — 10 000 000; алт., тув. *тӱмән* — 10 000 (в алтайском, как и в некоторых других тюркских языках, значение *тӱмән* — «множество», «бесчисленное количество»), *саја* — 1 000 000; хак. *тӱбäн* — 10 000; якут. *мӧлӱjjӱӧн*, *мілијӘр* — заимствования из русского, китайского, монгольского письменного, санскрита и других языков. Киргизское *сан*, обозначающее главным образом в фольклоре «десять тысяч»,[341] появилось в результате переосмысления общетюркского *сан* 'число'.

Другие количественные числительные, фактически занимающие промежуточное положение между числительными и существительными: *бучук* 'половина' (гаг., тур.), *јарїм* 'половина' (азерб., гаг., кум., тур., туркм. *јарїм*; казах., ног. *жарым*; кирг. *јарым*, башк., тат. *јарым*, узб. *јарім*, уйг. *јәрім*, хак., шор. *чарїм*), *јарї* 'половина' (азерб., гаг., тур., туркм.), *јарпї* 'половина' (к.-калп. *жарпы*, туркм. *јарпї*), *јартї* 'половина' (казах., ног. *жарты*, башк., тат. *јартый*, кум., туркм. *јартї*), *аңар*, *бїһаҕас* 'половина' (якут.), *чарӧїк* 'половина' (шор.); *чäрäк* 'четверть' (азерб. *чäрäк*, башк. *сірәк*, казах. *шірәк*, к.-калп., ног. *шәрәк*, кум. *чәрәк*, тат. *чірәк*, туркм. *чäр'әк*, узб. *чорак*, уйг. *чарäк*), *рӱб* 'четверть' (азерб.), *тӧбӘ* 'четверть' (шор.).

Примечательно наличие во многих тюркских языках вариантов количественных обозначений для 2, 7, 8 и 9 без удвоения и с удвоением согласного в интервокальном положении. В азербайджанском, узбекском и уйгурском языках удвоение стало достоянием литературной нормы, в большинстве же других языков оно имеет место только в диалектах. В чувашском языке удвоение согласных, распространяющееся на все числительные первого десятка и некоторые обозначения более высоких разрядов, связано с семантико-синтаксическими моментами: краткие формы (*пĕр*, *ікĕ* ~ *ік*, *виз'ĕ* ~ *виc'*, *тăвадă* ~ *тăват*, *пилĕк*, *улдă* ~ *улт*, *c'ич'ĕ* ~ *c'ич*, *сагăр*, *тăҕăр*) употребляются при конкретном счете, т. е. счете с указанием

Zahlwörter *jigirmi* und *jüz*. — In: Z. V. Togan'a Armağan. İstanbul, 1955, s. 227—230; Самойлович А. Турецкие числительные количественные и обзор попыток их толкования. — В кн.: Языковедные проблемы по числительным, I. Л., 1927, с. 135—156; Малов С. Е. К изучению турецких числительных. — В кн.: XLV-летию научной деятельности академика Н. Я. Марра. Л., 1935, с. 271—277; Kraelitz F. Zur Etymologie des türkischen Zahlworts *iki* zwei. — WZKM, 1929, XXXVI, 3—4, S. 239—241; Koelle S. W. Etymology of the Turkish Numerals. — JRAS, 1884, XVI, 2, p. 141—163; Kotwicz W. Contributions aux études altaïques, II. Les noms de nombres. — RO (1929—1930), 1931, VII, p. 152—221; Җәләй Л., Борһанова Н. Татар телендә сан исемнәре һәм аларның этимологиясе. — В кн.: Татар теле һәм әдәбияты, 1. Казан, 1959, б. 3—23; Пенҗиев М. Хәзирки заман түркмен дилинде санлар. Чәрҗев, 1962, с. 78—98.

[340] Ср. у Б. Я. Владимирцова: «С. Леви и А. Мейе склонны видеть в нем кучарско-карашарское заимствование: кучарское *tumane*, *tmäne*, карашарское *tmām*; Б. Лауфер считает это слово индоевропейского происхождения, но попавшим к турко-монголам через посредство персидского». См.: Владимирцов Б. Я. Mongolica I. — ЗКВ, 1925, I, с. 312.

[341] См.: Чечейбаева Н. Имя числительное в киргизском языке. АКД. Фрунзе, 1971, с. 9.

предметов, живых существ и т. д., полные формы, т. е. формы с удвоением (*пĕррĕ*, *иккĕ*, *виҫ'ҫ'ĕ*, *тăваттă*, *пиллĕк*, *улттă*, *ҫ'иччĕ*, *саккăр*, *тăххăр*), — при отвлеченном счете. Удвоенное произношение восходит ко времени существования тюркского праязыка: следы его встречаются почти во всех тюркских языках. Однако пока трудно сказать, какой была первоначальная функция удвоения.[342]

Большой интерес вызывает вопрос о происхождении чувашских форм с дополнительным конечным гласным. Любопытное решение его предложено Т. М. Матвеевым, усматривающим в дополнительных конечных гласных остатки общетюркского аффикса собирательных числительных *-аӯ*[343] (*пĕр-ăгӯ* > *пĕрăв* > *пĕрă* > *пĕрӑ*), ср. алт. *бірӯ*; кирг. *бірӧ*; тув. *бірӟ*.

Числительные от 20 до 50 в большинстве тюркских языков не обнаруживают ничего общего с соответствующими числительными первого десятка, от 2 до 5. Числительные от 60 до 90 включительно образуются от слов, обозначающих соответствующие единицы. В шорском языке по такому же принципу образуются и числительные от 20 до 50, ср. шор. *ійгон*, *ужон*, *төртон*, *пӧжон*; в тувинском — от 30 до 90, ср. *ӱжӛн*, *дӧртӛн*, *бӛжӛн*, *алдан*, *чӛдӛн*, *сӛзӛн*, *тозан*; в алтайском и якутском — от 40 до 90, ср. алт. *төртӧн*, *бӛжӛн*, *алтан*, *д'ӛтӛн*, *сӛгізӛн*, *тоӯузон*, якут. *түӧрт уон*, *бііс уон*, *алта уон*, *сәттә уон*, *аӯйс уон*, *тоӯус уон*; в языке желтых уйгуров[344] и в тофаларском (карагасском) языке — от 20 до 90: тофал. *ihон*, *ӱжон*, *төртон*, *бӛжон*, *алтон*, *чӛтон*, *сӛhӛсон*, *тоhосон*.[345]

Своеобразие системы обозначения десятков побудило Б. Мункачи высказать предположение о трех ступенях в развитии тюркских числительных: 1) до 50 (до 5), 2) до 70 (до 7), 3) до 90 (до 9) и о возможности шумерского влияния на формирование десятиричной системы.[346] Углубляя мысль Б. Мункачи о ступенчатом развитии счета, В. А. Гордлевский пришел к выводу, что у древних тюрок была пятиричная система исчисления, затем десятиричная, далее система исчисления по двадцаткам, тридцаткам и, наконец, по сорока и пятидесяти.[347]

Положения, изложенные в статье В. А. Гордлевского, обращают на себя внимание в силу того, что недесятиричные системы счета зафиксированы у разных тюркских народов, ср. счет по пятеркам в детских играх киргизов, называющих каждую пятерку *ӱч* и прибавляющих к ней единицы до десяти: *бірдін ӱчӱ ӛкі чӱкӧ* — 7, букв. 'одна пятерка два', *бірдін ӱчӱ ӱч чӱкӧ* — 8, букв. 'одна пятерка три';[348] счет по девяти у женщин в хазараспском говоре узбекского языка: *іккі доккїз чӧрӓк* '18 лепешек', *ӱч доккїз пӓтіjр* '27 лепешек';[349] счет по двадцати в детских играх в мяч, когда «после каждого двадцатого счета» говорят *ӓдӟк* 'конец', как бы

---

[342] Гулямов А. Г. Проблемы исторического словообразования узбекского языка, I, с. 11—12.

[343] Матвеев Т. М. Некоторые особенности чувашских числительных. — В кн.: Вопросы чувашского языка, литературы и искусства. Чебоксары, 1960, с. 10.

[344] См.: Малов С. Е. Язык желтых уйгуров, с. 178.

[345] См.: Castrén M. A. Versuch einer koibalischen und karagassischen Sprachlehre, S. 17; Дыренкова Н. П. Тофаларский язык. — В кн.: Тюркологические исследования. М.—Л., 1963, с. 15.

[346] Munkácsi B. Zur Bildung der Zehner-Zahlwörter im Türkischen. — KCsA, 1924, I, 4, S. 314.

[347] Гордлевский В. А. Числительное 50 в турецком языке. (К вопросу о счете в тюркских языках). — Изв. АН СССР, ОЛЯ, 1945, IV, № 3—4, с. 135—147. См. также: Halevy J. L'étroite parenté des noms de nombre turco-ougriens. — KSz, 1901, II, p. 5—18, 91—108.

[348] См.: Юдахин К. К. Киргизское *йӟ* — 'пять'. — Тр. МИВ, 1940, 2, с. 191—193.

[349] См.: Джуманазаров Ю. Морфологические особенности хазараспского говора узбекского языка, с. 15. Ср. в говорах ёмудского диалекта туркменского языка: *іккі доккуз* — 18. См.: Амансарыев Дж. Северные говоры ёмудского диалекта туркменского языка. АКД. Ашхабад, 1954, с. 11.

подытоживая счет.[350] Двадцатиричная система счета эпизодически встречается также у тюркских народов Кавказа, в частности у балкарцев и кумыков,[351] ср. балк. *ӥӥӥрма бла он* — 30, *экі ӥӥӥрма* — 40, *экі ӥӥӥрма бла он* — 50, *ӱч ӥӥӥрма* — 60.[352] Сам В. А. Гордлевский приводит примеры счета по пяти у стариков башкиров: *дӱрт біш* — 20, букв. 'четыре пятерки', и по тридцати у турок: *ӱч отузында пірі фӛртут* 'выживший из ума старик, которому 90 (букв. три тридцатки) лет'.[353] Ср. далее: башк. (диал.) *ікĭ ӧстĭк* 'две тройки', *ӧс біштĭк* 'три пятерки';[354] ст.-азерб. *ӱч отуз он јашї олсун* (Насими) 'пусть ему будет сто лет', *он отуз он јашїнда долсун* (Деде Коркуд) 'пусть ему исполнится сто лет', *іккі јӛдді* — 14, *ікі ƣірх* — 80;[355] туркм. *ӱч әллі* — 150, *ікі әллі јаша* 'живи 100 лет'.[356] Все приведенные выше недесятиричные системы счета имеют ограниченную сферу использования и несут на себе печать образного или мистифицированного[357] словоупотребления, тогда как десятиричный счет является всеобщим. Именно поэтому мы вправе считать его очень древним и, по крайней мере, на уровне праязыкового состояния единственно возможным.

В составных числительных единицам низшего порядка предшествуют единицы более высокого порядка, ср. крым.-тат. *дӧрт бучук* 'четыре с половиной'; узб. *бір мің іккі јӱз јігірма ӱч* — 1223, букв. 'одна тысяча две сотни двадцать три'. У желтых уйгуров при счете от 11 до 30 наблюдается обратный порядок: единицы предшествуют десяткам и по счету входят в состав последнего обозначенного десятка: *ӱч ӥƣӥрма* — 13, букв. 'три двадцать', *п'ӑр ӥƣӥрма* — 11, букв. 'один двадцать'.[358] То же самое имеет место в языке памятников рунической и древнеуйгурской письменности, в котором эта система является господствующей.

Следы особого типа образования составных числительных сохранились в пределах возрастных обозначений в якутском языке: *сәттә уоммуттан іккітін ӥллӥм* 'мне 62 года', букв. 'от семидесяти наших я два взял', *аƣйс уоммуттан сәттәтін туттум* 'мне 77 лет', букв. 'от восьмидесяти наших я принял семь'.[359]

Между числительными низшего и более высокого порядка отсутствуют соединительные средства. Только в чувашском и некоторых других тюркских языках в определенных группах числительных употребляется соединительный союз, например: чуваш. *с'ӗр тӑ іккӗ* — 102, букв. 'сто и два', *пĭн тӑ вис'с'ӗ* — 1003, букв. 'тысяча и три'; старо-хорезмск.-тюрк. *јӱз такї он* — 110, букв. 'сто и десять', *мің такї алтї јӱз* — 1600, букв. 'тысяча и шестьсот';[360] карач.-балк. *ӥӥӥрма бла бір* — 21, *ӥӥӥрма бла әкі* — 22, *ӱз бла әкі ӥӥӥрма бла төрт* — 144;[361] башк. *мĭң тә һигĭд јӧӧ һиҳдән* —

[350] См.: Туляков С. Морфологические особенности наманганского говора узбекского языка. АКД. Ташкент, 1965, с. 15.

[351] См.: Дмитриев Н. К. Грамматика кумыкского языка, с. 73.

[352] См.: Къарачай-малкъар тилни грамматикасы. Нальчик, 1966, с. 114 и сл.

[353] Гордлевский В. А. Числительное «50» в турецком языке, с. 144. Ср. в говорах ёмудского диалекта туркменского языка: *ікі отуз-да бӈƒаƣаз* — 70. См.: Амансарыев Дж. Северные говоры ёмудского диалекта туркменского языка, с. 11.

[354] См.: Баева Н. Х. Говор башкир долины реки Ай, с. 32; Максютова Н. Х. Говор айских башкир, с. 17.

[355] Әлизадә А. Азәрбајчан дилинин јазылы абидәләриндә сајларын ифадә олунмасына даир. (Мигдар сајлары). — В кн.: Вопросы азербайджанского языкознания. Баку, 1967, с. 118.

[356] Грамматика туркменского языка, I, с. 157.

[357] Так, с числительными 3, 7, 9 и 40 связаны обрядовые, культовые и другие представления. См.: Кеңесбаев С. «Жеті», «үш», «тоғыз», «қырық» пен байланысты ұғымдар. — Изв. АН Казахской ССР, серия филологическая, 1946, 4 (29), с. 3—14; Yund K. Türk dilinde 40. — Türk Dili, Ankara, 1953, 23, II, s. 749—752; Бекбергенов А. Қарақалпақ тилиндеги санлықлардың сакраменталь мәнилери. — В кн.: Қарақалпақ тили бойынша изертлеўлер. Нөкис, 1971, б. 186—191.

[358] См.: Малов С. Е. К изучению турецких числительных, с. 274.

[359] См.: Харитонов Л. Н. Современный якутский язык, с. 145.

[360] См.: Eckmann J. Das Chwarezmtürkische. — Fundamenta, I, S. 123.

[361] Къарачай-малкъар тилни грамматикасы, с. 113, 117.

1880;[362] кирг. (диал.) *бір ўўз-ў он* — 110;[363] туркм. (диал.) *ікі отуз-да оңўаўаз* — 70.[364] В разговорном якутском языке аналогичную функцию выполняет слово *ордук* 'излишек' в форме принадлежности 3-го лица, ср. *отут ордуҕа бі̄р* — 31, букв. 'тридцать, сверх того один', *аҕ̈ыс уон ордуҕа іккі* — 82, букв. 'восемь десятков, сверх того два'.[365] Оно встречается также в текстах рунической[366] и уйгурской письменностей: *отуз артукї̈ төрт* — 34, букв. 'тридцать, сверх того четыре' (БК$_{38}$), *бэш ўўз артукї̈ экї̄ отузунч* — 522-ой, букв. 'пять сотен, сверх того два третьего десятка' (Man I 12).

Несколько необычный случай — употребление при счете, приближающемся к десяткам и сотням, слова *кäм* 'мало' (resp. «недостаточность»). Ср. в наманганском, джушском и других говорах узбекского языка: *ўч кäм ўігі̄мä* — 17, букв. 'без трех двадцать', *ўч кäм кірі̄ҕ* — 37, букв. 'без трех сорок';[367] *ўэккämоттїс* — 28, *вї̈чкämалмї̈ш* — 57, *чäўräккäм вонўэті* — 1675, *чäўräккäм төр* — 3975;[368] *эккäм кї̈х* — 38, *ўч кäм ўэтмї̈ўш* — 67;[369] *іккі ўўз кäм іккі мі̄ң* — 1800;[370] *бір кам ўттуз* — 29, *іккам кірк* — 38, *бір кам кірк* — 39, *бір кам тўхсан* — 89, *бір кам ўуз* — 99;[371] в одном из говоров киргизского языка: *бір кäм кї̈рк* — 39, *экі кäм токсон* — 88, *ўч кäм токсон* — 87;[372] в говорах уйгурского языка: *іккі кäм отуз* — 28, *іккі кäм кірік* — 38;[373] а также в говорах ёмудского диалекта туркменского языка: *бір кэм кї̈рк* — 39.[374] Изредка наряду со словом *кäм* в таком же значении употребляется слово *эксї̈к: эллїг эксї̈к мі̄ң ўїл* '950 лет'.[375] Состав говоров и языков, в которых прослеживается данный прием обозначения чисел, приближающихся к десяткам, сотням и тысячам, указывает на его иранское происхождение.

В функциональном отношении примечательно числительное *бір* 'один', которое, будучи употребленным в несобственном значении, становится своеобразным неопределенным артиклем,[376] причем подобная тенденция

[362] См.: Юсупов Х. Г. 1) Из наблюдений над морфологической системой инзерского говора башкирского языка, с. 157; 2) Асинский говор башкирского языка, с. 9.

[363] См.: Юнусалиев Б. М. Кыргыз диалектологиясы, б. 189.

[364] См.: Амансарыев Дж. Северные говоры ёмудского диалекта туркменского языка, с. 11.

[365] См.: Харитонов Л. Н. Современный якутский язык, с. 145.

[366] См.: Radloff W. Die Alttürkischen Inschriften der Mongolei. NF. SPb., 1897, S. 68; Рәчәбов Ә. Ә. Гәдим түрк дилиндә сајлар. — Уч. зап. Азербайджанского гос. унив., серия языка и литературы, 1967, № 1, с. 28.

[367] См.: Туляков С. Морфологические особенности наманганского говора узбекского языка, с. 15.

[368] См.: Ахмедов А. Джушский говор узбекского языка, с. 17.

[369] См.: Шарипов Х. Узбекские говоры Южной Киргизии, с. 17.

[370] См.: Шарипов О. Папский говор узбекского языка, с. 14.

[371] См.: Мирзаев М. М. Ўзбек тилининг Бухоро группа шевалари. Тошкент, 1969, б. 58.

[372] См.: Бакинова Г. Киргизский говор Октябрьского района. АКД. Фрунзе, 1953, с. 12. См. также: Юнусалиев Б. М. Кыргыз диалектологиясы, б. 189.

[373] См.: Pritsak O. Das Neuuigurische. — Fundamenta, I, S. 547.

[374] См.: Амансарыев Дж. Северные говоры ёмудского диалекта туркменского языка, с. 11.

[375] См.: Eckmann J. Das Chwarezmtürkische. — Fundamenta, I, S. 123.

[376] Относительно *бір* см.: Майзель С. С. Категория дефинитивности в турецком языке. — В кн.: Академику В. А. Гордлевскому к его семидесятипятилетию. М., 1953, с. 168—186; Шарипов М. К. Асосий луғат фондининг сўз ясовчилик роли ҳақидаги масалага доир (Ўзбек тили материаллари асосида). — Уч. зап. Наманганского ГПИ, 1955, I, с. 63—81; Ибатов А. М. «Бір» деген сөз туралы. — В кн.: Сборник научных студенческих работ. Алма-Ата, 1956, с. 63—70; Хасенов Ә. Қазіргі қазақ тіліндегі сан есімдер. Алматы, 1957, б. 37 и сл.; Низомиддинова С. Бир сўзи ва унинг маънолари ҳақида. — В кн.: Тилшунослик масалалари, 1. Тошкент, 1960, б. 32—37; Хәлилов Р. Ј. Азәрбајчан дилиндә *бир* сөзү вә онун төрәмәләри һаггында. — Изв. АН Азербайджанской ССР, серия общественных наук, 1961, № 6, с. 67—80; Чунжекова Е. Н. Имя числительное. — Зап. Горно-Алтайского НИИИЯЛ, 1962, 5, с. 40—41; Жабоев М. Т. О слове *бир* (один) в карачаево-балкарском языке. — Вестник Кабардино-Балкарского НИИ, 1970, 2, с. 91—101; Бекбергенов А. «Бир» санлығының мәни-

в употреблении *бір* имеет длительную историю. Примеры: др.-тюрк. *бу јәрдä бір улуғ орман бар әрді... орман ічіндä бәдүк бір кїат бар әрді... күнлärдä бір күн авға чїктї... бір буғу алдї* 'в этой местности был (некий) большой лес... В лесу находилось (некое) огромное чудовище... Однажды Огуз вышел на охоту... Поймал (некоего) марала' (ЛОК 4); карач.-балк. *бір сарї тана бла бір боз коjну көрдүм* 'я видел одну (какую-то) рыжую телку и одну (какую-то) смурую овцу'; к.-калп. *бĭр кĭсĭдән бĭр мал алған* 'он купил у одного (какого-то) человека один (какой-то) товар'; кирг. *әкі јағїн әлән-әлән каранїп бір ајал кәләтат* 'пугливо озираясь по сторонам, подходит одна женщина'; якут. *бір оҕонн'ордоҕх әмәхсін олорбуттара үһү* 'жили старик со старухой'. Эта функция числительного *бір*, предопределившая его широкое использование в качестве одного из компонентов неопределенных числительных и местоимений, особенно заметна при употреблении его с сочетаниями, включающими в себя числительные: *бір іккі күн, бір үч күн*.[377] Примеры: алт. *бір он — он әкі* '(примерно) десять — двенадцать';[378] к.-калп. *бĭр бәс коjдĭ алсам* 'взять бы мне баранов пять';[379] узб. *бір ўн кун бўламан* 'дней десять пробуду'.

Как отмечает Н. К. Дмитриев, *бір* выполняет также «особую синтаксическую функцию переносить акцент на определение (*яхшы бир гиши*), что по-русски осуществляется интонацией (*хор-роший человек*)».[380] Ср. кирг. *ал бір сулў кїз* '(очень) красивая девушка', *ал бір кўз куш* '(очень) красивая птица';[381] тат. *карт бĭр адам* 'старый человек'; тур. *гүзәл бір кїз* 'красивая девушка'.

Наконец, известны случаи употребления *бір* в качестве противопоставительного союза: азерб. *бір она бір Рäхшändäjä бахїб* 'смотря то на него, то на Рахшанду'; к.-калп. *бĭр кәләдĭ бĭр кәтәдĭ* 'то приходит, то уходит'; тур. *корідорда бір ашағї бір јукарї долашарак бәкләмијә башладїлар* 'в коридоре, прохаживаясь то вниз, то вверх, стали ожидать'; узб. *бола бір бізга карајді бір століга карајді* 'ребенок смотрит то на нас, то на свой стол'; узб. (диал.) *чірэ бір жыді* (? *ўчді*) *бір јэнді* 'лампочка то гасла, то загоралась'.[382]

В якутском языке числительное *іккі* 'два' выступает в качестве соединительного союза: *іт іккі куоска* 'собака и кошка', *сағїл іккі туруја* 'лисица и журавль',[383] что не характерно для тюркских языков, но типично для монгольских.

Количественные числительные составляют наиболее устойчивую часть языка, и заимствование их — явление довольно редкое.[384] Поэтому наличие в разных языках числительных, восходящих к одним и тем же корням, является одним из важных доказательств их генетического родства. Именно это обстоятельство постоянно вызывало повышенный интерес к тюркским числительным у тех исследователей, которые занимались во-

---

лери ҳәм қолланылыўы. — В кн.: Қарақалпақ тили бойынша изертлеўлер. Нөкис, 1971, б. 192—207; Асқарова М., Исоқов И., Саидниёзова Х. «Бир» сўзнинг қўлланиши ҳақида. — Науч. тр. Ташкентского ГПИ, 1972, 87, с. 42—45; Летягина Н. И. Слово *бир* в тувинском языке. — В кн.: Сибирский тюркологический сб. Новосибирск, 1976, с. 60—68.

[377] См.: Bang W. Beiträge zur türkischen Wortforschung, II. Zum türkischen Zahlwort, S. 516.

[378] См.: Чунжекова Е. Н. Имя числительное, с. 47.

[379] См.: Бекбергенов А. Имена числительные в каракалпакском языке, с. 10.

[380] Дмитриев Н. К. Грамматика кумыкского языка, с. 72.

[381] См.: Уметалиева Б. Степени сравнения прилагательных в киргизском языке, с. 48.

[382] См.: Афзалов Ш. А. Паркентский говор узбекского языка, с. 15.

[383] См.: Харитонов Л. Н. Современный якутский язык, с. 146.

[384] Более вероятны заимствования обобщенных обозначений (10, 100, 1000 и выше), ср., например, финн. *sata* — 100 (< перс. *сад*), *tuhannen* — 1000 (< герм. *tausend*, или *thusand*), венгер. *tíz* — 10 (< ? рус. *десять*), *ezer* — 1000 (< перс. *häzar*). См.: Halevy J. L'étroite parenté des noms de nombre turco-ougriens, p. 7—10. Ср. также: якут. *тіһĭнча* — 1000 (< рус. *тысяча*).

просами выяснения границ общности алтайских языков и определением характера их связей.

Исследование тюркских числительных сравнительно с числительными монгольских, тунгусо-маньчжурских, финских и самодийских языков впервые было проведено В. Шоттом, ставившим перед собой цель выделить корни числительных, общие для всех урало-алтайских языков.[385] После В. Шотта исследованием тюркских числительных в связи с необходимостью обоснования различных вариантов алтайской гипотезы занимались Ф. Гоммель, Ж. Халеви, Г. Рамстедт. Ф. Гоммель сравнивал их с шумерскими и решительно выступал в поддержку предположения о генетическом родстве шумерского и тюркских языков.[386] Ж. Халеви сближал тюркские числительные с финно-угорскими,[387] а Г. Рамстедт приложил немало усилий для того, чтобы найти общее между ними и числительными монгольских языков.[388] Наконец, Ж. Дюмезиль предпринял попытку сравнить некоторые тюркские числительные с числительными кечуа.[389]

Особая группа количественных числительных — неопределенные количественные числительные:[390] др.-тюрк. *ӱкӱш, тӛлім, коп* 'много', *аз* 'мало', *кач ~ хач, біркач, біранча, бірнӛчӛ, анчакїја* 'несколько'; ст.-узб. *ӱкӱш, көп, калїн* 'много', *аз* 'мало', *кач* 'несколько', *бірнімӛ* 'некоторое количество'; тур. *чок* 'много', *бірчок* 'довольно много', *біраз* 'немного', *біркач* 'несколько'; *узб. кӯп* 'много', *оз, біроз* 'мало', 'немного', *бірмунча* 'немного', *бірнӛча, бірканча* 'несколько'.

Порядковые числительные

Порядковые числительные в тюркских языках образуются при помощи нескольких аффиксов. В курмышском говоре чувашского языка они не имеют специальной формы и их функции выполняют количественные числительные.[391] В языке саларов формально выделенные порядковые числительные употребляются лишь как названия месяцев: *пірінǰї* 'январь', *тӳтінǰї* 'апрель', *јітінǰї* 'июль'.[392] Ср. якут. *алтїнн'ї* (< *алтїнчї*)[393] 'октябрь', *сӛтінн'і* 'ноябрь', *ахсїнн'ї* 'декабрь', *тохсунн'у* 'январь', *олунн'у* 'февраль'.

Отсутствие специальных морфологических показателей — отражение первоначальной нераздельности, синкретизма количественных и порядковых значений, с одной стороны, и довольно поздних процессов разрушения грамматической формы, с другой, тогда как их многообразие является следствием относительно позднего развития порядковых числительных

[385] Schott W. Das Zahlwort in der tschudischen Sprachenclasse, wie auch im Türkischen, Tungusischen und Mongolischen. Berlin, 1853.

[386] Hommel F. 1) Die sumerisch-akkadische Sprache und ihre Verwandschaftsverhältnisse. Leipzig, 1884; 2) Grundriss der Geographie und Geschichte des Alten Orients, I. München, 1904, S. 21, 22, 23. Высказывания Ф. Гоммеля о тюркско-шумерских связях подверглись резкой критике Ф. Г. Вейсбаха. См.: Weissbach F. H. Die sumerische Frage. Leipzig, 1898, S. 179.

[387] Halevy J. L'étroite parenté des noms de nombre turco-ougriens, p. 6—7, 107—108.

[388] Ramstedt G. J. Über die Zahlwörter der altaischen Sprachen, S. 1—24.

[389] Dumézil G. Remarques sur les six premiers noms de nombres du Turc. — Studia linguistica, Lund—Copenhague, 1954, VIII, 1, p. 1—15.

[390] См.: Хәлилов Р. Ј. Азәрбајчан дилиндә гејри-мүәјјән сајлар. — Уч. зап. Азербайджанского гос. унив., серия языка и литературы, 1969, № 5—6, с. 39—45.

[391] См.: Ашмарин Н. И. Материалы для исследования чувашского языка, с. 182.

[392] См.: Тенишев Э. Р. Строй саларского языка, с. 48.

[393] См.: Böhtlingk O. Über die Sprache der Jakuten, S. 76; Харитонов Л. Н. Современный якутский язык, с. 148—149. Менее убедительно предположение В. В. Радлова о том, что якутские названия месяцев образовались из сочетания порядковых числительных на *-(ї)нч* со словом *ај* 'месяц' (*алїнн'ї* < *алтїнч ај*). См.: Radloff W. Die jakutische Sprache in ihrem Verhältnisse zu den Türksprachen, S. 40.

или, по крайней мере, свидетельством того, что в праязыке существовало несколько диалектных групп, обнаруживавших не только фонетические, но и морфологические различия.

I, 1. Наиболее распространенным аффиксом порядковых числительных является *-(ӣ)нчї ~ -(у)нчу ~ -(ӣ)нщї ~ -(у)нщу ~ -(ӣ)нӈї ~ -(у)нӈу ~ -(ӣ)нсї ~ -(ӧ)нсӧ*. Примеры: азерб. *бірінӈі, ікінӈі, ӱчӱнӈӱ, дӧрдӱнӈӱ, бәшінӈі*; алт. *ӛкінчі, ӱчінчі, тӧртінчі, бәжінчі*; башк. *бишенсе, икенсе, ӧсөнсө*; казах. *бірінші, ӛкінші, ұшінші*; кар. (диал.) *ӛкінці, іцінці, дәртінці, бәшінці*; узб. *бірінчі, ікінчі, учінчі, тӯртінчі*.

Аффикс *-(ӣ)нчї ~ -(у)нчу...* присоединяется ко всем количественным числительным, а также к словам, обозначающим порядок следования в пространстве и времени: азерб. *ӓввӓлінӈі* (азерб. диал. *ӓввӓлімӈі*[394]) 'первый, начальный', *ахӧрінӈі* 'последний'; гаг. *ілкінӈі* 'первый', *сону(н)ӈу, біткінӈі* 'последний'; казах. *нәшінші* 'который', *ортаншы* 'средний'; карач.-балк. *мінчанчї, анчанчї* 'вот такой (по порядку)', *нәнчанчї, кайсінчї* 'который (по порядку)'; ног. *кайсінші* 'который'; тур. *башінӈі* 'начальный', *ортанӈі* 'средний', *качінӈі* 'который', *сонунӈу* 'последний', *фаланінӈі* 'такой-то (по счету)'; туркм. *ілкінӈі* 'первый', *нӓчінӈі* 'который'; уйг. *нәчінчі, канчінчі* 'который'; шор. (диал.) *пажанчї* 'первый'; хак. *нінӈәнӈі* 'который'.

Ряд аффиксов, образующих порядковые числительные, принято рассматривать как фонетические или морфологические разновидности аффикса *-(ӣ)нчї — -(ӣ)мчї ~ -(у)мчу ~ -(ӣ)мӈї ~ -(у)мӈу, -мінӈї, -ӈї, -(ӣ)нч ~ -(у)нч, -ланчї ~ -(у)ланӈї ~ -ланшы, -ламчї ~ -ламӈї*. Примеры: азерб. (диал.) *бірімӈі, ікімӈі, ӱчӱмӈӱ, алтымӈі, онумӈу*,[395] *дӧрдӱмӈӱ, бәшімӈі, онумӈу, ӈірхімӈі*,[396] *бір(і)мінӈі, ікімінӈі, ӱч(ӱ)мӱнӈӱ, сәккізмінӈі*;[397] ст.-узб. *ікімчісі, сәкізімчісі*,[398] *ӱчӱнч, тӧртӱнч*;[399] узб. (диал.) *білламчі, ушламчі*,[400] *бәшлӓмчі*;[401] ст.-туркм. *тӧртӱлӓнӈі*;[402] туркм. (диал.) *ӧнумӈї*,[403] *бірімӈі*,[404] *ӧн(ун)ӈї, сәгсән(ін)ӈі*,[405] *ӱчлӛнӈі, бӓшлӛнӈі, алтылаӈї, отузланӈї*,[406] *ӱчӱлӓнӈі*;[407] к.-калп. *бірләншы, алтыланшы*;[408] ног. (диал.) *ӛкілӛнӈі*;[409] др.-тюрк. *бірінч, ӱчӱнч, тӧртӱнч*,[410] *іклінч, тӧрт(і)лӓнч, тӧртӱлӓнчі*.[411]

---

[394] См.: Рүстәмов Р. Ө. Газах вә Товуз шивәләринин морфоложи хүсусијјәтләри һаггында, с. 21.

[395] Там же, с. 21; Джангидзе В. Т. Дманисский говор казахского диалекта азербайджанского языка, с. 72; Джафарзаде М. М. Говоры Имишлинского района азербайджанского языка, с. 17.

[396] См.: Бехбудов С. М. Зангеланский говор азербайджанского языка, с. 16.

[397] См.: Мамедов И. М. Карягинские говоры азербайджанского языка, с. 27; Джафарзаде М. М. Говоры Имишлинского района азербайджанского языка, с. 17; Меджидова А. Б. Ленкоранский говор азербайджанского языка. АКД. Баку, 1970, с. 19.

[398] См.: Brockelmann C. Osttürkische Grammatik der islamischen Literatursprachen Mittelasiens, S. 164.

[399] См.: Щербак А. М. Грамматика староузбекского языка, с. 139.

[400] См.: Шерматов А. Каршинский говор узбекского языка, с. 28.

[401] См.: Джураев Б. Шахрисябзский говор узбекского языка, с. 17.

[402] См.: Мамедкулиев Д. Языковые особенности дестана «Шасенем и Гариб». АКД. Ашхабад, 1965, с. 10.

[403] См.: Байрамдурдыев Б. Ахалский говор текинского диалекта туркменского языка, с. 15.

[404] См.: Мухиев Х. Нохурский диалект туркменского языка, с. 11.

[405] См.: Бердиев Р., Күренов С., Шамырадов К., Аразкулыев С. Түркмен дилиниң диалектлериниң очерки, с. 269.

[406] См.: Атаджанов М. Салырский диалект туркменского языка, с. 11.

[407] См.: Мухиев Х. Нохурский диалект туркменского языка, с. 11; Амансарыев Дж. Северные говоры ёмудского диалекта туркменского языка, с. 11.

[408] См.: Баскаков Н. А. Каракалпакский язык. Части речи и словообразование. АДД. М.—Л., 1950, с. 23.

[409] Калмыкова С. А. Акногайский диалект ногайского языка. АКД. М., 1965, с. 13.

[410] См.: Древнетюркский словарь. Л., 1969, с. 102, 581, 622.

[411] Там же, с. 206, 581.

I. 2. Аффикс *-(ï)мĭнǰï* появился в результате присоединения *-(ï)нчï* ~ *-(ï)нǰï* к иранской форме порядковых числительных,[412] так как он встречается в говорах азербайджанского языка и у гёкленов, живущих в Иране,[413] и вместе с тем в талышском языке.[414] Подобные комбинации аффиксов вполне допустимы, ср. в чустском говоре таджикского языка: *баттаррэк* 'хуже' (*бад* 'плохой', *-тар*, *-рэк* — таджикский и узбекский аффиксы сравнительной степени прилагательных).

I, 3. Аффикс *-ǰï* — сокращенный вариант аффикса *-(ï)нчï* ~ *-(ï)нǰï*...

I, 4. Большой интерес представляет определение характера взаимосвязи с аффиксом *-(ï)нчï* разновидности без конечного гласного *-(ï)нч*, которая является единственно возможной в языке рунических надписей, уйгурских и манихейских текстов, а также выступает в виде исключения в старотурецком и староузбекском языках, и которая сохранилась в якутском языке, если согласиться с предположением О. Бётлингка об идентичности якутских форм *іккіс*, *ӱһӱс*, *төрдӱс* древнетюркским *ікінч*, *ӱчӱнч*, *төртӱнч*.[415]

Почти все тюркологи, занимавшиеся данной проблемой, указывали на разную диахроническую соотнесенность полных и кратких форм. Так, О. Бётлингк[416] и С. В. Ястремский[417] считали полные формы более древними. Аналогичной точки зрения придерживался и придерживается, по-видимому, А. Н. Кононов.[418] П. М. Мелиоранский был склонен к прямо противоположному заключению, но не сделал определенного вывода из-за отсутствия убедительных доказательств.[419] В. Банг же недвусмысленно заявил о большей древности кратких форм[420] и был поддержан И. Бенцингом,[421] Д. Синором,[422] К. Менгесом.[423] Кстати, Д. Синор предпринял попытку найти более раннюю форму аффикса *-(ï)нчï* и пришел к выводу, что таковой была *-(ï)нтï*, ср. др.-тюрк. *ікінті* ~ *ікінді*.

Уже с самого начала было ясно, что окончательное решение вопроса о характере взаимосвязи полных и кратких форм невозможно без удовлетворительного объяснения происхождения порядковых числительных. Поэтому в течение нескольких десятилетий основные усилия были направлены в сторону этимологических разысканий. К. Брокельман был первым, кто указал на связь аффикса порядковых числительных с аффиксом глагольных имен *-(ï)нч*.[424] Почти одновременно с ним такой же вывод сделал

---

[412] См.: Benzing J. Tschuwaschische Forschungen (V). Die Ordinalzahlen und ein iranisches Suffix zu ihrer Bildung. — ZDMG, 1954, 104 (29), S. 389.

[413] См.: Пенҗиев М. Хәзирки заман түркмен дилинде санлар, с. 153.

[414] См.: Миллер Б. В. Талышский язык. М., 1953, с. 129.

[415] Böhtlingk O. Über die Sprache der Jakuten, S. 76, 104, 106; Bang W. Beiträge zur türkischen Wortforschung, II. Zum türkischen Zahlwort, S. 524—525; Исхаков Ф. Г. Числительное. — ИСГТЯ, II, с. 194; Poppe N. Das Jakutische. — Fundamenta, I, S. 681; Sinor D. A Ural-Altaic Ordinal Suffix. — UAJb, 1959, XXXI, p. 418.

[416] Böhtlingk O. Über die Sprache der Jakuten, S. 76.

[417] Ястремский С. В. Грамматика якутского языка. М., 1938, с. 73.

[418] Кононов А. Н. Тюркские этимологии. — Уч. зап. Ленинградского гос. унив., № 179, серия востоковедческих наук: История и филология стран Востока, 1954, 4, с. 272.

[419] Мелиоранский П. М. Араб филолог о турецком языке. СПб., 1900, с. LIII, LIV.

[420] Bang W. 1) Beiträge zur türkischen Wortforschung, II. Zum türkischen Zahlwort, S. 524—525; 2) Turkologische Briefe aus dem Berliner Ungarischen Institut, V. — UJb, 1930, X, 1—2, S. 18—19.

[421] Benzing J. Tschuwaschische Forschungen (V). Die Ordinalzahlen und ein iranisches Suffix zu ihrer Bildung, S. 386.

[422] Sinor D. A Ural-Altaic Ordinal Suffix, p. 418, 421.

[423] Menges K. H. The Turkic Languages and Peoples, p. 117.

[424] Brockelmann C. Zur Grammatik des Osmanisch-Türkischen, II. Zu den Zahlwörtern. — ZDMG, 1916, 70, S. 213.

В. Банг,[425] предложивший оригинальную интерпретацию конечного гласного в полных формах: аффикс принадлежности 3-го лица. Дж. Клосон, в отличие от В. Банга, воспринял конечный гласный как фонетическую особенность, объяснив его появление требованиями благозвучия, точнее, необходимостью устранить необычное для тюркских языков в конце слова стечение согласных.[426] Ю. Немет в одной из ранних работ[427] и вслед за ним Г. Рамстедт[428] выразили убеждение, что порядковые числительные этимологически — имена деятеля на *-чї ~ -ǰї*. По мнению А. Н. Кононова, порядковые числительные образовались из собирательных (типа *бірін ~ бірлән*), оформленных аффиксом принадлежности 3-го лица *-дi‖-ǰi (~ -чi)*.[429]

Переходя к критическому разбору изложенных выше точек зрения, отметим прежде всего, что если в морфологическом аспекте интерпретация порядковых числительных как имен деятеля на *-чї ~ -ǰї* не вызывает серьезных возражений, то со стороны семантики она наталкивается на известные трудности: едва ли значение порядка следования или расположения во времени и пространстве могло развиться из агентивного значения. Существование аффикса принадлежности 3-го лица в виде *-дi‖-ǰi (~ -чi)*, постулируемое А. Н. Кононовым, не подтверждается фактическими данными ни современных, ни древних тюркских языков. Только в якутском языке после конечного гласного основы аффикс принадлежности 3-го лица начинается дентальным согласным, однако он, по всей видимости, вторичен, так как для якутского языка в определенных позиционных условиях характерно отражение общетюркского **c* в *т*. Нельзя также согласиться с тем, что в основе порядковых числительных лежат числительные собирательные: форма принадлежности 3-го лица от собирательных числительных на протяжении всего периода, засвидетельствованного письменными источниками, имеет собирательно-партитивное значение, например: др.-тюрк. *ǰчägǰсǰ* ‘трое из них’; кирг. *төртөөң* ‘четверо из них’; ст.-узб. *іккäläсі* ‘двое из них’. В порядке возражения Дж. Клосону можно привести примеры, подтверждающие допустимость стечения *н* и *ч* в конечной позиции. Так, в староузбекском языке, в котором порядковые числительные оканчиваются, как правило, на *-(ї)нчї*, у глагольных имен гласный отсутствует: *ǰркǰнч* ‘страх’, *ökǰнч* ‘раскаяние’, *уманч* ‘надежда’, *ǰнанч ~ ǰшанч* ‘вера’, *сaбǰнч* ‘дума’, *сökǰнч* ‘брань’, *коркунч* ‘страх’, *сәвінч* ‘радость’, *кїсканч* ‘зависть’. Ср. туркм. *көплэнч* ‘большей частью’, *ікілэнч* ‘вторично, во второй раз’. Наиболее обоснованной в морфологическом и семантическом отношениях является, на наш взгляд, точка зрения В. Банга. Важный аргумент в пользу нее — широкое употребление глагольных имен при образовании различных групп числительных, а также характер семантического и функционального содержания аффикса принадлежности 3-го лица.

Поскольку глагольные имена на *-(ї)нч ~ -(у)нч* использовались в значении порядковых числительных и без аффикса принадлежности 3-го лица, естественно, возникает вопрос, каким образом их семантика была «приспособлена» для передачи этого значения.

Очевидно, первоначально глагольные основы, образованные при помощи аффикса *-а ~ -у ~ -ї* от количественных числительных (*ікі-*, *ǰчǰ-* и т. д.), выражали не множительное («удваиваться», «утраиваться»), а раз-

---

[425] Bang W. Turkologische Briefe aus dem Berliner Ungarischen Institut, V, S. 18. Ср.: Räsänen M. Materialien zur Morphologie der türkischen Sprachen, S. 83; Sinor D. A Ural-Altaic Ordinal Suffix, p. 421.

[426] Clauson G. The Turkish Numerals. — JRAS, 1959, April, p. 27.

[427] Németh J. Die türkisch-mongolische Hypothese. — ZDMG, 1912, 66, S. 571.

[428] Рамстедт Г. И. Введение в алтайское языкознание, с. 209.

[429] Кононов А. Н. Тюркские этимологии, с. 272. См. также: Мухамедова З. Б. Особенности числительных в детской считалке, произносимой при игре в хекга:л. — Изв. АН Туркменской ССР, серия общественных наук, 1970, № 5, с. 57.

делительное действие («делиться на два» или «раздваиваться», «делиться на три» и т. д.), глагольные же имена обозначали результат разделительного действия или, иными словами, часть целого, но не по размерам («половина», «треть», «четверть»), а по отношению к другим частям («вторая часть», «третья часть», «четвертая часть»). В дальнейшем происходило постепенное отвлечение от субстанциональных моментов и специализация глагольных имен в направлении выражения чистых отношений. Намеченный путь семантического развития порядковых числительных тем более вероятен, что именно он должен был привести к необычайно частому использованию различных неколичественных слов в значении порядкового числительного «первый», ср. др.-тюрк. *баштїнкї, ашну, ашнукї, баштїң, ілкі*; алт. *баштамі, баштапкї*; казах. *алҙашкы, әдәпкі, ілкі, бастапкы*; к.-калп. *дасләпкї*; туркм. (диал.) *дәслапкї, башлапкї, башкї, ілкі*;[430] уйг. *баштінкі*; хак. *пастаҕї*; чуваш. *малданҙі, пус'ламăш*. С этой точки зрения особенно примечателен якутский язык, в котором *бі̄рі̄с* 'первый' встречается только в составных числительных, например *уон бі̄рі̄с* 'одиннадцатый', в значении же порядкового числительного «первый» употребляются слова *бастің, бастакї, маңнаҕї*.

Глагольные имена на *-(ї)нч ~ -(у)нч* — субстантивно-адъективные образования, и поэтому функционирование их в качестве определений без формально выраженной «изафетной» связи не требует объяснений, ср. др.-тюрк. *утунч їш* 'постыдное дело' (МК I 131; III 448), *ілінч јол* 'кривая, извилистая дорога', *їнанч бәг* 'надежный бек' (МК I 133; III 450).

Присоединение к порядковым числительным аффикса принадлежности 3-го лица явилось закономерным следствием их семантического своеобразия: выражение порядка следования, положения какого-либо объекта, как правило, предполагает указание на связь с группой аналогичных объектов, из которых его выделяют. Это своеобразие было раскрыто еще О. Бётлингком, писавшим, что «порядковые числительные, при [употреблении] которых всегда мыслится отношение части к целому, равно как отношение к предшествующему члену, имеют обычно указывающую на это отношение форму принадлежности».[431] «Второй», «третий», «четвертый» существуют не сами по себе, а в составе более или менее протяженных рядов, содержащих определенное число предшествующих и неопределенное число последующих членов. Уместно заметить в связи с этим , что в индоевропейских языках, которые не знают форм принадлежности, основы порядковых числительных представляют собой формы превосходной степени.[432] Таким образом и здесь отразилась отмеченная выше специфика понятия «порядковости».

Включение аффикса принадлежности 3-го лица в состав порядковых числительных имело место и в других языках, например в тунгусо-маньчжурских: эвенк. *дāгī ~ дāгītīн* 'десятый';[433] эвен. *зōрї ~ зōрїтън* 'второй'.[434]

Характерно, что аффикс принадлежности 3-го лица присоединяется к порядковым числительным в современных тюркских языках, в которых он по существу является вторым аффиксом подобного рода: кирг. *әкінчісі* (*әкінч-і-сі*) 'второй (из них)'; узб. *учінчісі (учінч-і-сі)* 'третий

---

[430] См.: Машаков Х. А. Човдурский диалект туркменского языка, с. 8.

[431] Böhtlingk O. Über die Sprache der Jakuten, S. 266.

[432] См.: Шлейхер А. Темы имен числительных (количественных и порядковых) в литво-славянском и немецком языках. — Приложение к X-му тому Зап. АН, 1866, № 2, с. 56 и сл.

[433] См.: Константинова О. А. Эвенкийский язык. Фонетика. Морфология. М.—Л., 1964, с. 123.

[434] См.: Новикова К. А. Эвенский язык. — В кн.: Языки народов СССР, V. Л., 1968, с. 96. См. также: Аврорин В. А., Лебедева Е. П. Орочский язык. — Там же, с. 200.

(из них)'.[435] Согласно меткому замечанию В. Банга, «эти новообразования лишь повторяют то, что язык уже однажды создавал ранее».[436]

Окончательный ответ на вопрос о характере взаимосвязи полных и кратких форм порядковых числительных следующий: полные формы (*ікінчі*) относятся к кратким (*ікінч*) приблизительно так же, как формы принадлежности (*ікінчісі*) относятся к полным (*ікінчі*). Только полные формы не нормально функционирующие, а омертвевшие формы принадлежности. Именно это делает возможным присоединение к ним аффикса принадлежности 3-го лица.

I, 5. Аффикс *-ланчї*, при помощи которого образуются порядковые числительные в диалектах каракалпакского, туркменского и узбекского языков, отличается от *-(ї)нчї* наличием в его составе иного глаголообразующего аффикса — *-ла*: др.-тюрк. *ікілä-*, *ӱчлä-*, *тӧртлä-*. Как известно, М. Рясянен допускал возможность образования порядковых числительных от собирательных.[437] Однако аффикс собирательных числительных — *-алā* ~ *-ала*, с начальным гласным, тогда как в аффиксе порядковых числительных гласный обычно отсутствует. Все же существование форм типа *ӱчӱлäнӈї*, *тӧртілäнч*, *тӧртӱлäнчі*,[438] сколь бы ограниченным оно ни было, обязывает отнестись к предположению М. Рясянена с достаточной серьезностью. Разумеется, и в этом случае, если он действительно имел место, образование порядковых числительных происходило путем присоединения глаголообразующего аффикса, аффикса глагольного имени и аффикса принадлежности 3-го лица.

I, 6. Аффикс *-(ї)мчї* ~ *-(ї)мӈї* рассматривался В. Бангом как фонетическая разновидность аффикса *-(ї)нчї* ~ *-(ї)нӈї*.[439] М. Рясянен, ссылаясь на формы типа *ікімчісі* (*ікі-мчі-сі*) в староузбекском языке и на чувашские формы порядковых числительных, считал аффикс *-(ї)мчї* ~ *-(ї)мӈї* более древним, чем *-(ї)нчї* ~ *-(ї)нӈї*.[440] По-видимому, ближе к истине был В. Банг. Пример, приведенный М. Рясяненом из староузбекского языка, не убедителен: в диалектах узбекского языка отмечены формы *білламчі*, *ушламчі*, в которых переход *н* > *м* очевиден и бесспорен, ср. узб. *бірламчі* 'первичный', *іккіламчі* 'вторичный'. Вообще альтернация *н* ~ *м* перед *ч*, *ш* не относится к числу редких явлений. Сложнее обстоит дело с чувашскими формами, в образовании и развитии которых вплоть до настоящего времени остаются неясности.

В чувашском языке аффикс порядковых числительных — *-мĕш(ĕ)*, причем полная форма, с редуцированным гласным в конце, выступает при самостоятельном употреблении числительных, краткая — при сочетании их с существительными. Примеры: *иккĕмĕш(ĕ)*, *вĕс'с'ĕмĕш(ĕ)*, *тăваттăмĕш(ĕ)*. Наряду с формой на *-мĕш(ĕ)* в чувашском языке имеется более древняя форма, прослеживаемая в выражениях *вĕз'ĕм кун* 'третьего дня', *тăвадăм кун* 'четвертого дня', ср. в письменных источниках: *вѣчемь* 'третий', *тоутомъ* 'четвертый', *алтомъ* 'шестой', *читемь* 'седьмой', *шехтемь* 'восьмой', *твиримь* 'девятый'.[441] Вопрос об отношении к этой форме формы на *-мĕш* был убедительно решен Н. И. Ашмариным, указавшим, что «окончание порядковых числительных *-мĕш* есть не что иное, как

---

[435] Исключительный случай — присоединение аффикса принадлежности 3-го лица непосредственно к количественному числительному: алт. *д'ірмӕзінчі* (*д'ірмӕ-зі-нчі*). См.: Чунжекова Е. Н. Имя числительное, с. 42.

[436] Bang W. Beiträge zur türkischen Wortforschung, II, S. 525.

[437] Räsänen M. Materialien zur Morphologie der türkischen Sprachen, S. 84.

[438] В приведенных примерах гласный перед *л* мог появиться по аналогии с числительными *ікілäнӈї*, *алтїланӈї*, *јӫділäнӈї*.

[439] Bang W. Beiträge zur türkischen Wortforschung, II, S. 526.

[440] Räsänen M. Materialien zur Morphologie der türkischen Sprachen, S. 83.

[441] См.: Pritsak O. Die bulgarische Fürstenliste und die Sprache der Protobulgaren. Wiesbaden, 1955, S. 34, 71; Benzing J. Das Hunnische, Donaubolgarische und Wolgabolgarische, S. 688—689.

старинное *-ăм,- ĕм* + суфф. притяж. 3-го л.».[442] Учитывая общую тенденцию развития порядковых числительных в тюркских языках из глагольных имен, можно прийти к выводу, что порядковые числительные на *-(ă)м* исторически были глагольными именами, ср. др.-тюрк. *бічім* 'скибка', 'срез', *атїм* 'меткий', *октам* 'охватываемый полетом стрелы'. Вместе с тем не исключено, что формы типа *віз'ĕм, тăвадăм* развились из форм на *-(ă)н*. Характерно, что «в самом северном говоре окающего диалекта», по словам Т. М. Матвеева, они произносятся как *віз'ĕн, тоадăн*.[443] О первичности *н* в аффиксе порядковых числительных свидетельствуют материалы древнечувашского языка, ср. *алтїнїш (алтїншї?), ікініш (ікінші?), ҫїăріміниш (ҫїăріминші?)*.[444] Если дальнейшие исследования подтвердят этот далеко идущий вывод, то и аффикс *-мĕш*, древнечувашская форма которого будет реконструирована в виде **-(ї)нїш* (**-н-їш*), окажется в числе разновидностей общетюркского аффикса порядковых числительных *-(ї)нчї*.[445] Что касается высказывания И. Бенцинга относительно заимствования чувашского аффикса *-(ă)м* из иранских языков,[446] то оно справедливо оценено К. Менгесом и другими тюркологами как трудно доказуемая гипотеза,[447] хотя, вообще говоря, возможность проникновения иранских форм в отдельные тюркские языки реальна, ср. туркм. *Бăшім* — имя собственное («туркмены называют пятого сына *Бăшім*»);[448] перс. *панҷум*. Ср. также: *ӳчӳмӳн їл* 'позапрошлый год'.[449]

II. В древнетюркском языке параллельно *ікінч* употреблялась форма *ікінті* ~ *ікінді*, ср. халаджск. *äккіндісі, ӳчіндісі*;[450] ср. также: азерб. (диал.) *ікітді вахтїду* 'вечером'.[451] Происхождение этой формы вызывает споры. К. Грёнбек выделял в ней аффикс *-ті* ~ *-ді*, общий с аффиксом *-ті* в наречиях *ӗдгӳті, тӳкăті*.[452] Для Дж. Клосона *ікінті* ~ *ікінді* — реликтовое образование, представляющее древнейший тип порядковых числительных в тюркских языках (**-нтї* > *-нчї* > *-нч*).[453] А. Дж. Эмре, касаясь вопроса о происхождении рассматриваемой формы, обратил особое внимание на то, что в диване Махмуда Кашгари аффикс *-нтї* ~ *-ндї* образует причастия: *акїндї* 'текущий', *ӗкінді* 'посеянный', *ітінді* 'оттолкнутый', 'отброшенный', *сїкїндї* 'отжатый', 'сок'.[454] Причастия этого типа сохраняются в виде омертвевших форм в современных тюркских языках: алт. *казїнтї* 'колодец', *салїнтї* 'отпущенник', *суралтї* 'прошение'; узб. *кујінді* 'гарь', *супурінді* 'мусор', *јувінді* 'помои', *чікінді* 'отбросы, отходы'. Если *ікінті* ~ *ікінді* этимологически причастие, что весьма вероятно,[455] то причиной, обусловившей его автономное развитие, могло

---

[442] А ш м а р и н Н. И. Материалы для исследования чувашского языка, с. 181. См. также: R ä s ä n e n M. Materialien zur Morphologie der türkischen Sprachen, S. 84; М а т в е е в Т. М. Некоторые особенности чувашских числительных, с. 12; А н д р е е в Н. А. Чувашские порядковые числительные в сравнении с порядковыми числительными булгарских намогильных надписей. — Уч. зап. [Чувашского] НИИЯЛИЭ, 1956, XIV, с. 237. Н. А. Андреев вместе с тем указывает на следы существования в прошлом формы порядковых числительных на *-ĕш*, ср. *пĕрĕш* 'первый', *с'іччĕш* 'седьмой'.

[443] М а т в е е в Т. М. Некоторые особенности чувашских числительных, с. 11.

[444] B e n z i n g J. Tschuwaschische Forschungen (V), S. 387—388.

[445] См.: М а т в е е в Т. М. Некоторые особенности чувашских числительных, с. 12.

[446] B e n z i n g J. Tschuwaschische Forschungen (V), S. 389—390.

[447] M e n g e s K. H. The Turkic Languages and Peoples, p. 118.

[448] См.: П е н ҷ и е в М. Хәзирки заман түркмен дилинде санлар, с. 161.

[449] См.: D o e r f e r G. Das Chaladsch — eine archaische Türksprache in Zentralpersien. — ZDMG, 1968, 118, 1, S. 100.

[450] См.: Д ё р ф е р Г. О состоянии исследования халаджской группы языков. — ВЯ, 1972, № 1, с. 93.

[451] См.: М е д ж и д о в а А. Б. Ленкоранский говор азербайджанского языка, с. 19.

[452] G r ö n b e c h K. Der türkische Sprachbau, I, S. 30.

[453] C l a u s o n G. The Turkish Numerals, p. 27.

[454] E m r e A. C. Türkçede isim temelleri. İstanbul, 1943, s. 148—149.

[455] См.: B a n g W. Beiträge zur türkischen Wortforschung, II, S. 521—522.

быть особое положение числительного «второй», подобно числительному «первый». Имеются в виду упоминавшиеся выше многочисленные случаи употребления неколичественных слов в качестве числительного «первый» и то обстоятельство, что во многих языках мира порядковые числительные «первый» и «второй» не связаны с соответствующими количественными числительными.[456] Ср. в джушском говоре узбекского языка: *ävälʹ*, *valdïn*, *ilgärі*, *burïn* 'первый', *soŋïn*, *kijin* 'второй'.[457]

III. Следующий аффикс, образующий порядковые числительные, —*-kï ~ -ky*, — известен только тувинскому и тофаларскому (карагасскому) языкам, причем в последнем он выступает в виде *-(ï)шкї ~ -(у)шку*: тув. *біргі*, *ijігі*, *ӱшкӱ*, *бӛшкі*, *алдїŋї*, *тоскy*; тоф. *ihішкі*, *ӱжӱшкӱ*, *тӛртішкі*. Появление дополнительного элемента в тофаларском языке связано, по мнению В. Банга[458] и К. Менгеса,[459] с переразложением морфем (falsche Silbentrennung) в числительном *пашкї* (*па-шкї*) 'первый'.

Данный аффикс сыграл определенную роль в образовании порядковых числительных и в других тюркских языках: уйг. *баштінкі*, якут. *бурунҕу* 'первый'. Несколько случаев его употребления зафиксировано в памятниках древнетюркского языка: *баштiŋкї*, *ашнукї* 'первый'. Сочетание *-kï* с аффиксом местного падежа было заимствовано и стало показателем порядковых числительных в бурятском языке: *хojopдохі* 'второй', *гурбадахі* 'третий'.

Аффикс *-kï ~ -ky* восходит к общетюркской относительной частице (послелогу?), сыгравшей важную роль в образовании формы абстрактной принадлежности, относительных прилагательных и т. д. Содержание последней («имеющий отношение к. . .») таково, что использование ее в качестве морфологического показателя порядковых числительных должно относиться к довольно позднему времени, когда количественные и порядковые значения уже были четко разграничены.

IV. В заключение упомянем аффикс-формант порядковых числительных *дуҕāр*, прослеживаемый в тувинском языке и являющийся заимствованием из монгольских языков. Примеры: *бір дуҕāр*, *ӱш дуҕāр*, *алдї дуҕāр*, *тос дуҕāр*.

Собирательные числительные

В тюркских языках прослеживаются в основном три аффикса собирательных числительных: 1) *-ав ~ -а ~ -ов ~ -ō ~ -ӯ ~ -уо ~ -їа*; 2) *-авла ~ -ала ~ -алā*; 3) *-авлан ~ -алан ~ -алāн ~ олаŋ*, причем два последние включают в себя первый и отличаются от него наличием дополнительных морфологических элементов.

I, 1. *-Ав ~ -ов ~ -ō (< *-аҕу)* — общетюркский аффикс собирательных числительных, встречающийся во всех тюркских языках, кроме огузских и некоторых других, а также в диалектах огузских языков, подвергшихся влиянию «окружающей кыпчакской среды».[460] Примеры: др.-тюрк. *бірägӱ*, *ікägӱ*, *ӱчägӱ*; ст.-узб. *ікäв*, *ӱчäв*; алт. *бірӯ*, *ӛкӯ*, *ӱчӯ*; башк. *бĭрäв*, *ікäв*, *ӧсäв*, *дӱртäв*, *бішäв*; казах. *бірӛв*, *ӛкӛв*, *ӱшӛв*; карач.-балк. *ӛкӛв*, *алтав*; кирг. *бірō*, *ӛкō*, *ӱчō*; кирг. (диал.) *бірӧв*, *ӛкӧв*, *ӱчӧв*;[461] крым.-тат. *ӛкӛв*, *ӱчӛв*; ног. *ӱшӧв*, *алтав*; тат. *ікäв*, *алтав*, *җідäв*, *унав*; туркм. (диал.)

---

[456] См.: Грамматика финского языка. Фонетика и морфология. М.—Л., 1958, с. 115; Константинова О. А. Эвенкийский язык. Фонетика. Морфология, с. 123; Керт Г. М. Саамский язык. — В кн.: Языки народов СССР, III. М., 1966, с. 161.

[457] См.: Ахмедов А. Джушский говор узбекского языка, с. 18.

[458] Bang W. Turkologische Briefe aus dem Berliner Ungarischen Institut, V, S. 19.

[459] Menges K. H. The Turkic Languages and Peoples, p. 117.

[460] См.: Куренов С. Особенности туркменского говора Северного Кавказа (Ставрополья), с. 17.

[461] См.: Юнусалиев Б. М. Кыргыз диалектологиясы, б. 188.

икӧв, *ӱчӧв*, *бӑшӧв*, *алтав*;[462] узб. *иккэв*, *учэв*, *элтэв*; якут. *иккиэ*, *ӱсӱӧ*, *тӧрдӱӧ*, *алтïа*.

Аффикс *-ав...* присоединяется к числительным до семи — десяти (в караимском языке — ко всем числительным).[463] Причина ограничений — отсутствие практической надобности в образовании собирательных числительных от больших чисел.[464] Было высказано также предположение о том, что в появлении ограничений определенную роль сыграли трудности, связанные с произношением форм типа *саккизэв*.[465] То, что пределом оказалось «семь», по мнению С. К. Кенесбаева, объясняется важным обрядовым и сакраментальным значением данного числа,[466] по мнению В. И. Чернышева, не согласившегося с С. К. Кенесбаевым, — влиянием старой системы счета.[467]

В тувинском и уйгурском языках аффикс *-ав ~ -а...* присоединяется лишь к числительному *бïр* и, естественно, не выражает собирательности, ср. тув. *бïрӭ* ‘один’, ‘раз’; уйг. *бïрäв* ‘один’, ‘некто’. Ср. также: тат. *бĭрäв* ‘некто’.

Древнейшая разновидность аффикса *-ав...* (*-аӈу*) представляет собой сочетание двух простых морфологических элементов: аффикса *-а*, образующего глагольные основы от имен, и аффикса *-ӈу*, образующего имена действия,[468] ср. *адïнаӈу* ‘другой’, *камаӈу* ‘все’.

I, 2. Аффикс *-авла ~ -алā ~ -ала* (< *аӈу* + *-лā*) встречается в староузбекском, узбекском, алтайском, тувинском, шорском языках: ст.-узб. *икäвлä*, *ӱчäвлä*, *тӧртäвлā*, *бэшäвлä*, *алтавла*; алт. *ӭкĭлэ*, *ӱчӱлэ*, *тӧртӱлэ*; тув. *дӧртӭлэ*, *бӭжӭлэ*; узб. *иккала*, *учала*, *тӯртала*, *бэшала*; шор. *ӱжӭлэ*, *тӧртӭлэ*, *пӭжӭлэ*.

Природа элемента *-ла* не ясна. По мнению В. Банга, *-ла* восходит к *-лаӈу*:[469] **ӱчägӱläӈӱ* > **ӱчägӱlä* > *ӱчäвлä* > *ӱчälä*, что весьма вероятно, так как находит подтверждение в способе образования других собирательных числительных, ср. башк. (диал.) *ӧсäвлäп*, *дӱртäвлäп*, *алтавлап*, *алтавлашĭп*,[470] *ӧсäвдäшĭп*, *алтавдашĭп*;[471] тат. *икäвлäп*, *икäвлäшĭп*, *бишäвлäп*, *унавлап*; з.-сиб.-тат. *пишäвлäшĭп*, *унавлашĭп*;[472] туркм. *икiлэшiп*;[473] узб. (диал.) *иккэвлäп*,[474] *эжэвлäшiп*,[475] *учэвлäшiп*.[476] По мнению же Е. Н. Чунжековой, *-ла* является «усеченной формой послелога *была* // *биле*, *пыла* // *пиле*», о чем свидетельствуют, как она полагает, факты теленгитского диалекта алтайского языка, ср. *ӭкiлбӭзi* ‘оба, двое’, *ӱчӱлбӭзi* ‘трое’, *тӧртӱлбӭзi* ‘четверо’, *бӭжӱлбӭзi* ‘пятеро’[477] (*ӭкi бiлӭзi*, *ӱчӱ бiлӭзi*, *тӧртӱ бiлӭзi*).[478]

---

[462] См.: Бердиев Р., Куренов С., Шамырадов К., Аразкулыев С. Түркмен дилиниң диалектлериниң очерки, с. 269 (човдурский диалект).

[463] См.: Мусаев К. М. Строй караимского языка, с. 15.

[464] См.: Раҳматуллаев Ш. Жамловчи сон ясалишидаги чекланишнинг сабаби ҳақида бир мулоҳаза. — ЎТАМ, 1962, № 2, б.69—71.

[465] Там же с. 70.

[466] Кенесбаев С. «Жеті», «үш», «тоғыз», «қырық» пен байланысты ұғымдар, б. 14.

[467] Чернышев В. О «стержневых» именах числительных в русском и казахском языке. — Изв. АН Казахской ССР, серия филологическая, 1946, 4 (29), с. 46.

[468] См.: Bang W. Beiträge zur türkischen Wortforschung, II, S. 519; Gröbech K. Der türkische Sprachbau, I, S. 29.

[469] Там же, S. 524.

[470] См.: Баева Н. Х. Говор башкир долины реки Ай. — БДС, с. 32.

[471] См.: Максютова Н. Х. Говор айских башкир, с. 17.

[472] См.: Ахатов Г. Х. Диалект западносибирских татар, с. 22.

[473] См.: Пенҗиев М. Хәзирки заман түркмен дилинде санлар, с. 136.

[474] См.: Шарипов О. Папский говор узбекского языка, с. 14—15.

[475] См.: Джураев Б. Шахрисябзский говор узбекского языка, с. 17.

[476] См.: Шаабдурахманов Ш. Узбекский литературный язык и узбекские народные говоры, с. 64.

[477] Чунжекова Е. Н. Имя числительное, с. 43.

[478] См.: Кучигашева Н. А. Теленгитский диалект алтайского языка. — Уч. зап. Горно-Алтайского НИИИЯЛ, 1961, 4, с. 63.

I, 3. Третий аффикс — *-авлан ~ -алāн ~ -алан ~ -олаң ~ -ӥлан ~ -лан* (< **-аӈу-лā-н*) — характерен для тех же языков, что и предыдущий и первоначально, очевидно, несколько отличался от него по значению. Примеры: ст.-узб. *ікäвлäн, ӱчäвлäн*; карач.-балк. *ӱчэвлэн, оновлан*; тув. *ійэлӭн, ӱжэлӭн, дөртэлӭн, бэжэлӭн, алдалāн, оналāн*; туркм. (только в парных сочетаниях) *ікіläн-ӱчläн* 'двое-трое', *ӱчläн-дөртläн* 'трое-четверо'; уйг. *іккіläн, ӱчіläн, төртіläн, онлан*; хак. *пізөлӭң, алтолан, чітөлӭң*.

Авторы грамматики тувинского языка реконструируют праформу этой группы собирательных числительных в виде **ӱчäгӱлäгäн, *онаӈулаӈан* и рассматривают ее как причастие, образованное от глагольных основ на *-ла* (*ӱчäгӱ-ла-, онаӈу-ла-*).[479] В грамматике уйгурского языка, составленной коллективом авторов, сделана попытка истолковать приведенные формы как упрощенные сочетания аффикса *-ің* (?) со служебным словом или наречием *бірläн* (*бäшің* + *-ілän* < *бірläн* (> *біläн* > *ілän* > *лän*)).[480] Дж. Клосон связывает образование собирательных числительных третьей группы с влиянием монгольских языков.[481] В. Котвич, напротив, считал, что аффикс собирательных числительных данного типа был заимствован монголами из тюркских языков.[482] Учитывая, что собирательные числительные в тюркских языках, как правило, имена действия, правомерно сопоставить формы типа ст.-узб. *ікäвлäн* с древними деепричастиями на *-н*. Последний — аффикс орудного падежа (?),[483] который в языке старописьменных памятников присоединялся и непосредственно к аффиксу *-аӈу*:[484] *әкігӱн, ікägӱн, ӱчägӱн*; ср. якут. *іккіән, ӱһӱӧн, төрдӱӧн, алтїан*.

II. Очень редко встречаются другие формы собирательных числительных: азерб. *ӱчлӱкдä* 'втроем', *алтїлӣҕда* 'вшестером'; тув. *ійәлдірзі* (*ійэ-лдір-і-зі* — глагольное имя + аффикс принадлежности 3-го лица),[485] *бәжәлдірзі, алдалдірзї*; чуваш. *іккĕн, тăваттăн, саккăрăн*.

В языках огузской группы, в татарском, чувашском языках и диалектах других тюркских языков семантику собирательных числительных выражают количественные числительные, оформленные аффиксами принадлежности: азерб. *ӱчӱмӱз* 'мы втроем', *ікіläрі* 'они вдвоем'; гаг. *ікісі* 'они оба'; казах. (диал.) *ӱшĭсі* 'они трое';[486] тат. *ікĕбĕз* 'мы двое', *бішĭгĭз* 'вы пятеро'; туркм. *ікімід* 'мы двое', *ӱчіңід* 'вы трое'; чуваш. *іккĕжĕ* 'двое', *іксĕмĕр* 'мы вдвоем', *вісʲсʲĕжĕ* 'трое', *вісʲсʲĕр* 'вы трое'. С другой стороны, собирательные числительные могут дублировать количественные.[487]

Итак, почти все группы собирательных числительных в тюркских языках восходят к именам действия, представляющим различные ступени морфологического усложнения одной и той же структурной модели, ср.

ӱч-ä-гӱ
ӱч-ä-гӱ-лä-јӱ (ӱч-ä-гӱ-лä-п)
ӱч-ä-гӱ-лä-јӱ-н

---

[479] См.: Исхаков Ф. Г., Пальмбах А. А. Грамматика тувинского языка, с. 211.
[480] Ҳазирқи заман уйғур тили. Алмута, 1966, б. 127.
[481] Clauson G. The Turkish Numerals, p. 31.
[482] Kotwicz W. Contributions aux études altaïques, II. Les noms de nombres, p. 207.
[483] См.: Gombocz Z. Besprechung der türkischen Grammatik von J. Németh. — Túrán, Budapest, 1918, 4, S. 258.
[484] См.: Bang W. Beiträge zur türkischen Wortforschung, II, S. 519.
[485] Ср.: Исхаков Ф. Г., Пальмбах А. А. Грамматика тувинского языка, с. 211—212.
[486] См.: Нурмагамбетов А. Казахский говор на территории Туркменской ССР, с. 14; Бекбергенов А. Имена числительные в каракалпакском языке. АКД. Ашхабад, 1971, с. 8.
[487] См.: Максютова Н. Х. Говор айских башкир, с. 17; Бекбергенов А. Имена числительные в каракалпакском языке, с. 8; Современный татарский литературный язык. М., 1969, с. 184.

Разделительные числительные

Общетюркский аффикс разделительных числительных — *-ар* (после гласных — *-рар*, *-лар* или *-шар*), присоединяемый к определенным и неопределенным количественным числительным. Примеры: др.-тюрк. *бірär*, *ікірär*, *ӱчär*, *алтӣрар*; ст.-узб. *бірär*, *ікірär* ~ *ікішär*, *ӱчär*, *тӧртär*, *бәшär*, *алтӣшар*, *jәттішär*, *jігірмішär*, *алтӣмшар*, *jәтімшär*, *jӱзär*; башк. *ікĭшär*, *бішär*, *унар*; карач.-балк. *нәнчашар*; ног. *бĭрәр*, *әкĭсәр*, *алтĭсар*, *онар*; тат. *бĭрär*, *ікішär*, *ӧчär*, *бішär*, *җiдішär*, *сігĭзär*, *унар*, *іллішär*, *алтмĭшар*, *нічäшär*; тур. *бірәр*, *ікішәр*, *ӱчәр*, *дӧрдәр*, *бәшәр*, *алтӣшар*, *jӱзәр*, *тәкәр* 'по одному' (*тәк* 'нечетный'), *азар* 'помалу', *чоҕар* 'помногу', *качáр* 'по скольку', *чіфтәр* 'попарно', *jарӣмшар* 'по половине' (ср. казах. *jартĭшар*; кар. *jарӣмсар*); хак. *їкĭлär*, *ӱзär*, *тӧртär*, *пізär*, *онар*; чуваш. *пĕрăр* 'по одному', *вісʻшăр* 'по три', *сʻічшăр* 'по семи'; чуваш. (диал.) *пĕржăр* 'по одному', *ікшар* 'по два', *вісʻшар* 'по три', *тоатшар* 'по четыре'.[488] В казахском и уйгурском языках аффикс *-ăр* встречается только в слове *бірär* (казах. *бірәр* 'один-два').

В диалектах башкирского языка, в карачаево-балкарском и татарском языках вследствие переразложения морфологических элементов появилась особая разновидность аффикса *-ар* — *-(їш)їшар* ~ *-ушар*: башк. (диал.) *бішĭшĭшär*, *унĭшĭшар*,[489] *бĭрärĭшär*, *нігĭдär* ~ *нігĭдĭшär*, *туҕĭдар* ~ *туҕĭдĭшар*,[490] *утĭдĭшар*, *кĭрҕĭшар*;[491] карач.-балк. *бірәр*, *әкішәр*, *ӱшӱшәр*, *тӧртӱшәр*, *бәшішәр*; тат. *ікĭшär*, *бішär*, *сіксäнĭшär*, *туксанĭшар*.

В хакасском языке и в диалектах башкирского языка аффикс *-ар* (~ *-рар* ~ *-лар* ~ *-шар*) может соединяться с другими аффиксами разделительных числительных и с аффиксом *-лап*: башк. (диал.) *дӱртĭшärдäн*, *бішĭшĭшĭшär*, *алтĭшардан*, *унĭшĭшĭшар*;[492] тат. *бішärлäп*, *унарлап*; хак. *тӧртәрдәң* 'по четыре', *пізәрләп* 'по пяти', *чітĭләрләп* 'по семи', *отізардаң* 'по тридцати'.[493]

В формах на *-ар* В. Банг видел одну из разновидностей направительного падежа, синонимичную формам на *-ҕару*.[494] Для нас предпочтительнее заключение об этимологической связи их с причастием настояще-будущего времени на *-(а)р* ~ *-(у)р* ~ *-(ӣ)р*.

По вопросу о происхождении вариантов *-рар* и *-шар* существует одно мнение, согласно которому формы *ікішär*, *алтӣшар* образовались по аналогии с *бәшär*, а форма *ікірär* — по аналогии с *бірär*.[495] Что касается формы *ікіләр*, то М. Рясянен считает ее более древней, чем форму *ікірәр*, придерживаясь той точки зрения, что *л* в указанной форме, как и *-ла* в собирательных числительных, выражает совместность. По мнению М. Рясянена, *ікірәр* — результат ассимилятивного процесса. Он высказывает также предположение о возможности наличия именно этого *л* в аффиксе разделительных числительных якутского языка *-лӣ*.[496]

Наряду с рассмотренной выше в тюркских языках широко распространена форма разделительных числительных, образующаяся при помощи

---

[488] См.: Сергеев Л. П. Основные особенности моргаушского говора. — МЧД, I, с. 169.

[489] См.: Баева Н. Х. Говор башкир долины реки Ай, с. 32.

[490] См.: Юсупов Х. Г. 1) Из наблюдений над морфологической системой инзерского говора башкирского языка, с. 157; 2) Асинский говор башкирского языка, с. 9.

[491] См.: Ишбулатов Н. Х. Морфологические особенности казмашевского говора, с. 100.

[492] См.: Максютова Н. Х. Говор айских башкир, с. 17.

[493] См.: Карпов В. Г. Хакасский язык. — В кн.: Языки народов СССР, II. М., 1966, с. 435.

[494] Bang W. Beiträge zur türkischen Wortforschung, II, S. 526—527.

[495] См.: Brockelmann C. Zur Grammatik des Osmanisch-Türkischen, II, S. 214.

[496] Räsänen M. Materialien zur Morphologie der türkischen Sprachen, S. 87—88.

аффикса исходного падежа от количественных, собирательных и штучных числительных: алт. *төрттөң, оннон*; башк. (диал.) *бištän, jәtĭnän*;[497] з.-сиб.-тат. *jәttĭtän*;[498] казах. *бĭрдән, әкĭдән, бĭрәвдән, әкәвдән, жүздән*; кирг. *әкідән, ондон*; к.-калп. *әкәв-әкәвдән*; туркм. *дөртдән, бäшдән, алтïдан, әкä-әкäдән, үч-үчдән*; узб. *біттадан, іккітадан, тўрттадан*; узб. (диал.) *элтәвдән*;[499] шор. *пәштәң*.

Следующая форма, являющаяся по происхождению формой орудного падежа, встречается чрезвычайно редко и преимущественно в аналитических образованиях (др.-тюрк. *бірін бірін*; ст.-узб. *бірін ікін*; туркм. *бірін бірін*), которые могут выражать значение разделительности и сами по себе, без специальных морфологических показателей, ср. карач.-балк. *әкі әкі* (~ *әкішәр әкішәр*) 'по два'; крым.-тат. *бәш бәш* 'по пяти', *jüz jüz* 'по сто'.

В туркменском языке одна из форм разделительных числительных образуется путем сочетания количественных числительных с числительным *бĭр*: *икібĭр* 'по два', *үчбĭр* 'по три'.

Якутская форма разделительных числительных — на *-лï*, не имеющая параллелей в других тюркских языках: *іккілĭ* 'по два', *алталĭ* 'по шести', *уончалĭ* 'по десяти'.

Приблизительные числительные

Самая древняя и наиболее употребительная форма приблизительных числительных — на *-ча*. Она образуется чаще всего от количественных числительных в единственном и множественном числе, изредка — от штучных, причем приблизительные числительные, включающие в себя аффикс множественного числа, имеют также разделительное значение. Примеры: азерб. *онларҹа, отузларҹа, jüzләрҹä*; кирг. *бәшчә*; крым.-тат. *биңләрҹә*; тур. *онларҹа*; узб. *бäштача, ўнтача, ўттізтача, міңтача, ўнларча, јузларча, міңларча*; уйг. *бäшчä, ончä, оттузчä, онларчä*; хак. *онҹа, отĭсча, чüсчә, пісчә, хĭрĭхча, алтонҹа*; якут. *уонча ~ уончака, отучча, сӱрбәччә ~ сӱрбәччәкә, сӱсчә ~ сӱсчәкә*.

Аффикс *-ча* восходит к послелогу **чāк* (**чāклїң*) (ср. ст.-тур. *бәш міңчä чаклїң* 'около 5000',[500] узб. (диал.) *он чжлї* 'приблизительно десять')[501] и в некоторых тюркских языках является скорее послелогом, чем аффиксом, ср. тув. *он шā* 'около десяти'.

Второй аффикс приблизительных числительных, используемый обычно в пределах крупных чисел и присоединяемый не только к количественным, но и к другим числительным, в частности к собирательным и разделительным, — *-лаҕан ~ -даҕан ~ -таҕан ~ -лїҕан ~ -дїҕан ~ -тїҕан*. Примеры: башк. (диал.) *бištägän, ундаҕан, jўддägän*[502] (лит. *jўдлägän*), *jўдärдägän*,[503] *мӈärдägän, алтĭлаҕан*,[504] *jітмĭштägän*,[505] казах. *ондаҕан,*

---

[497] См.: Юсупов Х. Г. 1) Из наблюдений над морфологической системой инзерского говора башкирского языка, с. 157; 2) Асинский говор башкирского языка, с. 9.

[498] См.: Ахатов Г. Х. Диалект западносибирских татар, с. 22.

[499] См.: Шарипов О. Папский говор узбекского языка, с. 14—15.

[500] См.: Гузев В. Г. О ярлыке Мехмеда II. — В кн.: Тюркологический сб., 1971. М., 1972, с. 232.

[501] См.: Мирсоатов Т. З. Ўзбек тилининг Қирқ шеваси. — В кн.: Ўзбек диалектологиясидан материаллар, I. Тошкент, 1957, б. 240.

[502] См.: Баева Н. Х. Говор башкир долины реки Ай, с. 32; Максютова Н. Х. Говор айских башкир, с. 17.

[503] См.: Ишбулатов Н. Х. Морфологические особенности казмашевского говора, с. 98, 100.

[504] См.: Юсупов Х. Г. 1) Из наблюдений над морфологической системой инзерского говора башкирского языка, с. 158; 2) Асинский говор башкирского языка, с. 10.

[505] См.: Ишбулатов Н. Х. Кизильский говор, с. 43.

җĭjĭрмалаҕан, җўздәгән;[506] ног. *ўшәвләгән, алтавлаҕан, онавлаҕан ~ оналаҕан*; тат. *унлаҕан, jўзлägän, jўзäрлägän, мĭңärлägän*; уйг. *онлиған, jўзлігән, миңліған*. Ср. узб. (диал.) *älлідіjн*.[507]

Третий аффикс, иногда совмещающий значение приблизительности с разделительным значением и также присоединяемый, помимо количественных, к собирательным и разделительным числительным, — *-лап ~ -дап ~ -нап*, ср. башк. *унлап, jўдлäп*; башк. (диал.) *утĭдлап, кĭрк тўртлäп*;[508] з.-сиб.-тат. *jәттĭлäп, кĭрĭклап*;[509] казах. *әкĭләп, әкәвләп, ўшәвләп, җўздәп, мĭңдап*; кирг. *ўўздöп*; кум. *бәшлэп, онлап*; тат. *бчлäп, бішлäп, алтĭлап, унлап, jўзлäп, икĭшärлäп, унарлап*; тув. *бір-бірлэп, ўш-ўштэп, он-оннап*; туркм. *бнлап, jўдлäп*; узб. *ўнлап, jузлап*;[510] уйг. *бäш-бäшлäп, он-онлап*; хак. *отїзарлап, муңарлап*.

Формы на *-лап ~ -дап ~ -нап* — деепричастные, с совершенно прозрачной этимологией.

Значение приблизительности в пределах числительных выражает также аффикс *-дај*. Примеры: башк. (диал.) *алтмĭштај, икĭ мĭңдäj*;[511] казах. *җўздәj*; кирг. *отуздај*.

К группе приблизительных числительных отчасти примыкают азербайджанские формы на *-лар-ла: онларла, отузларла, jўзлärлä, мінläрлä*.[512] Ср. узб. (диал.) *онтälä*.[513]

Образование многих форм приблизительных числительных происходило в условиях обособленного развития тюркских языков, и этим объясняется наличие значительных расхождений. В полном смысле общетюркским и очень древним следует считать аналитический прием выражения приблизительности, ср. карач.-балк. *бір-әкі адам, төрт-бәш ат*; хак. *піс-алтї*.

Дробные числительные

Дробные числительные[514] — сочетания двух количественных, реже собирательных или штучных, числительных, из которых одно принимает форму местного или исходного падежей, а другое — форму именительного падежа с аффиксом принадлежности 3-го лица или без него. Примеры: 1) др.-тюрк. *ікägüдä бірісі* — $\frac{1}{2}$, *jәtägüдä бірісі* — $\frac{1}{7}$;[515] азерб. *дөрддä бір* — $\frac{1}{4}$, *jўздä он ікі* — $\frac{12}{100}$; гаг. *бәштä ікі* — $\frac{2}{5}$; крым.-тат. *бәштэ ўч* — $\frac{3}{5}$; тур. *ўчтэ бір* — $\frac{1}{3}$, *дöрттэ ўч* — $\frac{3}{4}$; 2) азерб. (диал.) *оннан ікі* — $\frac{2}{10}$,[516] *ўшдäм*

---

[506] См.: Хасенов Ө. Қазіргі қазақ тіліндегі сан есімдер. Алматы, 1957, б. 34.

[507] См.: Джуманазаров Ю. Морфологические особенности хазараспского говора узбекского языка, с. 15.

[508] См.: Юсупов Х. Г. Асинский говор башкирского языка, с. 10.

[509] См.: Ахатов Г. Х. Диалект западносибирских татар, с. 22.

[510] О своеобразии значения аффикса *-лап* по сравнению со значением сложных аффиксов *-ларча* и *-тача*, см.: Раҳматуллаев Ш. Ҳозирги замон ўзбек тилидаги сон туркуми ҳақида баъзи мулоҳазалар. — Тр. Среднеазиатского гос. унив., новая серия, CIV, филологические науки, вопросы узбекского языка, 1957, 11, с. 52—54.

[511] См.: Ишбулатов Н. Х. 1) Кизильский говор, с. 43; 2) Морфологические особенности казмашевского говора, с. 98.

[512] См.: Хәлилов Р. Ј. Азәрбајчан дилиндә гејри-мүәjjән сајлар, с. 40—41.

[513] См.: Джураев Б. Шахрисябзский говор узбекского языка, с. 17.

[514] О дробных числительных см.: Хәлилов Р. Ј. Азәрбајчан дилиндә кәср сајы. — Уч. зап. Азербайджанского гос. унив., серия языка и литературы, 1970, № 3, с. 70—75.

[515] См.: Мирзакаримова У. Морфологические особенности «Кисаси Рабгузи». АКД. Ташкент, 1969, с. 12.

[516] См.: Джафарзаде М. М. Говоры Имишлинского района азербайджанского языка, с. 17.

бір — $\frac{1}{3}$;[517] башк. *бөштән өс* — $\frac{3}{5}$; к.-калп. *төрттән бір* — $\frac{1}{4}$; кирг. *төрттөн экі* — $\frac{2}{4}$; кум. *экідән бірі* — $\frac{1}{2}$; ног. *алтыдан экі* — $\frac{2}{6}$; тат. *өчтән ікі* — $\frac{2}{3}$, *уннан дүрт* — $\frac{4}{10}$; туркм. *ондан бір* — $\frac{1}{10}$, *йәдідән бір* — $\frac{1}{7}$; узб. *тўрттан уч* — $\frac{3}{4}$, *ўннан тўккіз* — $\frac{9}{10}$, *йузтадан бітта* — $\frac{1}{100}$; уйг. *үчтін иккісі* — $\frac{2}{3}$, *бәштін иккісі* — $\frac{2}{5}$.

Конструкция с местным падежом рассматривалась Н. К. Дмитриевым как более древняя по сравнению с конструкцией, включающей исходный падеж.[518] С. Джафаров придерживается прямо противоположной точки зрения.[519] Совершенно очевидно, что проблема временно́го соотношения данных конструкций тесно связана с проблемой соотношения форм местного и исходного падежей.[520]

В тюркских языках Сибири и Алтая и отчасти в других тюркских языках дробные числительные имеют форму «изафетных» сочетаний: алт. *бәштің үч үлүзі* — $\frac{3}{5}$; казах. *үштың бірі* — $\frac{1}{3}$, *төрттің үші* — $\frac{3}{4}$; к.-калп. *төрттің бірі* — $\frac{1}{4}$; кум. (диал.) *сәгізні алтысі* — $\frac{6}{8}$;[521] тув. *үштүң ійізі* — $\frac{2}{3}$, *дөрттүң үжү* — $\frac{3}{4}$; уйг. *бәшнің иккісі* (~ *бәшнің икки кісмі*) — $\frac{2}{5}$; хак. *төрттің үзі*, шор. *төрттің үжі* (~ *төрт пөлүктің үш пөлүгі*) — $\frac{3}{4}$.

В ряде тюркских языков в качестве дробных числительных используются сочетания количественных числительных в именительном падеже с особыми формами второго компонента (форма уменьшительности в тувинском языке, форма абстрактности-обобщенности в других языках): алт. *экі үштүк* — $\frac{2}{3}$, *экі алтилік* — $\frac{2}{6}$; казах. *бір үштік* — $\frac{1}{3}$; тув. *бір ончук* — $\frac{1}{10}$, *бәш ончук* — $\frac{5}{10}$, *үш чүсчүк* — $\frac{3}{100}$; хак. *пір ікілік* — $\frac{1}{2}$, *үс төрттіг* — $\frac{3}{4}$.

Перечисленные выше способы образования дробных числительных могут применяться параллельно в одном и том же языке, ср. казах. *үштән бір* ~ *үштің бірі* ~ *бір үштік* — $\frac{1}{3}$.

Обособленное положение в плане образования дробных числительных занимают чувашский и якутский языки. Примеры: чуваш. *иккĕ виççĕмĕш* 'две третьих', *виççĕ пиллĕкмĕш* 'три пятых' (ср. дробные числительные в русском языке); якут. *көс түөрт ҕыммыт бырā* — $\frac{1}{4}$, *көс биэс ҕыммыт үсā* — $\frac{3}{5}$.[522] Ср. также: алт. *төртүнчі үлӱ* — $\frac{1}{4}$.

---

[517] См.: Бехбудов С. М. Зангеланский говор азербайджанского языка, с. 16.

[518] Дмитриев Н. К. Грамматика башкирского языка, с. 93.

[519] Чәфәров С. Азәрбајчан дилиндә сөз јарадычылыгы. Бакы, 1960, с. 170.

[520] См. выше, с. 47.

[521] См.: Шахманова-Гарданова Р. О морфологических особенностях казанищенского говора кумыкского языка. — Уч. зап. Дагестанского филиала АН СССР, ИИЯЛ, серия филологическая, 1964, XIII, с. 95.

[522] См.: Böhtlingk O. Über die Sprache der Jakuten, S. 267.

Штучные числительные

Данная группа числительных встречается лишь в узбекском языке: *бі̆тта* 'один', *бэ̆шта* 'пять', *тӯ̆ккізта* 'девять', *ӯ̆нта* 'десять'. Правда, узбекский аффикс *-да ~ -та* может быть сопоставлен с аналогичным аффиксом якутского языка, образующим наречия: *бі̄рдä* 'однажды', *іккітä* 'дважды', *тӱ̈ӧрттä* 'четырежды', *уончата* 'приблизительно десять раз'. Однако такое сопоставление нуждается в глубокой и убедительной аргументации.

Нумеративы

Нумеративы — слова, сопровождающие количественные и, реже, другие числительные при конкретном счете.[523] Морфологически они не связаны с числительными как особым подразрядом имен и примыкают к существительным.

Нумеративы (иначе: счетные слова) имеют длительную историю в тюркских языках. Некоторые из них, такие как *баш* 'голова' (др.-тюрк., ст.-узб., азерб., башк., кум., тат., тур., туркм., уйг. *баш*, узб. *бэш*), *кат* 'ряд, слой' > 'раз' (ст.-узб. *кат*, *ката*, тат., тур. *кат*, якут. *хат*), *тілі̆м* 'полоска, скибка' (азерб., туркм. *ділі̆м*, башк., казах. *ті̆лі̆м*, узб. *тілі̆м*), *тӯ̄п* 'куст', 'дерево' (узб. *туп*, уйг. *тӱ̈п*, туркм. *дӱ̈јп*), — очень древние, другие, например: *нафар ~ нäфäр* 'персона' (азерб. *нäфäр*, узб. *нафар*), *дана ~ дänä* 'штука' (азерб. *дänä*, казах. *дана*, тат. *данä*, туркм. *дänэ*, узб. *дона*), *парча* 'кусок' (азерб., тур., узб. *парча*), *нусха ~ нӱ̈схä* 'экземпляр' (азерб. *нӱ̈схä*, тат. *нӧ̆схä*, узб. *нусха*), появились сравнительно поздно, о чем свидетельствует их арабское или персидское происхождение; небольшая группа нумеративов — позднейшие заимствования из разных языков.

К нумеративам условно относят также слова — наименования мер длины, веса, объема, ср. др.-тюрк. *карїш* 'пядь', *кулач* 'сажень', *тутам* 'горсть, пригоршня', 'охапка'; узб. *чакірім* 'верста'; уйг. *ҕулач* 'сажень', *кучак* 'охапка'.

Особая разновидность нумеративов — слова, обозначающие совокупность однородных предметов или живых существ: крым.-тат. *сӱрӱ* 'стадо', узб. *тӯ̆да* 'группа', 'гурьба', 'стая', 'куча, ворох', *гуруҳ* 'группа (людей)'.

Примеры употребления счетных слов: азерб. *алтї баш мал* 'шесть голов скота', *бэш дänä алма* 'пять штук яблок'; казах. (диал.) *экі̆ сан касі̆к* 'две ложки',[524] *экі̆ тілі̆м нан* 'два ломтя хлеба', *экі̆ дана дäптэр* 'две тетради'; крым.-тат. *ікі сӱрӱ сиӈӱ̈р* 'два стада коров'; туркм. *дӧрт дӱ̈јп ӱзӱ̈м* 'четыре виноградных саженца'; узб. *бір туп ӯрік* 'одно дерево урюка'; уйг. *он тал алма* 'десять яблонь'; якут. *ӱс хат ӱрӱттӭ̄х* 'с тройной крышей'.[525]

Имена действия

Имена действия, занимающие в тюркских языках, согласно традиционной точке зрения, промежуточное положение между собственно именами и глаголами, в действительности все же ближе к собственно именам, чем

---

[523] О нумеративах см.: Низомиддинова С. Соннинг нумератив сўзлар билан қўлланиши. — ЎТАМ, 1959, № 2, б. 72—74; Хәлилов Р., Әлизадә А. Азәрбајҹан дилиндә нумератив сөзләр. — В кн.: Материалы научно-теоретической конференции молодых ученых АН Азербайджанской ССР, серия общественных наук, I. Баку, 1957, с. 122—123; Тумашева Д. Г. Хәзерге татар әдәби теле морфологиясе. Казан, 1964, б. 101; Ҳамдамов П. Нумативларнинг қўлланишига кўра турлари. — ЎТА, 1971, № 2, б. 52—54.

[524] См.: Нурмагамбетов А. Казахский говор на территории Туркменской ССР, с. 14.

[525] См.: Böhtlingk O. Über die Sprache der Jakuten, S. 267.

к глаголам. Эта близость выражается прежде всего в том, что они могут присоединять к себе словоизменительные и словообразовательные аффиксы, характерные для имен, правда, с определенными ограничениями, относящимися к каждому имени действия в отдельности и варьирующими от языка к языку. Например, форма на *-мак* в азербайджанском и турецком языках, как правило, не принимает падежных аффиксов (за исключением аффикса исходного падежа), аффиксов принадлежности и множественного числа, в таких же языках, как гагаузский, казахский, каракалпакский, киргизский, узбекский, уйгурский, присоединение к форме на *-мак* указанных аффиксов — обычное или вполне допустимое явление. Есть и частные, но примечательные особенности. Так, в азербайджанском, турецком и староузбекском языках в состав формы на *-мак* включается глагольный отрицательный инфикс *-ма*, в современном узбекском языке образование подобной формы исключено.

По характеру выполняемых функций имена действия делятся на две группы: субстантивные имена действия и причастия. Последние чаще выступают в атрибутивной функции, а также в качестве предиката и, пожалуй, в большей степени, чем последние, подвержены вербализации. Все же граница между ними условна: в старописьменных текстах нередко одни и те же имена действия оказываются в роли любых членов предложения.

Раздел 1

Субстантивные имена действия

Субстантивные имена действия сами по себе далеко не едины в функциональном отношении. Самый существенный, хотя и не достаточно определенный момент их разграничения — степень развития признаков инфинитива.

Понятие инфинитива тесно связано с грамматикой индоевропейских языков, в которой он характеризуется либо как изолированное образование, не входящее ни в глагол, ни в имя, либо как «номинативная» форма глагола, несклоняемая и неспрягаемая.

В тюркских языках, за редкими исключениями, нет специальной несклоняемой и неспрягаемой формы, совпадающей с индоевропейским инфинитивом. Тем не менее, при тщательном анализе различных случаев употребления каждого субстантивного имени действия в отдельности можно выявить степень его близости к тому, что в грамматике индоевропейских языков получило наименование инфинитива.

Субстантивных имен действия несколько десятков. Древнейшие из них — формы, образованные при помощи аффиксов *-бу* ~ *-бӱ*, *-(ӱ)нч* ~ *-(у)нч*, *-мак*, *-ма*, *-(ӱ)ш* ~ *-(у)ш*, *-(ӱ)к* ~ *-(у)к* ~ *-(ӱ)б* ~ *-(у)б*, *-ӱ* ~ *-у* ~ *-а*.

1. Имя действия на *-бу* встречается в манихейских, уйгурских и ранних арабографичных текстах, где выполняет разные функции, в частности является формой настояще-будущего времени. Примеры: др.-тюрк. *мәлікkä нәгӱдәг әтінгӱ кәрәк* ‘как надо вести себя правителю’ (QBH 6_{17}), *чәрігнің тапукларїда... јӱрӱгӱдә турур* ‘движется перед войском...’ (ЛОК 17_7), *башї бардї хајрнӱң соңї барбусї* ‘начало добра ушло, уйдет и конец’ (XX B_{391});[526] ст.-узб. *ічкӱ јәгӱ білә мәшбул әрміш* ‘он был занят питьем и едой’, *ја расул кәлгӱ чабӱң болдї* ‘о посланник, время твоего прихода наступило’, *бармабумдур астанїңдїн* ‘я не уйду от твоего порога’, *кім білә сӱһбат туткуңдур* ‘с кем будешь беседовать?’, *ӱӱmakka кіргӱсі*

[526] О форме на *-бу* в древнетюркском и староузбекском языках см.: Мухторов Ж. *-Бу, -гӱ* формалари ҳақида. — Науч. тр. Самаркандского ГПИ, новая серия, 1969, 1, с. 165; Благова Г. Ф. К методике историко-ареальных сопоставлений в тюркологии. — ВЯ, 1972, № 5, с. 105.

турур 'он войдет в рай', *мундїн јахшїрак кўн көрмägўңіздур* 'лучше этого дня не увидите'.[527]

В современных тюркских языках, исключая уйгурский, форма на *-бу* встречается преимущественно как реликтовое образование — в виде наименований процессов и состояний, орудий, признаков и т. д.: азерб. *бölgü* 'деление', *дујбу* 'чувство', *біткі* 'растение', *вэргі* 'налог', *вурбу* 'ударение', *сарбї* 'бинт, повязка'; алт. *чапкї* 'капкан', *капкї* 'крючок'; гаг. *бїчкї* 'пила', *ујку* 'сон', *јазгї* 'письменность', 'надпись'; казах. *бўрбї* 'сверло', *ашїткї* 'дрожжи', *ёзгї* 'гнет', *тэпкї* 'пинок'; кирг. *чалбї* 'коса', *көчкў* 'обвал', *күлкў* 'смех', *шїпїрбї* 'веник', 'метла'; тур. *бурбу* 'буравчик', *сўзгў* 'ситечко', *білгі* 'знание', *сэвгі* 'любовь'; узб. *чэлбу* 'музыкальный инструмент', *кэлгусі јіл* 'будущий год'; хак. *сусху* 'ковш', *ачїтхї* 'закваска'. Ср. др.-тюрк. *бојнабу* 'рослый', *адїнабу* 'другой', 'различный', *камабу* 'все'. В. Банг, привлекающий материалы разных языков, выделяет аффикс *-бу* в словах: *кїрабу* 'иней', *кашабу* 'скребница', *оклабу* 'скалка', *білägў* 'точильный камень', *бокабу* 'кандалы'.[528] Следы формы на *-бу* обнаруживаются также в одной из разновидностей собирательных числительных.[529] Н. И. Ашмарин связывает с именем действия на *-бу* чувашскую причастную форму на *i-*.[530]

В ряде тюркских языков имя на *-бу* выступает в сочетании со словами *бар*, *јок* и глаголом *кэл-*, выражая при этом желание, нежелание, намерение или отсутствие намерения совершить действие: башк. *барбїһї кілä* 'ему хочется поехать'; казах. *жазбїм кэлэдї* 'мне хочется писать'; кирг. *барбїм јок* 'у меня нет желания идти', *көргўсў бар* 'он желает видеть', *окубум кэлді* 'мне захотелось учиться', *ајткїсї кэлэт* 'ему хочется сказать';[531] к.-калп. *барбїң кэлэдї* 'тебе хочется идти', *барбїсї мўмкїн эмэс* 'ему нельзя идти';[532] узб. *кўргім кэлајапті* 'мне хочется видеть'; уйг. *албум бар* 'я хочу взять', *заді тохтубусі јок* 'он совсем не хочет остановиться', *албум кэлді* 'мне захотелось взять', *төмўрчі болбусі кэліду* 'ему хочется стать кузнецом'.[533]

В древних и современных тюркских языках немало производных морфологических образований, включающих в себя имя действия на *-бу*: с аффиксом-послелогом уподобления *-дäк*, с аффиксами *-лїк* ~ *-лук*, *-чї*, *-сїз* и др., ср. др.-тюрк. *тапїнбучї* 'повинующийся' (МК II 168), *ол ат сувбарбулук ёрді* 'он намеревался напоить лошадь' (МК II 256); ст.-узб. *албудäк* ~ *албулук* 'намеревается взять', *кијгўдäк* ~ *кијгўлўк* 'намеревается одеться'; алт. *барбалак* (< ? *барбу* + *ёлэк*) 'тот, который должен был уйти', 'еще не ушедший', *іштэгэдіј* (< *іштэгў* + *діј*) 'тот, который может работать', *кэлбэгэдіј* 'тот, кто мог бы не приходить' (*кэлбэгэдіј кіжі кэлді* 'человек, который мог бы не приходить, пришел');[534] тув. *барбалак* 'тот, кто еще не пошел', 'тот, кто вот-вот пойдет'; узб. *јутіп јубэрбудэк ёді* 'словно поглотили', *бэргулік јэр* 'место, куда следует пойти'; уйг. *барбудäкмän* 'я, вероятно, поеду', *окубучі* 'читатель', *сатқучі* 'продавец', *häjран калбудäк* 'такое, что может вызвать удивление', *тэрілбулук* 'засеваемый', *чідалбусіз* 'невыносимый'; хак. *ај-*

---

[527] См.: Щ е р б а к А. М. Грамматика староузбекского языка, с. 141, 142, 150.

[528] B a n g W. Vom Köktürkischen zum Osmanischen, 3. Mitteilung: Das Formans *-γu* bei Verben auf *-a* usw. Berlin, 1919, S. 37—47.

[529] См. выше, с. 152.

[530] А ш м а р и н Н. И. Материалы для исследования чувашского языка, с. 311.

[531] См.: Т о й ч у б е к о в а Б. Имена действия в киргизском языке. АКД. Фрунзе, 1968, с. 5—6.

[532] См.: К у т л ы м у р а т о в Б. К. Имена действия в современном каракалпакском языке. АКД. Нукус, 1963, с. 8, 12.

[533] См.: М е л и е в К. М. Имя действия на *-бу* в современном уйгурском языке. — Тр. Среднеазиатского гос. унив., иранская и тюркская филология, 1957, с. 85—86.

[534] См.: Т а д ы к и н В. Н. Причастия в современном алтайском языке. АКД. М., 1968, с. 18—20.

ланҕалах ‘еще не вернувшийся’, *атхадїҕ* ‘пожалуй, застрелит’;[535] шор. *кэлгэлэк* ‘еще не пришедший’, *парҕалак* ‘еще не ушедший’, *кэлгэдїг* ‘пожалуй, придет’. Ср. также: узб. *дэгувчі* ‘говорящий’, *эліп бэрҕувчі* ‘ведущий’.

В уйгурском языке, в котором процесс субстантивации имени действия на *-ҕу* также принял значительные размеры (*тэрілҕу* ‘посев’, *туjҕу* ‘чутье’, *кўлгу* ‘смех’), оно, тем не менее, используется и как форма настоящего-будущего времени: *біз істігән jолларда у аккусі* ‘она будет течь по пути, желаемому нами’, *нөкўмät іші jахші болҕусідур* ‘дела правительства пойдут хорошо’.[536]

2. Первоначальное значение формы на *-(ї)нч ~ -(у)нч*[537] — герундиальное (В. Томсен) или собственно глагольное — прослеживается лишь у вспомогательного глагола *эр-* ‘быть’ в рунических надписях: *эрміш эрінч, болмуш эрінч, тутмуш эрінч, кїлмадук эрінч, котўрді эрінч, олуртті эрінч.*[538]

Уже в языке рунических надписей или, по крайней мере, в языке более поздних текстов *эрінч* претерпевает существенную трансформацию, в известном смысле общую с причастиями *эрміш* и *эркän*, ср. *ол кэлді эрінч* ‘он, вероятно, пришел’ (МК I 132), *ол бардї эрінч* ‘он, вероятно, пошел’ (МК III 449), *кэнтў білінгäj эрінч* ‘он сам, должно быть, поймет’ (КР 10_1).

Одновременно с субстантивацией имени действия на *-(ї)нч ~ -(у)нч*, начавшейся очень рано, происходило исчезновение самого словообразовательного типа, и поэтому число соответствующих форм, сохранившихся в современных тюркских языках, невелико, ср. др.-тюрк. *кїлїнч* ‘деяние’, ‘поступок’, *коркїнч* ‘страх’; ст.-узб. *ўркўнч* ‘страх’, *ökўнч* ‘раскаяние’, *їнанч, їшанч* ‘вера’, *сökўнч* ‘брань’, *кїсканч* ‘зависть’; азерб. *сэвінҷ* ‘радость’, *гўлўнҷ* ‘смешной’, *ҕорхунҷ* ‘страшный’, *іjränҷ* ‘отвратительный, противный’; башк. *ўтїнїс* ‘просьба’, *їшанїс* ‘доверие’, *куркїнїс* ‘страх’, ‘опасность’; казах. *ötїнїш* ‘просьба’; кум. *сўjўнч* ‘радость’; тур. *дajанч* ‘опора’, *казанч* ‘заработок’, *övўнч* ‘хвастовство’; туркм. *ёjмэнч* ‘ужасный’, *ґўдҕанч* ‘скупой’; узб. *сікінч* ‘сжатие, давление’, *шошілінч* ‘спешка’, *тікілінч* ‘теснота’, ‘давка’.

3. Следующее имя действия — на *-мак* — впервые засвидетельствовано в памятниках рунической письменности, хотя примеры, указанные В. В. Радловым,[539] спорны.

Из современных языков сравнительно большой употребительностью формы на *-мак* выделяются азербайджанский,[540] турецкий и в меньшей степени кумыкский языки, дающие любопытную картину превращения последней в своего рода инфинитив, ср. азерб. *ҕазмаҕ лазїмдїр* ‘надо копать’, *гўлмäк істäді* ‘он хотел смеяться’; тур. *гäвурҕajї іjі білмэк гэрэк* ‘язык «неверных» надо знать хорошо’. Ср. также: башк. (диал.) *укїмак кітä* ‘он хочет учиться’,[541] *анїҥа тўлämäк käрäк* ‘ему надо платить’, *бармак käрäк* ‘надо идти’.[542]

---

[535] См.: Инкижекова-Грекул А. И. Причастия в хакасском языке. — В кн.: В. А. Гордлевскому к его семидесятипятилетию. М., 1953, с. 115—116.

[536] См.: Мелиев К. М. 1) Имя действия на *-ҕу* в современном уйгурском языке, с. 85; 2) Имена действия в современном уйгурском языке. АКД. М., 1953, с. 12—13; 3) Ҳозирги туркий тилларда ҳаракат номлари (ўзбек, уйғур, қозоқ ва қорақалпоқ тиллари материаллари асосида). Тошкент, 1969, б. 104.

[537] См.: Мелиоранский П. М. Памятник в честь Кюль Тегина, с. 101.

[538] См.: Radloff W. Die alttürkischen Inschriften der Mongolei. NF, S. 93, 115, 116.

[539] Там же, с. 97.

[540] См.: Дашчян Т. Дж. Глагольные имена на *-дыг, -ачаг, -маг* и *-ма* в современном азербайджанском литературном языке. АКД. Баку, 1962, с. 12—16; Sevortjan E. V. Deverbale Nomina auf *-maq* und *-mäk* im Azerbaidschanischen und anderen Türk-Sprachen. — UAJb, 1965, XXXVI, 3—4, S. 406 ff.

[541] См.: Баева Н. Х. Говор башкир долины реки Ай, с. 40.

[542] См.: Юсупов Х. Г. Из наблюдений над морфологической системой инзерского говора башкирского языка, с. 155, 161.

В туркменском языке форма на *-мак* — продуктивное образование, присоединяющее к себе падежные аффиксы и аффиксы принадлежности.[543] Для казахского языка характерно преимущественное использование имени действия на *-мақ* в качестве модально-временно́й формы.[544]

Любопытные данные, иллюстрирующие соотношение рассматриваемой формы с другими именами действия в узбекском и уйгурском языках приводит Ф. Исхаков, по подсчетам которого в романе Айбека «Қутлуғ қон» она встречается 29 раз, тогда как форма на *-іш* — 1337 раз.[545] При этом функционирование ее без падежных аффиксов и без аффиксов принадлежности чрезвычайно редкое явление.

В наибольшей степени признаки перехода в разряд существительных проявляются у имени действия на *-мак* в башкирском, киргизском, каракалпакском, ногайском, татарском, шорском и некоторых других языках.

Избирательная субстантивация и адъективация имени действия на *-мак* началась давно, и поэтому «опредмечивание» первоначальных процессуальных значений, с последующим преобразованием некоторых из них в качественные, повсеместно достигло больших размеров, хотя и не является одинаково глубоким во всех языках. Примеры: азерб. *јәмәк* ‘еда’, *ғазмаҗ* ‘корка’, *чахмаҗ* ‘курок’; алт. *баспак* ‘терка’, ‘жернов’, *ілмәк* ‘крючок’, ‘вешалка’, *ојмоқ* ‘наперсток’, *қақпақ* ‘крышка’; башк. *һукмак* ‘тропинка’, *артмак* ‘вьюк’; башк. (диал.) *тәкмәк* ‘кувалда’; таг. *ічмәк* ‘питье’, *јашамақ* ‘жизнь’; казах. *шақпақ* ‘кремень’, *өрмәк* ‘пряжа’; ног. *батпақ* ‘болото’, *соқпақ* ‘тропинка’; тур. *әкмәк* ‘хлеб’, *качамак* ‘убежище’; туркм. *ғајмак* ‘сметана’, *сӣртмак* ‘петля’, *ғујмак* ‘каша’; узб. *кармәк* ‘удочка’, *ўјмәк* ‘наперсток’, *чақмәк* ‘кусочек сахару’, *тармәк* ‘отрасль’; якут. *хаппах* ‘крышка’, *хаспах* ‘яма’, ‘рытвина’.

Имя действия на *-мак* в местном падеже, начиная со времени появления старописьменных памятников, стало использоваться как форма настоящего и прошедшего длительного,[546] например: др.-тюрк. *јәмәктә турур* ‘пожирает’ (ЛОК 5_6); ст.-узб. *чӣкмакта әділәр* ‘выходили’; кирг. *сӱјлөшмөктө* ‘говорит’; к.-калп. *жасамакта* ‘делает’; тур. *мәлӱмат вәрмәктәдір* ‘дает сведения’; узб. *таʻсір кӯрсатмәкда* ‘влияет’; уйг. *һөкӱм сӱрмәктә* ‘царит, господствует’.

Будучи оформленной аффиксом *-чӣ*, или без него, в сочетании со вспомогательным глаголом *бол-* или самостоятельно, форма на *-мак* выражает намерение совершить действие или обозначает действие, которое должно иметь место: ст.-узб. *бізгә кошулмак болдї* ‘он решил присоединиться к нам’; казах. *кәлмәкшї адам* ‘человек, который собирался прийти’; кирг. *бармакчӣман* ‘я намерен пойти’; тат. *укӣмакчӣмӣн* ‘я намереваюсь читать’; узб. *бір нарсані әлмәкчі бӯліп* ‘решив взять одну вещь’.

4. Имя действия на *-ма* подверглось значительной субстантивации и адъективации и в большинстве тюркских языков не обнаруживает признаков вербальности. Примеры: азерб. *сӱзмә* ‘процеженное кислое молоко’, *бӧлмә* ‘отдел’, *ғазма* ‘шахта’, *дондурма* ‘мороженое’, *ғовурма* ‘жаркóе’, *сӧкӱлмә* ‘распорка’, *дајанма* ‘опора’, *ојнама* ‘игра’, ‘пляска’, *долама* ‘зиг-

---

[543] См.: Грамматика туркменского языка, I, с. 331—334. См. также: Боржаков А. Имя действия на *-мак/-мек* в туркменском языке. — Изв. АН Туркменской ССР, серия общественных наук, 1972, № 5, с. 53—59.

[544] См.: Неталиева Х. Имена действия в современном казахском языке (формы на *-у*, *-мақ*), с. 18; Сыздыкова Р. Об аффиксе *-мақ* в прозе Абая. — Изв. АН Казахской ССР, серия филологических наук, 1959, 1, с. 76—84.

[545] Исхаков Ф. Имена действия и состояния в современном узбекском языке (формы на *-(и)ш*, *-моқ*, *-(у)в*). АКД. Самарканд, 1960, с. 7. См. также: Исҳоқов Ф. Ҳозирги замон ўзбек тилида ҳаракат ва ҳолат номлари. — Науч. тр. Андижанского ГПИ, 1957, IV.

[546] О форме на *-макта* см.: Ҳожиев А. Ўзбек тилида *-моқда* аффикси. — ЎТАМ, 1958, № 4, б. 73—76; Мелиев К. Ҳозирги туркий тилларда ҳаракат номлари, б. 67—68; Шукуров Ш. К истории формы настоящего времени на *-мақда*. — В кн.: Вопросы тюркологии. Ташкент, 1965, с. 97—99.

заг'; алт. *д'андїрма* 'склон горы', *каптїрма* 'крючок', *улама* 'оглобля'; башк. *һалма* 'лапша', *кәңәшмә* 'совещание', *кулланма* 'руководство', 'пособие', *тартма* 'ящик', *јарма* 'крупа', *бїрїкмә* 'объединение'; гаг. *өрмә* 'вязаный', *докума* 'ткань', *бурма* 'крученый'; казах. *кәспә* 'лапша', *түјмә* 'пуговица', *шїҕарма* 'сочинение', *їлмә* 'крючок', 'петля'; кирг. *түјмө* 'пуговица'; туркм. *чәкмә* 'ящик стола', *дүдмә* 'сочинение', *аӈма* 'висячий', узб. *тізма* 'цепь' (*тоҕ тізмасі* 'горная цепь'), *катлама* 'тонкая слоеная лепешка', *кӯргазма* 'выставка', *үјдірма* 'выдумка', *туҕма* 'врожденный', *тәртма* 'подпруга', *кӯчма* 'передвижной'; узб. (диал.) *кәјнәмә* 'водоворот', *бәстірмә* 'навес', *кічімә* 'чесотка'; хак. *чарба* 'крупа'; шор. *аӈїспа* 'невод'; *сөзүрбә* 'сеть'.

Процессуальное значение форма на *-ма* сохраняет в азербайджанском и турецком языках,[547] ср. тур. *нә јапмасїнї істијорсунуз* 'что вы хотите, чтобы он делал?', *она тәшәккүр әтмәјі борч білірім* 'считаю своим долгом поблагодарить его'.

В языках огузской группы, в кумыкском языке и в говорах башкирского и татарского языков имя действия на *-ма* в форме дательного падежа (в чувашском — в исходной форме) становится своеобразным инфинитивом.

По вопросу об отношении имени действия на *-ма* к имени действия на *-mak* существуют две точки зрения: 1) аффикс *-ма* — один из компонентов аффикса *-mak*, вторым компонентом которого является аффикс *-k*;[548] 2) форма на *-ма* образовалась вследствие отпадения конечного *k* в форме на *-mak*.[549] Вторая точка зрения кажется менее убедительной, так как практически невозможно объяснить параллельное употребление аффиксов *-mak* и *-ма* в одних и тех же языках, если считать, что различие между ними является чисто фонетическим. Тем не менее, трудно согласиться и с первой точкой зрения: нет доказательств того, что *k* в аффиксе *-mak* некогда *являлся самостоятельным морфологическим элементом*.[550]

Вторичные формы, производные от имени действия на *-ма*, немногочисленны и образованы при помощи аффиксов *-чї*, *-лї*, ср. азерб. *ічмәлі су* 'вода, которую следует пить'; узб. *кӯшмачі* 'сводница'; чуваш. *каламалла сăмах* 'слово, которое надо сказать'.

5. Самые ранние источники, в которых встречается имя действия на *-(ї)ш* ~ *-(у)ш*, — орхоно-енисейские рунические надписи, ср. *уруш* 'сражение', *сӱӈүш* 'сражение'.[551] Данная форма зафиксирована также в текстах караханидского и более позднего времени. Большое количество случаев употребления имени действия на *-(ї)ш* ~ *-(у)ш* — в староузбекском языке. В последнем много также аналогичных образований, заимствованных из персидского языка, в которых природа аффиксального элемента не ясна: *навазїш* 'ласка', *варзїш* 'действие', *намајїш* 'показ', *арајїш* 'украшение', *гузарїш* 'проведение', 'толкование', *асајїш* 'спокойствие', *азмајїш* 'проверка', 'испытание', *налїш* 'стоны', 'жалобные звуки'. В текстах с преобладающими особенностями языков кыпчакского и огузского

---

[547] См.: Соколов С. А. Анализ значений и употребления отглагольных имен на *-dık* и на *-ma* в сравнительном плане. — Тр. ВИИНЯ, 1954, 6, с. 67—79; Дашчян Т. Дж. Глагольные имена на *-дыг*, *-ачаг*, *-маг* и *-ма* в современном азербайджанском литературном языке, с. 17.

[548] См.: Bang W. Studien zur vergleichenden Grammatik der Türksprachen, 2. Über das Verbum *al-* «nehmen» als Hilfszeitwort. — SPAW, 1916, XXXVII, S. 913.

[549] См.: Соколов С. А. О некоторых отглагольных именах в турецком языке. Канд. дисс. (Рукопись). М., 1952, с. 112; Каимова Б. Аффиксы, образующие отглагольные имена в казахском языке. АКД. Алма-Ата, 1963, с. 8.

[550] Ср.: Серебренников Б. А. К вопросу о происхождении элемента *k* (*g*, *q*, *γ*) в окончании дательно-направительного падежа в тюркских языках. — Краткие сообщения Инст. народов Азии [АН СССР], монголоведение и тюркология. М., 1964, 83, с. 69—71.

[551] См.: Radloff W. Die alttürkischen Inschriften der Mongolei. NF, S. 57.

типа рассматриваемая форма выступает в виде исключения, ср. *кутулуш* 'спасение' (Cod. Cum. 72 r_{12}), *көрүш* 'взгляд' (AQJB 18).

Среди современных тюркских языков широтой употребления формы на *-(ï)ш ~ -(у)ш* выделяются узбекский и уйгурский языки, затем киргизский и туркменский. В любом из них возможно присоединение к форме на *-(ï)ш ~ -(у)ш* падежных аффиксов, аффиксов принадлежности и некоторых словообразовательных морфем.

В таких языках, как казахский, каракалпакский и ногайский, форма на *-(ï)ш ~ -(у)ш* оказалась вытесненной формой на *-у (-ӱв)*. И для других кыпчакских языков, а также для огузских, кроме туркменского, для языков Сибири и Алтая имя действия на *-(ï)ш ~ -(у)ш* — малопродуктивное или вовсе непродуктивное образование.

Почти во всех тюркских языках встречается значительное число имен действия на *-(ï)ш ~ -(у)ш*, подвергшихся субстантивации. Примеры: азерб. *ɓачыш* 'бегство', *удуш* 'выигрыш', *білдіріш* 'сообщение', *гіріш* 'введение', *гөрүш* 'встреча, свидание', *јарыш* 'состязание', 'соревнование', *бахыш* 'взгляд', *дуруш* 'поза', 'остановка'; алт. *адїш* 'стрельба', *тартыш* 'тяжба', *соɓуш* 'борьба, сражение', *д'ӓліш* 'рысь', *сӱрүш* 'преследование'; башк. *талаш* 'ссора', *төрөш* 'положение'; башк. (диал.) *јатыш* 'жизнь', *барыш* 'ходьба', *кітіш* 'уход'; таг. *дікіш* 'шов', *отуруш* 'собрание', *соруш* 'вопрос'; казах. *жарыс* 'соревнование', *жүгірыс* 'бег', *козɓалыс* 'движение', *ајтыс* 'спор', *бөліс* 'дележ'; кум. *уруш* 'ругань'; тат. *күрінеш* 'вид', 'явление'; тув. *тыныш* 'дыхание', *көрүш* 'взгляд'; тур. *куртулуш* 'освобождение', *гүлүш* 'смех', *алыш* 'покупка', *өпүш* 'поцелуй', *дönүш* 'возвращение', *курулуш* 'устройство'; узб. *таниш* 'знакомый', *тўхташ* 'остановка', *караш* 'взгляд'; уйг. *јиɣіліш* 'собрание', *кіріш* 'вход', шор. *саɣыш* 'печаль', *ӓніш* 'спуск', *пөлүш* 'доля'.

Вторичные формы от имени действия на *-(ï)ш ~ -(у)ш* образуются при помощи аффиксов *-лї, -лїк, -дӓк ~ -дӓј, -сак*.

6. Субстантивное имя действия на *-(ï)к ~ -(у)к ~ -(ï)ɓ ~ -(у)ɓ* уже в древнетюркском языке частично утратило продуктивность и широко употреблялось главным образом в составе вторичных форм. Примеры: *барɣсак* 'намеревающийся идти', *кӓліглі* 'приходящий', *көрүгмä* 'видящий, созерцающий', *бітігмä* 'пишущий', *јазɣчї* 'пишущий', 'писарь'. Ср. узб. *жиɣлік* 'висящий', 'висячий', *јэзіклік* 'расстеленный', *таниклі* 'известный'.

Имя действия на *-(ï)к ~ -(у)к ~ -(ï)ɓ ~ -(у)ɓ* в большей мере, чем другие аналогичные формы, сочетало признаки субстантивного имени действия с признаками причастия, и поэтому к нему восходит много и существительных и прилагательных, ср. др.-тюрк. *јарук ~ јарыɓ* 'луч', *бузук ~ бузыɓ* 'обломок', *бітік ~ бітіг* 'письменный документ', 'книга', *отрук ~ отрыɓ* 'остров', *орнак ~ орнаɓ* 'трон', *өтүк ~ өтүг* 'просьба', *карак ~ караɓ* 'зрачок', *кӓлік ~ кӓліɓ* 'характер', 'нрав', *сэвік ~ сэвіг* 'любовь', *танук ~ тануɓ* 'свидетель', *білік ~ біліг* 'знание', *јӱрак* 'далекий', *бэдүк* 'большой', *јаɓук* 'близкий', *јумрак* 'мягкий'; ст.-узб. *чапук* 'порубка', 'порез', *коркак* 'трус', *сӱчүк ~ сӱчүг* 'сладкий', *өсрүк ~ өсрүг* 'пьяный', *савуɓ* 'холодный', *ачіɓ* 'горький', *катыɓ* 'твердый'; азерб. *ɓорхаɓ* 'трусливый', *ӱркäк* 'пугливый', *отураɓ* 'оседлый'; алт. *тӓжік* 'дыра, щель', *кӓзік* 'обрубок', *д'ӱртік* 'рваный'; башк. *өркäк* 'пугливый'; таг. *капак* 'крышка', *дöшӓк* 'постель', *кајік* 'лодка', *ојук* 'впадина', 'углубление', *јӱртік* 'рваный', *ујанік* 'бодрствующий', *чӱрүк* 'гнилой'; казах. *ӣскірік* 'свисток', *кајрак* 'точило', *күрӓк* 'лопата', *тірӓк* 'подпорка', *ојық* 'прорубь', *жарық* 'щель', 'трещина', *жұртық* 'рваный'; тув. *а'дїɓ* 'стрельба', *дажїɓ* 'разлив', *чїлїɓ* 'тепло', *біжік* 'грамота', 'надпись'; тур. *ділӓк* 'желание', *тарак* 'гребенка', *јатак* 'постель', *батак* 'болото'; узб. *пічэк* 'нож', *кэчэк* 'беглец', *кучэк* 'объятие', *кэлэк* 'отстающий', *кујук* 'густой'; якут. *бӓрік* 'взятка', *бїнах* 'нож', *хонук* 'ночевка'.

Хотя данный тип имени действия тщательно исследовался на протяжении длительного периода времени, до сих пор не каждый тюрколог риск-

нет утверждать, что *біліг* ‘знание’ как наименование процесса и *білік ~ біліг* ‘знание’ как название результата действия восходят к одной праформе. Можно допустить, что в первом случае аффиксальная морфема включала в себя исконный сонант, тогда как во втором — глухой шумный согласный, который, будучи в конечной позиции многосложного слова, подвергался ослаблению и факультативно становился полузвонким, звонким и даже сонантом. С другой стороны, как будто бы есть основания соотносить аффиксы *-ïƀ* и *-ïk* приблизительно так же, как аффиксы *-лïƀ* и *-лïk* у абстрактных существительных.

В тесной связи с вопросом о соотношении разновидностей рассматриваемого имени действия находится проблема его формальных преобразований. Происходило ли во всех случаях совпадение двух разновидностей, или же одна из них, с исконным сонантом, подверглась особым фонетическим изменениям? На наш взгляд, вероятнее последнее, а именно то, что имя действия на *-(ï)ƀ ~ -(у)ƀ*[552] явилось прототипом распространенного в кыпчакских языках имени действия на *-у ~ -ӯ ~ -(ï)в ~ -(у)в...*[553] Примеры: башк. *алӑв* ‘взятие’; казах. *оқӯв* ‘учеба’, *тәргәв* ‘следствие’, *жаjлав* ‘летовка’, *шақӯрӯв* ‘вызов’; кирг. *барӯ* ‘хождение’, ‘ходьба’, *көрӯ* ‘видение’, *санӧ* ‘счет’, *кәлӯ* ‘приход’; кум. *гәлів* ‘приход’, *jашав* ‘жизнь’; ног. *барӯв* ‘хождение’, *кәлӯв* ‘приход’. Ср. азерб. *өлү* ‘мертвый’, *дірі* ‘живой’; алт. *кӱчӱру* ‘зов’, *кӧчӱ* ‘переправа’, *сады* ‘продажа’, *д'ӧңӱ* ‘победа’; гаг. *jапї* ‘строение’, *jазї* ‘письмо’, ‘письменность’, *батї* ‘запад’; тур. *jатї* ‘ночлег’, *кошу* ‘бег’, *корку* ‘страх’, *сору* ‘вопрос’, *доғу* ‘восток’, *гӧстәрі* ‘показ, демонстрация’, *сӧjләв* ‘речь’;[554] узб. *сајлэв* ‘выборы’, *учрашув* ‘встреча’, *ӯқув* ‘учеба’, *тэртішув* ‘препирательство’, ‘спор’; якут. *кәлі* ‘приход’, *күлӯ* ‘смех’, *барї* ‘уход’, *турӯ* ‘вставание’.

К имени действия на *-у ~ -ӯ ~ -(ï)в ~ -(у)в...* присоединяются падежные аффиксы и аффиксы принадлежности. С аффиксом местного падежа в казахском, каракалпакском и киргизском языках оно функционирует как форма настоящего и прошедшего (со связкой) длительного, ср. формы на *-мақ-да*, *-ƀу-да*.

Из вторичных форм, образованных от имени действия на *-(ï)ƀ ~ -(у)ƀ*, наибольшее распространение получило имя действующего лица. Примеры: др.-тюрк. *jазïƀчї* ‘писарь’, ‘пишущий’, *тарïƀчї* ‘сеятель’, ‘сеющий’; ст.-азерб. *гӧріjі* ‘видящий’, *дәjіjі* ‘говорящий’; азерб. *атїjї* ‘стрелок’, *алїjї* ‘покупатель’; алт. *садучї ~ садӱчї* ‘продавец’, *бәрәчі* ‘дающий’; башк. *jаҙӑвсӹ* ‘писатель’, *jӧҙӧвсӹ* ‘пловец’; казах. *сӧjләвші* ‘говорящий’, *сӹпӹрӯвшӹ* ‘подметающий’; карач.-балк. *ǰазївчу* ‘писатель’; кирг. *білӯчӱ* ‘знаток’, *оқӯчу* ‘ученик’; ног. *барӯвшӹ* ‘ходок’; тат. *ташучӹ* ‘возчик’; тув. *алïкчї* ‘получатель’, *бїжїкчї* ‘закройщик’; туркм. *гӧрӱjї* ‘видящий’, *сатїjї* ‘продавец’, ‘продающий’; узб. *катнэвчі* ‘движущийся’, *кәлувчі* ‘приходящий’, *ішлэвчі* ‘работающий’; хак. *чӧрәjі* ‘ходящий’, ‘ходок’, *оjнājї* ‘играющий’, ‘игрок’; чуваш. *улдавзʲа* ‘обманщик’, *сʲӳрӗвзʲӗ* ‘странник’; шор. *шїдāчї* ‘выносливый’, *узāчї* ‘соня’. Другие вторичные формы — с аффиксами *-лїƀ*, *-лї*, *-сїз*. Из них следует выделить форму на *-лї*, подвергшуюся в казахском языке

---

[552] О вторичности самой формы на *-(ï)ƀ ~ -(у)ƀ* (< *-ƀу*) см., например: Баскаков Н. А. Некоторые аффиксы словообразования функциональных форм глагола, общие для алтайских языков. — CAJ, 1973, XVII, 2—4, с. 87—89.

[553] См.: Неталиева Х. 1) Қазіргі қазақ тіліндегі *-у* тұлғалы қимыл есімдері жайында. — Изв. АН Казахской ССР, серия филологии и искусствоведения, 1961, 1 (17), с. 80—90; 2) Имена действия в современном казахском языке (формы на *-у*, *-мақ*), с. 10—17; Тойчубекова Б. Имена действия в киргизском языке, с. 6, 7, 14.

[554] Относительно возможности фонетического преобразования имени действия на *-(ï)ƀ ~ -(у)ƀ* в огузских языках см.: Sevortyan E. V. Fiilden isim yapma *-i*... eki ve bununla ilgili fonetik sorunlar. XI. Türk Dil Kurultayında okunan bilimsel bildirilerden ayrıbasım. Ankara, 1968, s. 106—107.

вербализации, ср. казах. (диал.) *ол кәшә шіғұлі* 'он вчера выехал', *ол калаға барулі* 'он поехал в город'.[555]

7. Субстантивное имя действия на *-а ~ -у ~ -ï*, с которым совпала позднейшая фонетическая разновидность имени действия на *-(ï)ғ ~ -(у)ғ*, — реликтовая форма, явившаяся прототипом деепричастия настоящего времени, ср. др.-тюрк. *бара ~ бару ~ барï*.[556] О существовании подобной формы в прошлом можно говорить на основании учета таких примеров, как др.-тюрк. *мәңәдү*, *окшадï* 'подобный', *калïсïз (калï-сïз)* 'без остатка', *абрï* 'вилы';[557] азерб., гаг. *долу* 'полный'; алт. *ајрï* 'разветвленный'; алт. (диал.) *көршү*, *коншï* 'сосед'; карач.-балк. *асïрï* 'слишком'; кирг. *каршï* 'против', 'напротив'; тур. *комшу* 'сосед'.

Раздел 2

Причастия

Причастия используются в атрибутивной функции, в функции различных дополнений и предиката, со связкой или без связки, и подразделяются на несколько групп в зависимости от того, какое время они выражают, хотя, строго говоря, временно́е значение причастий не всегда удается определить безотносительно к смыслу предложения в целом.

Группу причастий прошедшего времени составляют формы на *-ған*, *-мïш*, *-дïк ~ -дук*, каждая из которых известна в нескольких вариантах.

1. Причастие прошедшего времени на *-ған* синонимично причастию на *-мïш* и отличается от него главным образом сферой распространения.[558] Если форма на *-мïш* преобладает в огузских языках, то ареал преимущественного использования формы на *-ған* совпадает с границами расселения носителей почти всех остальных тюркских языков.

В древнетюркском языке караханидской поры причастия на *-ған* и *-мïш* выступали параллельно и, возможно, различались какими-то для нас неуловимыми семантическими оттенками. Но уже в старотурецком языке отдается предпочтение форме на *-мïш*, а в староузбекском намечается тенденция к сокращению ее использования за счет интенсификации употребления формы на *-ған* в самых разнообразных функциях. Форма на *-мïш* становится в староузбекском языке семантически обособленной и выражает почти исключительно действие, достоверность которого не очевидна для говорящего: *дәді кім Шаһ-заман Балх сарï кәлміш* 'он сказал, что Шах-заман пришел в Балх', *тӱш көрәрмән кі һазрати Хоҗа Убајдулла кәлмішләр...* 'вижу сон: пришел почтеннейший Ходжа Убайдулла...'.

Как и другие причастные формы, форма на *-ған* присоединяет к себе аффиксы множественного числа, принадлежности и падежа.

---

[555] См.: Болатов Ж. Синтаксические функции причастия в казахском языке. АКД. Алма-Ата, 1955, с. 4; Нурмагамбетов А. Казахский говор на территории Туркменской ССР, с. 16; Борибаев А. Языковые особенности урдинских казахов. АКД. Алма-Ата, 1966, с. 18.

[556] См.: Щербак А. М. «Деепричастие» на *-а ~ -ä(-ï)* в тюркских языках. — В кн.: Вопросы грамматики. К 75-летию академика И. И. Мещанинова. М.—Л., 1960, с. 230.

[557] См.: Bang W. Vom Köktürkischen zum Osmanischen, 3, S. 29—31; Ramstedt G. J. Das deverbale Nomen auf *-i* in den altaischen Sprachen. — StO, 1945, XI$_6$, S. 3—4.

[558] Ср.: Кононов А. Н. Турецкая глагольная форма на «мыш». — Уч. зап. Ленинградского гос. унив., № 20, серия филологических наук, 1939, 1, с. 35; Мухтаров Дж. История развития причастных форм в узбекском языке. АДД. Ташкент, 1971, с. 48.

Стяжение формы на *-ɣан*, вследствие выпадения *ɣ(г)*, происходило в огузских языках (см. у Мехди-хана: «*ɣ* ~ *г* выпадает у тюрок Рума и Ирана»),[559] для карлукско-уйгурских, кыпчакских и других языков формы типа *алан*, *кӓлӓн* не характерны. Ср. однако: чуваш. *кілӗн* 'приходящий', *сʹунан* 'горящий', *юрадан* 'любящий', *пӗлмӗн* 'не знающий', *вӗрдман* 'не лежащий'.[560] В огузских языках, как отмечает Н. К. Дмитриев,[561] нестяженная форма обособилась и перешла в разряд существительных и прилагательных, стяженная же разновидность сохраняется как причастие настоящего и прошедшего времени, ср. азерб. *бурулɣан* 'водоворот', *јапӣшɣан* 'клей', *чалӣшɣан* 'старательный', *далашɣан* 'задиристый', *јазан* 'пишущий', *учан* 'летящий', *чӣхан* 'выходящий', *гірән* 'входящий'; гаг. *улашкан* 'заразный', *чалӣшкан* 'прилежный', *гӓлӓн* 'приходящий'; тур. *вурушкан* 'воинственный', *јапӣшкан* 'липкий', 'цепкий', 'назойливый', *чалӣшкан* 'трудолюбивый', *чалӣшан* 'работающий', *јапӣшан* 'пристающий'; туркм. *отуран* 'сидевший', *алан* 'взявший'.

Для карлукско-уйгурских и кыпчакских языков, по-видимому, не характерна также и разновидность причастия на *-ɣан*, образовавшаяся путем включения в него «учащательного» аффикса *-а*. Все же сфера употребления этой формы настолько велика, что едва ли можно сомневаться в ее принадлежности к общетюркскому достоянию. Примеры: др.-тюрк. *бараɣан* 'идущий' (МК I 33); ст.-узб. *тутаɣан* 'держащий (постоянно)', *чапаɣан* 'бегущий', *кӱлӓгӓн* 'смеющийся';[562] азерб. *ɣачаɣан* 'бегущий', 'бегун'; казах. (диал.) *сӱраɣан* 'попрошайка', *бӣлӟгӟн* 'знаток';[563] кум. *мӟн сатаɣан ат* 'лошадь, которую я продаю'; тув. *хојуɣан* 'пугливый', *чӓдігӟн* 'доходчивый'; тур. *качаɣан* 'убегающий'; туркм. *дураɣан* 'стоящий', *учаɣан* 'летающий', *тутаɣан* 'держащий'; узб. (диал.) *чэпаɣэн* 'бегущий', *кэпаɣэн* 'кусающийся', *білаɣэн* 'знающий';[564] хак. *паріɣан* 'идущий, уходящий', *кілігӟн* 'приходящий'; чуваш. *сʹівӑраган* 'спящий', *пӗлӟгӟн* 'знающий'. По поводу «дополнительного» *-а* существует несколько гипотез, из которых наиболее убедительная высказана П. М. Мелиоранским, указавшим на возможность образования в тюркских языках так называемых «интенсивных» глагольных основ.[565]

В языках, для которых форма на *-ɣан* не является необычной, путем сочетания этой формы от глаголов *тур-*, *отур-*, *јат-*, *јор-* с деепричастиями на *-а*, *-(ӣ)п* образуются причастия настоящего времени. Примеры: ст.-узб. *білӓтурɣан* 'знающий, сведущий'; алт. *баратан* 'идущий', *көрӧтӧн* 'смотрящий', *чај ічӓтӟн кіжі* 'человек, пьющий чай', *чај ічӓтӟн ајак* 'чашка, из которой пьют чай'; казах. *кӟлӟтӣн* 'приходящий', 'тот, который должен прийти', *коркпајтӣн* 'не боящийся', *окӣп жатқан* 'читающий';[566] кирг. *ајта турɣан сӧз* '(обычно) произносимое слово'; к.-калп. *кӟлӟтӱɣӣн* 'при-

---

[559] The Mabâni' l-Lughat being a Grammar of the Turki Language in Persian, by Mirzâ Mehdi Khân. — Bibliotheca Indica publ. by the Asiatic Society of Bengal, ed. Denison Ross. New Series, Calcutta, 1910, Nr. 1225, p. 9.

[560] См.: Андреев И. А. Причастие в чувашском языке, с. 151.

[561] Дмитриев Н. К. Вставка и выпадение гласных и согласных в тюркских языках. — ИСГТЯ, I, с. 287. См. также: Алиев В. Г. Причастия в современном азербайджанском и узбекском языках. АКД. Ташкент, 1965, с. 9—13.

[562] См.: The Mabâni' l-Lughat. . . , p. 9.

[563] См.: Борибаев А. Языковые особенности урдинских казахов, с. 21.

[564] См.: Жуманиёзов Р. Ўзбек тилида сифатдош. — Тр. ИЯЛ, Ташкент, 1949, 1, с. 106.

[565] Мелиоранский П. М. Араб филолог о турецком языке. СПб., 1900, с. LXI—LXIV. Ср.: Дмитриев Н. К. Аффикс غان в ново-османском языке. — ДАН-В, 1926, с. 69; Сат Ш. Ч. Роль причастий в развитии тувинского языка. — Уч. зап. Кызыльского ГПИ, 1960, 1, с. 58.

[566] См.: Ергалиев Т. Причастие в казахском языке. АКД. Алма-Ата, 1951, с. 13—14; Мусаев К. О глагольно-именных формах на *-ған*, *-атын*, *-(а)р*, *-у*, *-(ы)с*, *-қы* и конструкциях, образованных на их основе, в современном казахском языке. — Изв. АН Казахской ССР, серия филологии и искусствоведения, 1957, 1 (6), с. 75.

ходящий';[567] тат. (диал.) *алатыɣын* ~ *алатаɣан* ~ *алатан* ~ *алатын* ~ *алатхын* 'берущий';[568] туркм. (диал.) *аладуран* ~ *алдуран* 'берущий', *барjатан* ~ *бajатан* (~ лит. *барjан*) 'идущий';[569] хак. *ojнапчатхан* 'играющий', *тутчатхан* 'держащий'; шор. *чӱгӱрчӧткан* 'бегущий', *іштэпчаткан* 'работающий', *парїп одурɣан*, *пара турɣан*, *пара чӧргэн* 'идущий'.

В узбекском и уйгурском языках наметилось специфическое временно́е распределение форм, являющихся вторичными по отношению к форме на *-ɣан*, ср. узб. *jэзган* 'писавший', *jэзajэткан* 'пишущий', *jэзадіган* 'тот, который должен (будет) писать'; уйг. *jазɣан* 'писавший', *jазіваткан* 'пишущий в настоящее время', *jазідіɣан* 'пишущий вообще'.[570]

Чертой, объединяющей многие тюркские языки, является образование от причастия на *-ɣан* уподобительной формы, формы на *-лїк* и деепричастия на *-лї*, ср. алт. *бїшкандїj* 'словно испеченный'; карач.-балк. *ӯлаɣанлаj* 'подобно тому, как он охотился', *білгэнлі* 'с тех пор, как узнал';[571] кум. *алɣанлї* 'с тех пор, как взял'; к.-калп. *кэлгэндэj* 'тот, который мог бы прийти'; узб. *jэзмajдігандэк* 'тот, который не напишет'. Ср. также: уйгурские формы на *-ɣанлік*, *-ватканлік*, *-діɣанлік*.

Редкие случаи присоединения к форме на *-ɣан* ~ *-ан* аффикса, образующего имя действующего лица, отмечены в старописьменных памятниках и диалектах азербайджанского языка: ст.-азерб. *казанǰї* 'копающий колодцы'; азерб. (диал.) *бэшäränǰi* 'выращивающий'.[572]

С глаголом *бол-* причастие на *-ɣан* (*-ɣандаj*) и упоминавшиеся выше вторичные причастные формы выражают намерение совершить действие: башк. (диал.) *барɣандаj була* 'он намеревается идти'; узб. *шаһарга кэтадіган бӯлган кіші* 'человек, решивший ехать в город'; уйг. *jазідіɣан болуп* 'приняв решение написать'.

Не ясен вопрос об отношении к форме на *-ɣан* формы на *-ɣын* ~ *-ɣун*, ср. азерб. *ɣачɣын* 'беглец'; алт. *кӧчкін кіжі* 'кочующий человек', *кэткін куш* 'перелетная птица'; гаг. *кїзгїн* 'раскаленный'; узб. *ǰӯшкін* 'кипящий', 'бурлящий'; шор. *тэскін* 'беглец'. Отсутствие полной ясности объясняется тем, что соотношение указанных форм иногда носит характер диалектных различий, ср. алт. *алɣан* 'взявший', *барɣан* 'ушедший'; алт. (диал.) *алɣын*, *барɣын*.[573]

2. Причастие на *-мїш* в древнетюркском,[574] старотурецком, староузбекском и команском языках выступает преимущественно как определение и сказуемое.

В староузбекском и команском языках встречается также немало случаев использования формы на *-мїш* в качестве собственно глагольной формы (verbum finitum), однако такое направление развития данного причастия в наибольшей мере было характерно для огузских языков.[575]

---

[567] См.: Насыров Д. С. Причастие и его синтаксические функции в каракалпакском языке. АКД. М., 1954, с. 14.

[568] См.: Тумашева Д. Г. Диалекты сибирских татар в отношении к татарскому и другим тюркским языкам, с. 23—25.

[569] См.: Куренов С. Особенности туркменского говора Северного Кавказа (Ставрополья), с. 19—20.

[570] См.: Ҳожиев А. Ўзбек тилида сифатдош. — ЎТАМ, 1962, № 2, б. 51; Мелиев К. Формы на *-диган* и *-гаj* в современном уйгурском языке. — В кн.: Исследования по грамматике и лексике тюркских языков. Ташкент, 1965, с. 141—149.

[571] См.: Алиев У. Б. Причастие карачаево-балкарского языка. — Уч. зап. Кабардино-Балкарского гос. унив., серия историко-филологическая, 1958, 4, с. 315, 324.

[572] См.: Садыгов А. Ш. Об одном неизученном памятнике азербайджанского языка XVI века, с. 130—131.

[573] См.: Баскаков Н. А. Алтайский язык. М., 1958, с. 50.

[574] См.: Radloff W. Die alttürkischen Inschriften der Mongolei. NF, S. 96, 112, 113.

[575] См.: Дмитриев Н. К. К вопросу о значении османской глагольной формы на «мыш», —ЗКВ, II, Л., 1927, с. 91—96; Кононов А. Н. Турецкая глагольная форма на «мыш», с. 34—49.

В якутском и в большинстве современных огузских языков причастие на *-мїш* употребляется в атрибутивной функции и, главным образом, в качестве предиката с перфективным значением и значением прошедшего неочевидного или прошедшего повествовательного. Ср. также: сочетание формы на *-мїш* с причастием на *-ан* от глагола *ол-* 'быть, становиться' в турецком языке, которое А. Н. Кононов называет перифрастической формой причастия на *-мїш*:[576] *башї јарїлмїш олан чоҷук* 'ребенок с рассеченной головой'.

В современном туркменском языке причастие на *-мїш* само по себе встречается редко.[577]

В языках карлукско-уйгурской и кыпчакской групп причастие на *-мїш* сохранилось почти исключительно в виде обособившихся форм, полностью перешедших в разряд собственно имен, ср. башк. *тӧрмӧш* 'жизнь', *јаҙмӧш* 'судьба', *јимӧш* 'фрукт'; башк. (диал.) *ӱрәнмӧш* 'привыкший', *кӧркмӧш* 'скупой';[578] казах. *кӧлмӧс* 'проступок', *болмӧс* 'бытие, существование'; кирг. *ӱзмӧш* 'плод, фрукт', *калмӧш* 'остаток'; узб. *турмуш* 'жизнь', *јӛмиш* 'еда, снедь', *ӱтмиш* 'прошлое' (но: *ӱн бӛш јулдуз кујэшi бӱлмiш Совӛт Iттiфэкi јашасiн* 'да здравствует ставший солнцем 15-ти звезд Советский Союз!'); чуваш. *сӗ̈рмӑш* 'судьба', *сӗ̈мӗс* 'еда', *пӗдӗрмӗш* 'губитель', *јӑбатмӑш* 'утешитель'. В небольших размерах процесс субстантивации и адъективации причастия на *-мїш* происходит и в языках огузской группы. Примеры: гаг. *ӱрӛнмiш* 'ученый', *гӛчiнмiш* 'покойный'.

Вторичные образования от причастия на *-мїш* — довольно редкое явление, ср. узб. *ӱкiмiшлi* 'образованный', 'начитанный'; тув. *кӛлбiшӛн* 'приходя', *чунмушӛн* 'моясь'.[579]

3. Причастие на *-дїк ~ -дук*, часто встречающееся в письменных памятниках,[580] является отличительной особенностью языков огузской группы,[581] причем в гагаузском, турецком и туркменском языках оно употребляется преимущественно с отрицанием или только с ним.

В других тюркских языках причастие на *-дїк ~ -дук* отсутствует, тем не менее следы его существования в прошлом сохраняются. Примеры: башк. *ташландӧк* 'покинутый, брошенный', *табӧлдӧк* 'найденный'; тув. *чартӧк* 'половина', *кӛстӧк* 'ножик'; узб. *кэлдiк* 'остаток'. Тенденция к субстантивации причастия на *-дїк ~ -дук* проявилась в небольших размерах и в самих огузских языках, ср. тур. *таныдык* 'знакомый', *дӛдiк* 'обещание'.

Не исключена постулируемая тюркологами связь с причастием на *-дїк ~ -дук* формы прошедшего категорического на *-ды*,[582] хотя больше оснований видеть в последней фонетическую разновидность при-

---

[576] Кононов А. Н. Грамматика современного турецкого литературного языка, с. 253.

[577] Ср.: Каджарова Э. Прошедшее на *-мїш* в туркменских литературных памятниках XVIII—XIX вв. — Изв. АН Туркменской ССР, серия общественных наук, 1961, № 1.

[578] См.: Максютова Н. Х. Говор айских башкир, с. 16.

[579] См.: Сат Ш. Ч. Роль причастий в развитии тувинского языка, с. 63.

[580] См.: Кондратьев В. Г. Материалы к характеристике деепричастий и формы на *-дук* в языке памятников тюркской рунической письменности. — Уч. зап. Ленинградского гос. унив., № 305, серия востоковедческих наук, 1961, 12, с. 133—136.

[581] См.: Шукуров Ш. *-Дуқ* формаси тарихидан. — ЎТА, 1965, № 2; Михайлов М. С. Причастия на *-dık* в турецком языке. — В кн.: Восточная филология, III. Тбилиси, 1973, с. 151—157.

[582] См.: Баскаков Н. А. Некоторые аффиксы словообразования функциональных форм глагола, общие для алтайских языков, с. 96. Ср.: Кузнецов П. И. Происхождение прошедшего времени на *-ды* и имен действия в тюркских языках. — В кн.: Тюрко-монгольское языкознание и фольклористика. М., 1960, с. 47 и сл.

частия на *-дїҕ ~ -дуҕ*. В чем заключались семантические различия причастий на *-дїк ~ -дук* и *-дїҕ ~ -дуҕ* и каков характер наблюдаемой между ними материальной близости, пока не ясно. Вполне вероятно лишь то, что они соотносятся как прилагательные на *-лїк ~ -лук* и *-лїҕ ~ -луҕ*, как имена действия на *-їк ~ -ук* и *-їҕ ~ -уҕ*.

Причастия настоящего или настояще-будущего времени — на *-їр ~ -ур ~ -ар, -аǰак, -асї, -тачї ~ -дачї, -ҕїр ~ -ҕур*, а также вторичные формы, образованные от имен действия на *-ҕу, -їҕ ~ -уҕ, -їш ~ -уш*.

4. Причастие на *-їр ~ -ур ~ -ар* одинаково широко употребляется и в древних и в современных тюркских языках, выполняя наряду с атрибутивными предикативные функции.

В большинстве тюркских языков размеры атрибутивного использования причастия на *-їр ~ -ур ~ -ар* уже давно сокращаются,[583] тогда как употребление его в качестве предиката становится все более распространенным. В связи с этим происходит образование особых личных форм, отличающихся от форм принадлежности и от лично-предикативных форм имени, например, азерб. *јазарам* 'буду писать', *гәләрәм* 'приду', *гәдәрәм* 'пойду'.

Форма дательного падежа от причастия на *-їр ~ -ур ~ -ар*, заметно обособившаяся от других падежных форм, по своим функциональным особенностям оказывается очень близкой к инфинитиву и почти единодушно воспринимается как таковая исследователями алтайского, башкирского, татарского и других языков.[584]

В карачаево-балкарском языке есть разновидность причастия настояще-будущего времени, образуемая наращением компонента *-їк*: *ǰазар адам* 'пишущий человек', 'человек, который может писать', *ǰазарїк адам* 'человек, который должен писать'. Ср. туркм. (диал.) *ҕачмазак* 'тот, который не побежит'.[585] Из других производных образований следует выделить формы на *-лїк ~ -лук* и формы с уподобительными аффиксами: балк. (диал.) *ашарлїк* 'тот, который должен есть', *окурлук* 'тот, который должен читать';[586] карач.-балк. *кӕллік* (<*кӕлірлік*) 'тот, который должен прийти', *бӕрлік* 'тот, который должен дать', *кӕтмӕзлік* 'тот, который не должен уходить'; башк. (диал.) *барҙ̆ырбај* 'тот, который может пойти';[587] карач.-балк. *кӕлірлӕј* 'тот, который может приехать', *алїрлај* 'тот, который может взять'.

Подобно другим причастиям, форма на *-їр ~ -ур ~ -ар* может употребляться с вспомогательным глаголом *ӕ(р)-* 'быть' и входить в состав перифрастических форм, вторым компонентом которых является глагол *бол-* 'быть', 'становиться'.

Размеры субстантивации причастий на *-їр ~ -ур ~ -ар* незначительны, ср. азерб. *ачар* 'ключ', *гәлір* 'доход', *јатїр* 'недвижимое имущество'; к.-калп. *орҙ̆ынбасар* 'заместитель', *бәс атар* 'пятизарядная винтовка', *күн батар* 'запад'; тур. *јазар* 'писатель'; узб. *кунчікар* 'восток', *кунботар* 'запад'.

---

[583] См.: Мухторов Ж. Ўзбек тилида сифатдош формаларининг тараққиёт тарихи. — Науч. тр. Самаркандского ГПИ, новая серия, 1969, № 1, с. 134; Современный казахский язык, с. 323.

[584] См.: Дмитриев Н. К. Грамматика башкирского языка, с. 171; Гаделыпин Л. С. Инфинитивная форма глагола в современном татарском литературном языке. АКД. Казань, 1957, с. 4—6; Тадыкин В. Н. К вопросу о глагольной форме на *-арга* в алтайском языке. — Зап. Горно-Алтайского НИИИЯЛ, 1962, 5, с. 54.

[585] См.: Шамырадов К., Ибраимов А. Түркмен дилинде сыпатлар. Ашгабат, 1956, с. 29—30.

[586] См.: Алиев У. Б. Причастие карачаево-балкарского языка, с. 306.

[587] См.: Ишбулатов Н. Х. Морфологические особенности казмашевского говора, с. 133.

Отрицательная форма, соотносимая с причастием на *-ïр ~ -ур ~ -ар*, имеет два варианта, один из которых, типа *кәлмäз*, характерен для карлукско-уйгурских и кыпчакских языков и в то же время «не противопоказан» огузским, а другой, типа *кәлмäр*, прослеживается главным образом в диалектах огузских языков, например: др.-тюрк. *білмäз* 'неведающий', *көрмäз* 'невидящий'; ст.-тур. *сӱjлämäрвäн* 'не скажу' (Feraḥ-nāme 153); алт. *ајдар ајтпас кіжі* 'едва говорящий человек'; гаг. *унудулмаз* 'незабываемый'; тат. (диал.) *алмарĭм* 'не возьму';[588] шор. *аɓар акпас суɓ* 'медленно текущая вода'.

5. Причастие будущего времени с оттенком долженствования на *-аǰак* типично для группы огузских языков и для кумыкского языка.[589] Вместе с тем его можно встретить в башкирском, каракалпакском,[590] татарском и узбекском языках. В литературном узбекском языке использование формы на *-аǰак* имеет определенное стилистическое назначение, ср. *бӯлаǰак шаһарча* 'будущий город', *јɔркін кәлаǰак* 'светлое будущее'.

Примеры субстантивации причастия на *-аǰак* немногочисленны, ср. азерб. (диал.) *јатаǰаɓ* 'постель';[591] гаг. *јәмәǰәк* 'клевер', *ијәǰәк* 'пища', *казĭјаǰак* 'скребок'.

6. Границы распространения причастия будущего времени на *-асї*, указанные Махмудом Кашгари в XI в. («у чигилей, ягма, аргу, тухси и уйгуров — *барɓу јәр* 'место, куда следует идти', *турɓу оɓур* 'время, когда следует вставать'; у огузов и кыпчаков — *барасї јәр*, *турасї оɓур*»,— МК II 68—70), сохранились в основных чертах вплоть до настоящего времени. Как в огузских, так и в отдельных кыпчакских языках причастие типа *барасї* занимает значительное место,[592] хотя налицо заметное сужение сферы его функционирования, особенно в кыпчакских языках, и преобладающее употребление в устойчивых грамматических сочетаниях. Примеры: азерб. *јазĭласї мäктуб* 'письмо, которое следует написать', *гӱлäсім гäлір* 'хочется смеяться', *гәдäсіdір* 'он должен идти'; башк. (диал.) *кӧтäһĕ буɓан* 'надо было дождаться';[593] казах. *аласĭ* 'то, что следует получить', *бәрәсĭ* 'то, что следует отдать', *кәләсі* 'следующий', *шĭɓасĭ* 'расход';[594] тат. *барасĭ кілä* 'хочется поехать', *кілäсĭ бар* 'он должен прийти'; тур. *гіdәсім јок* 'мне не хочется идти', *dіјәсім гәліјор* 'мне хочется сказать'; туркм. *мәнің ол сӧзләрі сізә ајдасĭм гәлјäр* 'мне хочется сказать вам те слова', *ондан арĭнї аласї гәлdі* 'ей хотелось отомстить ему'.[595]

7. Следующее причастие, на разборе которого следует остановиться особо,— на *-ɓĭр ~ -ɓур*.[596] В манихейских текстах, как отмечал А. Лекок,

---

[588] См.: Т у м а ш е в а Д. Г. Диалекты сибирских татар. . ., с. 25.

[589] См.: K o r k m a z Z. Türkçede *-acak/-ecek* gelecek zaman (futurum) ekinin yapısı üzerine. — DTCFD, 1959, XVII, 1—2, s. 159—168.

[590] См.: И ш б у л а т о в Н. Х. Морфологические особенности казмашевского говора, с. 132.

[591] См.: М а м е д о в И. М. Карягинские говоры азербайджанского языка, с. 25.

[592] См.: М и х а й л о в М. С. О форме на *-(y)asы* в турецком языке. — Уч. зап. кафедры иностранных языков вост. факультета ИМО, 1958, 1, с. 141—154; И с л а м о в М. Диалект вә шивәләримиздә *-асї/-әсі* формасының мә'на хүсусијјәтләри һаггында. — В кн.: Вопросы азербайджанского языкознания. Баку, 1967, с. 164—175; K o r k m a z Z. *-Ası/-esi* gelecek zaman isim-fiil ekinin yapısı üzerine. — TDAY. Belleten (1968), 1969, s. 31—38.

[593] См.: Б а е в а Н. Х. Говор башкир долины реки Ай, с. 39.

[594] См.: К а и м о в а Б. Аффиксы, образующие отглагольные имена в казахском языке. АКД. Алма-Ата, 1963, с. 16.

[595] См.: Грамматика туркменского языка, I, с. 337.

[596] См.: Ś z a p s z a ł H. S. Staroturecki przyrostek *γur(u) ~ γyr(y)* zachowany gdzie niegdzie we współczesnej mówie potocznej. — RO (1938), 1939, XIV, s. 81—89 (у Х. С. Шапшала — «историческое причастие возможности или необходимости», с. 87).

формы *булунғур*, *тӱшӱнгӱр* выражают пожелание.[597] В староузбекском языке, судя по примерам, приведенным Мехди-ханом, и по указанным им персидским соответствиям,[598] форма на *-ғӱр ~ -ғур* имела значение настоящего времени, может быть, настоящего длительного, осложненного модальностью.

В современных тюркских языках причастие на *-ғӱр ~ -ғур* подверглось адъективации и, кроме того, функционирует как специфическая форма пожелания добра или зла. Примеры: алт. *көргӱр* 'зоркий', *сӓскір* 'чуткий', *білгір* 'понятливый', *тапкӱр* 'находчивый'; башк. *ӱткӽр* 'проницательный'; башк. (диал.) *ajӽв талағӽр* 'чтоб медведь задрал!', *тӽлӽң көрөғӧр* 'чтоб язык твой отсох!',[599] *jӓр упкӽр(ӽ)* 'пусть проглотит земля', *ӧскӧр* 'летун', *jӽлғӽр* 'шустрый';[600] казах. *ӱткір* 'острый'; кум. *өлгӱр* 'чтоб тебе подохнуть!', *налат болғур тав* 'проклятая гора'; туркм. *алғір* 'цепкий', *гӧргӱр* 'зоркий', *jӱзгӱр* 'хорошо плавающий', *чапғӱр* 'резвый', *атғір* 'меткий', *дӱшгӱр* 'податливый', *гітгір* 'быстроногий'; узб. *уjі куjгур* 'проклятый' (букв. 'чтоб сгореть его дому!'), *тэртвэрің манаві савіл кэлгурні* 'снимайте эти (туфли), чтоб им пропасть!', *умрің узэж бӱлгур* 'пусть твоя жизнь будет долгой!', *барака тэпмагур* 'чтоб тебе не видеть добра!'; узб. (диал.) *балан өлгір* 'пусть у тебя умрет ребенок!', *балан көп боғӱр* 'пусть у тебя будет много детей!';[601] шор. *өткӱр* 'проницательный'.

Значительную группу составляют причастия настоящего, настоящего-будущего и прошедшего времени, прослеживаемые в предельно ограниченном круге языков. Такие из них, как формы типа *бардачӽ*,[602] *барjук*,[603] употребляются только в старописьменных текстах. Другие, напротив, выступают лишь в современных языках. К ним относятся причастия типа *іштәңкәj* (в алтайском языке), *кілӷәң* (в хакасском и шорском) и т. д.

Ниже приводится перечень наиболее распространенных аффиксов, при помощи которых образуются имена действия, полностью перешедшие в разряд имен существительных и прилагательных. Некоторые из них, возможно — разные по происхождению морфологические элементы, сблизившиеся или совпавшие по своему внешнему облику в результате фонетических преобразований и упрощений.

-(ӽ)к ~ -(у)к ~ -(а)к — алт. *сӧнӽк* 'сломанный', *бӱчак* 'нож', *тарак* 'гребень', *сурак* 'вопрос', *чағак* 'жало', *конок* 'сутки'; тур. *парлак* 'блестящий', *jумук* 'закрытый (о глазах)'; хак. *чарӽх* 'свет'; чуваш. *пӑзӑк* 'испорченный', *казӑк* 'кусок';

-(ӽ)м ~ -(у)м ~ -(а)м[604] — др.-тюрк. *акӽм* 'течение', *ӧгрім* 'водоворот', *jӧjім* 'корм', *jарӱм* 'половина'; азерб. *бічім* 'покрой одежды', *атӽм* 'щепотка', *тутум* 'ёмкость, вместимость'; алт. *төлӱм* 'плата', *тӱжӱм* 'урожай', *тудам* 'ручка'; алт. (диал.) *сурум* 'вопрос'; башк. *бӓjлӓм* 'связка', *jӧтӧм* 'глоток'; таг. *білдірім* 'объявление', *ділім* 'ломоть', *атӽм* 'заряд'; казах. *төлӛм* 'платеж', *бӛлӽм* 'раздел', *жұтӽм* 'глоток'; тур. *сатӽм* 'продажа', *дӱjӱм* 'узел';

---

[597] Le Coq A. Türkische Manichaica aus Chotscho, I. — APAW, phil-hist. Klasse, Berlin, 1911, Anm. 39.

[598] The Mabâni' l-Lughat, p. 101—104.

[599] См.: Юсупов Х. Г. Из наблюдений над морфологической системой низерского говора башкирского языка, с. 160.

[600] См.: Ишбулатов Н. Х. Морфологические особенности казмашевского говора, с. 132.

[601] См.: Данияров Х. Бахмалский говор узбекского языка. АКД. М., 1955, с. 12.

[602] См.: Mansuroğlu M. Türkçede *-tačı* ekinin fonksionları. — TDED, 1956, 7, 1—2, s. 105—108.

[603] См.: Насилов Д. М. Прошедшее время на *-jük/-juq* в древнеуйгурском языке и его рефлексы в современных языках. — В кн.: Тюркологический сборник к шестидесятилетию А. Н. Кононова. М., 1966, с. 92—104.

[604] См.: Ramstedt G. J. Das deverbale Nomen auf *-m* in den altaischen Sprachen. — MSFOu, 1950, 98, S. 255—264.

-(ï)н ~ *-(у)н* ~ *-(а)н* — др.-тюрк. *ӛбрӓн* ‘судьба’, *кішӓн* ‘путы’; ст.-узб. *јаɣӯн* ‘дождь’, *козɣалан* ‘волнение, беспокойство’, *ӣɣӯн* ‘сборище’, ‘собрание’, *чакӣн* ‘молния’, *толун* ‘полный’; азерб. *ахӣн* ‘течение’, *бічін* ‘жатва’; алт. *д'ӯн* ‘собрание’, *д'адӣн* ‘жизнь’; гаг. *јӣн* (< *јіɣӯн*) ‘куча’; казах. *тӯɣӯн* ‘пробка’, *шӯɣӯн* ‘расход’; тур. *ӛкін* ‘посев’, *талан* ‘ограбление’;

-(ïн)дï ~ *-(ïн)тï* — др.-тюрк. *акӣндӣ* ‘текущий’, *ӛкінді* ‘посеянный’; азерб. *ɣӣрінтӣ* ‘крошки’, *тӧкӱнтӱ* ‘отбросы’; алт. *казӣнтӣ* ‘колодец’, *суралтӣ* ‘прошение’, *салӣнтӣ* ‘подать’; башк. *кідӯнтӯ* ‘вырезка’, *сӯɣӯнтӯ* ‘выступ’; гаг. *башлантӣ* ‘начало’, *бічінті* ‘сжатый хлеб’, *јапінтӣ* ‘постройка’; казах. *сӯпӯрӯндӯ* ‘сор’; кирг. *ӱӱнду* ‘помои’; тув. *ӱзӱндӱ* ‘отрывок’; тур. *ӱркӱнтӱ* ‘страх’, *акӣнтӣ* ‘течение’, *сӱпрӱнтӱ* ‘мусор’, *дӛрінті* ‘сбор’; туркм. *тапӣндӣ* ‘находка’, *ɣӓлінді* ‘остаток’, *кӛсінді* ‘обрезок’, ‘полено’, *ɣӧркінді* ‘лоскут’; узб. *кійкінді* ‘обрезки’, *јіɣінді* ‘совокупность, сумма’, *сікінді* ‘сжатый, сдавленный’, *јувінді* ‘помои’;

-(ï)т ~ *-(у)т* . . . — др.-тюрк. *сӧɣӧт* ‘печаль’, *јанут* ‘ответ’, *качут* ‘бегство’, *ӧлӱт* ‘смерть’; ст.-тур. *кӛчід* ‘перевал’, ‘ущелье’, *ӧгӱт* ‘совет’; ст.-узб. *ӧлӓт* ‘мор’; алт. *базӧт* ‘походка’, ‘ходьба’, *чӧɣӧт* ‘выход’; башк. *ӛмӛт* ‘надежда’, *ӱлӓт* ‘мор’; казах. *баɣӯт* ‘направление’, *бӧгӛт* ‘плотина’; тур. *гӛчіт* ‘проход’, *конут* ‘жилище’, *кӛсіт* ‘разрез’, *курут* ‘высушенный сыр’; узб. (диал.) *туɣут* ‘рождение’, *кӱјӱт* ‘горе’, *којӧт* ‘подношение’;[605] хак. *пазӧт* ‘шаг’; шор. *чажӧт* ‘тайна’, *чӱгӱт* ‘бег’, *кӛліт* ‘приход’;

-как ~ *-ɣак* — др.-тюрк. *тутқак* ‘захват’, *аjɣак* ‘доносчик’, *качқак* ‘беглец’, *авкак* ‘ступа’; ст.-узб. *ӛшкӓк* ‘весло’, *батқак* ‘топь, болото’, *баскак* ‘наместник’, ‘сборщик податей’, *аjɣак* ‘вестник’; алт. *курɣак* ‘сухой’, *кӱjɣак* ‘осока’, *туныɣак* ‘глухой’, *кӱjгӛк* ‘засуха’; башк. *jӛмɣак* ‘клубок’, *тӛргӓк* ‘сверток’; казах. *ілгӛк* ‘застежка’, ‘крючок’, *ӛскӛк* ‘весло’; узб. *урушкӛк* ‘драчливый’, *тірішкӛк* ‘старательный’; хак. *ілгӛк* ‘сито’; шор. *шашкак* ‘овод’, *ундуткак* ‘забывчивый’;

-кӱн ~ *-кун* ~ *-ɣӱн* ~ *-ɣун* — др.-тюрк. *тутқун* ‘пленник’, *баркӱн* ‘путешественник’; ст.-узб. *саткун* ‘продажный’, *кувɣун* ‘преследователь’, *чапɣун* ‘совершающий набег’, *ӧткӱн* ‘острый’; азерб. *басɣӱн* ‘нападение’, *ɣӱзɣӱн* ‘горячий’, ‘пламенный’, *кӓскін* ‘резкий’, *јорɣун* ‘усталый’; алт. *урɣун* ‘проливной’, *д'ајкӱн* ‘разлив’; башк. *сапкӯн* ‘гонец’, *каскӯн* ‘беглец’; гаг. *дӱзгӱн* ‘исправный’; казах. *таскӯн* ‘наводнение’; тур. *јанɣӱн* ‘пожар’; узб. *турɣун* ‘постоянный’, ‘устойчивый’, *учқун* ‘искра’, *ӯшкін* ‘кипящий, бурлящий’, *кувɣін* ‘разгон’, *ɜзɣін* ‘худой’; хак. *тӛскӯн* ‘беглец’; ср. башк. (диал.) *бағҡҙсы* ‘захватчик’, *сапҡҙсы* ‘посыльный’;

-кӱч ~ *-куч* ~ *-кач* ~ *-ɣӱч* ~ *-ɣуч* ~ *-ɣач* — др.-тюрк. *ачқӱч* ‘ключ’, *кӱсɣач* ‘щипцы’, *јоныɣач* ‘рубанок’, *јулɣуч* ‘щипцы’; ст.-узб. *тітрӓгӱч* ‘украшения, подвешиваемые к шее или рукам’, *салӣныɣач* ‘качели’, ‘колыбель’, *јӛлпігӱч* ‘веер’, *баскӱч* ‘ступенька’; алт. *аскӱш* ‘таган’, *сӱɣӱрткӱш* ‘свистулька’, *отурɣуш* ‘табурет’, *тӛпкіш* ‘ступенька (лестницы)’, *сӱрткӱш* ‘мазь’, *капкӱш* ‘ухват’; башк. *ҳӛртҡӛс* ‘тряпка’, *урɣӯс* ‘жнейка’; башк. (диал.) *тартҡӯс* ‘подпруга’, *сапкӯс* ‘тяпка’, *сӱрӓкӯч* ‘волокуша’; гаг. *кӱскӱч* ‘кузнечные клещи’, *дајангач* ‘подпорка’, *саллангач* ‘колыбель’; казах. *жӯлӯткӯш* ‘грелка’, *жапкӯш* ‘заслонка’, *сӯпӯрɣӯш* ‘веник’; кирг. *сӱзɣӱч* ‘линейка’; кум. *сӱзгӱч* ‘сито’, ‘цедилка’; тур. *кӱскач* ‘щипцы’, ‘клещи’, *тӱкач* (? < *тӱккач*) ‘пробка’, ‘втулка’, *јастанɣач* ‘подушка’; узб. *чізɣіч* ‘линейка’, *кашлɜɣіч* ‘скребница’, *сӯрɣіч* ‘соска’, *саваɣіч* ‘палочка, которой перебирают вату’; узб. (диал.) *тірägіч* ‘подпорка’; хак. *ӧткӯс* ‘проход’, *чарӧтхас* ‘факел’, *хајӧрɣас* ‘оселок, брусок’;

-мач — ст.-узб. *кавурмач* ‘жаркое’, *кӱјмач* ‘раскосый’, *буламач* ‘мучное блюдо’, *тутмач* ‘лапша’; ст.-тур. *доламач* ‘водоворот’; гаг. *јанӧлтмач* ‘скороговорка’, *алдамач* ‘магарыч’, *дӧнӛмӛч* ‘поворот, изгиб’; тур. *базламач* ‘оладьи’; узб. *умач* ‘затируха’;

---

[605] См.: Фарманов И. Ошский говор узбекского языка. АКД. Ташкент, 1960, с. 13.

-чак > *-ǰак* — др.-тюрк. *басїнчак* ‘несчастный, подавленный’; ст.-узб. *салпынчак* ‘качели’, ‘колыбель’, *эмчäк* ‘сосок груди’, *таjанчак* ‘опора’; азерб. *утанǰаɣ* ‘застенчивый’, ‘стыдливый’; алт. *урушчак* ‘драчливый’, *коркїнчак* ‘боязливый’, *ачїнчак* ‘обидчивый’; узб. *мактанчэк* ‘хвастливый’, *эрінчак* ‘ленивый’; чуваш. *мухтанǰăк* ‘хвастун’, *відĕнǰĕк* ‘покрывало’; шор. *тартїнчак* ‘упрямый’, *сїнчак* ‘ломкий’, *ундутчак* ‘забывчивый’;

-чїк > *-ǰїк* — узб. *сирɣанчік* ‘скользкий’; хак. *махтанǰїх* ‘хвастун’, *хонǰіх* ‘сосед’; шор. *кунанчїк* ‘печальный’, *корɣунчїк* ‘боязливый’.

ПРИЛОЖЕНИЕ

СПИСОК РЕКОНСТРУИРУЕМЫХ ПРАФОРМ*

Формы словоизменения

а) падеж

*-ïγ — вин.
*-ī̈н — твор. (орудн.)
*-ī̈ң — род.
*-kā (< *kāpy) — напр.-дат.
*-tā — местн.
*-tā ~ *-tāн ~ *-tī̈н (? < *-tājaн ~ *-tājïн) — исх.
*-чā (< *-чāk) — сравн.-ограничительн.

б) принадлежность

-ï (-cï) — 3 л. ед. ч.
*-ïм — 1-е л. ед. ч.
*-ī̈ң — 2-е » » »
*-nī̈c — 1-е » мн. »
*-cī̈c — 2-е » » »

в) число

-лар (-лāр) — мн.

Промежуточные формы

*-ak — уменьшительность-ласкательность
*-ач — то же
*-ī̈ңkï — абстрактная принадлежность
*-кач — уменьшительность-ласкательность
*-kï — отношение (в широком смысле)
-лï (-лī̈) — парность
*-cī̈c — привативность
*-tākï — отношение к пространству и времени
*-чā (< *чāk) — уменьшительность-ласкательность
*-чïk — то же

Формы словообразования

а) существительные

-лак (-лāk) — собирательность, совокупное расположение предметов или живых существ
-лïk (-лïƀ) — собирательность, отвлеченность
-таш (-tāш) — лицо или предмет-соучастник процесса или состояния
*-туруk — орудие, средство, приспособление
*-чï — лицо по характеру занятий, действий или привычек

б) прилагательные

-ïлтïм (-ïлтïрïм) — неполнота признака
-лïγ (-лī̈γ) — обладание, отношение (в широком смысле)
-лïk (-лïƀ) — предназначение
*-pāk (< *āpāk) — неполнота признака
*-чаң — склонность, расположенность; обладание, с подчеркиванием исключительности
*-чïл — склонность, расположенность

---

* Здесь учтены все доступные материалы современных и древних тюркских языков, а также изложенные выше результаты сравнительного исследования. В ходе дальнейших разысканий список будет уточнен и расширен главным образом за счет словообразовательных элементов.

в) числительные

-āɣy (-ā-ɣy) — собирательные, ср. имена действия
-āɣylā (-ā-ɣy-lā) — то же
-āɣylān (-ā-ɣy-lā-n) то же
-āɣyn (-ā-ɣy-n) — то же
-ār (-ā-r) — разделительные, ср. имена действия
-ī̄nч (-ī̄-нч) — порядковые, ср. имена действия
-lāнч (-lā-нч) — то же
-lāп (-lā-n) — разделительно-приблизительные
*-tān — разделительные, ср. падеж
*-чā — приблизительные, ср. падеж

г) имена действия

*-ā, ср. *-ī̄, *-ȳ
*-γ, ср. *-k (*-ɣ)
*-ī̄, ср. *-ā, *-ȳ
*-jyk
-k (-ɣ), ср. *-γ
-kan (-ɣan)
-kïn (-ɣïn)
-kïr (-ɣïr)
-ky (-ɣy)
*-м
*-n
*-нч
-nā (-мā)
-nāk (-māk)
-nïш (-mïш)
*-r
*-t
-tïγ (-ðïγ)
-tïk (-tïɣ)
*-ȳ, ср. *-ā, *-ī̄
*-чak

ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ

Аалто П. (Aalto P.) — 84
Абдулдаев Э. — 131
Абдуллаев А. — 91
Абдуллаев А. З. (Абдуллајев Ә. З.) — 48, 98
Абдуллаев Ф. А. — 31, 70, 76, 98
Абдурахманов Д. (Абдураҳмонов Д.) — 74
Абуханов Г. А. — 80
Аврорин В. А. — 148
Азимов П. (Азымов П.) — 23
Айдаров Г. — 110
Айдаров Т. — 74
Алексеев А. А. — 73
Алиев В. Г. — 167
Алиев У. Б. — 168, 170
Ализаде А. Дж. (Әлизадә А.) — 86, 93, 95, 141, 158
Алпаров Г. — 23
Амансарыев Дж. (Амансарыев Җ.) — 50, 51, 52, 70, 135, 140, 141, 142, 145
Андреев И. А. — 73, 80, 85, 167
Андреев Н. А. — 55, 85, 91, 115, 120, 150
Антонов Н. К. — 87, 113
Аппаев А. М. — 43, 82, 130
Аразкулиев С. (Аразкулыев С.) — 51, 66, 73, 82, 97, 145, 152
Арат Р. Р. (Arat Rachmeti R.) — 109
Аскарова М. (Асқарова М.) — 136, 143
Асланов А. — 95
Асланов В. И. — 26
Аслиддинов С. — 80
Атаджанов М. (Атаҗанов М.) — 30, 39, 82, 97, 145
Аталай Б. (Atalay Besim) — 52, 108
Афанасьев П. С. — 57, 74, 88
Афзалов Ш. А. — 38, 52, 121, 135, 137, 143
Ахатов Г. Х. — 70, 75 97, 128, 130, 131, 152, 155, 156
Ахмедов А. — 127, 130, 131, 142, 151
Ашмарин Н. И. — 25, 39, 44, 45, 85, 128, 144, 149, 150, 160
Ашнин Ф. Д. — 41, 42, 53, 128, 130

Бабушкин Г. Ф. — 35, 111, 114
Баева Н. Х. — 45, 119, 141, 152, 154, 155, 161, 171
Базен Л. (Bazin L.) — 20, 21, 53
Байрамдурдыев Б. — 45, 131, 145
Байрамов А. — 105
Бакинова Г. — 55, 78, 132, 142
Балакаев М. Б. (Балақаев М. Б.) — 64
Банг В. (Bang W.) — 3, 27, 31, 32, 37, 38, 41, 46, 49, 53, 68, 72, 75, 76, 78, 79, 83, 85, 89, 99, 105, 107, 113, 125, 126, 143, 146, 147, 149, 150, 151, 152, 153, 154, 160, 163, 166
Барашков П. П. — 10
Баскаков Н. А. — 3, 20, 32, 45, 101, 104, 115, 118, 124, 126, 132, 133, 134, 136, 137, 145, 165, 168, 169
Бейшекеев Н. — 131
Бекбергенов А. — 141, 142, 153
Бенцинг И. (Benzing J.) — 25, 30, 34, 39, 45, 50, 59, 73, 80, 85, 91, 146, 149, 150
Бердалиев А. — 105
Бердыев Р. (Бердиев Р.) — 30, 51, 73, 82, 97, 145, 152
Бертагаев Т. А. — 16
Бётлингк О. (Böhtlingk O.) — 3, 15, 18, 27, 31, 32, 34, 37, 39, 42, 54, 57, 58, 78, 87, 91, 99, 104, 124, 125, 144, 146, 148, 157, 158
Бехбудов С. М. (Бећбудов С. М.) — 35, 73, 108, 124, 145, 157
Бидуэл Ч. Э. (Bidwell Ch. E.) — 24
Благова Г. Ф. — 48, 159
Богородицкий В. А. — 3, 12, 30, 31, 32, 33, 34, 35, 45, 72, 78, 83, 89
Бодуэн-де-Куртенэ И. А. — 12
Бозиев А. Ю. — 18, 103
Болатов Ж. — 166
Бонфанте Дж. (Bonfante G.) — 12
Боргояков М. И. — 83
Боржаков А. (Борҗаков А.) — 48, 51, 122, 125, 126, 127, 128, 129, 134, 138, 162
Борибаев А. — 166, 167
Боровков А. К. — 13, 15
Брокельман К. (Brockelmann C.) — 40, 41, 86, 88, 92, 107, 145, 146, 154
Бурганова Н. Б. (Борһанова Н.) — 48, 74, 139

Вайнрайх У. (Weinreich U.) — 13
Валиев М. — 75
Вегелин К. Ф. (Voegelin C. F.) — 24
Вейсбах Ф. Г. (Weissbach F. H.) — 144
Велиев С. А. (Вәлијев С. Ә.) — 73
Виноградов В. В. — 94, 95
Владимирцов Б. Я. — 11, 13, 16, 84, 85, 139
Воронкин М. С. — 25, 57, 88

Габен А. (Gabain A., von) — 3, 26, 41, 42, 46, 53, 85, 88, 122, 123, 125, 126, 127, 133, 134
Гадельшин Л. С. — 170
Гаджиева Н. З. — 50, 98
Гамбис Л. (Hambis L.) — 11
Гарипов Т. М. — 20
Гафурова Н. С. (Ғафурова Н.) — 27, 30, 38, 73, 74, 132, 137
Глисон Г. — 24
Гомбоц З. (Gombocz Z.) — 153
Гоммель Ф. (Hommel F.) — 144
Гордлевский В. А. — 129, 140, 141
Грёнбек В. (Grønbech V.) — 14
Грёнбек К. (Grønbech K.) — 3, 20, 27, 31, 32, 41, 42, 80, 82, 83, 88, 89, 91, 92, 93, 150
Григорьев Н. С. — 112
Гроот А. В. (de Groot A. W.) — 61
Грунин Т. И. — 98, 111
Грунцель И. (Grunzel J.) — 15
Гуджиков С. (Гүҷуков С.) — 99
Гудиашвили Е. — 76
Гузев В. Г. — 4, 155
Гулямов А. Г. (Ғулом А., Ғуломов А. Ғ.) — 21, 57, 60, 83, 88, 89, 91, 92, 100, 102, 103, 104, 105, 107, 108, 115, 140
Гулямов Я. Г. (Ғуломов Ё. Ғ.) — 27, 60, 67, 71, 73, 75, 76, 115

Данияров А. Д. — 83
Данияров Х. — 172
Дашчян Т. Дж. — 161, 163
Дени Ж. (Deny J.) — 17, 20, 21, 27, 31, 32, 42, 83, 88, 89, 90, 95, 98
Дёрфер Г. (Doerfer G.) — 11, 13, 150
Джалалов А. Д. (Джалалов О.) — 13
Джамалдинов О. — 42, 80
Джанбидаева К. — 136
Джангидзе В. Т. — 56, 119, 120, 121, 145
Джафарзаде М. М. — 116, 145, 156
Джафарли А. — 120
Джафаров С. (Чәфәров С.) — 118, 157
Джафаров Х. (Чәфәров Һ.) — 37, 117, 120
Джафароглу А. (Caferoğlu A.) — 86, 107
Джикия С. С. — 76
Джуманазаров Ю. (Жуманазаров Ю.) — 74, 75, 116, 117, 118, 119, 120, 121, 130, 131, 136, 140, 156
Джуманьязов Р. (Жуманиёзов Р.) — 167
Джураев Б. — 66, 128, 130, 131, 135, 136, 145, 152, 156
Дилячар А. (Dilâçar A.) — 83
Дмитриев Н. К. — 3, 20, 21, 29, 34, 41, 46, 50, 54, 62, 72, 75, 76, 77, 78, 82, 83, 85, 90, 99, 121, 126, 128, 129, 130, 131, 133, 134, 141, 143, 157, 167, 168, 170
Долинина Ю. П. — 59
Доможаков Н. Г. — 49, 56, 95, 124, 132, 136
Донидзе Г. — 56
Дримба В. (Drimba V.) — 60
Дульзон А. П. — 76
Дуран С. (Duran S.) — 43, 48
Дыйканов К. — 72, 83, 106
Дыренкова Н. П. — 3, 22, 48, 52, 54, 58, 59, 64, 75, 114, 116, 124, 130, 132, 140
Дюмезиль Ж. (Dumézil G.) — 144

Ергалиев Т. — 167

Жабоев М. Т. — 142
Жигжанова Л. Г. — 71, 72

Зайончковский А. (Zajączkowski A.) — 41, 77, 102
Закиев М. З. — 25, 62, 99
Заляй Л. З. (Җәләй Л.) — 16, 139
Зарипов Р. Ф. — 62, 63, 64
Захарова О. В. — 48
Зияева И. — 67
Зулфиев Я. — 90, 111
Зуфаров С. — 45

Ибатов А. М. — 130, 142
Ибрагимов Б. М. — 66
Ибрагимов С. (Иброҳимов С.) — 128
Ибраимов А. — 119, 170
Иванов А. И. — 28, 30, 59, 64, 68
Иванов С. Н. — 4, 80, 81, 94
Икрамова Р. (Икромова Р.) — 79, 101, 102
Инкижекова-Грекул А. И. — 161
Исаев Д. — 77
Исаков И. (Исоқов И.) — 136, 143
Исенгалиева В. А. — 48
Искаков А. И. — 20
Исламов М. И. — 116, 119, 120, 123, 124, 133, 135, 171
Исхаков Ф. Г. — 3, 26, 34, 37, 49, 54, 58, 59, 67, 69, 71, 75, 93, 111, 114, 115, 130, 133, 146, 153
Исхаков Ф. И. (Исҳоқов Ф.) — 162
Ишаев А. — 37, 83
Ишбулатов Н. Х. — 30, 60, 65, 106, 107, 108, 113, 115, 121, 154, 155, 156, 170, 171, 172

Каджарова Э. — 169
Каимова Б. — 163, 171
Калмыкова С. А. — 128, 145
Калужинский С. (Kałużyński S.) — 84, 101
Калужиньски С. см. Калужинский С.
Калыбаева-Хасенова А. (Қалыбаева-Хасенова А.) — 106
Камилова Х. (Комилова Х.) — 64, 128
Канюкова А. С. — 85, 124
Карасаев Х. — 62, 72
Каримов К. (Каримов Қ.) — 41, 46, 48, 78
Карпов В. Г. — 154
Кастрен М. А. (Castrén M. A.) — 84, 140
Катанов Н. Ф. — 3
Кенесбаев С. (Кенесбаев С.) — 141, 152
Керт Г. М. — 151
Керимов И. А. — 72, 98, 115, 122, 131
Кёлле С. В. (Koelle S. W.) — 139
Киекбаев Дж. Г. — 15, 16, 32, 37, 40, 50, 71, 72, 85, 98, 123, 124, 133
Киличев Э. Р. — 42, 52
Кливз Ф. В. (Cleaves F. W.) — 11
Клосон Дж. (Clauson G.) — 90, 147, 150, 153
Ковальский Т. (Kowalski T.) — 3, 27, 83, 93, 94
Козин С. А. — 84
Коклянова А. А. — 63

Кондратьев В. Г. — 169
Кононов А. Н. (Kononov A. N.) — 3, 78, 83, 90, 100, 103, 107, 114, 117, 118, 126, 129, 138, 146, 147, 166, 168, 169
Константинова О. А. — 148, 151
Коркина Е. И. — 54, 88
Коркмаз З. (Korkmaz Z.) — 26, 30, 43, 52, 101, 117, 171
Корнилов Г. Е. — 44
Корш Ф. Е. — 109, 110
Котвич В. (Kotwicz W.) — 31, 33, 37, 40, 51, 76, 83, 85, 89, 125, 126, 127, 131, 133, 139, 153
Котлеев В. И. — 60, 73, 74
Краелитц Ф. (Kraelitz F.) — 139
Кудайбергенов С. — 10, 130, 131, 132
Кузнецов П. И. — 27, 169
Кулдашев М. (Құлдошев М.) — 112
Кулиев Г. К. — 78
Кульманов Г. — 97, 132
Куренов С. (Күренов С.) — 51, 73, 82, 97, 145, 151, 152, 168
Курилович Е. (Kuryłowicz J.) — 61
Курышжанов А. — 45, 64
Кутлымуратов Б. К. — 160
Кучигашева Н. А. — 36, 42, 47, 68, 97, 101, 104, 152

Лауфер Б. (Laufer B.) — 31, 139
Лебедева Е. П. — 148
Леви С. — 139
Левитская Л. С. — 4
Левицкий М. (Lewicki M.) — 9, 40
Лекок А. (Le Coq A.) — 172
Летягина Н. И. — 143
Лигети Л. (Ligeti L.) — 3, 85, 125
Любимов К. М. — 94

Магнуссон Р. (Magnusson R.) — 22
Магруфов А. (Маъруфов А.) — 67
Магруфов З. М. (Ма'руфов З., Ма'руф З.) — 101, 108, 115
Мадрахимов А. — 110
Майзель С. С. — 79, 80, 142
Максимов В. В. — 73
Максютова Н. Х. — 30, 45, 47, 55, 65, 70, 77, 87, 105, 106, 107, 108, 116, 121, 130, 132, 135, 136, 137, 141, 152, 153, 154, 169
Малов С. Е. — 3, 53, 130, 139, 140, 141
Маманова Г. — 100
Маматов А. — 96
Мамедкулиев Д. — 145
Мамедов И. М. — 102, 116, 119, 120, 121, 145, 171
Мамедов С. А. — 42, 52
Мансуроглу М. (Mansuroğlu M.) — 41, 128, 172
Манькина С. С. — 104
Матвеев Т. М. — 140, 150
Матхеев Б. В. — 11
Махмутова Л. Т. — 30
Машаков Х. А. — 52, 131, 135, 148
Меджидова А. Б. — 145, 150
Мейе А. (Meillet A.) — 12, 139
Мелиоранский П. М. (Melioranskij P.) — 3, 14, 32, 38, 66, 87, 98, 109, 146, 161, 167
Мелиев К. М. — 160, 161, 162, 168
Менгес К. Г. (Menges K. H.) — 3, 27, 31, 37, 40, 45, 46, 48, 50, 72, 78, 83, 89, 134, 146, 150, 151
Менглиева Г. — 65, 91, 97, 131, 137
Миллер Б. В. — 146
Миржанова С. Ф. — 36, 107
Мирзаев М. М. — 42, 52, 66, 67, 75, 142
Мирзакаримова У. — 156
Мирсаатов Т. З. (Мирсоатов Т. З.) — 155
Михайлов М. С. — 169, 171
Моллова М. (Mollova M.) — 21
Мостэр А. (Mostaert A.) — 11
Мункачи Б. (Munkácsi B.) — 31, 85, 86, 95, 125, 126, 140
Мурадов А. — 100
Муратов С. Н. — 107
Мусабаев Г. Г. (Мұсабаев Ғ. Ғ.) — 58, 113
Мусаев К. М. — 3, 71, 81, 93, 95, 108, 115, 152, 167
Мухамедова З. Б. — 147
Мухиев Х. — 36, 121, 145
Мухтаров Дж. (Мухторов Ж.) — 159, 166, 170
Мшанов М. — 86
Мюллер М. (Müller M.) — 12
Мюллер Ф. В. К. (Müller F. W. K.) — 41

Наджафова М. — 110
Назаров К. — 73, 75, 76, 77
Нартыев Н. — 82, 119, 120
Насилов В. М. — 78
Насилов Д. М. — 172
Насыров Д. С. — 83, 168
Насыров Ш. (Носиров Ш.) — 30, 45, 73, 97, 130
Немет Ю. (Németh J.) — 3, 108, 147
Неталиева Х. — 162, 165
Нигматов Х. Г. — 42, 52
Низамиддинова С. (Низомиддинова С.) — 91, 142, 158
Никифоров Г. А. — 88, 90, 91
Новикова К. А. — 148
Нурмагамбетов А. — 70, 82, 112, 116, 135, 153, 158, 166

Овчинникова И. К. — 43
Орозакунов Ш. — 106
Орузбаева Б. О. — 106, 111
Орусбаев А.-К. — 21

Павлов И. П. — 56
Пальмбах А. А. — 3, 26, 49, 54, 67, 69, 71, 93, 111, 114, 130, 133, 153
Патачакова Д. Ф. — 36, 46, 48, 49, 56, 59, 66, 77, 82, 91
Пекарский Э. К. — 42, 58, 84
Пенджиев М. (Пенҗиев М.) — 139, 146, 150, 152
Пешковский А. М. — 23
Пизани В. (Pisani V.) — 12
Покровская Л. А. — 3, 26, 34, 63, 75, 90, 129, 138
Поппе Н. Н. (Poppe N.) — 27, 40, 46, 50, 83, 85, 87, 88, 123, 128, 131, 146
Потебня А. А. — 94
Поцелуевский А. П. — 50, 59, 126
Прицак О. (Pritsak O.) — 3, 85, 89, 92, 142, 149

Раджабов Э. Э. (Рәҹәбов Ә. Ә.) — 142
Радлов В. В. (Radloff W.) — 3, 10, 15, 27, 31, 34, 37, 38, 39, 40, 41, 43, 45,

46, 48, 49, 50, 53, 54, 56, 57, 58, 70, 77, 78, 87, 104, 109, 110, 113, 125, 127, 128, 142, 144, 161, 163, 168
Рамстедт Г. И. (Ramstedt G. J.) — 3, 9, 11, 20, 40, 46, 50, 58, 76, 83, 85, 89, 90, 133, 138, 144, 147, 166, 172
Рассадин В. И. — 98, 132
Расторгуева В. С. — 13
Расулова Н. А. — 88
Рахматуллаев Ш. (Раҳматуллаев Ш.) — 20, 152, 156
Ревзин И. И. — 24
Решетов В. В. — 30, 67
Росетти А. (Rosetti A.) — 13
Росс D. (Ross D.) — 167
Рузиев Г. (Рӯзиев Г.) — 67
Рустамов А. — 98
Рустамов Р. А. (Рустәмов Р. Ә.) — 38, 83, 105, 145
Рясянен М. (Räsänen M.) — 3, 40, 58, 83, 86, 95, 114, 124, 128, 133, 147, 149, 150, 154

Садвакасов Г. — 79, 82, 100, 103, 112, 128
Садыгов А. Ш. — 49, 168
Садыкова М. (Содиқова М.) — 111
Садыхов Б. П. — 30, 134
Саидниязова Х. (Саидниёзова Х.) — 143
Салиев С. — 103
Самойлович А. Н. — 41, 95, 139
Санжеев Г. Д. — 11, 16, 84
Сарыбаев Ш. — 130
Сат Ш. Ч. — 60, 167, 169
Севортян Э. В. (Sevortjan E. V.) — 3, 4, 18, 29, 38, 41, 43, 48, 54, 62, 71, 76, 79, 95, 97, 100, 105, 107, 108, 109, 111, 112, 161, 165
Сеидов Ш. (Сейидов Ш.) — 103
Сергеев В. И. — 83
Сергеев Л. П. — 44, 56, 73, 85, 124, 154
Серебренников Б. А. (Serebrennikov B. A.) — 3, 18, 37, 40, 45, 50, 56, 72, 73, 76, 78, 80, 81, 82, 83, 163
Синор Д. (Sinor D.) — 3, 27, 36, 45, 83, 84, 85, 86, 87, 88, 146, 147
Созаев Б. Т. — 104, 119
Соколов С. А. — 94, 163
Сопиев Г. (Сопыев Г.) — 101
Степанов Ю. С. — 61
Стрит Дж. Ч. (Street J. Ch.) — 11
Сундетова М. — 113
Суник О. П. — 23
Суюнчев Х. И. — 126, 127, 129
Суяров И. — 77, 87, 91, 126, 129, 133, 136
Сыдыков С. — 10
Сыздыкова Р. — 162

Тагиев Б. М. (Тағыјев Б. М.) — 116, 120
Тадыкин В. Н. — 160, 170
Тачмурадов Т. (Тәчмырадов Т.) — 74, 81, 82
Текин Т. (Tekin T.) — 41, 46, 57
Тенишев Э. Р. — 74, 117, 130, 136, 144
Теньер Л. (Tesnière L.) — 12
Тице А. (Tietze A.) — 63, 101
Тодаева Б. Х. — 25, 74
Тойчубекова Б. — 160, 165
Томсен В. (Thomsen V.) — 48, 161
Тощакова Т. М. — 26, 42, 44
Трыярский Э. (Tryjarski E.) — 90
Тулеуов А. — 108, 112
Туляков С. — 30, 73, 74, 90, 141, 142
Тумашева Д. Г. — 75, 158, 168, 171
Турабова М. Я. — 62
Тургунов Т. (Турғунов Т.) — 30, 38
Туряджанова М. — 83

Убрятова Е. И. — 34, 35, 36, 57, 75, 112
Узаков Х. (Узоқов Ҳ.) — 130
Уметалиева Б. Д. — 104, 115, 119, 143
Усманов С. У. — 20

Фазылов Э. — 89
Файзуллаева Ш. А. — 130
Фарманов И. (Фармонов И.) — 74, 75, 173
Федотов М. Р. — 73
Филмор Ч. (Fillmore Ch. J.) — 61
Фитце Г.-П. (Vietze H.-P.) — 86
Фортунатов Ф. Ф. — 22

Хабичев М. А. — 95, 108, 122, 131
Хаджиев А. (Ҳожиев А.) — 20, 162, 168
Хазаи Г. (Hazai G.) — 30, 82
Хазратова Р. — 95
Халеви Ж. (Halevi J.) — 140, 143, 144
Халилов Р. Ю. (Хәлилов Р. Ј.) — 142, 144, 156, 158
Хамдамов П. (Ҳамдамов П.) — 158
Хаметова А. — 121
Харитонов Л. Н. — 3, 10, 34, 45, 57, 58, 67, 79, 87, 94, 99, 141, 142, 143, 144
Харматта Я. (Harmatta J.) — 87
Хасенов А. (Хасенов Ә.) — 142, 156
Хасенова А. К. — 20
Хениш Э. (Haenisch E.) — 10
Холодович А. А. — 15
Хыдыров М. Н. — 63

Цаплина Р. И. — 73, 85

Чадамба З. Б. — 49, 60, 70
Чакенов Дж. — 119
Чернышев В. И. — 152
Чечейбаева Н. — 139
Чешко Е. В. — 61
Чунжекова Е. Н. — 26, 64, 142, 143, 149, 152
Чуркин Т. Я. — 85

Шаабдурахманов Ш. (Шоабдураҳмонов Ш.) — 30, 113, 152
Шаинаятова Т. Ш. (Шоиноятова М. Ш.) — 37
Шакирова Н. М. — 93
Шакирова Р. Ф. — 131
Шамсиддинов И. И. — 70
Шамсиева М. — 102
Шамурадов К. (Шамырадов К.) — 50, 51, 73, 82, 97, 119, 145, 152, 170
Шапиро А. Б. — 23
Шашпал Х. С. (Szapszał H. S.) — 171
Шарипов М. К. — 142
Шарипов О. — 119, 121, 132, 136, 142, 152, 155

Шарипов Х. — 97, 113, 128, 130, 142
Шарипова К. А. — 105, 111
Шахманова (Шахманова-Гарданова) Р. Г. — 97, 157
Шахматов А. А. — 94
Шерматов А. — 73, 119, 130, 131, 136, 145
Ширалиев М. Ш. — 56, 73
Шлегель Фр. (Schlegel Fr.) — 15
Шлейхер А. (Schleicher A.) — 12, 148
Шонфельдер К. Г. (Schönfelder K. H.) — 12
Шотт В. (Schott W.) — 15, 32, 45, 133, 144
Шоу Р. Б. (Shaw R. B.) — 32
Шрифль К. (Schriefl K.) — 35, 39, 78
Штейнталь Г. — 15
Шукуров Ш. — 162, 169
Шукюров А. Дж. — 53, 80
Шухардт Г. — 12

Щерба Л. В. (Ščerba L.) — 13
Щербак А. М. — 3, 9, 12, 16, 18, 46, 102, 107, 138, 145, 160, 166

Эгамов В. — 36, 37
Эйвазов А. Г. (Ejвазов А. Г.) — 113, 115
Экман Я. (Eckmann J.) — 114, 141, 142
Эллингхаузен М. (Ellinghausen M. E.) — 24
Эмре А. Дж. (Emre A. C.) — 20, 27, 83, 98, 113, 117, 118, 150
Эрджиласун А. Б. (Ercilasun A. B.) — 108

Юдахин К. К. — 140
Юлдашев А. (Йўлдошев А.) — 67
Юлдашев А. А. — 17, 18, 19, 48, 60, 77, 79
Юлдашева Г. Д. — 24
Юнд К. (Jund K.) — 141
Юнусалиев Б. М. — 19, 107, 113, 119, 131, 132, 142, 151
Юнусов М. А. — 13
Юсупов Х. Г. — 36, 45, 60, 71, 97, 132, 133, 137, 142, 154, 155, 156, 161, 172

Якобсон Р. (Jakobson R.) — 61, 63
Якупова Г. К. — 87
Яруллина У. М. — 65
Ястремский С. В. — 34, 35, 38, 45, 56, 57, 58, 78, 124, 125, 146

УКАЗАТЕЛЬ АФФИКСОВ ТЮРКСКИХ ЯЗЫКОВ, РАССМАТРИВАЕМЫХ ИЛИ УПОМИНАЕМЫХ В РАБОТЕ *

а

-а — вин. пад. 37
-а — возможность 24
-а — дат. пад. 9, 23, 35, 36, 37, 49, 50, 53, 63, 66, 71
-а — деепр. 19, 24, 25, 41, 42, 43
-а — именн. словообр. 166
-а — ми. ч. 27, 82
-а — собир. числ. 151, 152
-ав — то же 151, 152
-авдан (-ав-дан) 155
-авла — собир. числ. 151, 152
-авлаɣан (-ав-лаɣан) 156
-авлан — собир. числ. 151, 153
-авлап — то же 152
-авлашїп — » » 152
-аɣ — именн. словообр. 102
-аɣас (-аɣ-ас) 102
-аɣу — собир. числ. 151
-аɣула (-аɣу-ла) 152, 153
-аɣулаjу (-аɣу-лаjу) 152
-аɣулаjун (-аɣу-лаjу-н) 153
-аɣун (-аɣу-н) 153
-аɣусу (-аɣу-су) 79
-адїɣан (-а-дїɣан) 168
-аǰак — именн. словообр. 37, 50, 171
-аǰїк — уменьш.-ласк. 100
-ак — то же 101
-ак — именн. словообр. 102, 172
-ак — неполнота признака прил. 119, 120
-ал — именн. словообр. 116
-алак — уменьш.-ласк. 102
-алан — собир. числ. 153
-аласї (-ала-сї) 147
-алā — собир. числ. 151, 152
-алāн — то же 153
-алла — напр. пад. 49, 50
-алрак (-ал-рак) 117
-ам — именн. словообр. 172
-амал — неполнота признака прил. 119
-амїк — то же 119
-амїк — именн. словообр. 108
-амтух — неполнота признака прил. 116
-амук — то же 119
-амук — именн. словообр. 108
-ан — то же 173
-анǰ — именн. словообр. 161
-анч — то же 161
-ар — » » 170
-ар — принадл. 2-го л. мн. ч. 74
-ар — разд. числ. 154
-арак (-а-рак) 115
-ардан (-ар-дан) 154
-ардаɣан (-ар-даɣан) 155
-арлаɣан (-ар-лаɣан) 156
-арлап (-ар-лап) 156
-арт — неполнота признака прил. 119
-арттак — то же 119
-арттїр — » » 119
-ару — напр. пад. 44
-ас — уменьш.-ласк. 101
-асї — именн. словообр. 171
-ат — то же 173
-ат — мн. ч. 87, 88
-ах — именн. словообр. 102
-ах — уменьш.-ласк. 101
-ач — то же 101
-аш — » » 101

ā

-ā — дат. пад. 36
-āла — собир. числ. 152
-āр — принадл. 2-го л. мн. ч. 74
-āш — уменьш.-ласк. 101

ă

-ă — принадл. 3-го л. ед. ч. 73
-ăжё — то же 73
-ăжё — собир. числ. 153
-ăк — именн. словообр. 102, 172
-ăк — уменьш.-ласк. 101
-ăм — принадл. 1-го л. ед. ч. 73
-ăмăр — » » » мн. » 73
-ăн — род. пад. 29, 30
-ăнба (-ăн-па) 35
-ăр — принадл. 2-го л. мн. ч. 73

ӭ

-ӭнӭ — абстрактн. принадл. 98
-ӭхӭ — дат. пад. 36

* В целях экономии места в Указатель включены преимущественно твердорядные разновидности аффиксов, сопровождаемые самыми общими определениями. Сложные аффиксы, морфологический состав которых прозрачен, приводятся без определений, но с указанием составляющих их основных компонентов.

б

-б — деепр. 25
-ба — именн. словообр. 163
-ба — твор. пад. 55, 56
-бан — то же 55
-банан — » » 55
-баӈ — » » 55
-бїз — принадл. 1-го л. мн. ч. 73
-бїла — твор. пад. 55
-бїлада (-бїла-да) 25
-бїладан (-бїла-дан) 25
-бїнаӈ — твор. пад. 55
-бїт — принадл. 1-го л. мн. ч. 73
-бїтїʁар (-бїт-ї-ʁар) 48
-бут — принадл. 1-го л. мн. ч. 73

в

-вї — род. пад. 29
-вуза (-вуз-а) 27
-вуз — принадл. 1-го л. мн. ч. 73
-вчї (-в-чї) 165
-вшї (-в-шї) 165

ʁ

-ʁа — дат. пад. 21, 35, 36, 37, 48, 49, 50, 53, 66, 67, 68, 70
-ʁаӈїj (? -ʁу-ӈїj) 160
-ʁак — именн. словообр. 173
-ʁалак (? -ʁу-ӕлӕк) 160
-ʁалах (? -ʁу-ӕлӕк) 160
-ʁалї — деепр. 25
-ʁан — дат. пад. 36, 37
-ʁан — именн. словообр. 166, 167, 168
-ʁана — уменьш.-ласк. 100
-ʁар — напр.-дат. пад. 37, 47, 48, 49
-ʁарак (-ʁа-рак) 114, 115
-ʁарї — напр.-дат. пад. 44, 47, 48
-ʁару — то же 44, 47, 48, 49, 58
-ʁарудїн (-ʁару-дїн) 109
-ʁач — именн. словообр. 173
-ʁача — предельн. пад. 55
-ʁаш — уменьш.-ласк. 101
-ʁӑ — дат. пад. 35, 36
-ʁӑртан (-ʁӑр-тан) 25
-ʁӑру — напр. пад. 47
-ʁї — именн. словообр. 96, 97
-ʁїдї — напр. пад. 49
-ʁїл — неполнота признака прил. 115, 116
-ʁїл (-гіл) — собир. 95, 103
-ʁїлт — неполнота признака прил. 115, 116, 118
-ʁїлтїм — то же 115
-ʁїн — именн. словообр. 168, 173
-ʁїна — неполнота признака прил. 120
-ʁїна — уменьш.-ласк. 100, 101
-ʁїна — частица 52
-ʁїнам (-ʁїна-м) 100
-ʁїначӕх (-ʁїна-чӕх) 102
-ʁїр — именн. словообр. 171, 172
-ʁїр — интенсив 121
-ʁїт — принадл. 2-го л. мн. ч. 73
-ʁїтїʁар (-ʁїт-ї-ʁар) 48
-ʁїч — именн. словообр. 173
-ʁо — дат. пад. 35, 36, 67
-ʁос — уменьш.-ласк. 101
-ʁу — именн. словообр. 9
-ʁувчї (-ʁу-в-чї) 161
-ʁуда (-ʁу-да) 159
-ʁудӓк (-ʁу-дӓк) 160
-ʁуду — напр. пад. 49
-ʁул — именн. словообр. 9
-ʁулїк (-ʁу-лїк) 160
-ʁулт — неполнота признака прил. 115
-ʁулук (-ʁу-лук) 160
-ʁун — именн. словообр. 173
-ʁунча — деепр. 25
-ʁур — именн. словообр. 171, 172
-ʁусї (-ʁу-сї) 160, 161
-ʁусїз (-ʁу-сїз) 160
-ʁут — принадл. 2-го л. мн. ч. 73
-ʁуч — именн. словообр. 173
-ʁучї (-ʁу-чї) 160

д (δ)

-да — исх. пад. 47
-да — местн. пад. 9, 39, 40, 46, 66, 67, 70, 71
-да — частица 26, 136, 137
-да — частн. пад. 57
-даʁан — прибл. числ. 155
-даʁї — именн. словообр. 97, 98
-даʁїнїкї (-даʁї-нїкї) 96
-дај — исх. пад. 44
-дај — прибл. числ. 156
-дакї — именн. словообр. 9, 97, 98
-дам — именн. словообр. 113
-дан — исх. пад. 21, 26, 44, 46, 47, 65, 68, 69, 70, 71
-дан — разд. числ. 155
-данда (-дан-да) 26
-даннан (-дан-нан) 26
-дантан (-дан-тан) 26
-даӈ — исх. пад. 44, 45, 59, 63, 65, 68, 69
-даӈ — твор. пад. 55
-даӈӑр — исх.-начинательн. пад. 58, 59
-дап — прибл.-разд. числ. 156
-дар — мн. ч. 40
-дас — именн. словообр. 106, 107
-дачї — то же 170, 172
-даш — » » 106, 107
-дӑʁар — сравн. пад. 57
-дї — вин. пад. 37, 38
-дї — неопр. местоимение 135, 136
-дї — прошедш. вр. 3-го л. ед. ч. 21, 24
-дї — род. пад. 29
-дїва — напр. » 44, 49
-дїʁ — именн. словообр. 169
-дїʁ — сравн. пад. 58
-дїʁан — прибл. числ. 155
-дїј — сравн. пад. 58
-дїјн — прибл. числ. 156
-дїк — именн. словообр. 21
-дїкї — абстрактн. принадл. 97
-дїн — именн. словообр. 109, 112
-дїн — исх. пад. 28, 44, 45, 46, 47, 64, 68, 69
-дїӈ — род. » 29
-дїр — неопр. местоим. 135, 136
-дїр — побудительн. залог 24
-дїрїк — именн. словообр. 107, 108
-дїч — совм. пад. 57
-до — вин. » 37
-до — местн. » 39
-до — частн. » 57
-дон — исх. » 44, 68
-дон — разд. числ. 155
-доӈ — исх. пад. 44

-доӈ — род. » 29
-дор — мн. ч. 82
-дӧӡор — сравн. пад. 57
-ду — вин. » 37
-ду — неопр. местоимение 136
-дува — напр. пад. 49
-дуӡ — именн. словообр. 169
-дуӡӑр — пор. числ. 10
-дуj — сравн. пад. 58
-дук — именн. словообр. 169
-дун — то же 109, 112
-дун — исх. пад. 44
-дун — род. » 29
-дункї (-дун-кї) 98, 109
-дуӈ — род. пад. 29
-дур — неопр. местоимение 135
-дурук — именн. словообр. 107

ǰ

-ǰа — неполнота признака прил. 119, 120
-ǰа — прибл. числ. 155
-ǰа — сравн.-ограничительн. пад. 53
-ǰа — уменьш.-ласк. 101
-ǰаӡ — именн. словообр. 174
-ǰаӡаз — уменьш.-ласк. 102
-ǰаӡас — то же 102
-ǰаӡїз — неполнота признака прил. 119, 120
-ǰак — уменьш.-ласк. 100, 102
-ǰарак (-ǰа-рак) 114
-ǰах — именн. словообр. 102
-ǰӑз — уменьш.-ласк. 102
-ǰӧӈ — именн. словообр. 112
-ǰёк — уменьш.-ласк. 100
-ǰї — именн. словообр. 103
-ǰї — пор. числ. 145, 146
-ǰї — род. пад. 29
-ǰїӡаз — уменьш.-ласк. 102
-ǰїjаз — то же 102
-ǰїк — » » 23, 100
-ǰїк — именн. словообр. 102, 174
-ǰїк — неполнота признака прил. 119
-ǰїл — именн. словообр. 118
-ǰok — уменьш.-ласк. 100
-ǰуӡаз — то же 102
-ǰук — » » 100
-ǰут — именн. словообр. 104

з

-з — именн. словообр. 86
-за — местн. пад. 28, 39
-за — напр. » 28, 49
-зак — именн. словообр. 113
-зан — исх. пад. 44
-зар — мн. ч. 82
-зар — напр. пад. 44, 49
-зӑ — то же 49
-зї — вин. пад. 37
-зї — принадл. 3-го л. ед. ч. 73
-зї — род. пад. 29
-зїбан — неполнота признака прил. 117
-зїӡ — именн. словообр. 113
-зїк — то же 113
-зїмак — неполнота признака прил. 117
-зїмар — то же 117
-зїмӑр — » » 117
-зо — местн. пад. 39
-зон — исх. » 44
-зу — принадл. 3-го л. ед. ч. 73
-зумар — неполнота признака прил. 117

з′

-з′ӑ — именн. словообр. 103

ї

-ї — вин. пад. 32, 33, 37, 38, 39, 71
-ї — именн. словообр. 159, 166
-ї — принадл. 3-го л. ед. ч. 73, 74, 75, 79, 80, 81
-їа — собир. числ. 151, 152
-їбїз — принадл. 1-го л. ед. ч. 73
-їбїтїн (-їбїт-їн) 38
-їбрак (-їб-рак) 115
-ївчї (-їв-чї) 165
-їӡ — вин. пад. 37, 38, 39, 70
-їӡ — именн. словообр. 164, 165
-їӡ — род. пад. 30
-їӡїз — принадл. 2-го л. мн. ч. 73
-їӡїз — собир. числ. 153
-їӡїн (-їӡ-їн) 38
-їӡїтїн (-їӡїт-їн) 38
-їӡлї (-їӡ-лї) 164, 165
-їӡма (-їӡ-ма) 164
-їӡсак (-їӡсак) 164
-їӡчї (-їӡ-чї) 165
-їǰї (-ї-ǰї) 165
-їзак — именн. словообр. 113
-їj — принадл. 2-го л. ед. ч. 73
-їj — притяж. местоимение 135
-їjї — абстрактн. принадл. 97
-їjїз — принадл. 2-го л. мн. ч. 73
-їк — именн. словообр. 164, 172
-їк — притяж. местоимение 134
-їкїнїкї (-їкї-нїкї) 97
-їл — неполнота признака прил. 115
-їлан — собир. числ. 153
-їланч — пор. числ. 145, 149
-їлар (-ї-лар) 90
-їлдїj — неполнота признака прил. 115, 116
-їлдїр — то же 115, 116
-їлдїрїм — » » 115, 116
-їлдїрїн — » » 115
-їлǰїм — » » 116
-їлǰїр — » » 116
-їлт — » » 115, 116
-їлтїj — » » 115, 116
-їлтїм — » » 115, 116
-їлтїр — » » 115, 116
-їлтїрїм — » » 115, 116
-їм — именн. словообр. 172
-їм — принадл. 1-го л. ед. ч. 22, 23, 72, 74, 79
-їм — притяж. местоимение 134, 135
-їма (-їм-а) 44, 53, 70
-їмару (-їм-ару) 41, 44
-їмӡару (-їм-ӡару) 44
-їмдїк — неполнота признака прил. 117
-їмїз — принадл. 1-го л. мн. ч. 21, 73, 79
-їмǰї — пор. числ. 145
-їммїз — принадл. 1-го л. мн. ч. 74
-їмсак (-їм-сак) 113
-їмсах (-їм-сах) 113
-їмсї — неполнота признака прил. 117
-їмсїк — то же 117
-їмсоj — » » 117
-їмтїк — » » 116, 117
-їмтїл — » » 114, 116
-їмтїр — » » 116
-їмтїраӡ — » » 116
-їмтїрак — » » 116

-ӣмтраӈ — » » 116
-ӣмтрак — » » 116
-ӣмчӣ — пор. числ. 145, 149
-ӣн — именн. словообр. 173
-ӣн — принадл. 2-го л. ед. ч. 72
-ӣн — разд. числ. 155
-ӣн — род. пад. 29, 33
-ӣн — твор. (орудн.) пад. 28, 55, 57, 70
-ӣна (-ӣн-а) 36, 67
-ӣнӈа (-ӣн-ӈа) 33, 36
-ӣнда (-ӣн-да) 33, 35
-ӣндан (-ӣн-дан) 35
-ӣндӣ — именн. словообр. 150, 173
-ӣндӣ — неполнота признака прил. 117
-ӣндӣ — пор. числ. 150
-ӣндӣсӣ (-ӣндӣ-сӣ) 150
-ӣнӈ — именн. словообр. 161
-ӣнӣ (-ӣн-ӣ) 33, 38
-ӣнӣз — принадл. 2-го л. мн. ч. 73, 79
-ӣнӣш — пор. числ. 150
-ӣнкӣ — абстрактн. принадл. 97
-ӣнкӣлардан (-ӣнкӣ-лар-дан) 96
-ӣнтӣ — именн. словообр. 150, 173
-ӣнтӣ — неполнота признака прил. 117
-ӣнтӣл — то же 117
-ӣнтӣр — » » 117
-ӣнтӣрах — » » 117
-ӣнцӣ — пор. числ. 145
-ӣнч — то же 144, 145, 146, 147
-ӣнч — именн. словообр. 147, 148, 161
-ӣнчӣ — пор. числ. 144, 145, 146, 147, 149, 150
-ӣӈ — принадл. 2-го л. ед. ч. 72, 74, 79
-ӣӈ — род. пад. 29, 30, 31
-ӣӈалар (ӣӈ-а-лар) 76
-ӣӈар (-ӣӈ-ар) 74
-ӣӈӣз — принадл. 2-го л. мн. ч. 74
-ӣӈда (-ӣӈ-да) 25
-ӣӈдӣн (-ӣӈ-дӣн) 35, 45
-ӣӈӣз — принадл. 2-го л. мн. ч. 73, 79
-ӣӈӣз — собир. числ. 153
-ӣӈкӣ (-ӣӈ-кӣ) 96, 98
-ӣӈлар (-ӣӈ-лар) 74, 77
-ӣӈнар (-ӣӈ-нар) 74
-ӣӈча (-ӣӈ-ча) 35
-ӣр — именн. словообр. 170
-ӣрак — неполнота признака прил. 114, 115
-ӣрӑк — то же 114
-ӣрт — » » 119
-ӣс — пор. числ. 146
-ӣс — принадл. 1-го л. мн. ч. 73
-ӣсӣ (-ӣ-сӣ) 74, 75
-ӣт — именн. словообр. 173
-ӣч — неполнота признака прил. 119
-ӣш — то же 119
-ӣш — именн. словообр. 163, 164
-ӣшар — разд. числ. 154
-ӣшардан — то же 154
-ӣшӣшар — » » 154
-ӣшкӣ — пор. числ. 151

i

-ӥӧхӛ (?) 36, 37
-ӥгӱн — собир. числ. 153
-ӥлбӛзі — то же 152
-ӥмкі (-ӥм-кі) 97

j

-ја — дат. пад. 35, 36
-јӑн — род. » 29
-јӣ — вин. » 37
-јӣ — именн. словообр. 96, 97
-јӣ — род. пад. 29
-јӣз — принадл. 2-го л. мн. ч. 73
-јӣн — род. пад. 29
-ју — вин. » 37
-јук — именн. словообр. 172
-јун — род. пад. 29

k

-k — именн. словообр. 159, 172
-ka — дат. пад. 35, 36, 37, 48, 50, 66, 67
-kaj — уменьш.-ласк. 101
-kak — именн. словообр. 173
-калак (? -ку-ӛлӛк) 160
-кан — именн. словообр. 167, 168
-кан — уменьш.-ласк. 102
-кар — напр.-дат. пад. 47, 49
-карӣ — то же 47, 48, 51
-кару — » » 47, 48, 49, 51, 58
-кас — уменьш.-ласк. 101
-кач — то же 101
-кач — именн. словообр. 173
-кача — предельн. пад. 55
-каш — уменьш.-ласк. 101
-кӑ — дат. пад. 35, 36
-кӑру — напр.-дат. пад. 47
-кӣ — именн. словообр. 37, 96, 97, 98
-кӣ — пор. числ. 151
-кӣдӣ — напр.-дат. пад. 49
-кӣл — именн. словообр. 113
-кӣлтӣм — неполнота признака прил. 115
-кӣн — именн. словообр. 168, 173
-кӣна — уменьш.-ласк. 100, 101
-кӣр — интенсив 121
-кӣр — именн. словообр. 113
-кӣч — то же 173
-ко — дат. пад. 35
-ку — именн. словообр. 96, 97
-ку — пор. числ. 151
-куду — напр.-дат. пад. 49
-кул — именн. словообр. 113
-кун — то же 168, 173
-кур — » » 171, 172
-куч — » » 173

к

-кӛјкана (-кӛј-кана) 100
-кӛнӛ — уменьш.-ласк. 100, 101

л

-л — именн. словообр. 10
-ла — глаг. словообр. 9, 21, 57, 106
-ла — местн. пад. 39, 40
-ла — мн. ч. 27, 82
-ла — твор. пад. 55, 56, 57
-ла — частн. » 57
-лав — неполнота признака прил. 119
-лаӈ — именн. словообр. 103, 106
-лаӈан — прибл. числ. 155, 156
-лај — мн. ч. 82
-лај — упод. 58, 59
-лајӣн — то же, 58, 59
-лају — » » 58, 59
-лак — именн. словообр. 103, 106, 112
-лак — собир. 95, 106
-лак — уменьш.-ласк. 102
-ламјӣ — пор. числ. 145
-ламчӣ — то же 145
-лан — исх. пад. 44

-лан — собир. числ. 153
-ланǰї — пор. числ. 145, 149
-ланч — то же 145, 149
-ланчї — » » 145, 149
-лап — прибл. числ. 156
-лар — мн. ч. 21, 22, 23, 27, 40, 77, 82, 83, 84, 86, 90, 91, 92, 93, 94, 95
-лар — разд. числ. 154
-ларї (-лар-ї) 89
-ларїʁар (-лар-ї-ʁар) 48
-ларїн (-лар-їн) 38
-ларла (-лар-ла) 156
-ларлар (-лар-лар) 26, 91
-ларча (-лар-ча) 54
-лас — именн. словообр. 113
-лах — то же 104, 112
-лач — » » 113
-лашїп — собир. числ. 152
-лӑ — глаг. словообр. 57
-лӑʁар — сравн. пад. 57
-лӑр — мн. ч. 82
-лбӛзі — собир. числ. 152
-лʁа — именн. словообр. 10
-лда — то же 10
-лї — » » 99, 109, 110, 111, 112
-лї — род. пад. 29
-лїʁ — именн. словообр. 57, 99, 103, 104, 105, 109, 110, 111
-лїʁан — прибл. числ. 155, 156
-лїк — именн. словообр. 99, 103, 104, 105, 109, 110, 111
-лїр — мн. ч. 82
-лїх — собир. 95
-лїн — совм. пад. 57
-лізї (?) 57
-ло — местн. пад. 39
-ло — твор. » 55, 56
-ло — частн. » 57
-лон — исх. » 44
-лоң — именн. словообр. 10
-лор — мн. ч. 82
-лӧʁор — сравн. пад. 57
-лу — именн. словообр. 99, 110
-луʁ — то же 99, 103, 104, 105, 109
-лук — » » 103, 104, 105, 111
-лурах (-лу-рах) 114
-лух — собир. 95
-лӱн — совм. пад. 57

м

-м — личн. 1-го л. ед. ч. 76
-м — именн. словообр. 9
-м — неполнота признака прил. 117
-м — принадл. 1-го л. ед. ч. 22, 72
-ма — именн. словообр. 23, 50, 162, 163
-ма — личн. 1-го л. ед. ч. 76
-ма — отрицание 11, 21, 24
-ма — твор. пад. 55, 56
-маʁ — именн. словообр. 161
-маǰ — то же 108
-мак — » » 37, 50, 66, 161, 162, 163
-мак — неполнота признака прил. 119
-макта (-мак-та) 66, 162
-макчї (-мак-чї) 162
-мал — именн. словообр. 10
-мал — неполнота признака прил. 119
-малї — именн. словообр. 163
-ман — то же 108, 113
-ман — твор. пад. 55, 56
-манан — то же 55, 56
-маң — » » 55, 56
-мар — именн. словообр. 113
-мах — то же 162
-мач — » » 108, 173
-мʁїлар (-м-ʁї-лар) 96
-мдїх — неполнота признака прил. 117
-мӗш(ӗ) — пор. числ. 149, 150
-мǰї — то же 145, 149
-мǰу — » » 145
-мї — вин. пад. 37
-мї — род. » 29
-мї (-м-ї) 38
-мїз — принадл. 1-го л. мн. ч. 73
-мїк — именн. словообр. 108
-мїк — неполнота признака прил. 119
-мїла — твор. пад. 55, 56
-мїнаң — то же 55, 56
-мїнǰї — пор. числ. 145, 146
-мїт — принадл. 1-го л. мн. ч. 73
-мїш — именн. словообр. 168, 169
-мла (-м-ла) 75, 90
-млар (-м-лар) 75, 76, 90
-мнар (-м-нар) 76
-мса — неполнота признака прил. 117
-мсї — именн. словообр. 117, 118
-мтїк — неполнота признака прил. 116, 117
-мтїл — то же 116, 117
-мтїр — » » 116
-мтїраʁ — » » 116
-мтїрак — » » 116
-мту — » » 116
-мтул — » » 116
-мук — » » 119
-мук — именн. словообр. 108
-мус — неполнота признака прил. 119
-мут — принадл. 1-го л. мн. ч. 73
-муш — неполнота признака прил. 119
-мчї — пор. числ. 145
-мчу — то же 145

н

-н — именн. словообр. 172
-н — род. пад. 29
-н — твор. » 55
-на — вин. » 37
-на — дат. пад. 28, 35, 36
-на — местн. » 28, 39
-на — мн. ч. 82
-на — частн. пад. 57
-наǰ — исх. » 44
-нан — то же 44, 68
-нан — разд. числ. 155
-нан — твор. (орудн.) пад. 28, 55, 56
-наң — то же 55, 56
-наң — исх. пад. 44, 46, 59, 68, 69, 70
-наң — разд. числ. 155
-наңӑр — исх.-начинательн. пад. 58, 59
-нап — прибл.-разд. числит. 156
-нар — мн. ч. 82, 90
-нарїң (-нар-їң) 74
-нӑʁар — сравн. пад. 57
-нӑʁї (-нӑ-ʁї) 98
-нӑн — род. » 29
-нӛбӛ (-нӛ-пӛ) 25
-нӛрӛн (-нӛ-рӛн) 25
-нді — пор. числ. 146, 150, 151
-нї — вин. пад. 28, 32, 33, 37, 38, 63, 66, 71
-нї — род. » 28, 29, 30
-нїк — именн. словообр. 105
-нїкї — абстрактн. принадл. 97, 98
-нїн — род. пад. 29, 33
-нїнкї — абстрактн. принадл. 97

-нїң — род. пад. 25, 29, 30, 31, 35, 63
-нїн — совм. » 57
-но — местн. » 39
-но — частн. » 57
-ном — исх. » 44
-нон — разд. числ. 155
-нон — твор. (орудн.) пад. 56
-ноң — исх. пад. 44
-нор — мн. ч. 82
-ну — вин. пад. 28, 37, 71
-ну — род. » 28, 29, 30
-нук — именн. словообр. 105
-нун — род. пад. 29
-нуң — то же 29
-нуңу — неполнота признака прил. 119
-нӱн — совм. пад. 57
-нтї — пор. числ. 146, 150, 151
-нчї— то же 144, 145, 146, 147, 148, 149, 150
-нч — именн. словообр. 147, 161
-нчї — пор. числ. 144, 145, 146, 147, 148, 149, 150
-нчїсї (-нчї-сї) 149

ң

-ң — принадл. 2-го л. ед. ч. 60, 72, 74, 76, 79
-ңа — дат. пад. 35
-ңїз — принадл. 2-го л. мн. ч. 73
-ңлар (-ң-лар) 74, 75

о

-о — дат. пад. 70
-ов — собир. числ. 151, 152
-ок — уменьш.-ласк. 101
-ок — частица 26, 52
-оланң — собир. числ. 153
-он — мн. ч. 88, 89
-оттон (-от-тон) 44, 45
-ош — уменьш.-ласк. 101

ō

-ō — собир. числ. 151
-ōл — именн. словообр. 10

п

-п — деепр. 19, 25
-па — именн. словообр. 163
-па — твор. пад. 55, 56
-пак — именн. словообр. 162
-пала — твор. пад. 55, 56
-палан — то же 55, 56
-пан — » » 55, 56
-панан — » » 55, 56
-пї — вин. пад. 37, 38
-пї — род. » 29
-пїла — твор. » 55, 56
-пїнаң — то же 55, 56
-пїт — принадл. 1-го л. мн. ч. 79

р

-р — именн. словообр. 170
-ра — местн. пад. 39, 40
-раӡ — неполнота признака прил. 114
-рак — то же 114, 115
-ракка (-рак-ка) 115
-ран — исх. пад. 44, 68
-ранба (-ран-ба) 25
-рар — мн. ч. 82
-рāк — неполнота признака прил. 114
-рї — вин. пад. 37
-рї — принадл. 3-го л. ед. ч. 90
-рї — род. пад. 29
-ру — принадл. 3-го л. ед. ч. 90

с

-с — принадл. 3-го л. ед. ч. 74
-са — местн. пад. 39
-са — напр. » 49
-сав — неполнота признака прил. 119
-сак — именн. словообр. 108, 113
-сал — то же 113
-сам — мн. ч. 85
-сан — исх. пад. 44
-сар — мн. ч. 82
-сар — напр. пад. 49
-сарак (-са-рак) 117
-сах — именн. словообр. 108
-сā — напр. пад. 44, 49
-сăр — то же 49
-сāр — именн. словообр. 59, 99
-сӛм — мн. ч. 22, 82, 85, 91
-сӛн — то же 85
-сӗн — » » 85
-сї — вин. пад. 37
-сї — именн. словообр. 118
-сї —неполнота признака прил. 118
-сї — принадл. 3-го л. ед. ч. 23, 60, 73, 74, 75, 78, 79, 80, 81, 89
-сї — род. пад. 29
-сї — собир. числ. 79
-сїар — неполнота признака прил. 119
-сїв — то же 119
-сїӡ — именн. словообр. 113
-сїӡ — упод. 59
-сїз — именн. словообр. 59, 99, 109
-сїзлїк (-сїз-лїк) 99, 104
-сїл — именн. словообр. 118
-сїл — неполнота признака прил. 119
-сїлдїм — то же 119
-сїмак — » » 117
-сїмак — уменьш.-ласк. 102
-сїмал — неполнота признака прил. 117
-сїман — то же 117, 118
-сїмар — » » 117
-сїнїз — личн. 2-го л. мн. ч. 21, 87
-сїңїз — то же 95
-сїрак (-сї-рак) 118
-сїсї (-сї-сї) 74
-сїт — именн. словообр. 104
-сізгіна (-сіз-гіна) 100
-со — местн. пад. 39
-сов — неполнота признака прил. 119
-сој — то же 119
-сон — исх. пад. 44
-су — неполнота признака прил. 118
-су — принадл. 3-го л. ед. ч. 73, 75, 79, 80, 81
-сув — неполнота признака прил. 118
-суӡ — именн. словообр. 113
-суз — то же 59, 99
-сул — неполнота признака прил. 119
-сулдум — то же 119
-сумак — » » 117
-суман — » » 117
-сут — именн. словообр. 104

т

-т — именн. словообр. 173
-та — исх. пад. 47, 58, 66
-та — местн. пад. 39, 40, 70
-та — неполнота признака прил. 119
-та — принадл. 3-го л. ед. ч. 73, 74
-та — частн. пад. 57
-та — штучн. числ. 158
-таӈан — прибл. числ. 155
-тадан (-та-дан) 155
-таj — исх. пад. 44
-таj — уменьш.-ласк. 102
-так — именн. словообр. 106
-тан — исх. пад. 34, 44, 45, 46, 47, 58, 68, 69, 70
-тан — разд. числ. 155
-танба (-тан-ба) 25
-танбїла (-тан-бїла) 25
-таӈ — исх. пад. 44, 59, 65, 68, 69
-таӈ — твор. » 55
-таӈар — исх.-начинательн. пад. 58, 59
-тап — прибл.-разд. числ. 156
-тар — мн. ч. 82, 91
-тарїӈ (-тар-їӈ) 74
-тас — именн. словообр. 106
-тача (-та-ча) 155
-таш — именн. словообр. 106
-таӡар — сравн. пад. 57, 58
-таӡї — именн. словообр. 57
-тар — мн. ч. 82
-тах — именн. словообр. 112
-тӟгӟj — сравн. пад. 57
-тї — вин. » 37, 38
-тї — род. » 29
-тїва — напр. » 49
-тїӡ — сравн. » 58
-тїj — то же 58
-тїк — именн. словообр. 104, 105
-тїкї — абстрактн. принадл. 97
-тїн — именн. словообр. 26, 109, 112
-тїн — исх. пад. 28, 44, 46, 47, 68
-тїн — род. » 28, 29
-тїнкї (-тїн-кї) 98
-тїӈ — род. пад. 29
-тїӈї — неполнота признака прил. 119
-тїр — побудительн. залог. 21
-тїн — совм. пад. 57
-тлар (-т-лар) 26, 88
-то — местн. пад. 39
-то — частн. » 57
-тон — исх. » 44
-тоӈ — то же 68
-тор — мн. ч. 82
-торук — именн. словообр. 107
-тӧӡор — сравн. пад. 57
-ттан — исх. » 34, 44, 45
-ттон — то же 34, 44, 45
-ту — вин. пад. 37
-тува — напр. 44, 49
-туj — сравн. 58
-тун — именн. словообр. 26, 112
-тун — исх. пад. 44
-тун — род. 29
-туӈ — то же 29
-туӈу — неполнота признака прил. 119
-турук — именн. словообр. 103, 107, 108

у

-у — вин. пад. 37
-у — именн. словообр. 165, 166
-у — принадл. 3-го л. ед. ч. 73, 75
-убуз — » 1-го » мн. » 73
-ув — именн. словообр. 165
-ув — принадл. 2-го л. ед. ч. 73
-ув — притяж. местоимение 135
-увуз — принадл. 2-го л. мн. ч. 73
-увус — то же 73
-увчї (-ув-чї) 165
-уӡ — вин. пад. 38, 70
-уӡ — именн. словообр. 164, 165
-уӡуз — принадл. 2-го л. мн. ч. 73
-уjуз — то же 73
-ук — именн. словообр. 164, 172
-ул — то же 116
-ул — неполнота признака прил. 115
-уланǰї — пор. числ. 145
-уланч — то же 145
-уланчї — » » 145
-улдуj — неполнота признака прил. 115
-улдум — то же 115
-улдур — » » 115
-улдурум — » » 115
-улǰум — » » 116
-улǰур — » » 116
-улт — » » 115
-ултуj — » » 115
-ултум — » » 115
-ултур — » » 115
-ултурум — » » 115
-ум — именн. словообр. 172
-ум — принадл. 1-го л. ед. ч. 72
-ума (-ум-а) 44
-умǰу — пор. числ. 145
-умсоj (-ум-соj) 117
-умтул — неполнота признака прил. 116
-умуз — принадл. 1-го л. мн. ч. 73
-умчу — пор. числ. 145
-ун — именн. словообр. 173
-ун — принадл. 2-го л. ед. ч. 72
-ун — твор. (орудн.) пад. 55, 70
-унǰ — именн. словообр. 161
-унǰї — пор. числ. 145
-унуз — принадл. 2-го л. мн. ч. 73
-унч — именн. словообр. 147, 161
-унч — пор. числ. 145
-унчу — то же 145
-уӈ — принадл. 2-го л. ед. ч. 72
-уӈ — род. пад. 29
-уӈуз — принадл. 2-го л. мн. ч. 73
-уо — собир. числ. 151, 152
-уон — то же 153
-ур — именн. словообр. 170
-урак — неполнота признака прил. 114
-урāк — то же 114
-ут — именн. словообр. 173
-уч — неполнота признака прил. 119
-учїрак (-уч-їрак) 117
-уш — именн. словообр. 163, 164
-уш — неполнота признака прил. 119
-ушар — разд. числ. 154

ӯ

-ӯ — собир. числ. 151

ӱ

-ӱj — притяж. местоимение 135
-ӱлбӟзі — собир. числ. 152

х

-ха — дат. пад. 35, 36
-хадїӡ (? -ӡу-дїӡ) 161
-хан — именн. словообр. 168

-*хā* — дат. пад. 35, 36
-*хї* — вин. » 37
-*хї* — именн. словообр. 97
-*хї* — род. пад. 29
-*хо* — дат. » 35

ц

-*ца* — именн. словообр. 112
-*ца* — мест. пад. 39
-*ца* — напр. » 53
-*ца* — прибл. числ. 53, 155
-*ца* — сравн.-ограничительн. пад. 53
-*ца* — уменьш.-ласк. 101
-*цаҕаш (-цаҕ-аш)* 102
-*цаҕїз* — неполнота признака прил. 119, 120
-*цаҕїна (-ца-ҕїна)* 102
-*цак* — именн. словообр. 174
-*цак* — уменьш.-ласк. 100
-*цака* — прибл. числ. 155
-*цаккїна (-цак-кїна)* 102
-*цан* — именн. словообр. 112, 113
-*цаң* — то же 112, 113
-*цах* — уменьш.-ласк. 100
-*цаз* — то же 102
-*цāн* — » » 102
-*цї* — вин. пад. 37
-*цї* — именн. словообр. 9, 103, 104, 105
-*цї* — род. пад. 29
-*цїҕаз* — уменьш.-ласк. 86
-*цїҕаш (-цїҕ-аш)* 102
-*цїк* — именн. словообр. 174
-*цїк* — неполнота признака прил. 119, 120
-*цїк* — уменьш.-ласк. 100
-*цїл* — именн. словообр. 106, 118, 119
-*цїл* — неполнота признака прил. 118
-*цїлїк (-цї-лїк)* 105
-*цїлрак (-цїл-рак)* 117
-*цїлт* — неполнота признака прил. 118
-*цїлтїм* — то же 118
-*цїн* — именн. словообр. 104
-*цїт* — то же 104
-*чу* — » » 103, 104
-*чул* — » » 106, 118, 119
-*чул* — неполнота признака прил. 118
-*чулдук (-чул-дук)* 106
-*ччэ* — прибл. числ. 155
-*ччэкэ* — то же 155
-*ччэн* — предельно-достигательн. пад. 59

ш

-*ш* — именн. словообр. 163, 164
-*ш* — принадл. 3-го л. ед. ч. 73
-*ш* — совм. залог 21
-*ша* — именн. словообр. 102
-*ша* — неполнота признака прил. 119, 120
-*шак* — уменьш.-ласк. 100
-*шан* — именн. словообр. 112, 113
-*шаң* — то же 112, 113
-*шар* — разд. числ. 154, 155
-*шарлап (-шар-лап)* 156
-*шăн* — причинно-целевой пад. 59
-*шё* — принадл. 3-го л. ед. ч. 73
-*шї* — вин. пад. 37, 38
-*шї* — именн. словообр. 103
-*шї* — род. пад. 29
-*шїк* — уменьш.-ласк. 100
-*шїл* — именн. словообр. 106
-*шїл* — неполнота признака прил. 114, 118
-*шїлдїк (-шїл-дїк)* 106
-*шїлїк (-шї-лїк)* 105
-*шїлт* — неполнота признака прил. 118
-*шїлтїм* — то же 118
-*шїн* — » » 119
-*шкї* — пор. числ. 151
-*шку* — то же 151
-*шук* — уменьш.-ласк. 100
-*шул* — именн. словообр. 106

h

-*hĭв* — неполнота признака прил. 119

ОГЛАВЛЕНИЕ

Стр.

Предисловие 3
Сокращения 5
Введение 9

О тюрко-монголо-тунгусских связях в морфологии 9
Морфологические единицы 14

Элементарные морфологические единицы и способы выражения грамматических значений 14
Комплексные морфологические единицы, их структура и распределение 20
Сравнительная морфология и этимологический анализ аффиксальных морфем 26

Глава I. Формы словоизменения имени 29

Раздел 1. Формы падежа 29
Раздел 2. Формы принадлежности 72
Раздел 3. Формы числа 82

О формах сказуемости 95

Глава II. Формы словообразования имени 96

Промежуточные морфологические образования 96
Словообразовательные разряды имени 103
Собственно имена 103

Раздел 1. Существительное 103
Раздел 2. Прилагательное 108
Раздел 3. Местоимение 122

Личные местоимения 124
Указательные местоимения 127
Вопросительные местоимения 132
Выделительные местоимения 133
Притяжательные местоимения 134
Неопределенные местоимения 135
Отрицательные местоимения 137
Определительные местоимения 137
Относительные местоимения 138
К вопросу о прономинализации 138

Раздел 4. Числительное 138

Количественные числительные 138
Порядковые числительные 144
Собирательные числительные 151
Разделительные числительные 154

Приблизительные числительные 155
Дробные числительные 156
Штучные числительные 158
Нумеративы 158

Имена действия 158

Раздел 1. Субстантивные имена действия 159
Раздел 2. Причастия 166

Приложение 175

Список реконструируемых праформ 175
Именной указатель 177
Указатель аффиксов тюркских языков, рассматриваемых или упоминаемых в работе 182

Александр Михайлович Щербак

ОЧЕРКИ ПО СРАВНИТЕЛЬНОЙ МОРФОЛОГИИ
ТЮРКСКИХ ЯЗЫКОВ.
(ИМЯ)

Утверждено к печати
Институтом языкознания АН СССР

Редактор издательства *А. А. Зырин*
Художник *Г. В. Смирнов*
Технический редактор *Г. А. Смирнова*
Корректоры *Ж. Д. Андронова, Р. Г. Гершинская* и *А. И. Кац*

Сдано в набор 21/XII 1976 г. Подписано к печати 29/IX 1977 г. Формат 70×103¹/₁₆. Бумага № 1.
Печ. л. 12 = 16.80 усл. печ. л. Уч.-изд. л. 18.65. Изд. № 6372. Тип. зак. № 1796. М-24235. Тираж 1900.
Цена 1 р. 90 к.

Ленинградское отделение издательства «Наука»
199164, Ленинград, В-164, Менделеевская линия, д. 1

1-я тип. издательства «Наука»
199034, Ленинград, В-34, 9 линия, д. 12